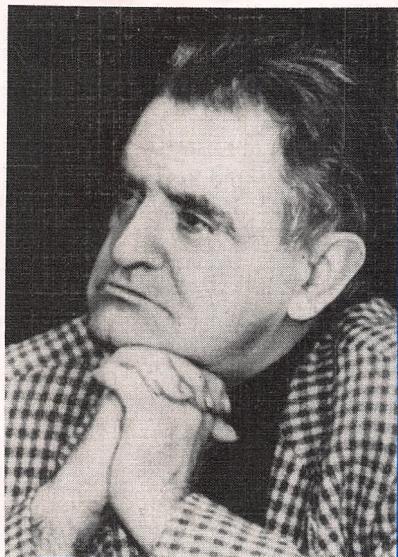

КОНТИНЕНТ

1999

КОНТИНЕНТ KONTINENS KONTYNENT CONTINENT KONTINENT
КАНТИНЕНТ KONTINENTAS KONTINENTS MANDER КОНТИНЕНТ

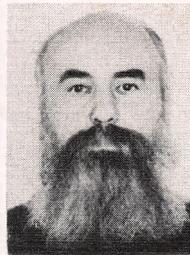
№99

Фазилю
Искандеру –
70

- Что, что? – не понял
я. – Убили? Акопа?
Акопа – убили? Акопа
Джагубяна? Но зачем?
- Именно это я хотел бы
узнать у Вас.
И тут до меня дошло
всё, что он сказал...

Юрий Малецкий

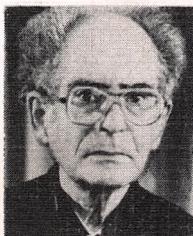

Призываюсь, что в своей
жизни я не читал ничего
по существу более анти-
церковного и антихристи-
анского. Итак, согласно
протоиерою В. Асмусу,
получается, что когда
Христос основал Свою
Церковь, Он породил
“хаос становления”...

Игумен Иннокентий

Наше дело – идти по
выбранной дороге, но
не хулить чужие дороги.
Они расходятся в доли-
нах, а наверху сходятся
и совершенно сливают-
ся там, где время ста-
новится вечностью...

Григорий Померанц

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ В НОМЕРЕ:

Стихи: Евгения Блажеевского и Юрия Кублановского.

Статьи и очерки: Евгения Верещагина, Михаила Копелиовича, Наума Коржавина,
Виктора Тополянского

Пробный выпуск "ХРОНИКИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ"
(январь 1999)

Очередной выпуск раздела "БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СЛУЖБА "КОНТИНЕНТА"

ЧИТАТЕЛЬ!

Вы держите в руках журнал, который был основан в 1974 г. в Париже Вл. Максимовым и за 17 лет своего зарубежного существования приобрел мировую славу как ведущий орган вольного русского слова, противостоявший идеологической экспансии коммунистического тоталитаризма.

После крушения коммунизма, когда задача духовного сопротивления ему утратила свой актуальный смысл, Максимов передал журнал новой редакции в Москву, и новый «Континент», сохранив преемственность с прежним, стал в ряд отечественных периодических журналов.

Как видим мы себя в этом ряду, что отличает «Континент» от других «толстых» журналов?

Во-первых, «Континент» выходит 4 раза в год и не печатает прозу с продолжением. Поэтому каждый его номер делается как вполне самостоятельная «книга для чтения», в которой мы стремимся к тому же всегда представить достаточно разнообразные по художественным манерам тексты, отражающие главные тенденции литературного процесса. Журнал открыт для молодых талантов, но читатель всегда, в любом номере, встречается в нем и с самыми известными писателями сегодняшней России.

Во-вторых, ни в одном журнале нет столь объемных и столь разнообразных публицистических рубрик, где обсуждаются самые острые проблемы современной российской и мировой жизни. При этом, печатая из номера в номер большие тематические подборки, мы всегда стараемся представить в них разные точки зрения. «Континент» стал сегодня, можно сказать, своего рода постоянным форумом такого рода дискуссий, в которых участвуют самые видные авторы России и Запада.

В-третьих, мы регулярно печатаем раздел БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СЛУЖБА «КОНТИНЕНТА», не имеющий аналогов в других журналах: в каждом номере — подробный аннотационный обзор прозы и критики в русской периодике за предыдущий квартал, а раз в полгода — религиозно-философской и культурологической мысли. Это дает читателю уникальную возможность надежно ориентироваться в современном культурном процессе.

И в-четвертых, журнал постоянно и широко знакомит своих читателей с творчеством выдающихся деятелей современной зарубежной (в том числе и русской) культуры, значительно превосходя в этом отношении почти все другие общелитературные «толстые» российские издания.

Что представляет собою «Континент», осознающий себя традиционным для России «журналом с направлением», по своим ценностным позициям? Ваш ли это журнал?

Мы могли бы ответить на это примерно так:

— Если Вы противостоите всякой угрозе коммунистического реванша, но отнюдь не приемлете и торжествующий беспредел современной рос-

κ

Редакция «Континента»
благодарит за финансовую поддержку журнала
эстонского предпринимателя Инвара Альта
и институт «Открытое общество» (фонд Сороса),
который из общего тиража каждого номера
выкупает и безвозмездно направляет
в библиотеки России и ряда стран СНГ
1800 экземпляров журнала

КОНТИНЕНТ

*Литературный, публицистический
и религиозный журнал*

Выходит 4 раза в год

99

1999, № 1
январь — март

ПАРИЖ • МОСКВА

КОНТИНЕНТ – CONTINENT

**Журнал основан в 1974 году в Париже
писателем Владимиром МАКСИМОВЫМ**

**Журнал зарегистрирован в Комитете Российской Федерации по печати.
Свидетельство о регистрации № 014255**

Учредитель -- И.И. Виноградов

Издатель:

**АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«НЕЗАВИСИМАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «КОНТИНЕНТ»»**

Почтовый адрес редакции: 119136, Москва, а/я 69

E-mail: dzir1@cityline.ru (Москва)

E-mail: continent@home.com (США)

Контактные телефоны редакции:

(095) 201-57-41, 240-84-86

Internet: <http://www.members.home.net/continent>

**Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются,
и в переписку по этому вопросу редакция не вступает**

**При перепечатке наших материалов ссылка на «Континент»
обязательна**

**Авторы несут ответственность за достоверность
приводимых ими фактов и цитат**

Главный редактор
Игорь ВИНОГРАДОВ

Редакционная коллегия:

Сергей АВЕРИНЦЕВ
Василий АКСЕНОВ
Виктор АСТАФЬЕВ
Ценко БАРЕВ
Александр БЛОК
Армандо ВАЛЬЯДАРЕС
Галина ВЕЛИКОВСКАЯ
Галина ВИШНЕВСКАЯ
Георгий ВЛАДИМОВ
Ежи ГЕДРОЙЦ
Густав ГЕРЛИНГ-
ГРУДЗИНСКИЙ
Пауль ГОМА
Алла ДЕМИДОВА
Ион ДРУЦЭ
Евгений ЕРМОЛИН
Андрей ЗУБОВ
Вячеслав ИВАНОВ

Фазиль ИСКАНДЕР
Оливье КЛЕМАН
Роберт КОНКВЕСТ
Наум КОРЖАВИН
Яков КРОТОВ
Эдуард КУЗНЕЦОВ
Александр КЫРЛЕЖЕВ
Николаус ЛОБКОВИЦ
Эдуард ЛОЗАНСКИЙ
Эрнст НЕИЗВЕСТНЫЙ
Жорж НИВА
Амос ОЗ
Мишель ОКУТЮРЬЕ
Ярослав ПЕЛЕНСКИЙ
Лариса ПИЯШЕВА
Виктор СПАРРЕ
Юлиу ЭДЛИС
Сергей ЮРСКИЙ

Представители «Континента»

Болгария	Наталия ЕРМЕНКОВА «Интербалканка», ул. Карнеги, 11 1000 СОФИЯ, БОЛГАРИЯ т/ф (359-2) 919-87, 963-42-49
Германия	Юлия АРОНС Kaltenhoferstraße 2, 86154 AUGSBURG, BRD т/ф (821) 42-26-58
Израиль	Юлия ЭЙДЕЛЬМАН Hashafim 22 64365 TEL-AVIV, ISRAEL т/ф (03) 69-67-375
Италия	Джулия ФИЛИППЕЛИ Via Olmetto, 5 20100 MILANO, ITALIA т/ф (02) 29-00-88-87
Канада	Ольга БУТЕНКО 1221, Boul. Rene Levesque SILLERY QC G1S1V8, CANADA т/ф /fax (418) 688-1221
США	Марина АДАМОВИЧ 217 4th ave. GARWOOD, N.J. 07027 USA т/ф (908) 789-59-42
	Эдуард ЛОЗАНСКИЙ 1800 Connecticut ave., N.W. WASHINGTON, D.C. 20009 USA т/ф (202) 986-6010, fax (202) 667-4244
Франция	Татьяна МАКСИМОВА 5 rue Chalgrin, 75116 PARIS, FRANCE т/ф (1) 45-00-67-56
Швейцария	Нелли ЗЕДГИНИДЗЕ 25 Malagnou 1208 GENEVE, SUISSE т/ф (22) 736-40-69
Латвия, Литва, Эстония	Леон Габриэль ТАЙВАН Raina bulv., 19 LV 1586, RIGA, LATVIA т/ф (3712) 234-145

СОДЕРЖАНИЕ

Фазиль ИСКАНДЕР

Три стихотворения 9

Юрий МАЛЕЦКИЙ

Проза поэта. *Роман-заязка?* 13

Евгений БЛАЖЕЕВСКИЙ

Монолог. *Стихи* 176

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ

Осень патриарха. *Стихи* 181

РОССИЯ

От редакции 186

Хроника общественно-политической жизни России

(Январь 1999 г. Пробный выпуск) 187

Наум КОРЖАВИН

Дети идеократии — при идее и после 197

ФАКТЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВА, ДОКУМЕНТЫ

Виктор ТОПОЛЯНСКИЙ

Грубой жизнью оглушенный...

(Письмо В.Ф. Ходасевича А.Б. Каменеву) 217

РЕЛИГИЯ

От редакции 220

Игумен ИННОКЕНТИЙ (ПАВЛОВ)

Язычествующие. Об одной антицерковной идеологии 222

Евгений ВЕРЕЩАГИН

Хотя и скрытая, но всё же полная и счастливая жизнь!

Из воспоминаний о проф. А.Ч. Козаржевском
и о доперестроечной церковной жизни в Москве 233

ГНОЗИС

Григорий ПОМЕРАНЦ	
Два эссе	261

ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ

Михаил КОПЕЛИОВИЧ	
Групповой портрет с Окуджавой	
(Ко второй годовщине со дня смерти поэта-барда)	273

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СЛУЖБА «КОНТИНЕНТА»	293
--	-----

РАЗНОЕ

К читателям «Континента»	331
Подписка на журнал «Континент»	333
В ближайших номерах журнала.	334

Поздравляем!

Редакция журнала «Континент» сердечно поздравляет выдающегося писателя XX века, давнего, еще с максимовских времен, члена редколлегии «Континента», постоянного автора журнала и нашего большого друга Фазиля Искандера с недавно исполнившимся 70-летием. Желаем Вам, дорогой Фазиль Абдулович, чтобы все те, надеемся, долгие годы жизни, которые отпущены Вам Богом, не отняли Вас незддоровьем и прошли в душевной бодрости, радости и в новых свершениях Вашего могучего творческого духа.

Фазиль ИСКАНДЕР

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

Монолог старого физика

Склероз бывает благородный,
Душе таинственно угодный.
Забылась, слава Богу, каста.
Мой мозг, и это не секрет,
Освободился от балласта
Всех баллистических ракет.
Я не находка для шпиона,
Скорей подпорка для пиона.
Не помню меры своей лепты:
Все формулы ушли в рецепты.
Да, в наше время всякий физик
Был в дамском обществе маркизик...
Как там? Де Сад? Или Садко?
Чтобы ходить недалеко.
Сейчас в науке рубят суху,
На коеи двигали науку.
Науку опустили в люк.
Должно быть, бериевский трюк.

**Фазиль
ИСКАНДЕР**

— родился в 1929 году в г. Сухуми. Окончил Литературный институт (1954). Автор многих книг поэзии и прозы, романа «Сандро из Чегема». Лауреат нескольких отечественных и зарубежных премий. Член редколлегии и постоянный автор «Континента». Живет в Москве.

К чертям! Податься бы на юг!
Но некуда. По слухам, балты
Отгородились вплоть до Ялты.
Нельзя сказать народу: — Мал ты! —
Но и нельзя сказать: — Велик ты! —
Всё это, знаете, реликты.
Народ отнюдь не богоносец.
Ему вредна такая лесть.
Другое дело — богопросец —
Такому и окажем честь.
Но актуальнее сейчас
«Критическая масса» масс.
Народ не радует реформа
Без ясной формулы прокорма.
Хранят ее какие сейфы?
Напрасно дразните гусей вы!

Пейзаж России после битвы,
Хотя снега не замели,
Понять возможно, если кит вы
Или китиха на мели.
А что же, если вы не кит?
Просить у Запада кредит?
Или с дистанции ума
Сойти, но не сойти с ума?
Всё это значит — сильный ум
Устал быть пулею дум-дум.
...Да, видел на экране Думу,
Как бы умов народных сумму.
Но Менделеева таблица
Лишь одному могла присниться.
Вот ключик к этому замочку:
Всяк думающий — одиничка.
Стал забывать среди людей
Сначала имена вождей.
Потом начальников своих.
Как звать его? как их?
Иван Иваныч или как там?
А ведь встречались позже как-то.
Он всё переходил на спич
И зажигался, словно спичка
Он был начальник-невеличка

Ну, как его? Иван Ильич?
А может быть, Илья Иваныч?
Мне вредно напрягаться на ночь.
Был в наше время в моде Беккет.
Теперь другой. Какой-то Рэкет
В любом киоске, говорят.
Опасный автор для ребят.
Сулят такие тиражи
Неслыханные мятежи!

Любовь и дисциплина

Средь споров мировых и схваток
Себя вдруг спросишь: — Назови
На чем стоит миропорядок?
На дисциплине? На любви?

Но здесь от страха гнутся спины
Или кнуту не прекословы!
Где мощный мускул дисциплины,
Там изгоняется любовь.

Сойдись любовь и дисциплина,
Создай порядок и покой!
Где золотая середина?
Нет середины никакой!

Меж дисциплиной и любовью,
Который год, который век,
Порой отхаркиваясь кровью,
Метаться будет человек?

И лишь пророки-исполины
Напоминают вновь и вновь,
Что жизнь без всякой дисциплины
Дисциплинирует любовь.

* * *

Разумному нужна опека,
Но есть и в здравости надлом.
Весть о страданье человека,
Порой нас обдает с разбега,
Как бы смущающим теплом.

Не говори: — Вы все за гранью, —
И отшатнуться не спеши.
Нас подымает не страданье,
Но сила страждущей души,

Там ищем мы до исступленья,
В глухой, невидимой борьбе,
Возможности сопротивленья,
Тебе, убийца-век, тебе!

ПРОЗА ПОЭТА

Роман-заязка?

«Мама, как мне жаль лошадей за то,
что они не могут ковырять в носу!»

К. Чуковский. «От двух до пяти»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

А я мальчик на чужбине —
Далеко от людей.

Народная песня
«На дальней стороне»

1. Начало

— Да-да, Вы же профессиональный психолог. В таком случае Вы со мной поговорили достаточно. Для того, разумею, чтобы убедиться — сто-про-цент-но, — что такому, как я, не по плечу убить. Кого бы то ни было. Даже Акопа.

— Похоже на то, — он улыбнулся; рафинадные зубы под черными усиками, черные глаза; рекламное дитя Закавказья. — Ну, а Ваши люди?

— Им-то зачем? Им, как и мне, если на что и был нужен Акоп, то живой. С мертвого что возьмешь?

— Тоже верно. Ну, а если они случайно перестарались? Это бывает.

— И не сказали мне?

— Ну, знаете, докладывать о мокром деле какому-то фрайеру... Вы же не бригадир, Вы только наняли... Во всяком случае, если это и не

Юрий
МАЛЕЦКИЙ

— родился в 1952 году в г. Куйбышеве (Самара). Окончил филологический факультет Куйбышевского университета. Дебютировал в «Континенте» в 1986 году (№№47 и 48) повестью «На очереди» (под псевдонимом Юрий Лапидус). Печатался в «Знамени», «Новом мире», «Согласии», «Золотом веке», «Дружбе народов», — повести «Привет из Калифорнии», «Ониксовая чаша», «Потихоньку-понемножку» и др. В «Континенте» №81 опубликован роман «Убежище», в №88 — роман «Любью». С 1998 года живет в Германии в г. Аугсбурге.

Вы, сняв с себя обвинение Вы можете, только отыскав настоящего убийцу.

— Но я и не собираюсь ничего с себя снимать, чего не надевал!

— Придется, дорогой мой, — улыбка его стала уже не как сахар, но как сахар, растопленный и сгущенный затем в сироп, — придется, если хотите жить. И жить как человек.

2. Другое начало

«Дядя Резник! — сказала 14-летняя Марина Резник из Кишинева, входя в комнату соседа по хайму Леонида Резника, бывшего доцента Магнитогорского университета, урожденного винничанина, ныне проживающего у нас в Аугсбурге, столице Баварской Швабии, с молодой женой, уроженкой города Гомеля, и двумя девочками-одногодышевыми близнецами. — Дядя Резник...»

Такое начало мне нравится больше. Оно неплохо маскирует истинную неблаговидную цель автора, заменяя форсированное сюжетообразование неспешностью хода нагруженной многими смыслами русско-украинско-молдавской телеги с прицепом, катящей по немецкому автобану. Да и меня, сказать честно, прямо восхищает предыдущий абзац, и плотный, и рыхлый сразу, неудержимо расползающийся во все мыслимые стороны: этнографические, географические, биологические, вероятностные — всякие. Восхищает без тени самолюбования: он, сукин сын, сделал это без меня — мне нужно было только написать «дядя Резник», чтобы текст сам вывел дальнейшее из себя. «Смерть автору!» — сказал автор, не в силах отделаться от остаточного обаяния вчерашних властителей умов, — и даже ожил от ужаса при неподдельной попытке самоубийства.

Могу ли также позволить себе предложить пытливым читателям самим определить, какое из двух слов «Резник» выступает в качестве денотата, а какое — в качестве денотанта? Просто до смерти хочется знать, а самому мне эта задача не по плечу. Зато я знаю, что именно сказала Марина дяде Леониду. Но не скажу — не потому, почему можно подумать, но и не наоборот, как сразу же подумал читатель. А потому, что был у нас в школе учитель математики, который страшно не любил, когда очередной футбольный комментатор объявлял: «Счет не открыт. 0—0». «Как это счет не открыт? — возмущался он. — Счет как раз открыт: 0—0!»

Счет открыт — всё по нолям. Приступим к делу. В Баварии есть король. Этот король — я, Людвиг 0. Король не по крови, по духу.

3. Запоздалая интродукция

Каждое утро, в 5 часов затемно они уже едут в 4 ряда, под окном моим они уже едут — на бывший завод аугсбургца Рудольфа Дизеля, ныне «МАН Роланд», и на бывший завод не менее именитого Вилли

Мессершмита, ныне «Даймлер-Бенц Аэроспэйс», неподалеку от меня, и на наш лучший в Европе мусороперерабатывающий завод, на пивоварни «Ригеле» и «Хазенброй», и в Ингольштадт на заводы «Ауди», и в Мюнхен, и если бы под Мюнхеном, в прелестном городке Дааху, их ждала хотя бы такая работа, как лет 60 назад, когда дел там обслуживающему персоналу хватало, они, возможно — почему нет, здесь уважают всякий труд — ездили бы и туда точно так же бодро, но сейчас там работы нет, там только живут и на работу ездят не в Дааху, а из Дааху. В катализированных автомобилях, не отравляющих дыхания, по дорогам, вдоль которых по обочинам в ноябре цветут розы, в ласковых автобусах «Мерседес», в трамвае номер 4 под моим окном, которого не слышно, — ни окна, само собой, ни трамвая, которого не слышно! — под блистающей змею рельсов предусмотрительно подложена резина... Славные у меня земляки, и славна наша Бавария, ее же краше нет в мире. И принадлежит она мне. Потому что весь могучий народ ее работает на меня, как работал когда-то на моих предшественников, на самого знаменитого из них (да, печально, печально знаменитого) — Людвига II.

Династия Виттельсбахов правила Баварией с 1180 по 1918 годы здимо — с помощью дебелой, отучневшей силы и денег. Я, Людвиг О Благодарный, правлю ею нездимо с 1996 года — с помощью одной лишь чистой благодарности. Скажут, Людвиг имел все, а я ничего не имею. Пусть говорят. Высокое таждество всего и ничего обеспечивается теми, кто работает, чтобы ты жил, удобряет тебя, чтобы ты одобрил их. И совсем не важно, знают ли они, кому служат. Важно, что только я даю высокий смысл их деятельности. Потому, что они лишь дают мне блага, я же — дарю им Благо. Когда все они спят между одним напряженным трудовым днем и другим, не сплю во всей стране я один — и до утра, что бы ни делал, возношу о них благодарение. Никто, кроме меня, не сделает для них главного — по-настоящему не скажет: спаси-бо. Не пожелает им, на полном выдохе души — спасения.

Людвиг обладал всем золотом баварской короны и строил замки в горах и на озерах. Я не имею ничего, кроме социальной хильфе¹, которую — я жду, жду! — со дня на день урежут, по разным сведениям, на 20 или 25% из-за моего асоциального поведения — ибо что же может быть более асоциальным, чем принципиально сидеть на социальной хильфе? Но не обладая ничем, я тем самым обладаю Ничем — и строю

¹ Социальная хильфе (Hilfe — помощь) — соцминимум: оплачиваемая крыша над головой, минимальное количество денег на жизнь и бесплатная медицина (в случаях, признанных необходимыми), — на который имеет право (и ниже которого не может опуститься, во всех смыслах слова) любой проживающий в Германии, если имеет тот или иной вид на постоянное жительство.

свои замки не на песке гор и озер, а на твердой почве Ничего, помещая их в центр поистине необозримого — коли незримого — Ничто-ж-ного пространства. Сейчас кое-кто пытается доказать, что Людвиг безумен не был. Предупреждаю: напрасно, господа писаки. Жалкие бумагомаратели! Я понимаю: каждый, кто умеет, хочет зарабатывать деньги первом, а не канаву копать за 2300 брутто (сказать вам, сколько это будет нетто? не могу сказать, это зависит от класса лонштойеркарты²; в любом случае немного вы получите на руки). Но сам я абсолютно точно знаю: самый знаменитый из моих предшественников, Людвиг II Отто Фридрих Вильгельм из пфальцско-баварской династии Виттельсбахов, сын короля Максимилиана II и внук короля Людвига I, был безумен. Доказать? Да Бога ради. Далеко ходить незачем. Перед вами два самых знаменитых его замка: Нойшванштайн и Херренкимзее. Последний является точной копией Версальского дворца, Людвиг повелел его на полном серьезе передрасти один в один. Первый тоже на тяжеловесном немецком серьезе, без тени стилизационной иронии, пытается увести нас в неприступный средневековый замок в горах — в 1886 году, когда уже были на вооружении тяжелые гаубицы, когда, объявив короля безумным и низложив, увезти его под домашний арест именно оттуда, из недостроенного Нойшванштайна³? где бедняга прожил лишь 9 дней, не составило большого труда.

Но самое интересное, что идея построить оба замка родилась в один и том же 1867 году, после визита в галантный Версаль, а затем посещения суворого романского Вартбурга, родилась сразу как двойная мечта: иметь свой Версаль и свой Вартбург — и быть в обоих — одновременно.

Неужели не ясно из характера действий человека, знающего одной лишь думы власть: как удвоить пространство и время? как растянуть их, вставить в Германию Францию, а в XIX век — XVII и XI? и провиснуть в люльке растянутых и переплетенных времен-пространств, остановив движение жизни к смерти? — ужели же не ясно, что человек этот, без устали клонирующий себя в дубликатах безразмерного места-времени-действия, в 40 взрослых лет воображающий себя то Зигфридом, то Лоэнгрином, то рыцарем Тристаном — сумасшедший? Но это довод для внешних, я же и так знаю Людвига, как родного отца. Я чувствую в себе его кровь. Дело в том, что я сам — сумасшедший.

² *Lohnsteuer* — подоходный налог; дифференцируется в зависимости от величины заработка, наличия и количества детей и пр.; класс дифференциации (процентовка налога) указан в лонштойеркарте, без которой человек не нанимается на работу.

³ Сам Людвиг называл замок не Нойшванштайн, а Нойхоэншвангау (перекличка со стоящим на соседней горе замком Хоэншвангау (*Hohenschwangau*), построенный отцом Людвига Максимилианом II) свое теперешнее название *Neuschwanstein* замок получил уже после смерти Людвига, в 1890 г.

Нормальный человек на моем месте никак не оказался бы на моем месте.

Хорошо у нас, в стране герэтов⁴;
Можно жить, работать можно дружно.
Только вот поэтов, к сожалению, нету.

Впрочем, может быть, поэтов и не нужно. И не нужно... И — не нужно.

Я поэт. Этим и неинтересен. Об этом и не пишу.

Генуг, мой друг, генуг⁵...

4. Что интересно

Куда интереснее русскому — написать о трамваях, по будням ходящих каждые 5 минут, по субботам — каждые 10, и по воскресеньям — каждые 15; водителей трамваев, всегда мужчин и всегда, как на подбор, с нафабренными усами (здесь сохранена культура уса и наусника, кажущаяся поначалу смешной, а потом величаво-серьезной, как всё утраченное-сохраненное, прошедшее-настоящее), — водителей трамваев, всегда с усами, в которые одно удовольствие фыркнуть, представим себе, вникнув в русское «кто-то же должен и трамвай водить». Должен-то он должен, но — достоин ли? у-достоен ли? удостоверен ли в столь высоких полномочиях соответствующими грамотами? Фюрер трамвая наделен той же полнотой власти и ответственности на своем месте, как фюрер⁶ страны — на своем.

Человек, осенним утром убирающий листья на Кёнигсплац при помоши трубы-ветродуя, пылесоса-наоборот, сдувающего листья в аккуратный стог; монахиня лет 85—87, с ветерком катящая в гору на велосипеде; клуб алкашей у маленького зупермаркета⁷ «Норма» напротив Дворца Юстиции, уличный клуб, где загадочная душа немецкого алкоголика рождает совершенно барочные с точки зрения алкоголика русского комбинации пива и травяного ликера в 40-граммовых бутылочках или того же пива и 200-граммовых бутылочек дешевого немецкого шампанского — зекта; зеленая трава под снежком в январе; турчанки в

⁴ Gerät (нем.) — прибор, аппарат (далее все немецкие существительные в сносках приводятся без артиклей; это неправильно («Употребление существительного без артикля-указателя рода оскорбляет слово», — сказала моя преподавательница немецкого), но не задает лишней работы русскому читателю.

⁵ Genug — достаточно, хватит.

⁶ И вождь, и водитель в немецком языке именуются одинаково: Führer.

⁷ Немецкие слова в русской транслитерации здесь и далее насколько возможно приближены к их немецкому же произношению, чтобы хоть отчасти передать акустический дискомфорт «новосела».

униформенных платках за рулем БМВ; +13 в феврале и за ними вдруг —2 со снегом в середине апреля; сухо-приличная седая фрау в очках, полчаса изучающая в книжном магазине иллюстрации к «Кама сутре»; молодая католичка, в поисках истинного мистического благочестия посещающая синагогу; турецкие свадьбы — автомобильный эскорт с воздушными шарами, радостными криками и оглушающими гудками по всему пути, превращающими на три минуты чинную столицу баварской Швабии в галдящий Истанбулград; огромные клубничные плантации по окраинам города, где желающий, включая и обеспеченную публику (ибо в странной этой стране и обеспеченный человек не гнушается тем, чтобы видеть на столе своем отборные плоды труда своих рук), в июньско-июльский сезон собирает сам себе потребное количество клубники, идя вдоль грядок, усыпанных соломкой (чтобы клубника — и собирающие ее — под дождем не месили грязь; ах, мама, мама, почему не пришло тебе такое в голову, когда у тебя еще была дача?), взвешивает затем у учитивого хозяина и покупает по самой необременительной цене, съевши до того, по ходу сбора урожая, сколько влезло бесплатно; Нордфридхоф — Северное кладбище в самом старом и ныне бедняцком районе Оберхаузена, заботами работников и родных превращенное едва ли не в ботанический сад с прудом в белых кувшинках перед кладбищенской кирхой, в белых нимфеях из пласти массы, но совсем как живые, Нордфридхоф, место моих частых созерцаний и редких вдохновений — вот, как заметила бы в своем дневнике придворная японка времен упадка правления рода Фудзивара, лет этак за 100 до начала 40-летнего периода Гэмпей, вот одиннадцать интересных вещей.

А что, интересно, интересно немцу?

А ему, например, интересно понять, что делают здесь пачки людей в возрасте, с семьями и с высшим образованием, предполагающим высокий общественный статус, странных людей, въехавших в страну по линии европейской эмиграции, но почему-то не ходящих в синагогу. Сколько их? Куда их гонят? Что ищут они в стране далекой, задыхающейся от своих безработных, чего ради кинули все, чем жив человек, в краю родном? Не могли же эти очень взрослые люди подумать, будто им в чужой стране предложат работу по специальности — врачами, инженерами, музыковедами, биологами. Эти места здесь с кровью отвоевывают у жизни люди с о и — собственно л ю д и , с проверенной репутацией, немецким дипломом, умеющие войти в офис, сказать пару слов без акцента, пожать руку с требуемой крепостью пожатия, улыбнуться в полную силу здоровозубой улыбки и посмотреть в глаза работодателя всею безбоязненной душой. О чем думали э т и , в свои 40—50 едучи в страну, где 40-летним быть непросто: зарплата молодого работника и работника с большой выслугой лет в своей области — это две разных зарплаты, поэтому 40-летний немец двумя руками держится

за место, зная — вылети он, на новое место по его профилю, когда полно молодых конкурентов, работодателю его брать невыгодно? Немцы спрашивают об этом удивительных русских, а те сами себе удивляются.

Аккомпанемент

— Зачем мы приехали в эту дыру? Грузчиками в мебельном гешефте⁸ корячиться? Нет, скажите, почему доцент университетской кафедры физики твердого тела должен идти в грузчики в какой-нибудь «Хесс»? Морд-твою-ять!..

— Что Вам сказать, Лёня? Я, например, знал, что делать. Стихи писать можно где угодно, а тут хоть с голоду подохнуть не дадут.

— Вот интересно, почему все здесь: с голоду, с голоду... Я лично дома не голодал. Мне на еду хватало. Я лично там был человеком.

— Тогда другое дело. Ученому с положением, доценту кафедры... как ее... твердого тела ехать сюда, конечно, нет смысла. Мое лично тело в последнее время было скорее газообразным. А если Вы не голодали, Вам хватало...

— Да, но хватало-то только — на еду...

— Давайте не будем себе врать. Кто сюда едет сегодня? Опущенная интеллигенция — и всякая срань. К какому из двух стратов предпочитаете быть причисленным?

— Вы заметили — в каждой второй флюхтинговой⁹ семье жена русская или хохлушка. Причем не только в интеллигентных семьях, но и в простых. Причем в 8 случаях из 10 она-то и является инициатором еврейской эмиграции. С хохлушками все просто, как дверь, — на незалежной жрать нечего стало. А русская... Я как думаю? Сидит себе такая девушка в каком-нибудь Краматорске или Нижнем Тагиле, в рабочем квартале величиной ровно с город, кругом одно свинство, на танцплощадке пьянь всякая лезет тискать. Кроме танцплощадки — никаких развлечений. Подруги замуж выйдут, говорят — еще скучней стало, придется с работы, дерябнет с устатку — ему даже уж и не до тисканья, а на танцплощадку замужняя не пойдешь. А она чего-то ждет, она такая одна тут романтическая девушка. И пока собой она еще ничего, может еще ждать. Ждет-пождет — и тут появляется кто? нормальный еврей. Не из крупных: крупный в таком квартале что потерял? Средний такой еврей со средним образованием. Знаете такие семьи: старший брат — доктор наук, средний — зубной протезист, а младший вовсе дурак; но это по сравнению с братьями, а для нее он — особенный. Во-первых, не пьет. То есть пьет, но не как лошадь. Во-вторых, не тискает в подъезде, а любит какое-то серьезное развитие событий. Потому что ему нравится себя уважать. То есть он д р у г о й — и связывается в ее душе с целым кругом представлений о каком-то вообще другом, интересном мире. И вот она выходит замуж за этого экзотического человека — и ждет дальнейшей экзотики. Что он ей еще покажет? А он ей ничего больше не показывает: нечего. Ведь он-то только этого и хотел: жениться как человек, на привлекательной девушке, не — наделать зачем-то сдуру детей и знать не хотеть куда их деть, а сознательно создать семью и обеспечить потомство. Как маленький, но серьез-

⁸ Geschäft — дело, торговля, магазин (любой).

⁹ См. ниже сноска 65 на с. 51.

ный человек, при небольшом, но серьезном деле. А ей неимется. Она думает: чего ради? Что такого интересного-особенного он-таки может, ради чего она ждала его и не дала, или там дала, но не в жены, Петя или Вася? А — заграницу вывезти! И там он развернется — раскрутится как здесь, только там, на то же он и еврей.

И она мылит ему голову, проедает плеши и-таки срывает его с насиженного места продавца в отделе электроники или снабженца — и вытихивает их всех с детьми и вещами сюда. И первое время у нее глазенки горят, а потом она видит — он не фурычит, тут чтобы встроиться, надо по-другому видеть, чем там, а он, повторяю, человек маленький, он умеет только то, что умеет, а оно здесь не нужно, и он киснет, а она, бедняга, видя, что накормить он ее может только в «Норме», «Алди» или «Лидле»¹⁰, а обуть только в «Дайхмане»¹¹ — ведь она уже и думать забыла, как на первых порах отъедалась деликатесами из «Нормы» и обувалась в шикарном «Дайхмане», она уж себя сравнивает с немкой, закупающейся в «Тенгельмане», а одевающейся в «Пике и Клоппенбурге»¹² — начинает опять проедать ему плеши: зачем уехали от такого хлебного дела, как электроника, и там остались все подружки... Дальше не знаю, как у них будет, поживу — увижу.

Возможны варианты. Не она рубит окно в Европу, а он. Допустим, он коммерческий директор небольшого предприятия. Но — п о к а т и л о , и вот небольшое дело принесло большие деньги. А потом унесло. Шли деньжата косяком в одну сторону — пошли в другую. Он должен — ему должны? не разберешь. Но он — крайний. И вскорости ему светит пуля в затылок или продажа всего за долги, а дальше, если не хватит расплатиться, опять пуля. Или он должен з а к а з а т ь , а ему не на что. И он оттягивает этот финал, как может, а сам в скромном темпе собирает манатки. И вот они здесь. При этом она едет без разговоров, она думает — он и здесь будет коммерческим директором, на то он и еврей. А дальше — по первому типу. При этом она, заюшка, не вникала и не хотела, как это они там жили-могли и детей в английскую школу водили. Она видит только: там они были люди, а здесь должны учить немецкий язык. И она, заинька, начинает ему мылить голову: зачем уехали от такого хлебного дела, как отдел электроники, и почто оставила я подруг? И невдомек ей, зайчишке, что такое расстрельные дела по-новорусски. И ее, зайку, можно понять. Он же для нее не мужик как мужик, а таинственный еврей: как взрослый для ребенка — что с ним может сделаться?

— Еще один кандидат наук из Харькова, блин. Я бы их убивал, блин, этих кандидатов наук из Харькова.

— Что за кровожадность?

— Да потому, что это только говорится: еврей — ученый — кандидат наук. Понимающий человек соображает себе: кандидат наук из Харькова — это, блин, тот же хохол «с лычкой». Я ничего не хочу сказать — хохлы пусть будут, если они уже есть, но — не хохлы с лычкой!

— Что это значит?

— Если бы Вы родились в Харькове, то и объяснять, блин, не надо было бы.

¹⁰ Система дешевых зупермаркетов.

¹¹ Магазин дешевой обуви.

¹² Магазины более высокого уровня.

Интересен всегда другой, не я. И всегда из любви к самому себе. Сам себе человек мучительно скучен, единственный его шанс хоть как-то стать себе интересным — это посмотреться в зеркало другого. Я перехожу немецкий сложный перекресток на красный свет, если не вижу потока машин, машинально: Москва выучила меня тому, что не сигнал светофора, а единственное моя глазастость и реакция гарантируют безопасность. Но как только десяток туземцев, доселе столь же машинально стоявших перед пустой дорогой в ожидании зеленого света, трогается вслед за мной, как овцы, которым не хватало пастыря, вожака, гения-нарушителя, я выхожу из автоматизма самочувствования и остро понимаю не только — до чего же они неподлинны, но и — до чего же я недоделан.

И вот почему я здесь. Да, почему? Что я здесь делаю, хотел бы кто-то во мне знать. Но кто? Кому из десятка моих внутренних идиотов опять понадобилось узнать то, чего лучше не знать вовсе? Доказательством последнего является то, что Господь сделал это знание, как ни бейся, невозможным — и уж наверное не напрасно.

5. Меня находят

Когда он позвонил, я еще не понял, что они есть даже некто-то, а что-то, чего я так давно жду. Один из нас (моих внутренних идиотов) затеял эту историю с переездом, чтобы что-то произошло. И ничего не происходило. День за днем, так же, как в России я плохо ел, плохо пил, скучал, закономерно впадал в депрессию, случайно выходил из нее, в Германии я хорошо (по былым своим российским представлениям) ел, недурно пил, скучал, тосковал, иногда ездил по доступным в смысле цены европейским городам, возвращался домой к близким — но ничего не происходило.

Стандарт жизни сменился более высоким, но сохранил свое главное качество: денег как раньше на все плохое, так сейчас на все минимально хорошее — постоянно и изнурительно было в самый обрез.

На моей родине бытует утверждение, что человек бесится с жири. Последние несколько российских лет, давшие тому тьму подтверждений, дали, однако, еще больше поводов добавить: не меньше, чем излишний жир, до бешенства человека доводит и чрезмерная худоба.

Но ассортимент бешеных в России поражает своим многообразием. Есть среди них и такие, что просто бесятся — ни с жири, ни от худобы. Не дай Бог никому попасть в их число — говорю это со знанием дела, ибо я один из них, этих несчастных.

Это восприимчивые натуры, в подростковом возрасте начитавшиеся поэтов, внущивших им со страшной силой, как надо жить по-настоящему: так, чтобы привлечь к себе любовь пространства. А что знаем мы о любви? Только то, что она — свободна. То есть по-настоящему я живу только, когда имею возможность свободно привлекать к себе любовь пространства от Рима до Брюсселя, от Мадрида до Бристоля — и что может быть гаже того чувства, что вот — ты уже на свободе, в центре Европы, тебе не нужны

приглашения, визы, ты в гробу видал ОВиР, тебе ничего не нужно, только вынуть из кармана несколько сот марок; а вот марочек-то и... Но вот, как сказано, время от времени залаживаются и путешествия: то подкопил деньжат на дешевый автобусный тур в Испанию, то знакомый на своем авто едет во Францию или Австрию по делу и готов подхватить тебя туда и обратно, если ты оплатишь всего-навсего половину расходов на бензин. Вот ты и побывал уже в Амстердаме и Брюгге, Барселоне и Вене, Венеции и... а чувство тихого бешенства все не проходит, пока ты не поймешь наконец: причиной ему — не слишком жирное или худое тело, и даже не пространственные утеснения, а причиной ему — душа, не находящая себе места в смирительной рубахе тела.

И ты проклинаешь поэтов, внушивших тебе любовь к внешнему пространству вместо необходимости упорядочить и не тесно разместить внутри себя душу; и себя — за то, что ты их послушался — или не так понял; и чувствуешь — надо что-то делать, но лечить запущенный процесс — это не пиво пить с ребятами. То, что надо было понять очень давно, еще на Востоке, ты понял только теперь, на Западе — и только потому, что ты сюда попал, чтобы понять на себе. Теперь было поздно. Запад сойдет со своего места, и Восток сойдет — уже сходят; но человек, переместившийся на запад, закат своей души, уже не переместится вспять, на ее восток.

Человек переместился — а ничего нового не происходило. Происходило только то страшное и неинтересное, страшно неинтересное, что финансовый узел на шее семьи, доселе напоминавший о себе, висевший внатяг, но не сужавшийся дальше и дававший дышать, с некоторой поры начал медленно, но верно затягиваться. Но ведь это еще не *прости* — для русского человека. Между тем, если ты внезапно, резко ломаешь линию своей судьбы, врубаешься в ее массив, то со стороны ее, доселе самой определяющей твое поведение, подгоняющей тебя под свой размер и фасон, казалось бы, неизбежен отзыв на названный тобою пароль, выкинутое ею в ответ на твое хамство резкое коленце. Но не происходило ничего, то есть ничего *такого*.

И однако, когда он позвонил, я не удивился, что незнакомый человек из Москвы заехал в Аугсбург со странной целью — повидать меня. Почему? Я не понял, но предчувствовал: оно.

— Извините, — раздался в трубке чарующий кавказский тенор, отсылающий в те легендарные времена, когда, если верить моему отцу, въезжавшего в волжский город Куйбышев в открытом белом автомобиле певца Рашида Бейбутова забросали цветами многочисленные поклонники, — меня зовут Мухтар. Ваш телефон мне дали ваши друзья (он назвал одну из немногих сигналящих во мне фамилий). Я тут по делам неподалеку, в Мюнхене, и сейчас хочу отдохнуть. Мне говорили, что в настоящий момент Вы не плотно заняты.

— Допустим. Но чем могу служить?

— Видите ли, я довольно странный м-м бизнесмен. Люди моего профиля предпочитают в качестве отыска горные лыжи или злачные места. Казино, ночные клубы Представляете, я думаю.

— Понаслышке. Хотел бы представлять лучше — хотя бы из литературных соображений.

— Ну разве что. А так — фуфло фуфлом. Либо тратишь деньги на очередную шалаву, похожую на шалаву и ни на кого больше, кроме другой шалавы, либо одним дурацким вращением колеса приобретаешь кучу не заработанных денег. Очень противное ощущение — держать в руках кучу не заработанных денег. А?

— Кому как. Еще противнее, по-моему, зарабатывать их, по 8 часов в день kleя коробки в Леххаузене. И если бы — кучу денег, а то ведь только кучу коробок

— Почему именно коробки?

— Или кладбище пугать¹³. Социальные работы¹⁴. 80 часов в месяц, по 3 марки в час, символически, но приучает к правильному поведению. Остальное социаламт добивает до минимума. Казалось бы, всё путем. Я свои назидательные 3 месяца на кладбище отбыл, и скажу — где-где, а уж на смиренном фридхофе работа именно в том и состоит, чтобы не быть лежачих там. Для нашего брата, само собой. Полил цветочки — пауза, смел веточки — перекур. Нам же не доверят такое серьезное дело, как рыть могилу немецкому человеку.

— А кому доверят? Только немцу?

— Ну прям. Немец, если он не дипломированный алкоголик, так низко не опустится. Копать — это ненемецкий вид работ.

— Кто же тогда роет могилы? Турки, босна, итальянцы?

— Эка разбежались. Они разве аккуратно выроют?

— Но кто тогда?

— Неужели не ясно? Подсказываю: вы имеете дело с Германией.

— Сдаюсь.

— Экскаватор, *selbstverständlich*¹⁵. Будут здесь рыть вручную! Кто в экскаваторе сидит, не скажу, я его не видел. А вот уже утрамбовывают могилку изнутри турки и поляки, которые на фесте¹⁶. Могут и русского взять на фест, если он себя покажет... не как я. Я вообще-то ненациально,

¹³ Жаргон русской диаспоры в Германии — от нем. *putzen* — убирать.

¹⁴ Общеупотребительное: официально — «дополнительная общественно-полезная работа» (*zusätzliche gemeinnützige Arbeit*).

¹⁵ Само собой (разумеется).

¹⁶ «На фесте»: *fest* — прочно, твердо; *Festearbeit* (обыходное, полностью очень длинно, и в карманном словаре я не нашел) — постоянная, не сезонная работа на полном окладе.

просто руки-крюки. Не дал Бог таланта, а то бы пристроился, как некоторые — и чаевых от родственников покойников имел бы — в количестве, как говорил один бывший полковник, небольшом, но достаточном, чтобы согреться... Словом, они мне там, на погoste, говорили: ты лучше сиди и кури, только не порти нам дело и старайся начальству глаза не мозолить, сиди в сторонке, а мы сами поработаем. Я и говорил до 1-го января сего года, что жаловаться грех, не все коту масленица, когда дорогу осилит идущий, тем более, если он в гору не пойдет. Но положение на западном фронте стремительно ухудшается. Нас было 800 по актам синагоги, когда я приехал, а теперь — 1800. Кладбища нами переполнены. Посылают пущать швимбады¹⁷ и стадионы, а там не скроешься от начальственного ока. Или треклятые коробки. К тому же им уже мало от нас 80 часов в месяц. Цайтарбайт¹⁸ отныне не канаet. Буквально — гейт нихт¹⁹! Отработал 3 месяца на социале — а там — иди давай на рихтигеарбайт²⁰... Они создали арбайтсгруппу, и та медленно, но верно выдавливает на те же коробки, но на полные 160 часов в месяц. Чтобы ты не просто демонстрировал социальный тип поведения, но ассоциировался. Вкалывал, как все.

— Но не снимут же Вас с социальной помощи, если Вы откажетесь?

— Совсем не снимут. Но если буду вредничать, они имеют право прибегнуть к высшей мере социальной защиты — урезать пособие за плохое поведение сначала на 20, а не поможет — на 50%. И они это сделают, будьте уверены.

— Но как можно в социальной стране, где никто не имеет права умереть с голоду, урезать соцминимум, если это соцминимум? Концы с концами не сводятся.

— Стремление до конца свести концы с концами — признак сумасшествия. А немцы не сумасшедшие. Это только иногда так кажется, а как до денег дойдет...

— Ну, хорошо. В самом худшем случае — что Вы, в конце концов, имеете против того, чтобы вкалывать, как все? И против коробок? Мне в Штатах говорили, что многие их поэты работали в банках и страховых обществах. Причем начинали с клерков, а заканчивал кое-кто директором.

— Ну, если Вам не жалко денег дискутировать по междугороднему. Чтобы не тянуть резину: другой вид человека. Чем собака не волк? Только одним — она не волк. Она хочет домой, а волку дом — лес.

¹⁷ Schwimmbad — бассейн.

¹⁸ Zeitarbeit — временная работа или работа на неполный рабочий день.

¹⁹ Geht nicht — не идет, не пройдет, не годится.

²⁰ Richtige Arbeit — «настоящая работа», здесь — любая, пусть самая низкоквалифицированная, но с полной занятостью и оплатой, позволяющей «слезть с социаламта».

Загадок мироздания много, отгадок — ни одной. Элиот или Стефенс без вреда для своей поэтической конституции 8 часов в день с полной выкладкой, аккуратно — не то бы их уволили, это дважды два! — перекладывали и заполняли бумажки, а Пушкин и прикомандированный к Воронцову — тем бы такие условия! — чувствовал: он им не кенар! он поэт! и если чего не отчебутишь, то прям сейчас же, не сходя с места, перестанет быть способным к исполнению поэтических обязанностей. А если бы ему — нормированный рабочий день? то есть — от и до? в отделении Дрезденер или Дойче Банк, или Нюрнбергер Лебенсферзихерунгс АГ²¹? Это же и есть — посадят на цепь дурака! Но Вы высоко хватили — банк! страховая компания! это деньгами пахнет, это для белого человека. Вот бы этого Элиота да к нам, на картонную фабрику в Леххаузене, коробки kleить, шлёт да шлёт — сутки прочь... Вы думаете, в Москве случайно клеят коробки в дурдомах и трудгруппах при психдиспансерах? Только психам не грозит рехнуться, продуцируя коробки при русской ментальности.

— А поэты — не психи?

— Возможно. Но это такие ненормальные психи, которые могут рехнуться по второму разу. Не исключено, что при этом они станут нормальными людьми. Не исключено, что они станут психами в квадрате. Но в любом случае они перестанут быть собой. То есть поэтами.

— Возражаю. Если поэт боится перестать быть собой, он вообще не имеет отношения к истине, а значит, он не поэт.

— Класс... Кто Вы, говорите, по профессии?

— Бизнесмен. А по натуре — турист. Для меня отдых — когда меня по новым местам водят, рассказывают. Жалею, что кончил только психфак МГУ, надо бы еще искусствоведческий... Ну хорошо, но Вы могли бы попробовать разыграть собственную козырную карту. Конечно, на стихах много не заработаешь, но если с толком подойти, что-то из них выжать можно. Имя, престиж. Как москвич и бывший гуманистарий скажу — у Вас есть какое-то имя.

— Угу... Какое-то есть... Вспомнить бы только, какое.

— Кто мешает? Найти адреса известных славистов и переводчиков здесь, по-моему...

— Да-да. Проще пареной репы. Но. «Серьезная» литература здесь — епархия серьезных людей. Университетских интеллектуалов. А те должны сначала понять, в чем примочка феньки фишкы. Как ларчик открывается. В чем твое новое слово? Чужой язык — это очень скучно. Когда не понимаешь дыхание чужих слов, ждешь только конструкции в новом слова. Ждешь чужого своего. Понятно-непонятного.

²¹ Nürnberger Lebensversicherungs-AG — Нюрнбергское акционерное общество страхования жизни (отделения по всей стране).

Что делать, если не я изобрел писать строчки на отдельных карточках или — «видеомы» типа: «Мани — нема»?

— Не нравятся?

— Глупый какой-то разговор. Нравится — не нравится... XX же век: нет единого критерия качества. Дело хозяйственное. И это — хорошо. Нашел человек способ словами зарабатывать деньги, изобрел поэтическое эсперанто — ну, не честь ему, так хвала. Остроумие — такой же талант, как любой другой. Я бы тоже хотел стихами зарабатывать, да не выходит.

— А что у Вас выходит?

— Да только сами стихи. Когда выходят.

— Что значит — выходят?

— Ну, как? Подставляешь, значит, себя — и ждешь, когда шарахнет.

— Что значит — подставляешь? Куда?

— Да не — куда, а — в каком качестве. В качестве поля взаимодействия двух полюсов — логики смысла и логики языка. Что тут объяснять, когда все уже сказано. И ждешь разряда. Шарахнуло — значит вышло. Сидишь записываешь. Нет — сиди жди еще неделю. Месяц. Полгода.

— Подставляешься, значит?

— Не без того.

— Разрушительно понимаете свое дело, должен сказать. Саморазрушительно.

— Другого не дано.

— Ладно... Какой Вы поэт, не мое дело. Но я слышал, Вы хороший экскурсовод.

— Это было давно и неправда.

— Не скромничайте, талант не пропьешь (знал он, что бьет в болевую точку, или просто балагурил?). Словом, я бы Вас нанял на пару дней как гида. За ценой не постою. Если это не уронит Вашего достоинства.

— У социального минималиста нет достоинства. Уже сынок мой... Выкушаешь иною ненастною порою бокал светлого и говоришь ему: «Мой сын, послушай мой рассказ». Слушает. Содвинешь в себя разом еще пару бокалов темного и продолжаешь: «Ты умный парень. Но я удивляюсь, как это ты и твои товарищи — гимназисты! — ничего не читаете. То есть ровным счетом ни-че-го. Неужели ты думаешь, что человек может состояться как личность, не прочтя хотя бы «Остров сокровищ»?» А это отроча младо, сопля неполных 12-и лет выдержки, — мне: «Ты меня, папа, прости, но по-моему, состоявшийся человек — это человек, который в состоянии заработать состояние. Возьми Фреди Бобича. Он, скорее всего, не кончил даже хауптшуле²², потому что в 27

²² *Hauptschule* — низшая форма образования в Германии, соответствует примерно нашей восьмилетке, но знаний дает меньше; однако разговорный английский знает, как правило, и выпускник хауптшуле.

лет начал учить английский, когда его звали играть в Англию. А зарабатывает в VfB «Штутгарт»²³ 5 миллионов в год, и не нужен ему никакой остров сокровищ. И я его уважаю — он тяжело работает». Вот так; а Вы говорите — достоинство... Что я ему, буду вкручивать про князя Льва Мышкина, когда Бобич безо всякой головы, одними ногами — работает и зарабатывает, а я со своей умной башкой — сижу на хильфе, и он тактично помалкивает, если его не спрашивают, он хороший ребенок, но я по его глазам вижу, что он уже ясно представляет — повидал жизнь и людей — как мы здесь выглядим, с нашим немецким, с нашей мебелью, с нашими привычками и к о г д а не садиться за столик уличного ресторочка, вообще считать любую марку, выкинутую на фу-фу, а ведь мы далеко не самые прижимистые из компатриотов, — как мы выглядим среди л ю д е й...

— Чего же Вы хотели, сюда едучи? Неужели Вас не учили в 10-м классе, что жить в обществе и быть свободным от общества — нельзя?

— Во-первых, и там, в Московии, идет к тому же, и в темпе — ему и 13-и не стукнет, как его накроет прямым попаданием, что он сын бомжа, а не поэта; у детей почему-то очень развита вредная привычка сравнивать себя с окружающими... А во-вторых, выходит — да, плохо учили. Точнее, я плохо учился. Я по молодости лет еще не понимал, что ко вся кому умному человеку, даже если он рыжий — рыжий, а зануда, это ли не вздор! — не мешает прислушаться... Ладно. Трудящийся достоин пропитанья. Что знаю — расскажу, как умею. Дадите, сколько не жалко. Но на уровень процу не жаловаться — я распрактикован, не в фокусе. К тому же Вы не даете времени на подготовку.

— Не даю. Вы уже на работе. Завтра утром я у Вас по адресу... (он назвал мой точный адрес).

— Адрес Вам тоже дали мои друзья?!

— Арбайтер не задает вопросов арбайтсгэберу²⁴. Но я Вам отвечу. Потом. Если еще будут вопросы.

6. Чего же ты хочешь?

Да. Действительно.

«Чего Вы хотели, сюда едучи?»

Есть сто причин; любая имеет место. Спросите у меня вы и, прикинув, что вас устроит, к а к о й «я» вызову у вас понимание — я назову требуемую.

Хотел ли я дать детям европейское образование? А как же.

Хотел ли спасти старшего от армии? А то.

²³ Известная футбольная команда.

²⁴ Arbeiter и Arbeitsgeber — соответственно работник и работодатель.

Может быть, я устал искать грошевые случайные заработки? Неужели нет.

Не хотел ли заполучить европейский паспорт, чтобы без ущербов и не дороже денег поездить по миру? А вы как думали.

А не обрыздали мне противоестественная московская смесь шикарной тусовки и беспросветной нищеты? Не захотелось ли чего-то менее искусственного вроде однообразной, но достойной бедности? Именно-именно; вы, как всегда, правы.

Или я просто последовал старому правилу преферансистов: «Если игра долго не идет — надо сменить колоду»? Не без того.

Вот сколько «вас» будет спрашивать — столько причин и назову. Если захочу понравиться. В противном случае я буду неискренен. Ведь это только думают, что когда мы хотим понравиться, то лицемерим. Напротив, я только с тем и искренен, кто мне приятен и в ком я инстинктивно хочу вызвать ответную привязь — единственным способом, которым ее можно вызвать (а можно и не вызвать, а оттолкнуть; тут всегда риск, но в другом случае просто нет шанса — неискренность всегда слышна и всегда противна). Другое дело, что я имею право из многих своих искренностей или комбинаций искренностей выбрать наиболее ситуативно эффективную — и этим правом правомерно правлю. Странно было бы, если бы я рассказывал приятной женщине, приглашенной мною в ресторан (ну, это уже из прошлой... или будущей жизни... но допустим), что женщина за соседним столиком вообще-то нравится мне не меньше, но случай познакомиться выпал так, а не иначе — и в принципе у меня нет причин расстраиваться, шило стоит мыла... Нет, разумеется, я буду с возможной пылкостью объяснять своей спутнице, чем она и именно она меня привлекла — и кто скажет, что я неискренен? Не привлекла бы — не приглашал.

Но заглянув за свою подлую искренность, туда, где — на самом деле (вообще-то у человека в душе поставлен надежный предохранитель, оберегающий его от опасного и малоприятного заглядывания куда не надо, но у некоторых от долгого разгильдяйства предохранитель летит), я (мы, идиоты, составляющие меня) понимаю: на самом деле я покинул родную сторонку... нет, ну конечно, и по всему названному, и еще по одной причине, которая вот-вот выяснится... но может быть, еще и по причине, не лежащей на поверхности и совсем не делающей мне чести, даже не являющейся простительной, симпатичной слабостью. Я здесь, может быть, из чисто эгоистического желания познать себя-из-другого. Потому что нельзя познать себя-из-себя. Я должен быть собой, но я должен отделиться от себя, чтобы себя — увидеть.

Пуститься на такую авантюру, как переезд в другую страну, даже не другой город, а другую страну, даже не другую страну, а страну Герма-

нию — это вам не каталонское побережье, где только сдают апартаменты, а на полученные деньги ночь за полночь пьют вино и закусывают ракушками, — я сам видел и все скажу! — и даже не в Германию, а на ее консервативный и чудаковатый Юг (чужая чудаковатость далеко не всегда бывает столь мила, как чудаковатость Паганеля), в особую землю Байерн²⁵, и даже того более — в особую из особых Баварскую Швабию, имея более сорока лет за плечами, двадцать лет дисциплины неработанья по 8 часов в день, отсутствие какой бы то ни было полезной специальности и способности ей обучиться, семью, которую надо тянуть и тянуть годами, пока хотя бы старший (о младшей страшно и подумать) не станет взрослым самостоятельным человеком, — сделать это из столь пубертатных побуждений, как склонность к самопознанию, может только безумец и притом безумец социально опасный — коль скоро семья есть микросоциум. Но поскольку такой я себе не нравился, а главное — не мог уговорить под такую закусь близких поехать со мной, я без труда, то есть опять же совершенно искренно вытащил на свет Божий самые весомые аргументы, возвысившие самый безответственный авантюризм, осложненный к тому же желанием самооправданья, до экзистенциального выбора в пограничной ситуации.

«Ты думаешь, где-нибудь еще, кроме России, русский поэт может чувствовать себя в своей тарелке? И если уж я тем не менее с полной ответственностью, сообразив все наши обстоятельства, говорю — ехать надо, значит — есть такое слово «надо!» Это был мощный аргумент. Таран. И вот уже больше года мы в Германии.

Цурюк, мой друг, цурюк...²⁶

7. Поэтапно

Перелет Москва—Мюнхен. Поездом в Нюрнберг через лучшие европейские поля как заяц-гурман. Нюрнбергский распределитель для въезжающих в Баварию переселенцев и иммигрантов, имеющих право на въезд, — две 14-этажные башни «Грюндиг». Двадцать лет назад это слово — один из символов свободы как свободы слова в полный голос — материализовалось в приемнике на кухне, по которому я ловил «Свободу» сквозь бешеную дворняжью брехню спецпомех. Сейчас, на своем аутентичном месте, оно воплотилось в страшноватую пересылку с блоками комнат, которые следовало бы назвать камерами, если бы не отсутствие глазка в двери.

«Я тут не останусь! летим назад!» — вскричала жена, только войдя в наш блок-кассету №204 размерами, думаю, 2,5 на 4, с двумя двухъярус-

²⁵ Bayern — Бавария.

²⁶ Zurück — назад.

ными кроватями-нарами на нас четверых и компактным рукомойником, какие ставят в наших спальных вагонах на международных направлениях. Тут было все для жизни — стол, три стула, остальное на этаже, спортивная площадка, аккуратный ряд веревок для сушки белья во дворе, экуменическая церковь (безупречно корректный, но взвешенный подход к религиозным потребностям приезжающих — не обязательным, но возможным и положенным по смете — здраво говорил хозяевам, что единая коммунальная церковь — и соответственно один общий священник — стопроцентно заменит несколько изолированных), куда хаживал только я, да и то оглядеться из любопытства, — все для жизни, но в самый здешний воздух, не намеренно, а как-то сама собой, по привычке, ощущимо примешалась ароматическая добавка местной выделки — легкая отдушка Аушвица. «Ахтунг! Ахтунг!» (братьцы, другие, отцы и учителя, мог ли я подумать, что классика и впрямь вечно живя, что услышу легендарную эту команду в свой адрес?), — раздавалось по этажам ровно в 5 утра; и знакомый до боли по сотням фильмов лающий голос живьем вещал, какие семьи сегодня должны, не задерживая людопроизводства, срочно, но организованно двигать к выходу с вещами: очередной автобус поношенных, б/у человеческих судеб развозили по сданным, обреченным баварским городам²⁷.

«Да брось ты, это дня на два-три, им нет расчета выдавать лишний день четверым по 20 марок на рыло. Определят на место — и на вылет, не успеешь суточные пропить». «Угу. Я как-то тоже сказала одной старой монахине что-то в этом роде: де, согласно Григорию Нисскому, после некоторого количества, условно говоря, лет вечности очистительного огня адских мук спасутся все — так что горе не беда. А она мне: «Там, детка, так страшно, что я там минуты быть не хочу!».

В холле нашей башни творился какой-то немытый сюрреализм: то и дело вновь прибывающие люди с красными широкими лицами в турецкой коже и китайских спортивных шароварах вводили под руки отъявленно деревенских русских старух в оренбургских серых платках, таких же кофтах и светло-карих чулках в резиночку, те ковыляли к окошку регистрационно-информационной службы — и внезапно начинали чесать со служащим по-немецки. Это ошарашивало.

Во дворе было ветрено, как-то по-своему, не по-московски, но по-немецки серо, меж аккуратных серых построек, на ровно скошенной

²⁷ До какого-то момента, как утверждают местные знатоки вопроса, как минимум пару-тройку лет, считая с 1991 г. (начало русской миграции в Германию как по еврейской линии, так и по линии массового переселения «домой» этнических немцев), свои лучшие южные места, Баварию и Баден-Вюртемберг, немцы берегли «для себя» и не поселяли сомнительных русских в свой заповедник, пока другие земли не оказались ими перенаселены; информация мною не проверена, каюсь, по всей той же лености и нелюбопытству.

мураве, хотя рядом стояли скамейки, сидела кружком на корточках группа краснолицых людских мужчин и покуривала в кулаки с тем сосредоточенным отношением к делу, с каким знающие люди учили меня в прекраснодушной юности насасывать косяк анаши, особенно же «пяточку». Откуда они здесь, удивился я, кто они; куда они едут? Я должен был поинтересоваться раньше, еще дома, в какую русскоязычную среду я собираюсь привезти детей, пока они не станут немецкоязычными. Тогда я мог бы своевременно узнать много полезного о шпетаусзидлерах²⁸, называемых в здешней диаспоре «казахдойчами», «казахами», но я не сделал этого, будучи ленив и нелюбопытен, как настоящий русский. А ведь въехал в страну как приличный человек: как еврей.

Новый немецкий романтизм²⁹

Реклама кондомов на трамвайной остановке: велосипед, у которого в качестве колес два неиспользованных презерватива. Над ним надпись: «Собираешься в велосипедный тур?» Под ним: «Возьми с собой». Сбоку: «Не давай СПИДу никаких шансов».

А моему старшему 9. Каждый раз, когда еду вместе с ним в трамвае, боюсь — вот сейчас он обратит внимание и спросит: что это? как это нужно понимать?

8. Характер гостя вырисовывается

— Да, город просто битком набит всякими древностями и раритетами. Как, говорите, он назывался при римлянах?

²⁸ Spätaussiedlern — букв. «поздние переселенцы» — этнические немцы, массово переселяющиеся в последние несколько лет на свою историческую родину из Казахстана (в первую очередь), Украины и России. В настоящее время их число составляет в Германии больше 2 000 000. По логике человеческой «перегонки» «фракции первача» такого рода, состоящего из пассионариев идеи репатриации, вообще людей, сохранивших свою немецкость в привычках и бытовой культуре, достаточно образованных и высококвалифицированных, сменились затем «фракциями» менее «крепкими», потоком людей вполне степных по всем своим привычкам и образу жизни, от остальных целинных колхозников отличающихся только фамилиями типа Биндер или Вахенрот, едущих по причинам чисто житейского порядка: дали бы жить — не поехали бы из дома на чужбину, как говорила мне одна казахская немка-доярка. Сейчас именно последние, увы, составляют большинство аусзидлеров. Ассимиляция тысяч и тысяч механиков, шоферов, доярок, трактористов, колхозных бухгалтеров, медсестер из (из-под) Акмолы, Караганды, Семипалатинска и т.п., людей, лишь по фамилии и паспорту принадлежащих европейской цивилизации, в особенности молодых «казахдойче» или «казахов» (как их именуют в русскоязычной диаспоре Германии), зачастую приверженных печально известному образу жизни молодежи из заглубинной русско-казахской глубинки, — одна из серьезных проблем сегодняшней Германии.

²⁹ Далее — ННР.

— Аугуста Винделикум. Или Винделикорум, если Вам так больше нравится³⁰. В честь божественного Октаавиана Августа, принцепса, считавшего необходимым иметь принципы. Особенно если не имеешь их.

— Что можно сказать? Разумный человек. Люблю разумных людей... И Дом³¹ в Аугсбурге жутко интересный, — Мухтар задумчиво жевал жаренную в кунжутном фритюре и политую полупрозрачным, цвета сливового варенья, кисло-сладким соусом гигантскую креветку. Да, подумал я, глядя на него, да: наши парни быстро учатся, они уже не ходят в малиновых и зеленых пиджаках, а одеты в новом европейском стиле — яркие, пестрые галстуки на фоне светло-цветных рубашек и сдержанно-цветных добрых пиджаков смотрятся почти на грани фола, но — хоть ты что — гармонично, и сами на аш и смотрятся во всем этом отнюдь не искусственно; да, это надо признать... — Китайская кухня вывозного массового стандарта у приличного человека может вызвать только изжогу. Может быть, у себя дома... глазированный порошок... а в общем, даже не в джентльменском импортном наборе все эти акульи плавники и ласточкины гнезда... Кстати, знаете, что это значит? — он показал рукой на большой аквариум с золотыми рыбками в центре зала.

— Золотые рыбки? Понятия не имею.

— Мне говорили, это означает, что ресторан — из международной сети взятых под «крышу» китайской мафией. И будто бы количество рыбок в аквариуме говорит о степени защиты. Ступени мафиозной иерархии.

— Ух ты. Пойдемте посчитаем.

— Да бросьте. На качестве кухни это всё вряд ли отражается. И вообще за что купил — за то и продаю.

— Значит, в вашем мире тоже... простите...

— Ничего, я не обидчив. Говорите, не бойтесь.

— В вашем мире тоже ничего друг о друге не знают наверняка?

— Смешной Вы. Будто «наш» мир чем-нибудь отличается от «вашего». Да кто ж в этом мире вообще что-нибудь знает точно? Я как-то встретил знакомого, который информирует агентство Си-Эн-Эн в Москве, а также договаривается о времени встречи с ними в российских правительственные кругах. Казалось бы. Да? Так вот, ему позарез нужно было какую-нибудь новую информацию продать, а другую — проверить; и он спросил, не слышал ли я чего-нибудь интересного, чего он

³⁰ Римское военное поселение (будущий Аугсбург), основанное в 15 г. н.э. на месте жительства кельтского племени винделиков, разгромленных легионерами, посланными, под началом Тиберия и Друса, Октаавианом Августом.

³¹ Dom — кафедральный собор. «Домский собор» — известный с советских времен и вовсю употребляемый русскими здесь, где он особенно смешон, тавтологический оборот.

не слышал, и правда ли, что... уж не помню что. Он! у меня! я кто? а он — профессиональный высокооплачиваемый информатор! А Вы говорите — знать навер... Но, возвращаясь к серьезному делу: кухня. Я именно люблю почему-то всяческую китайскую бурду, мешанину, их кисло-сладкий соус... У меня с детства какой-то первесивный вкус: вместо того, чтобы ценить свою азербайджанскую, по сути иранскую кухню, одну из самых тонких и притом имперски роскошных кухонь мира, я как-то глупо обрусл в кулинарном отношении — люблю гречневую кашу, да еще по-детски с сахарным песочком. Вообще кулинария — интересная область психологии и даже антропологии. Не находите?

— Почему? Нахожу. Я, например, как еврей, понятное дело не симпатизирую антисемитам. Но в гастрономическом отношении обнаруживаю в себе глубинные антисемитские корни: до тошноты не выношу фаршированную рыбу, тертую морковь и свеклу, форшмак, мясо с черносливом, всякие кнейдлах, все это молотое, как бы до меня кем-то пережеванное. Вот бы где, при корнях, порыться в своих архетипах. В душе уважающего себя еврея обязательно найдется юнгова Тень антисемита... Только я бы не стал на Вашем месте задирать нос перед русской кухней — с точки зрения размаха, амплитуды имперского синтеза, если уж это ценить, ей нет равных в мире. А Дом у нас и впрямь всем домам Дом. Я сам не ожидал. В искусствоведческие антологии-хрестоматии он, в отличие от кёльнского Дома или фрайбургского Мюнстера, не занесен. Сколько упреков я слышал некогда на кухнях всяя Москвы со стороны православствующих искусствоведов 80-х в сторону смысла романики: «Небо давит землю», — и готики: «прелестные», иллюзорноложные архитектурные формы: камень-де, забыв, что он камень, вместо того, чтобы выявлять свою недобрую тяжесть, честную тектонику несущих-несомых, горделиво, псевдо-христиански устремляется вверх, и тэдэ, — и все, главное, вроде бы по смыслу. А в живь попадешь...

Вот у нас в Аугсбурге строится собор, строится, прошу заметить, с конца X по XV век, причем здраво — готика прямо на пополаме въезжает в романику, так что собор раздвигается как безразмерный ботинок, да тут еще XVIII век вставляет сбоку кассету цветной барочной капеллы — и все живет, друг другу не мешая, стильное серое под-утро транс-европейского средневековья и безвкусная, но сердечная домашняя кухня марципанового немецкого барокко. Именно что никто не давит, ни небо, ни земля — и никакой гордыни кёльнского Дома или ульмского Мюнстера, башни не так высоки, не в них и дело, и крест-то на одной как-то по-русски-деревенски покосился, и галка-то на нем сидит, никакого каменного ажура, «французской манеры» — а есть только длинноящий и на ходу, по потребности, всё время еще удлиняющий сам себя корабль, затяжное плавание по морю житейскому — и смерть, как старый капитан, правит к воскресению по звезде на Востоке.

— Да, не без вдохновенья... Нет, серьезно, мне нравится, как Вы работаете. И заполировали хорошо, образно.

— Заявляю видершпрух³²! Я не полировщик действительности. И не виноват, что на работе остаюсь тем же и чувствую так же, как чувствую вообще. И не виноват, что Цветаева, идучи по следам Бодлера, ненароком облегчила мне работу по формулированию собственных чувств. Поэзия, коль уж на то пошло, вообще если для чего и нужна пользователю, так это — чтобы облегчить ему работу по переживанию жизни, но облегчить парадоксально: не упрощая, а усложняя ее. Бремя ее — пусть она не идет в сравнение с Тем, Кто сказал эти слова о себе — благо, и иго ее легко.

— Тоже неплохо. Он выпил глоток рисовой водки. Скажите, — он выпил глоток вонючей рисовой водки; в окружении запахов соевого соуса, жженого сахара, перечной пасты и кунжутного масла отчетливый запах денатуруата преображался в необходимый компонент увлекательной, пока не переешь жирного, ароматической гаммы, — *скажите, а что Вы почувствовали, когда узнали, что Ваши люди убили Акона?*

Аккомпанемент

— Сегодня фрау Боненбергер на уроке говорит: нацисты — это которые кричат: «Германия — для немцев, ей своих девять некуда, долой турок, боснийцев и евреев!» Тут Доминик Шиллер, буддист, вскакивает и орет: «Я — нацист!» А я вскакиваю и в ответ: «А я тогда — еврей!» И давай друг друга мочить. А она нам — сесть на место и писать штрафарбайт. А А-Лон, китаец, поднимает палец и спрашивает: «А кто такие евреи?». Фрау Боненбергер показывает на меня и говорит: «Вот он тебе объяснит, он еврей». А я говорю: «Я не знаю, как это объяснить человеку, который этого не знает». Тогда она говорит: «Евреи — это такая же вера, как католиши или евангелиши³³, но другая. Евреи — такие же, как и мослем³⁴, но другие».

— И всё?

— Ну. А чего еще?

³² Widerspruch — возражение. «Hiermit lege ich Widerspruch (сим заявляю возражение) gegen Ihre Bescheid von... (против Вашего решения от такого-то числа)», — обязательное начало любого опротестования того или иного решения чиновников, с которым вы не согласны. Ich lege Widerspruch (кладу возражение), ich stelle Antrag (ставлю заявление) — в буквальном переводе эти серьезнейшие официальные формулы по-русски звучат нелепо, почти даже неприлично; а ведь языковые различия всегда одновременно есть и различия ментальности; поистине что немцу серьезно, то русскому — смех; а ведь мы — через бывшую русско-немецкую Польшу территориально, а через многообразные теснейшие связи во всех смыслах — давние соседи; что уж говорить о трудностях аутентичного душевного контакта с англичанами или бельгийцами?..

³³ Evangelische Kirche — лютеранство.

³⁴ Moslem — мусульмане.

9. Окончательное решение еврейского вопроса

Объявляю торжественно: в Германии нет антисемитизма. Я искал его и не нашел. Игнац Бубис, предводитель еврейства Германии, утверждает, что 30% немцев — скрытые антисемиты. Он может говорить, что хочет. На суде, где мое слово будет против его слова, я отвечу смело: куда больший процент мужчин и женщин имеют скрытые, вытесненные эротические влечения разного рода, вплоть до самых неблагообразных. Не более благообразных, чем даже антисемитизм. Оправдаться это после Фрейда трудно, а учитывая, что влечения эти скрыты от самих их носителей, без того же Фрейда просто невозможно. Ну и что же, мешает мне это уважать хоть кого-нибудь? Мы существенно живем в мире видимостей, и (чтобы не давать работы бритве новоявленного Оккама, не будем множить сущности и вернемся к уже приводившемуся ранее по другому поводу примеру с рестораном) это наша норма — есть вместе и с удовольствием смотреть в красивые глаза нашей привлекательной спутницы, не представляя себе одновременно незримый, но безусловный и малопривлекательный путь, который пища необходимо проделывает по пищеварительному тракту эфирного существа. Зачем? Мы вполне в состоянии не портить себе умозрением удовольствие от жизни в здравом мире прекрасного.

Наоборот, именно в силу слабой своей способности прорваться за видимость мы не в состоянии его испортить; так уж мы устроены, к нашему счастью. Поселив меня по одному Ему ведомым соображениям (для меня всегда представлявшим великую загадку) в мире небезотходной жизни, может быть, наполовину состоящей из отбросов и экскрементов, слизи и липкой грязи, причем отнюдь не только материальных, Господь милостиво наделил меня неспособностью полного их восприятия. Нечувствием. Ведь я видел, я обонял, например, туалет на Батумском автовокзале (кто был там — вспомнит, а кто вспомнит — тот вздрогнет) — и живу же. По той же причине я благодатно отключен и от внутреннего мира ближнего (за исключением двух-трех самых близких — а жаль, многим везет от рождения отключиться и от них); для того, чтобы общаться с ним и морально оценивать его, мне целомудренно достаточно его проявлений вовне. Говоря словами умнейшего из немцев, — из уважения к нему на его собственном языке, — близкий интересует меня не как *Ding an sich*³⁵, а как *Erscheinung*³⁶. С этой единственной доступной нормальному человеческому зрению точки зрения сегодняшний немец — никак не антисемит.

Ни в коем случае. Он не любит всех иностранцев вообще.

³⁵ Вещь в себе.

³⁶ Явление.

Но опять-таки в скрытой от самого себя форме.

Однако в отличие от гипотетического антисемитизма, *Ausländerhaft*³⁷ опознать можно: в одном — и только в одном — случае она все же вылезает на поверхность и дает себя разглядеть: в случае покушения на главную жизненную ценность немца — работу. Тут тебе — не всюду, но везде, и не всегда, но лишь при всяком удобном случае — с полным простодушием, с совершенно святою простотой дадут понять, какая работа только для немцев, какая — и для тебя тоже, а какая — только для тебя; во втором случае (работа для всех) — какую плату в час получит немец, а какую — за такую же работу — ты. В этом смысле еврей, если он не родился в Германии, то есть не-немец, — такой же иностранец (не человек иностранного происхождения, но человек, не имеющий германского гражданства), как и любой другой.

Во всех остальных смыслах еврей — это Еврей.

То обстоятельство, что всего лишь 50—60 лет назад самые обычные немцы точно так же, как нынче они любят при приеме гостей «гриллен» — грилить? гриллировать? — различной толщины колбаски, так же точно спокойно — гриллили? гриллировали? — различной толщины людей, и люди эти как назло вечно были евреи, — это своеобразное обстоятельство места и времени до сих пор еще слегка отличает их от соседей, например, англичан или французов, тоже ведь не любивших евреев — с чего бы их любить, собственно? — но не додумавшихся до их гриллирования и не осуществивших свою думу во впечатляющем масштабе, — отличает не только в глазах многих англичан-французов, но и в глазах самих немцев: как-то не по-людски получилось, как выяснилось задним числом. В сущности, они хотели добра, но осуществили его, как почему-то оказалось, в формах слишком новаторских, чтобы быть признанными... И это во времена, когда только новаторство и приветствовалось! и они ли не были достаточно безумны, чтобы не считаться гениальными? откуда же эта двойная мораль в оценке познающих мир — и изменяющих его?..

Так или иначе, уже поколения бывших нидерландов воспитаны в том смысле, что любовь к евреям и чувство вины перед ними не в последнюю очередь делают немца достойным жителем Европы. А немцы — самая загадочная в мире нация, по крайней мере в одном отношении: воспитанием от нее — почти поголовно, кроме малой горстки маргиналов — планомерно быстро можно добиться всего, даже чтобы она полюбила то, чего терпеть не может. И теперь старшие немцы любят евреев, которых они, возможно, на самом деле (если кто-нибудь скажет мне, наконец, где на самом деле находится это «на самом деле») вовсе даже

³⁷ Ненависть к иностранцам.

не любят. Ведь любовь — зла, а злого в отношении немцев к евреям я ничего, как ни пытался, не увидел.

А молодежь и не знает, кто такие эти евреи. Им, как говорится, всё эгаль³⁸. Им скучно быть белокурыми бестиями. Им по барабану, что ведущая молодежной телепередачи страшнее атомной войны — была бы только хоть немного не бесцветная. Есть хотя бы четвертушка латиноамериканской крови — уже красна девица. Африканской — звезда. Настоящая, ноздрегубая черная — вообще выше крыши.

Одним словом, когда вас в очередной раз не возьмут на работу, вас не возьмут *не как еврея*. Вас не возьмут, потому что вы плохо говорите по-немецки³⁹. И попробуйте сказать хотя бы самому себе, что это несправедливо. Жаль, меня не будет при вашей попытке не рассмеяться, произнося вслух или про себя: «Я говорю по-немецки хорошо».

Впрочем, как сказал по другому поводу один немецкоязычный еврей, живший в австрийской (последние 3 года своей недолгой жизни — в уже не австрийской) Чехословакии, и это только кажется. Есть еще множество причин, по которым вас могут не взять на работу. Например, это такая работа, что вы сами сделаете все, чтобы вас на нее не взяли. Самое простое и эффективное в этом случае — при найме на работу написать в анкете в графе «не болеете ли тем-то и тем-то?»: «Болею. И тем, и этим, а также еще...».

Только не говорите об этом никому из русских. Во-первых, это и так все понимают. А во-вторых, если вы все-таки скажете вслух то, что и так все понимают, кто-нибудь непременно капнет в социалам — тут вовсю дает себя знать стукаческий элемент. А в социаламте тоже уже год-другой (раньше какая публика осаждала собес? румыны, боснийцы, турки — ребята простые, небритые, готовые на любую работу, — что

³⁸ Egal — всё равно.

³⁹ Справедливости ради (ведь мы все здесь, не зная законов, живем по слухам — мнение же о немецком отношении к нам составляем, исходя из личного опыта, в зависимости от того, повернулась ли немецкая избушка к нам и нашим знакомым передом или задом; и я не исключение, все мои сноски ограничены степенью моей малой осведомленности — и если чем и интересны (если интересны), то лишь свежестью впечатлений чужака); так вот, справедливости ради — один знакомый утверждает со знанием дела, что постановка вопроса о степени знания устного и особенно письменного немецкого — это не формальная уловка, чтобы отшить ауслендера, но обязательный пункт анкеты и для любого нанимающегося на мало-мальски приличную работу н е м ц а , говорящий о его образовательном цензе и — в какой-то степени — высоте IQ. Этот же знакомый, классный программист, плохо говорящий по-немецки, но устроившийся очень неплохо (начальный оклад в 6000 марок) и без лишних проволочек, утверждает, что никакой Ausländerhaß не существует, а всё дело в требуемой квалификации. Так что почему хотите — тому и верьте (возражение одного из моих «я» другому — *авт.*).

готовые? алчущие любого привычного ручного труда, за который заплачут, наконец, не леем, не всякой драхмой или динаром, а немецкой маркой; а теперь? российско-украинские инженеры, врачи, музыканты с высшим образованием, чисто выбранные, одетые лучше, чем пасущие их немецкие чиновники — с чем их едят? куда направить?) как все все понимают, но очень не любят наглецов, которые говорят вслух то, что положено скрывать, как семейный скелет в шкафу.

А знаете ли вы, что в семействе Хельмута Коля великная радость: сын его женится на турчанке?

10. Поэтапно

Хотели сразу назад, да куда ты денешься с детьми и вещами. Кто Рубикон перешел, тот и жребий бросил. Забросил, стало быть, куда-то жребий свой, не разыскивать же его теперь по всем сусекам, когда не в газовую камеру гонят, а дают хоть на двухъярусном лежаке отдохнуть, и еще 80 марок в день — на четверых. Это куча денег, с ними можно выйти за огороженное место и ехать гулять в нюрнбергский Альтштадт⁴⁰, а нюрнбергский Альтштадт, доложу я вам, даже в его новодельном виде — красивейший и мощнейший из всех немецких Альтштадтов, и в соборе св. Лоренца — дивной красоты деревянное скульптурное паникадило работы славного мастера Файта Штосса (в польской части бывшей Священной Римской империи Германской нации, в Кракау, где изготовил он свою главную работу — алтарь Марии, именовавшегося Витом Ствошем); и когда вечером на ярмарочной площади загораются огни, подсвечиваются соборы, а ты при деньгах... детям эта сказка

⁴⁰ Altstadt — Старый город, сохранившийся в немецких городах исторический центр со стариинной застройкой или его (часто реконструированный) остаток после союзнических бомбежек. На Нюрнберг, в частности, 2 января 1945 года в течение часа обрушилось свыше одного миллиона бомб, так что нетрудно догадаться, что весь его прекрасный «Старый город» — новодел, частично косметическая декорация. Нюрнберг — конечно, особая статья, от места, где всё начиналось, возможно, и следовало не оставить камня на камне. Ладно; а Дрезден? Вообще — в местах, где практически не было ни военных действий, ни важных стратегических объектов, где заведомо бомбились вовсе не военные заводы (они-то как раз часто сохранялись и со всем оборудованием вывозились после войны в ту же Англию), а романские и готические соборы и здания эпохи Возрождения и барокко, эти акции мести (со стороны англичан за немецкие бомбёжки Ковентри и Лондона) и устрашения, вполне понятные (на войне как на войне), носили тем не менее — почему бы спустя 55 лет не сказать спокойно? — отчетливый характер вандализма (хорошо, ответного вандализма), ясно говорящий, что понятие «цивилизованной нации» (а тут первыми всегда вспоминаются именно англичане) весьма и весьма относительно.

нравится. Большим детям тоже. Дети любят сладкое, а большие дети пиво. Так вот там есть такие... такие... глазированные фрукты на палочке, фруктовый шашлык из клубники, киви, винограда и ананаса, залитый леденцом, и если сладкое запивать двойной крепости темным пивом «Сальватор»... Кто говорит, запивать сладости пивом — это не свидетельствует о хорошем вкусе; но все же попытаюсь выкрутиться, прибегнув к корнеблудию: вкус — это прежде всего когда вкусно.

В анкете в графе: «Где хотели бы жить?» мы указали: Мюнхен. На следующий день нас отправили в Аугсбург. Серега же Гольдштейн, харьковский ювелир, просил Аугсбург. Дали Мюнхен. Из чего вовсе не следует, что надо просить, чего не хочешь. А если дадут то, что просишь? Чем тогда очистишь совесть?

11. Плюсквамперфект⁴¹; новые уроки Армении

— Ты согласен, что наши несчастные сбережения нельзя вложить в какую-нибудь «Чару»?

— Ну.

— Что «ну»? Ты согласен, что надо их вложить во что-то, обеспеченное производством?

— Ну.

— Так вот, я нашла. Люди делают носки и шерстяные колготки и берут деньги под 30% рублей и 10% долларовых. Месячных.

— Звучит физиологично. К тому же избыточно. И так понятно, что не годовых⁴². И ты готова отдать наши последние деньги?

— Само собой. Иначе завтра у нас не будет никаких.

— Ну, решила — так отдавай. Дело нехитрое. Я-то тебе зачем? У меня строчка не гнется ни в какую...

— Погоди ты со своей строчкой! Я тебе русским языком говорю — завтра нам не хватит на пачку пельменей, не то что на твое гнусное пиво! И это как раз очень хитрое дело — отдать, чтобы получить назад. Ты должен поехать со мной в их цех на Шоссе Энтузиастов и всё своим глазом посмотреть, чтобы на меня потом не жаловаться.

— Да что с меня проку? Что я там смогу увидеть-понять?

— Не прикидывайся. Я тебя вижу насеквоздь. Ты всю жизнь прикидываешься лопухом-поэтом. Потому что это тебе выгодно. И это стало твоей второй натурой. А сейчас ты должен понять, что это вопрос жизни и смерти, и тебе выгоднее высвободить и задействовать свою первую, еврейскую натуру. Вставай, поехали.

⁴¹ Plusquamperfekt (грам.) — давно прошедшее, «прошедшее до прошедшего» (лат.).

⁴² Ситуация 1993—1994 гг.

* * *

— Хорошо. Мы всё посмотрели. У Вас действительно налаженное предприятие. Вы арендуете помещение в приличном большом ВНИИ. У Вас 30 итальянских и чешских станков. Склад действительно забит чулками-носками. Трудно поверить, что всё это ширма. Но если завтра вы разоритесь, Акоп Егишевич?

— Завите проста Акоп. Этава не может быть. Мы всё время набираем абароты.

— Но все-таки... Завтра форс-мажор. У Вас появились сильные конкуренты. С Вами не расплатились покупатели.

— Пусть попробуют.

— Но представим себе: они попробовали — и вы остались без денег. А с вами и мы. Чем будете расплачиваться?

— Прадам станки. Бальшие доллары стоят. Еле нашел за такую цену. Еще хачу купить.

— А где гарантия, что Вы захотите их продать, чтобы расплатиться с нами?

— Гарантия? Гарантия!.. Га-ран-ти-я — слово чела-века.

* * *

— Ну, что скажешь? По-твоему, это гарантия?

— А вот представь себе. Для восточного человека слово — не пустой звук. К тому же он армянин. Древнейшая христианская цивилизация. Ты Битова читала «Уроки Армении»?

— Да-да-да, уроки Арм... значит, сделаем так: положим часть в рублях, а там понаблюдаем. Если нас не кинут, положим остальное в валюте. Как по-твоему?

— Согласен. И всё. И пожалуйста — у меня строчка не гнется...

* * *

Пять месяцев мы исправно получали по 30%. Я перешел с жигулевского пива на «Хамовническое». На завтрак мы ели не мокрую докторскую колбасу, а бельгийскую ветчину, еще чуть-чуть — и съедобную; ужинали голландским сыром. Жена купила туфли.

— Я подсчитал. Если мы вложим наши 4000 гринов, через год мы получим 8800. Через 2 — около 18 000. Через 3 — порядка 40 000. Через 4 — под 90 000. Через 5 — ...

— Угу. Записки из хижины «Большое в малом». Не смеши. Не то, что через 5 — через год тебе никто не даст 120% годовых в валюте. Но

на год, возможно, его хватит. И похоже, он честный человек. Всегда на работе, вечно небритый. Помятые «Жигули». Будем сдавать валюту.

На следующий день мы отнесли наши 4000, нашу бледно-изумрудную жизнь, наш хлорофилл, Акоповой жене Гале, работавшей у него бухгалтером, и оформили валютный договор.

Через месяц мы впервые не получили ни копейки в рублях, не говоря о валюте.

— Подождите, пожалуйста, неделю: с нами не расплатились оптовики.

— Придется еще недельку подождать: оптовики на Дальнем Востоке уже собирают деньги.

А в Новокузнецке уже собрали, но трудности с обналичкой.

— Я Вас понимаю, но нужно еще пару недель выдержать. Мы же Вас ни разу не обманывали. И чего Вы волнуетесь — у Вас же по договору идут штрафные санкции 1,5% в день с процентов. Чем дольше мы протянем, тем нам же хуже, а Вам — золотые горы. Какой нам резон Вас дурить?

Действительно — какой? Логично. Месяц-другой я утешался подобными логичными соображениями и подсчитывал, сколько денег получу, когда будут выплачены с каждым днем растущие в силу штрафных санкций деньгичи. Через два месяца логика этих рассуждений по-прежнему оставалась столь же безупречной; но я перестал доверять логике. Точнее, я перестал доверять логике человека, которому перестал доверять. Хотя он по-прежнему ни от кого не скрывался и по-прежнему был не брит. Горел на работе.

Собирательная единогласная экспертиза всех знакомых деловых людей, к которым я обращался за оценкой ситуации:

— С обналичкой бывает и подолгу. Возможно всё. Возможно даже, он и не врет. Но вообще, стариk, ты нас удивил: почему ты, нас не спрося, вошел в дело к армянам? Кать, ты слышала, он вложил все деньги в армянские дела! Кому же в наше время неизвестно — с армянами дела нельзя иметь ни под каким видом! Ты что, не мог найти хоть кого, хоть даже чечена, пусть даже вьетнамца, ладно даже русского? Но — армяна!..

12. Поэтапно

В 5.30 утра третьего дни пересылки на ледяном плацу нашу партию при помощи матюгальника с уже привычными «ахтунгами» — ко всему-то свободный человек привыкает, подлец, в том числе даже и тот подлец, кто его за это подлецом называет — собрали, погрузили с вециами в автобус и повезли, закидывая по две-три семьи в различные населенные пункты баварского края. Аугсбург был конечным пунктом

автобусного маршрута. В 3 часа пополудни нас выгрузили у хайма⁴³ на Фрозинштрассе (Улице Веселых Замыслов, прошу заметить), одной из красивейших и богатейших улиц города. Наш дом, как и все остальные, был построен в типичном провинциальном югендштиле — благоразумно-чинном и в то же время радостно-цветастом. Единственное, что его отличало снаружи, это общарпанность и загадочная граффити на русском языке сбоку на фасаде: «Румын — Чмо!» Многие годы я пытался узнать у сведущих людей, кто такой Чмо. Единственный вразумительный ответ гласил: так в армии называют ненавистных москвичей: «Человек Московской области». На какое-то время я успокоился, но теперь вопрос опять будировался со всей остротой, если только не предположить, что Румын — не румын, а москвич по прозвищу Румын.

Семь семей на этаже, пятеро детей, всего девятнадцать человек. Одна ванная с системой нагревания на пять литров — окатишься водой, бывало, намылившись, смоешь мыло до половины, тут-то она холодненькая и пойдет, жди, стуча зубами, еще 3 минуты, пока еще 5 литров нагреет, а потом еще постучи зубами, если привык к роскоши дважды мылиться. И два туалета прямо напротив нашей двери.

Что сказать? Разве: большое везение, что нас вселили на последний этаж-мансарду, со склоненными потолками по всему периметру здания; в нижних трех этажах за счет рационального использования площади набиралось еще по комнате с двух сторон — еще человек 5—6.

Аккомпанемент

— Я — Леня Резник, и не для того мотал из Кишинева 3000 километров к западу, чтобы моим соседом по хайму был тоже какой-то Леня Резник!..

— Как, Вы еще не имеете письменного бешайда?⁴⁴ А когда у вас термин?⁴⁵ Но без термина у социального бератора⁴⁶ Вам не видать даже месячного бешай-

⁴³ Heim — дом, общежитие. Аусзидлры из Казахстана, Урала и Сибири, прошедшие при въезде в Германию многоступенчатую систему «первых» и «вторых латерей», пока не оказались в хайме по месту постоянного поселения, привычно называют общежитие «лагерем».

⁴⁴ Bescheid — письменное определение, решение, в данном случае удостоверяющее, что с такого-то по такое-то вам будет выдаваться финансовая помощь в размере ежемесячного социального минимума (см. выше). Без бешайда человеку, находящемуся на социальной хильфе, ни пфеннига на счет не переведут. Когда заканчивается срок бешайда, нужно назначать по телефону новый визит к чиновнику социальамта и выхлопатывать себе новый бешайд, срок которого — в определенных рамках — во власти чиновника.

⁴⁵ Tersmin — срок, здесь: точно по минутам назначенное время любого официального или дружеского визита — к чиновнику, врачу, юристу, в гости.

⁴⁶ Berater — ваш «консультант», чиновник, сидящий на вашу букву (и по вашу душу) в одном из «амтов» (служб — собеса, прописки, инвалидности, жилищного, школьного и т.д. «Амтов» в Аугсбурге более 20).

да! Значит, так: Вы должны идти в синагогу к Библеру, он Вам заполнит анкету, договорится по телефону о термине и в назначенное время пойдет с Вами как долмечер⁴⁷. И сразу ставьте антраг на винтеркляйдунг⁴⁸. Что значит — православный христианин? Ира, тут приехал еврей — православный христианин, заметь, из Москвы, прибавь — с женой и двумя детьми, и говорит, что он — поэт! Я тоже пишу стихи и эпиграммы, при этом я могу сделать первоклассную трепанацию черепа, при этом мне в мои 45 ничего не светит — но, заметьте, я приехал не из Москвы, я в своем уме, но, заметьте, хэрр Библер тоже в своем уме, ему, как и мне, чихать, в своем ли уме Вы — он Вам обязан помочь не по вере, а по паспорту — и за зарплату. Так что двигайтесь в синагогу — или Вы вдобавок к православию еще и антисемит? Ну да, по-христиански Вы должны гнушаться синагогой — но по-христиански ли будет оставить своих ближних без средств?.. В любом случае, я думаю, как еврей Вы найдете решение этой апории. Или правильнее — антиномии? Или дихотомии?

— Называйте хоть лоботомией, только в печь не кладите.

— Здесь эта фраза звучит зловеще.

— Ну-да... И говорите Вы интересно. И операции делаете. И стихи пишете.

— Да. И вот зачем-то здесь... В этой стране три человека в одном — это ни одного человека.

— Я не для того мотал из Кишинева на 3000 верст подальше от Румынии, чтобы немецкому на шпрахкурсе меня учили румын!

— Так. В графе «Вероисповедание» пишем, само собой, ортодоксальный иудей? Что? Какой такой ортодоксальный христианин? Это здесь называется «русский ортодокс». Но тогда что же Вы потеряли в синагоге? Значит, как верить — Вы православный, а как въезд и денежная хильфе — еврей? Неплохо устроились... Я бы таких, как Вы, на понохи не пускал.

— Простите, что за тон? Пускаете не Вы, а немцы, которые уничтожали евреев, в частности, моего деда не по религиозному, а по этническому признаку. И пускают теперь они точно так же — что логично...

— Ни хера подобного! Кто там у вас в Москве распускает такие спухи? Идея вторичного заселения Германии немцами возникла в кругах немецкого еврейства, ими продавлена через Бундестаг, и если немцам, зельбстфэрштэндлих⁴⁹, чихать на то, какой ты еврей, им достаточно паспорта, то нам это совсем не все равно. Сам я ни в кого не верю, но я борюсь за идею. За настоящего еврея! Гадом буду — это что такое делается — по переписи в город завезено уже 800, а на деле синагогу посещает 125 стариков, и то им деваться некуда. И тут еще приезжает такой вот м е ш у м е д⁵⁰ вроде Вас — это уже выше крыши... Подрывной элемент. Ладно, кончаем треп. Я Вам оформляю документы не как еврей выкресту, а как бывший москвич бывшему москвичу — но прошу как земляка: среди русскоязычных граждан города русским крестом не махать.

⁴⁷ Dolmetscher — толмач, переводчик.

⁴⁸ Жаргонная калька с немецкого; «ставить антраг (Antrag stellen) на винтер (зиммер) кляйдунг» — подавать заявление на выдачу суммы, положенной ежегодно на зимнюю (летнюю) одежду — Winter (Sommer) kleidungsgeld.

⁴⁹ Selbstverständlich — (само собой) разумеется.

⁵⁰ Выкрест.

Что получается: муж купил духи мне, а стоит надуешься — бесплатно нюхают все.

Пара из Украины — муж жене (ласково):

— Ты, вонь подрейтузная...

— Ну конечно, для того я и мотал из Кишинева 3000 верст на Запад, чтобы жена на общей кухне готовила селедку под шубой... Ты мне сделай немецкое блюдо!

— Какое, Ленечка?

— Ну, настоящее баварское. Ну, вот я видел у знакомых... Ну, в красивой банке. Ну, резаные вареные свиные головы в уксусе... Едритская сила!

— По телерекламе: секс по телефону, горячая линия. Так садистки в черной коже с плеткой стоят 2.40 минута, а гэи — всего 80 пфеннигов. Жаль, что я не гэй — экономия втрое.

— То есть правильно ли я понял: Вам жаль, что Вы не гэй, а мазохист?

— А что Вас так удивляет? Когда тебя 40 лет мучают — это как-то само собой приходит, как сексуальность к зрелой женщине. Если ее 40 лет не мучить.

— Да нет, ради Бога. Вы же не за мои социальные будете предаваться по коридорному телефону радостям публичного мазохизма. Но вообще, если Вам не хватает активной половой жизни, могу уступить Вам свою очередь пылесосить пол на этаже.

13. Променад

— Что, что? — не понял я. — Убили? Акопа? Акопа — убили? Акопа Джагубяна? Но зачем?

— Именно это я хотел бы узнать у Вас.

И тут до меня дошло в сё, что он сказал. Не только то, что Джагубян убит, — это я бы еще пережил, — но и то, что убили его м о и л ю д и ... Нужно ли описывать, что сделалось со мной? Скажу одно: поперхнуться, когда ешь, — очень неприятно. Но поперхнуться водкой — неприятно невообразимо. — «Но почему МОИ?! при чем тут я?!» — донеслось откуда-то из меня, терзая по дороге обожженную носоглотку.

— Умеете арапа заправлять... Ладно, — сказал он, чуть помолчав и наблюдая, как я перевариваю им сказанное. — Ладно, — обаятельнее прежнего улыбнулся Мухтар, — пока оставим это. Я вижу, Вы еще не готовы к разговору. Взять еще выпить?

ЕЩЕ не готов. Хорошо сказано. Неужели и правда Акопа — ..? А то нет. Просто заехал к тебе незнакомый человек, проездом, погулять и сводить в китайский ресторан. Еще не готов. Не хило. Хорошо хоть, не — уже готов. Но — мои люди? Полный вздор. Нужен им мертвый Акоп, как... С момента, когда они его выпустили из подвала, они и пальцем... и я им верю. На поинт берет? Но — для этого ехать за семь верст киселя хлебать?.. Ладно. В тон ему — о с т а в и м п о к а . В тон ему. Посмотрим. Послушаем. Поживем? Увидим.

— Так взять еще выпить? — так же доброжелательно повторил Мухтар. Терпение — вот сила настоящего восточного человека. Вот чем они берут верх над всякими обрусевшими евреями.

— Честно говоря, мне разонравилось с Вами пить, — не вытерпел я.

— Да? Странно, я как-то, наоборот, вошел во вкус. Да и Вам... извините, Вам ведь не скучно?

— Да уж куда увлекательней.

— Вот видите. Но мне надоела неочищенная китайская ханка. Хочется по-московски посидеть во дворе на скамеечке, с пивком.

— Асоциальное поведение. Не штрафуют, но выразительно порицают взглядом.

— Ну, у московских собственная гордость. Давайте займемся умеренно асоциальным поведением. Вы разбираетесь в баварском пиве? Это входит в культурную программу. Выбирайте — и ведите в уютный дворик.

Автоматически, чувствуя, что стальная коронка во рту начинает кислить, я взял в ближайшем магазине пару банок хефе-вайцен «Францисканер» и повел его в Фуггерай.

— Интересное. Отдает чем-то типа гвоздики.

— Местный шпешенат. Пшенично-дрожжевое, якобы растворяет камни в почках. Якобы от него растут волосы и ногти. Тут его любят даже девушки, хотя на вид оно мутное и толстеют от него катастрофически, — проинформировал я. Похоже, мне предлагалось на время, как ни в чем не бывало, продолжать играть роль платного справочника. Что ж, я готов, дорогой. На время. Тебе в тон попробую даже вжиться в роль — безо всякой охоты вжиться в нее... И вообще вживаться. В жизнь.

— А что за место?.. Тут вообще — скамейки есть?

— Посидеть всегда успеем. Давайте походим. Интереснее мест во всей Европе мало. Не то слово в Европе — в мире. В смысле смысла. Это Фуггерай, первые в мире социальные квартиры. Целый квартал, со своей церковью, больницей, садом, но — в отличие от богадельни — при полном сохранении гражданских и имущественных прав. Начало XVI века. Когда Василия Третьего еще не сменил Иван Четвертый, аугсбуржец Якоб Фуггер по прозвищу Богач⁵¹, и вправду богатейший купец Германии, торговец льном, медью, серебром — и чем только не торговец, ссужавший деньги Ватикану и кайзеру Священной Римской империи Максимилиану, с согласия и при участии своих братьев Ульриха и Георга, купил тут участок земли и к 1519 году построил здесь ни много ни мало 52 дома для неимущих горожан, 106 квартир, город в городе, обнесенный стеной с воротами, разбитый на переулочки, где каждый, при условии, что он католик, уроженец Аугсбурга, женат,

⁵¹ Jakob Fugger d. Reichenp.

беден, но человек с безупречной репутацией, мог получить квартиру из 2—3-х комнат. Причем, дабы наследник не чувствовал себя получающим милостыню, с каждой семьи взималась плата. 1 рейнский гульден. В год. И три молитвы о спасении душ застройщиков, братьев Фуггеров. Ежедневно.

Он, думаю, решил, что меня несет, как прежде, — и оценил степень моей «духовенности», не убоявшейся никаких угроз; тогда как на самом деле мною двигало теперь именно вдохновение страха — рожденное желанием убогнуть самого себя, замотать в слове тревогу, ожидание того момента, когда он неизбежно повернет разговор к Акопу. О с т а . в и м п о к а . Это «пока» нужно длить, длить и тянуть, тянуть и заполнять словами, словами...

— Рейнский гульден — это что? — оживился между тем Мухтар.

— А Бог весть. Знаете присловье: «Вот интересно — жопа есть, а слова «жопа» нет? Тут как раз наоборот — слово «рейнский гульден» есть, а сам-то гульден — тю-тю. Я выяснил только, что тогда он равнялся 30 маркам. Сейчас, после всех пересчетов и девальваций — 1-й марке 72-м пфеннигам. И так оно и остается, бедняк — при перечисленных условиях — и сейчас может получить тут квартиру. Между тем сейчас, разумеется, подвели все удобства, но плата по-прежнему — 1 рейнский гульден. 1,72 марки в год, — осведомил я в тоне вялотекущей пулеметной очереди. Словно в подтверждение моих слов из оконца второго этажа над нами из-за горшочка герани высунулось седоволосое лицо, осеняющее радушной улыбкой нас и свою счастливую, минимально обеспеченную старость. Увидев пивные банки в наших руках, лицо поджало губы. — После того, как союзнички одной прекрасной Вомбеннакт⁵² в феврале 44-го долбанули по центру Аугсбурга, повредив в общей сложности 4600 сооружений, — пол-Фуггеря лежало в руинах. Так его — заметьте, на деньги рода Фуггеров, они теперь не купцы, а давно уж кто графы, а кто князья, так на их деньги, ни копейки из госбюджета — уже к 47 году восставали из праха полностью и еще достроили 6 домов. Теперь их 58.

— Н-да... А потолочки низенькие, — сказал он придирчиво, прицельно прищурившись, точно собираясь пойти на побитие рекорда Фуггеров, построив свой Мухтар-рай с потолками не ниже сталинских 3.20-ти.

— Тут есть музей фуггерайской жизни XVI века. Я понял по супружеской кровати, что тогдашний человек и впрямь был ниже ростом. Вообще — компактнее. В прошлом году в Пражском Граде на Золотой уличке, в тех, кажется, местах, где пражский раввин Леве, ежели не ошибаюсь, сотворил Голема, я говорю жене: «Видишь надпись: «Здесь в 1917 году жил Кафка»? А она мне: «Это чистая бутафория для

⁵² Ночь бомбажки.

туристов. Ты что, не видишь, тут человек нормального роста жить не может». Я подумал — у нее женский глазомер, а я слеп, как типовой искусствовед с идеями. А потом прочел, что он-таки снимал эту средневековую нору в 17-м. Конечно, он не был гвардейцем... Да, потолочки ниже среднего. А сознание, за ними стоящее, — выше.

— Интересно. Вот Бердяев долдонит и долдонит, в своей манере гвозди словами заколачивать: русские — коммюнотарная нация. А Европа-то коммюнотарна никак не меньше.

— Была во всяком случае. «Коммуна», понятное дело, значит община. И «мир» значит община. И истоки обеих — в первохристианских общинах, коммунах, с общей — правда, добровольно — собственностью. А «коммунион» и вовсе значит — причастие. И поди ж ты, при всем том все поклонники русского «мира» возглашают, что от самой основы «коммун-» смердит западной заразой. Европейской — с вычеркнутым «оп» в середине — серой. В последнем они, впрочем, правы — первые христиане-коммунары в недискуссионном порядке были евреи.

— Н-да, тема для любителей лингвистической философии... Только вот какой пустячок: коммуна родилась в городе, чтобы горожан автономизировать от сеньора, а мир — в деревне, чтобы одомашнить мужичка для барина.

Вдруг я испытал в полную, развернутую силу странное ощущение — и сразу почувствовал, что именно оно, только в свернутом виде, не покидало меня с самого начала знакомства с ним. Ничего не было особенного в том, что человек по имени Мухтар выказывал чисто азербайджанскую любезность, чуть ли не услужливую готовность всем своим видом, тоном, улыбкой соглашаться с тобой, идти навстречу собеседнику, даже если он мог и собирался раздавить его как мууху. Но почему этот человек, совсем не похожий на меня, говорил, как я? Неотличимо от меня. Опять-таки ничего не было странного, что мы говорили одними словами-смыслами, почерпнутыми из одних и тех же бесед и книг — мы были люди одних и тех же обстоятельств места, времени... разве что разного образа действия. Но и тут незначительное, легкое у начала смещение черт характера и житейских обстоятельств — и через годы, сегодня, он мог бы быть нищим, а я богатым господином, как минимум, полукриминального типа. Все так; но чтобы до такой степени неотличимо... Он говорит, как я, или я — как он? Или в его лице я говорю с самим собой? Или мы эхо друг друга, но если каждый из нас — только эхо, то тогда обоих нас — нет? Однако был я иль нет, эхо должно было отзываться, и я (назову кого-то так по привычке) отпасовал быстрее, чем описанное ощущение посетило меня:

— Так в этом вся и штука: попервоначалу надо хотеть автономизироваться. Или быть согласным одомашниться, войдя в ряд других домашних животных. Воления разные, только что описы-

ваются одним словом. И вот вокруг этого «только» сто лет будет пыль столбом и дым коромыслом. Будут по-русски бряцать словами вокруг ужасного слова, вместо того, чтобы вчувствоваться в разницу воли — и безволия.

— То-то и оно. Здешние ребята задолго до Ленина поняли, что прежде чем как следует объединиться, надо как следует размежеваться. Сначала стать гласным, а потом со-гласиться.

— Ну. Огласить — и согласовать. Но похоже, что в русском языке, а стало быть, и в русской башке сонантная составляющая, хотя численно меньше, но энергетически несравненно сильнее, чем консонантная. Что и приводит к дис-сонансу. А у здешних всяческие диссонантные санации вроде Реформации привели-таки к полному консонансу.

— Будем считать, что я понял Ваш птичий спич (а будто можно считать иначе; будто ты сам спичуешь не по птичи, а по-медвежьи; но кто же все-таки, кто-сейчас-говорит?..). Будем считать, что Вы нашли объяснение, почему у них даже коммуналки барабанного, в сущности, типа, как ваш Футтерай, изолированные, с цветниками и удобства не во дворе.

— Даже не на этаже А в общем, всё это старо. Скучнеенет, чем все эти разговоры о закатах России и рассветах Европы, а равно и наоборот.

— Вы не верите в то, что за Россией будущее?

— Ну, это-то как раз неопровержимо вытекает из того, что у нее никогда нет настоящего.

— Однако. Что-то Вы не в духе. Еще пивка, а? для желаемого рывка.

— Да ну его на! А как бы Вы себя чувствовали? Рывка!.. — все-таки он был сильнее в таких играх, чем я (еще бы!), не раскрывался ни в какую; так могло продолжаться весь вечер, тогда как я не мог уже не трогать языком большой зуб, не мог больше ждать, когда я, наконец, узнаю от него свою судьбу. Что-то во мне щелкнуло: «Всё! не могу!» — и я отпустил себя, не без слезного ерничества, однако и не без искренней горечи. — Рывка!.. В кой-то веки заедет интеллигентный человек — ты и рад расстараться, ля-ля ему, как своему — неважно, за деньги или так погулять — про барок-ко-ко, а он тебе — дуло к виску!

— Дорогой мой, не надо художественных гипербол. Чувствуется, Вы еще не видели ствола вблизи.

— Хорошо, выражусь по-другому. В Вашем лице за мной по пятам гонится криминальный мир.

— На мой вкус, тоже не так чтобы слишком. Как это лицо может гнаться, да еще по пятам? Но что может понимать азербайджанец в загадках русской речи?..

— Да мне уж не до... Вы посмотрите на вещи моими глазами! Сначала Ваш Акоп меня разоряет, потом я пытаюсь вернуть свое, неудачно, он оставляет меня без копейки, и именно это по существу заставляет меня воспользоваться единственной возможностью дать семье еще сколько-

то месяцев жизни — приехать сюда, — и тут Вы меня достаете, когда я, простите, ни ухом ни рылом... Достаете, когда мне и без Вас тошно — хоть вниз головой с Вертахбрюке⁵³. Но уж вашего-то брата я в нашем темном, но тихом царстве, сказать по совести, не ожидал! Ёлы-моталы, за что моей заднице — этих цорэс⁵⁴?

Но он не отозвался на этот последний запрос моего пленного духа. Словно не заметил его. Зато подхватил другое.

— С моста — головой? — и поцокал, как у них водится, языком — в знак серьеза. — Неужели из-за коробок?

Играешь в сочувствие? Давай. Давай поиграем. Я тебе спою с чувством. Я в тебе вызову скучную мужскую слезу.

— Да при чем тут коробки... Коробки. Да коробки — это так!

Аккомпанемент

(В магазине один молодой казахдойче другому):

— Ты что, бля, не видишь, какой хлеб покупаешь? Этот хлеб, бля, не при понтах!

(На подходе к хайму, когда меня как новичка еще никто не знал, группа тринадцати-четырнадцатилетней харьковско-кишиневской полукровной ребятни):

— Я им не мудозвон какой-нибудь, чтобы меня с утра до вечера шиздила всякая фуфта и расшизденъ, фуй им в... Смотри, вон немец идет, мудила с урами⁵⁵, ща узнаем, на... который, сука, час, на... Энтшульдигэн зи битте, ви шпэт ист эс?⁵⁶

— Двадцать пятьдесятого. А почему, интересно, ты считаешь необходимым немцу говорить: «Извините, пожалуйста», — а со своими разговаривать исключительно матом?

— Я? Матом? Вы ошиблись, дядя. Я матом в жизни не ругался.

— Ну-ну. Будем считать, что я ослышался.

— (За моей удаляющейся спиной, негромко):

— Эх ты, Стасик, нашел чем новым заняться — перед русским человеком выматериться!

— Да, а как его в темноте отличишь, на...?

— (Тем же вечером, в хайме):

— Да бросьте Вы это славные ребята. Мухи не обидят. Стасик даже знает сольфеджио. Это они от тоски по дому. Вот у меня знакомая живет в хайме, где 80% — казахдойчи. К ней заходит как-то 5-летняя девочка-соседка и говорит: «Теть Лен, ключ не дадите (там ключи от комнат одинаковые, тоже здорово,

53 Brücke — мост.

54 Цорес — неприятности, бедствия (идиш).

55 Uhr — часы.

56 Entschuldigen Sie bitte, wie spät ist es? — Извините, пожалуйста, Вы не скажете, который час?

правда? немцы не представляли, кто к ним едет)? Опять, блядь, ключ в комнате захлопнула, а родители, блядь, на работе». «Как, как ты сказала, Розочка?» А та смотрит на нее непонимающе и: «А Вы что, тетя Лен, не знаете — если в Германии хочешь переспросить, кто что сказал, надо говорить: «Wie bitte?»⁵⁷?

14. Променад (продолжение)

— ...коробки — это так! Для простоты изложения. Я привез сюда семью! На свой страх и риск. Они упирались как могли. Боялись, что потом, когда здесь запрягут и жизни не станет, назад пути не будет. Так оно и вышло. Теперь они привыкли к разврату: к minimum minimum, к трамвайной, но сытой, чистой, достойной нищете. К любезности по отношению даже к люмпену. И тут нас любезно берут за горло и: устраивайтесь на работу. Я не против, я взрослый человек — и с какой, в самом-то деле, стати им нас... Но на какую, простите, работу? А — на любую. Но мне глубоко за 40. Я поэт. Понимаю, тут гордиться нечем. Сегодня впору этого стыдиться, согласен. Но войдите и вы в мое положение: как мог в году этак 36-м человек, прошедший строжайший отбор и удостоенный-таки приема в «черный орден» СС, элиту нации, знать наперед, что через 10 лет он должен будет не гордиться этим, а отмываться как сможет — если сможет. Знать бы, где упал... Да и я в своем роде, в поте своей души потрудился на своем веку — и это меня далеко увело. Поэта далеко заводит речь. От того, что здесь знают о жизни. От того, что здесь вообще знают. Жена пока сидит с младшей, ее еще несколько лет не тронут. Но за меня уже взялись. Я: дайте умштульонг⁵⁸. Они: пожалуйста, на выбор — слесарь, металларбайтер: заусенцы у штамповок зачищать, и тэпэ. Говорю — а другого у вас ничего нет? Они: для кого-то, может, и есть, а Вам по возрасту не дадим — Вы неконкурентоспособны, чтобы на Ваше обучение тратить 20—30 000 марок. Я: на металларбайтера не пойду, чтобы не запороть вверенный мне участок немецкого производства. Другого нет ли чего? Другого? Для Вас?! Вы, батенька, верно, офонарели — у нас своих безработных филологов и историков — хоть гетто создавай. Вообще, позвольте поинтересоваться, о чем вы раньше думали, когда удумали сюда то есть ехать? Так я им и сказал. А Вам сказать — о чем? Да ни о чем. Что тут думать, когда такой вот творческий кидала вроде Вашего Акопа берет и оставляет всю семью... Сказать, о чем мы раньше думали? Да о том, что полгода жизни — это целых полгода жизни, а год — это вообще! а там посмотрим, и на худой конец всегда найдется базис по три-четыре часа в день на 620 марок в месяц, из которых ты еще оставишь себе 200 марок дату⁵⁹ к соцминимуму, а уж на самый крайний случай — социальная работа

⁵⁷ Как, простите?

⁵⁸ Umschuhung — переобучение, переквалификация.

⁵⁹ Dazu — к тому, сверх того.

по 80 часов в месяц, так что ты две недели в месяц отработал, а две недели гуляй...

И все так думали, и все так говорили, и все так сидели, и так это было — как бы пожизненно, по неписаному соглашению. Наверху⁶⁰, у эс-дэков⁶¹, я знаю ребят, которые 5-й год сидят поэтами на хильфе и сидеть будут. Что уж они тут про нас думали, не знаю, но мы о них — что они добрые люди. И вдруг здравствуй, жора Новый год — 1 января с.г. выходит новый швабский гезэт⁶², заметьте, не общемецкий, не даже баварский, а швабский⁶³, это про которых Аверинцев в 70-е невыездные писал в предисловии к одному швабу, из своего непрекрасного далека, как всегда авторитетно, в фирменном своем тоне знания дела, что они, кажется, «чудаки и оригиналы, погруженные в свои мысли», что там «глубокомысленные фантазеры, самобытные искатели истины, правдолюбцы и однодумы», — и вот, значит, эти самобытные однодумы и искатели говорят: робята, хорэ балдеть! отныне Arbeit macht frei⁶⁴! отныне и во всю вечность до следующего гезэтца всего вашего брата-хильфщика-флюхтлинга⁶⁵ в возрасте до 50 лет загрузим по полной программе «рихтиге арбайт»⁶⁶, базис и социальные работы больше не канают, по-настоящему освобождает только труд по 8 часов в день! А кто же меня, мальчионку, здесь на него возьмет? Разве что лайфирма⁶⁷ — жидкий алюминий разливать или разно-

⁶⁰ «Наверху» — в северных землях, «внизу» — на юге (Бавария, Баден—Вюртемберг); невзирая на то, что Юг сейчас не меньше, если не больше индустриализован, чем Север, обгоняя последний по темпам промышленного развития, противостояние северного и южного менталитетов, думаю, не требующее пояснений, до сих пор сохраняется в ФРГ в немногим меньшей степени, чем в Штатах или Италии.

⁶¹ В верхних землях ФРГ (напр. Нижней Саксонии) популярностью пользуется (и соответственно преобладает численно в земельном правительстве) партия социал-демократов SPD; в нижних — партия христианских демократов CDU.

⁶² Gesetz — закон.

⁶³ Баварско-швабский (со столицей и правительством в Аугсбурге); не путать с вюртембергской Швабией (со столицей и правительством в Штуттгарте).

⁶⁴ «Труд освобождает» (надпись на входных воротах Аушвица-Освенцима — ред.).

⁶⁵ Жаргон русскоязычной diáspory: Kontingentfluchtinge — евреи и члены их семей, имеющие право ПМЖ в Германии на основании принятого в 1991 г. закона о т.н. «контингентных беженцах», мутноватый статус которых (хотя бы: от кого и по каким причинам бежали — отсюда, например, закономерный и чреватый административными последствиями вопрос: с какой стати должен и может человек ехать на побывку туда, откуда ему пришлось б е ж а т ь ?), в отличие от четкого «еврейская эмиграция», не дает возможности даже «беженцам» с 3—5-летним стажем успокоиться и по сей день.

⁶⁶ «Правильной», настоящей работой.

⁶⁷ Лайфирма (от «leihen» — одалживать, давать напрокат) — обиходное. Правильнее Zeitarbeitsfirma, нанимающая дешевую неквалифицированную рабо-

рабочим, при погрузке там чего, и треть зарплаты возьмет себе. 13 марок в час за работу с немецкой выкладкой! Ты, гад искатель истины, предложи это немцу с высшим образованием, академище, я послушаю, что он скажет; а мне можно?.. Конечно, никто-никому-ничем-не, но если уж пошла такая пьянка, то... Речь-то о мелочовке, такой, что даже безработный здесь удивляется, как мы можем на нее жить и не кашлять. Это область нашего тайного знания. Перед вами эзотерический орден Мастеров, алхимиков минимализма — а такие раритеты, как секретное знание, надо ценить и сохранять в человеческом музее; это все я им, а они: да, мы ценим, мы делаем, что можем, чего не делали для вас на вашей родине — но вы забываете, что не только за пивко, этого добра не жалко, но ведь еще и за квартиру вашу надо платить, и за медицину, так что набегает уже не мелочовка; а, между прочим, времена процветания Германии кончились; теперь Германия, со слезами простившись с экономическим чудом, трещит, как и вся Европа, за ненадобностью между технологиями Америки и дешевой рабочей силой Азии; так и свертывай социальные завоевания, гонясь за Америкой; а куда мы теперь назад? Спускаешься — не подниматься, у меня за полтора года всего раз и изжога-то безобидная была, а как там крючило! Вот пустяк, если посмотришь с высоты Вечного Возвращения-на-Родину — а всё портит, подлец: ежели у тебя серьезно поврежден всего-на-всего какой-нибудь пищеварительный тракт? Бывает такое от дурной наследственности и 40-летней практики советского общепита? Такое очень даже бывает. И тебе положено каждый год делать гастро- и колоноскопию. А что это значит? Ведь в Москве по сей день по таинственной причине даже генералов в госпитале Военной Академии — я был, по блату из Литфондовской поликлиники, не смейтесь, они, может, побратимы, но мне от этого легче не стало! — генералов армии сажают на гибкий резиновый кол без наркоза, 15—20 минут задизма⁶⁸, будто трудно человека отключить, — и

чую силу, в основном иностранцев, и «временно», сезонно «одолживающая» ее разным предприятиям (конвейерными рабочими, разнорабочими и т.п.). Если цена такого рабочего, скажем, 18 марок в час, то ляйфирма берет себе из них 5. Человек соглашается на нищенскую оплату труда тогда, когда в противном случае (с моего устройства на ляйфирму ты числишься уже немецким работником и тебя дальше продают «не с улицы») его шансы устроиться равны нулю, а это может быть всегда: чтобы признать твою квалификацию низкой, достаточно, как уже говорилось, сослаться на то, что ты плохо говоришь по-немецки — заведомо неопровергимая мотивировка. Фактически ляйфирмы — это узаконенный вид полурабской эксплуатации малоквалифицированного (следовательно, чаще всего иностранного) труда при существовании самой высокой в Европе системы социальной защищенности.

⁶⁸ Конечно, вкус автора за многие месяцы жизни в Германии не мог не попростить, не огрубеть, но не до степени подобных каламбуров; так само собой вышло «из языка» (или сошло с языка), поскольку «садизм» (Sadismus) по-немецки произносится с начальной «з».

ведь за деньги не допросишься! просто принято мучить людей, стиль такой на Московской Руси — а здесь не принято делать больному больно, на тебе ерундовый укольчик, нам жалко, что ли, и ты сладко дремлеешь, и нам своими стонами не мешаешь, а уж тебя не только просмотрели с входного отверстия до выходного, но и пару ракообразующих полипов по ходу дела удалили! Вы скажете: это не причина — совершенная любовь к родине вон изгоняет страх. А я на это отвечу: а страх просто изгоняет вон — и подальше от родины... А черная жижа по улицам в отпель и по весне? А блевотина московского подъезда? А тараканы и муравьи даже в домах на Тверской, когда тут в домах для бедных никто 30 лет не видел таракана, какого таракана — комара, летом, при здешней сырости? Нет, вру, сам видел однажды — и прихлопнул, было дело... А сдача европаспорта и — за колючую проволоку Брестской границы? И главное — где устроиться, куда сесть даже на жалкие 200 баксов, на кусок еды? Ряды сомкнулись. Отряд не заметил потери бойца. Тут жить нельзя смиренным минус-человеком, большие не дают. Сколько можно — каждый месяц являться к бератору за бешайдом и понуканием — трудоустраивайтесь скорее! и обещанием в противном случае уже в следующем месяце устроить тебе приятную жизнь... это только в начале было нормально по-русски получать деньги неважно за что, но «в получку», через год там у тебя внутри что-то меняется и само начинает чувствовать: деньги унизительно п о л у ч а т ь, уважающий себя человек их зарабатывает... Но и «там» жить нельзя после «тут», особенно всяким женщинам и детям; ну те-с — и тут еще Вы с Вашим Акопом, мир ему!

— Я же сказал — оставим пока Акопа, — улыбнулся опять Мухтар. — Мы ведь сейчас говорили про мост. Что-то вроде — лучше лежать на дне. Причем Вы так и не договорили.

— А, это чтобы с моста-то через речку Вертах?

15. Поэтапно

Две двухъярусные кровати по двум углам хаймовой комнаты. На нижних ярусах — скатяется еще, мало ли что привидится на чужбине — спали дети, на верхних мы с женой. 5-тилетняя дочка спала еще более-менее спокойно, зато 9-тилетний сын подо мной уже вовсю обнаруживал наследственные черты: плохо засыпал и во сне все время вертелся. От этого верхний ярус, укрепленный на тонких стержнях, постоянно пошатывало то в одну, то в другую сторону, и ночами я чувствовал себя то ли глыбющим в углом челне под парусом, то ли самим этим одиноким подветренным парусом.

Утром из 19 человек на этаже 12 — дети-школьники и взрослые, посещавшие языковые курсы — должны были встать между 6.30 и 7-ю и, занимая поочередно, поневоле нестеснительно, места общего поль-

зования, на мой вкус, слишком хорошо прослушиваемые (оба туалета, напоминаю, приходились прямо напротив фанерной двери нашей комнаты), компактно привести себя в порядок, не теряя при этом времени ожидания своей очереди в туалет, затем в ванную, а прямо с немытой рожей жаря на общей кухне яичницу с колбасой, чтобы в 7.30—7.40 выйти из дома.

Необходимость — великая вещь. Я слышал, что на войне людям в окопах было не до язвы желудка, и невостребованные язвы закрывались сами собой. Среди моих соседей, возможно, и были люди, страдающие запорами, они должны были быть просто по статистике — но только до вселения в хайм. Перед лицом своих товарищей, перед неумолимыми и неподкупными их глазами, перед неотступным взглядом проклятого настоящего они должны были распрощаться с проклятым прошлым. Либо с запором, либо с утренним стулом, либо с тем и другим вместе. Очередь — лучший гастроэнтеролог.

В ванной, однако, некоторые женщины всё же теряли совесть и задерживались надолго. Не знаю, как уж они там после разбирались со своими коллегами по полу; мужчины старались быть выше таких споров. Лучше остаться с недомытой рожей, чем скандалить с дамой из Харькова. Я не пробовал с нею скандалить, но те, кто пробовал, подтверждают: лучше. Я мог еще гулять месяца три до курсов, но должен был вести сына в школу, пока он еще не освоил дороги, да и по московской привычке просто не мог отпустить его так далеко — 15 минут пешком — одного. Я должен был, значит, не только собраться сам, как и все, но и собрать ребенка. Дома, в условиях, далеких от казарменных, его, необременительно для меня, собирала бабушка. Жаловаться было некому: все родители на этаже занимались тем же самым.

Правда, их утешало то, что жаренная в яичнице колбаса была не четой, что они ели в Харькове или Кишиневе. Меня это не утешало никак: когда вынуждает жизнь, я ем и вареную колбасу, но не охотник до нее с давних пор, когда мой товарищ, биолог, побывал с образовательной целью на колбасной фабрике и затем рассказал мне всё в подробностях. Ни до какой колбасы не охотник, даже и до соответствующей западноевропейским стандартам. Стандарты могут быть разные, но суть одна. Голая суть, могу вас уверить; но на вашем месте я бы не стал расспрашивать.

Вечерами в окно светила жирная баварская луна, и, если сосед Слава не врубал за стеной на полную катушку мечту своей жизни — купленный здесь сразу по приезде музикальный центр (в его городке в 100 км от Киева группа «Нирвана», видно, была последний свист, то есть последний вой с последним нытьем пополам — кто придумал стиль гранж на мою бедную голову?), слышен был колокольный звон из церкви свв. Ульриха и Афры в полукилометре от нас. Я знакомился с очередным сортом

рейнского вина или баварского пива. Потом подымался к себе в парусный бельэтаж, и сынок однообразно и безумно раскачивал меня до 6.50 следующего утра.

Раз в неделю появлялся хаусмайстер⁶⁹ Вебер. Это неправда, сказала с негодованием очередная дама из Харькова, фрау Коршунова, уже отжившая свое на Фрозинштрассе, в ходе полуторагодовой борьбы снявшая себе совершенно выдающуюся квартиру в новом доме — и притом в самом центре, и притом доме для немцев, без изъянов, — а теперь помогавшая через синагогу искать квартиру желающим («Я беру 20 марок за работу с газетой, созвон по предложениям и назначение термина и потом 20 марок как переводчик, если вы едете со мной; но можете ехать одни, если знаете язык; но имейте в виду — я не нагоняю пустых терминов, я заполняю на вас карточку со всеми вашими требованиями, и вы едете смотреть только из того, что вам в принципе нужно»; мы ездили с ней три раза, отдав таким образом 120 марок, пока не поняли — кому как, а нам не судьба снять квартиру с ее помощью), это неправда! сказала она, услышав от меня эти слова. Вебер — не хаусмайстер. — Но так у нас говорят все. — И все равно это неправда: Вебер — не хаусмайстер, он — вонляйтэр⁷⁰! Итак, с поправкой фрау Коршуновой. Раз в неделю вонляйтэр Эмиль Вебер появлялся у нас в хайме, выдавал под опись и подпись получающего постельное белье и посуду вновь прибывшим, а также мюнце — монетки для стиральных машин в келлере⁷¹. Мюнце выдавались на неделю из расчета на число членов семьи. Семья из трех человек получала три мюнце, то есть могла три раза в неделю запустить стиральную машину, загрузив в нее до 5 килограммов белья. Этого вполне хватало и вполне чистоплотным людям. Кроме того, мюнце нельзя было использовать ни для чего другого, так что зажиливать их, пытаясь подменить какой-нибудь пуговицей, не было никакого смысла.

И тем не менее кто-то, вероятно, из интереса засунул в одну из трех машин вместо мюнце неизвестно что, но что-то такое русское, от чего честная немецкая машина отказалась работать, причем таким образом, что эту фигулину, квази-мюнце, заклинило в машине как следует, до очередного приезда Вебера. Вебер принес хитрый немецкий инструмент, с его помощью легко вынул то, что русский человек смог засунуть, но не сумел вынуть, — после чего машина заработала. Но Вебер не удовлетворился этим. Он не пожалел времени, вызвал одного за другим каждого поименно к себе и поставил перед каждым три прицельных

⁶⁹ Hausmeister — старший дворник, человек, отвечающий за состояние дома или нескольких домов на низшем, техническом уровне.

⁷⁰ Wohnleiter — управляющий жилищем (жилищами), управдом.

⁷¹ Keller — подвал, подвальный этаж.

вопроса: «Не Вы ли это сделали? Если Вы, то, интересно, зачем? Если же не Вы, то не знаете ли Вы, кто?». Разумеется, никто ни о чем понятия не имел. И действительно, зачем бы взрослому человеку безо всякой корысти портить себе же стиральную машину «Зименс»? Видя, что концов ему не найти, Вебер сказал: «Если бы виноватый признался, наказание понес бы он один. Но виновный не находит мужества признаться. В этом случае я вынужден наказать весь хайм. Я увожу эту машину с собой, хотя она исправна. Через месяц я привезу ее обратно. Оставшихся 2-х машин, безусловно, мало на 36 семей, но это научит вас честности, а заодно и порядку — ведь вы же будете вынуждены теперь жестко оговаривать время стирки каждого. Подчеркиваю — это не дискриминация. Штрафные санкции налагаются на вас в чисто воспитательных целях. Спустя некоторое время вы будете только благодарны тем, кто с самого начала учил вас правильной жизни в Германии». Жестко оговаривать время стирки. Ха. Недельный график стирки 36 семей на 2-х машинах. Разбежался. В келлере начался бардак, пуще которого и не представить. Тазы грязного белья полным-полненьки стояли на тазах, а те в свою очередь на чьих-то тазах; а между тазами сновали дежурившие, часами бегающие туда-сюда, то в келлер, то к себе на этаж женщины-многостаночницы, безо всяких графиков знающие, когда им пришла пора стирать: вот в эту секунду, когда ты первая подоспела забить заряд в освободившееся, опустевшее жерло машины, захлопнуть ее и нажать пуск за пять секунд до того, как вбежит другая, сторожившая еще раньше тебя, но отлучившаяся посмотреть, не пригорает ли ужин...

16. Променад (продолжение)

— А-а, это чтобы с моста-то через реку Вертах?.. А Вы меня поймете, если я скажу, что с детства, с 6—7 лет, позвоночником чувствовал ничто? Ничтойность и еще — вопросительность всего, начиная с «себя». Того, кого «я» называю «я». Кто называет, кого и кем? Почему каждый раз, просыпаясь, «я» опять оказывается в м о е й шкуре, когда за ночь оно спокойно могло переместиться в другую шкуру? и что вообще такое это — «моя» несменяемая шкура на «моей» несменяемой, хотя все время меняющейся душе?..

Да, я уже с детства жил ощущением иллюзорности своего «я» — и гипнотической полнотой этой иллюзии. Как мы в детстве верим в киношных роботов, зная, что это кино — и отказываясь верить, что это лишь кино! Но по мере жизнествования полнота чувства выветривается. По мере оправдания души всё на свете перестает казаться прекрасно иллюзорным. Но это не означает прихода реальности. Реальности в ее житейском выявлении должно приписывать предикаты, по сути всего лишь компенсирующие утрату молодой полноты чувства. Обратные

увлекательной иллюзорности бытия; в моем случае — рост ощущения сделанного дела, признание, сужение круга друзей до трех, сужение круга любовей до одной постоянной, взросление детей и твое старение — все, что приятно-неприятно утяжеляет твое существование до самоощущимой его реальности. Это, как нынче говорят, вставляет.

Но мне не повезло: я не вставился. Не потому, что мне не дали премию «Триумф» или не пригласили на телевидение. Если бы мне и дали жить по-человечески, востребованно и при карманном неразменном рубле на такси и чтобы приятелей угостить у стойки — я бы хрен вставился. У меня, извините, нет вставляющегося органа. Нет штекера — что пользы от гнезда подключения?

— Вам же лучше. Нет, серьезно. Не всем так везет. По большому счету я Вам завидую.

— Возможно. Ежели по большому счету, оно конечно... Тогда давайте меняться; но сначала прикиньте, куда Вы приткнете в своем хозяйстве это: постоянное ёкающее, ухающее чувство воздушной ямы. Нет, не так... Не ямы, в яму можно свалиться, но — невесомости, где ты можешь взмыть или нырнуть, но тебе отказано в том, чтобы приземлиться. Ощутить свою тяжесть, даже ценой того, чтобы свалиться по-настоящему, разбив башку: все, всё на свете, что привычно считается реальностью — не только денежное выражение признания твоего дела, но само это дело, лучшие в мире стихи — реальностью не являются, и между твоими, прошу докорнейше простить, свершениями и тем, кто ты есть as yourself⁷² — пропасть невесомости. Перед тем, как спрашивать, быть или не быть, не мешало бы сначала выяснить, что такое — быть? Швабский филозоф опять: быть — значит пристоять в охоте. Допустим. Тогда: я — присутствую? в чем присутствую я, а не «я»? Выражаясь понятным Вам языком, где кончается моя Персона и начинается Самость? Пропасть не дает ответа: пропастное эхо вопроса имеет отношение только к самому вопросу, а не к ответу. Поэтому всякое вопрошение вообще бессмысленно, правильно?

— Да.

— Ну и вот. Я настолько не способен был закрыть глаза на эту пропасть, приодеть себя при помощи мнений, чужих или своих, без разницы, что решил: пора кончать. Нужно выйти за круг инертных понятий, корпоративных оценок — не только цехово, но и национально, потому что в России, как нигде, слова уважаются больше дел, они, собственно, и есть дело, и если вдруг решено, что ты вошел в круг «настоящих писателей», то ты тем самым и вообще сбылся, ведь пока ты без книги, то еще — не целый, а с книгой любой поп-певец или губернатор, любая сволочь — до-состоялась, хоть в гроб клади и к Богу

⁷² Как таковой (англ.).

на суд. Нужно уйти к чужим людям, стать не «собой», отучить от «себя» свой глаз, свою привычку себя ~~м н и т ь~~ отраженными глазами других — и тогда поймешь, кто ты — в ~~п р и с у т с т в е н н о м~~ месте.

И вот я здесь, и вот, отклеившись от себя, вижу себя со стороны, и вижу, кто я: Никто. И знаю, где: в Нигде. Я вишу над бездной — и если не падаю, то только потому, что никто не может падать в Никуда. Никто не может падать в Никуда в невесомости, потому что в невесомости нельзя падать, никому, даже Никому. И только страх, только трепетание сердца, только оно, в отличие от остального меня — не теряет веса, оно может падать — и все падает и падает в том наглухо защищом бесконечном невесомом Никто-бурдюке, что повис над Ничем. Но самое-то интересное, что и такой ценой я ... я только от поддельного «себя» избавился, а реального себя не приобрел. Я на Нуле. Все по нулям!

И так живу, миллиарды поддельных мигов — и вдруг, неизвестно почему и в какой момент у нуля открываются глаза, они смотрят из темного себя-бурдюка — и видят в ответ два детских взгляда; и те говорят: смотри, смотри-ка, наконец-то ты нас увидел, а мы давно здесь, мы все ждем, что ты поймешь; ты думал — мы часть того, что мешает тебе понять себя, а ведь мы-то и есть то, что ты хочешь понять: реальность; и ты — не «ты», а ты, ты с а м — прямиком отражаешься в нас; и когда ты взмахнешь рукой, ударишь палец о палец, чтобы накормить нас, ты увидишь свою пластику в наших следящих глазах — и поймаешь свое ~~п р и с у т с т в и е~~.

Но рука поднимается — и падает, поднимается и падает, и меня снова охватывает страх, но уже страх ~~п р и с у т с т в у ю щ и й~~, весомый, и я чувствую свое тело, как отсыревший кирпич, когда просыпаюсь от страха по ночам, от жуткой тревоги, как ... как когда меня ограбил Ваш Акоп, и в холодном поту я знаю только: мне нужен немедленный ответ, немедленный!: к а к сделать что-то, будучи никем? День за днем, ночь за ночью, этого не залить даже баварским пивом, и вот тут... Тут вместо ответа появляется Вы, а за Вами тянется... ну, Вы лучше знаете что. Чтобы еще страшнее было. Ёлы-моталы, Вы что — не видите: я — не тот, кого Вы ищете? Даже рядом не лежал!

— Нет-нет. Если раньше я и сомневался, то теперь точно знаю: Вы именно тот, кто мне нужен. Более того, я именно тот, кто нужен Вам. Потому что я есть тот ответ, которого Вы ждете. Точнее, только я дам Вам возможность ответить себе самому.

Тут-то и произошел разговор, составляющий содержание первой главы. Но от главы 1, дочитав до главы 16, — чего только не позабудешь? Единого читателя любя, единого его удобства ради — что нам стоит? — повторимся:

— Да-да, Вы же профессиональный психолог, — я еще пытался съязвить, дурачок. — В таком случае Вы со мной поговорили достаточно.

Для того, разумеется, чтобы убедиться — сто-про-цент-но — что такому, как я, не по плечу убить. Кого бы то ни было. Даже Акопа.

— Похоже на то. Ну, а Ваши люди?

— Им-то это зачем? Им, как и мне, если на что и был нужен Акоп, то живым. С мертвого что возьмешь?

— Тоже верно. Ну, а если они случайно перестарались? Это бывает.

— И не сказали мне?

— Ну, знаете, докладывать о мокром деле какому-то фрайеру... Вы же не бригадир, а только наняли... Во всяком случае, если это и не Вы, в смысле — они, но всё равно — Вы, снять с себя обвинение Вы можете, только отыскав настоящего убийцу.

— Но я и не собираюсь ничего с себя снимать, чего не надевал!

— Придется, дорогой мой. Придется, если хотите жить. И жить как человек.

Аккомпанемент

— Мама, какие немцы чистоплотные — и какие они нечистоплотные! Лестничную клетку порошком моют, а в трамвае ноги на переднее сиденье кладут. Или собаку рядом с собой на сиденье сажают.

Рекламная шапка в «Штадт Цайтунг»⁷³: «Kompromisslos billig!» — «Бескомпромиссно дешево!»

Коан. (Человек, живущий в Германии 6 лет, своей сестре, приехавшей полгода назад и увязшей в немецкой грамматике):

— Что значит: нельзя ли выразиться проще — или по-другому? Да если бы немцы могли упрощать свой язык или выражаться по-другому, они бы не развязали две мировые войны!

— Сегодня Мануэль, классеншпрэхер...

— Кто?

— Папа, мне за тебя стыдно. Классеншпрэхер — это ученик из класса, который главный, пока учитка во время урока выйдет в туалет или еще куда.

— А зачем он нужен?

— Как зачем? Он следит за порядком. Пишет на доске, кто в отсутствие учитки дрался или громко разговаривал. Решает, что можно, а чего нельзя. Например, сегодня я говорю Мануэлю: «А можно положить ноги на парту?»

— Ну — и?

— Он подумал секунд 10 и говорит: «Нельзя».

— Неплохо. А если Мануэль заболеет.

— Предусмотрено. На этот случай есть заместитель классеншпрэхера.

— А его где берут?

— Там же, где и самого классеншпрэхера. Обоих выбирают на год в начале учебного года.

⁷³ «Городская газета».

⁷⁴ Sprecher — представитель.

18. Быка за рога

— И всё равно не пойму, почему именно я? Какого, извините, говна-пирога?

— Как это какого, дорогой мой? Судите сами. По словам Гали, к Акопу приходят двое. Один из них, по ее же словам, уже приходил недели за 2 до того именно с Вашим договором — следите? — и с бумагой, подписанной Вами же, где этому малому поручается уладить все финансовые недоразумения между Акопом и Вами. Неосторожно, дорогой мой. Не будь Вы поэтом, я бы сказал — глупо. Но глупость — для поэта похвала, а хвалить Вас не за что. Далее. Они сажают его в машину, и с тех пор его никто не видел. Через некоторое время его находят в песчаном карьере в Поддипках. Показать фотографию найденного тела? Прошу. Лица, правда, здесь не видно. Но я видел. Ну, как? Вы бы на моем месте — что сказали? на кого подумали?

— Я ничего не сказал. Ничего не подумал. Но почувствовал всем естеством... чтобы не пытаться описать неописуемое, коротко: дело мое — труба.

— Что это Вы, дорогой мой? Так-то уж не мрачнейте.

— Я Вам не дорогой. И не Ваш!

— Хорошо. Чужой и дешевый. Но так-то уж не надо. Убили человека — и ладушки, чего ж самому-то убиваться...

— Ладно. Короче. Как Вы меня нашли?

— Да что же может быть легче?.. Вообще-то я мертвого Акопа поначалу задвинул подальше — он сам напрашивался, и давно, и потом он лежит себе и хлеба не просит, а у меня хватало дел посерьезнее; но дошли и до него руки. Думаю, он, конечно, сам напрашивался, но всё же — моего человека, какого-никакого, но моего, убили — и убийца, наверное, думает, что за давностью срока выйдет сухим из воды. Нехорошо. Навел справки — сами видите, всё указывает на Вас. Так. А Вы где? Оказывается, уехали. Интересное дело, думаю, сидел человек на месте, писал стихи. Писал-писал — да вдруг уехал. Уехал себе — и ладно; но, между нами, поэт после себя оставляет стихи, а этот — трупы. Интересно, думаю, поглядеть на столь необычную поэтическую натуру. Пришел на очередную литературную тусовку, где Ваших знакомых пруд пруди... И потом, есть женщины в русских селеньях... Ну, а если сказать тому или другой: «Я хочу такого-то издать толстой книжкой, но не знаю, где его найти», — кто-то же да и пожелает Вам добра, да и будет в курсе, да и даст Ваши координаты. А тут у меня как раз деловая поездка во Франкфурт... Еще вопросы?

Я молчал. Что толку говорить.

— Тогда переходим к делу. Допустим, хотя все говорит против Вас, я Вам почему-то верю. Скажем, Вы мне симпатичны, потому что читали К.-Г.Юнга. Вообще приятно было тряхнуть стариной. В тех кругах, где

я сейчас вращаюсь, крайне редко можно услышать о Юнге, Адлере или Ференчи. Ей-богу, Вы будете смеяться, но там спроста могут спугать Леви-Стресса с Леви-Брюлем. Не того сорта евреи, чтобы отличать их друг от друга.

— А каких евреев надо отличать?

— Ну, Гусинского, Смоленского, Ходорковского... Словом, Вы мне доставили неподдельное удовольствие; ну, и я хочу дать Вам шанс. Теперь. Смотрите, в каком Вы удобном положении. Сами же говорите, жена с детьми как нарочно только вчера отчалила к друзьям в Бад-Хомбург до конца рождественских каникул. Каникулы только начались. У Вас тьма времени. Я могу с ней созвониться, если хотите. Думаю, что смогу объяснить удовлетворительно, чтобы она не нервничала, зачем Вы так спешно отбыли в Москву. Что еще?.. Да. За мной, разумеется, наличные деньги на поездку и оперативные расходы. Не скажу, чтобы этого хватило на умыканье девиц у воды и дальнейшее купание их в шампанском... но человек Вашего... размаха запросов на эти десять-двенадцать дней чувствует себя человеком со средствами. Психологически это, по-моему, для Вас своевременно.

— Допустим... Но с какой стати? Я же не частный детектив!

— Вы человек. Когда я из дипломированного психолога превратился в СНГ-вского бизнесмена, я сказал себе: не человек для денег, а деньги для человека. В отличие от Вас я не питаю склонности к самопознанию. Дело это, я Вам скажу, более опасное, чем русский бизнес, но куда менее результативное. Меня больше интересуют другие. В том и только в том случае человек может себя уважать в моем роде занятий, ежедневно общаясь с неприятными людьми, обходя на каждом шагу какой-нилиней, а закон, давая взятки, иногда по необходимости торгуя всем вплоть до... — словом, только тогда он обретет относительный мир в своем сердце, когда добываемые им деньги будут хотя бы отчасти направлены на благие — и желательно интересные — цели.

— Благотворительность?

— Нет, это скучно. Куда интереснее, например, видя, что перед тобой в некотором роде подающий надежды человек, считающий себя однако же неудачником и потому, извините, пьющий, — взять и стимулировать его активность. Содействуя его склонности к самопознанию. Для чего поставить его

— К стенке?

— Ну, если хотите. Поэта иногда бывает просто необходимо — в интересах поэзии — поставить в жесткие прозаические обстоятельства.

— Осторожнее, господин новообразуемый старый класс. Вы не в стране дикого капитализма хищнической эпохи первоначального накопления, не брезгующего самыми звериными средствами для достижения самых скотских целей. Вы — в историческом месте. В гринвичской

точке отсчета плюрализма. Вы в городе Аугсбурге, где 26 сентября 1555 года был подписан всегерманский мир в великой религиозной войне между католиками и протестантами. Именно отсюда, со скамейки, где мы сейчас сидим, есть пошел сам принцип уважения не только своей, но даже чужой свободы если не мысли, то инакомыслия. На том сижу и не могу иначе. Тут у Вас это не пройдет! тут Вам этого не позволят! Чтобы в Аугсбурге — и несогласных к стенке ставить... Еще чего.

— Ну-ну. Свобода. Имейте каплю уваженья к этой даме.

— Вот именно.

— Ну-ну... А по существу, что Вы имеёте против моего предложения? Только то, что Вы не частный детектив. А вот я ставлю целью доказать, что человек универсален. Сегодня и всегда, а не только в эпоху Ренессанса! если у человека есть что-то в мозгу и за душой, он когда угодно может стать кем угодно!

— Когда Вы прикажете быть героем?

— Да не я. Жизнь. Довольно прибедняться! Вы говорите, — и правильно, — что я и «я» — вещи разные. И делаете первый шаг — перестаете быть «собой» и становитесь никем. Здраво. Ну, а дальше-то, дальше чего Вы жметесь, как красна девица? Дала — так не кайся. Теперь, когда Вы поняли, что Вы — не вы, теперь самое время, оттолкнувшись от нуля, стать кем-то. Вы все равно не станете собой, а только очередным «собой» — Вы еще не поняли? — но поняв, что Вы — никто, самое время стать Кем-то. Тем «собой», за которого, по крайней мере, Вам не будет стыдно.

— Перед кем?

— Перед собой.

— Но если я всё равно не стану собой, то и стыдиться некому и не перед кем.

— Тоже верно. Но тогда... тогда Вы сможете сказать: правильно все-таки я уехал от этой дурной поэтической тусовки, мышкой возни, иначе бы не встретил Мухтара и не узнал, что я и впрямь поэт — и поэт истинный. Ведь Вы уже отдали себе отчет, что как пишущий стихи вовсе не есть еще поэт, так и поэт вовсе не тот, кто обязан писать стихи. Ну, бывают совпаденья, Пушкин там. А представьте, он бы и всю жизнь не писал ничего, но был бы внутри себя — Пушкин в натуральную величину. Перестал бы он тогда быть поэтом, как по-Вашему?

— Вздорный вопрос. Родом из детства. Тем более, что я бы о нем тогда и не знал, чтобы судить.

— Тоже верно... Ну, а разве важно, узнаете Вы — или другой вы — о Пушкине или нет? Он ведь о Вас тоже понятия не имел — и ничего, не от того тужил покойник; я думаю, как раз, если бы он еще кое о ком и о чем понятия не имел, и ему было бы легче, и нам лучше... Но к делу. Говорили Вы друзьям или нет: всё, что Вы умеете — это готовить?

— Допустим.

— Говорили Вы, что если бы кто-то вложил тысяч 70, а лучше тысяч 100 марок на первый случай, Вы бы открыли русский ресторан и решили свои проблемы?

— В порядке шутки.

— Угу... А вот я не шучу. Если Вы найдете убийцу или убийц Акопа и тем самым докажете, что и впрямь чего-то стоите, я — говорю совершенно серьезно — вложу в Вас требуемую сумму — для меня вполне посильную, и мы обговорим мои проценты с дохода. Вот увидите, у Вас всё получится.

— А если нет?

— Тогда я подумаю, как с Вами быть, — Мухтар по-прежнему улыбался, но мне разонравилась его улыбка. — Я пока не теряю надежды, что у Вас получится. Но если нет, с Вами просто должно что-то произойти. Не можете же Вы просто вот так сидеть и пить пивцо. Свобода свободой, но уж слишком прозаический конец для русского поэта — умереть от цирроза печени, свински разбухнув от пшенично-дрожжевого пива. Свобода свободой, но, если Вы не согласитесь на мое предложение, решать, что именно с Вами произойдет, буду я. Акоп был моим человеком, и при всей симпатии к Вам я не могу позволить, чтобы моих людей убивали просто так. У меня тоже есть свои принципы, не говоря уж о вреде, который наносит общественному самосознанию безнаказанное преступление.

Он связался по телефону с моей женой и что-то наговорил ей такое, что она, подозвав меня к телефону, дала мне «добр» на путешествие в Москву с самой легкою душой. В тот же вечер он отбыл во Франкфурт, откуда на следующий же день должен был лететь домой. Он хотел взять меня с собой, но мне нужен был еще день: как раз на завтра, в 10.00, мне задолго до того назначили термин к зубному-эксперту, от которого зависело — считать ли жизненно необходимой постановку протеза в моем многострадальном рту (что обязывало собес оплатить все, весьма приличные даже по самым дешевым расценкам, расходы), или считать протез моей косметической прихотью (что вело к законному отказу собеса оплатить хоть марку из моих расходов). Термин такого рода считается — и является — весьма серьезным для множества прибывающих из бывшего «Союза»; из-за большого количества беззубых он назначается за три-четыре недели, и не явиться на него без очень основательной причины значило дать властям повод обратить на тебя внимание. Что такое, человек сам просил, мы направили, подошла очередь — а человека нет. Да где он вообще? Уехал? Как? Какое право имел уехать туда, откуда он «бежал», да еще не поставив нас в известность и не снявшись на это время с социальной хильфе?.. Словом, чтобы

не засветиться, да и утрясти еще кое-какие дела, — по мелочи, но в Германии, а в русской Германии особенно, нет мелочей, — я должен был стартовать через день, из Мюнхена.

Аккомпанемент

В двухэтажном зупермаркте «Кауфланд»:

— Ищете?

— Ищу.

— Ну и как, много нашли?

— Сыр, пиво... Что надо, то, как обычно, и нашел. А чего тут, интересно, можно не найти?

— Значит, не ищете.

— Да чего же я должен искать-то?

— Вы что, тут первый день?

— Уже скоро год.

— Тогда почему не ищете?

— Да чего — не ищу?

Что-то соображает, потом, видимо, все-таки поняв, что я действительно не осведомлен, показывает пальцем на большой плакат, висящий прямо над головой. С трудом разбирая слова, узнаю: с понедельника идет неделя качества. На этой неделе тот, кто обнаружит среди магазинных товаров продукты с просроченной датой срока годности, получит по предъявлению этого продукта в кассе его полную стоимость наличными.

— А я думал — наши все уже в курсе. Тут когда такой декадник объявляют, многих наших встречаешь на охоте.

— И как сегодняшняя добыча?

— Средне. Два йогурта, копченая макрель и мясной салат... Шесть марок. Мелочевка. Мой личный рекорд — 15 марок. Я знаю одного, он раз нарыл на 19.

— И долго охотиться надо? Или — как повезет?

— Что значит — повезет? Удачу надо организовать.

— Вы и приемы знаете?

— А как же. Здесь у каждого свои ноу-хау. Но самое простейшее, нет смысла скрывать, до этого все додумываются: пока вы ищете банку или пачку со вчера-позавчерашней датой, вам попадаются и продукты с завтрашне-послезавтрашней. Наверняка попадутся, надо только разработать в себе боковое зрение, иначе это погоня за двумя зайцами. Берете и аккуратно, запоминая место и время, засовываете в задний ряд. Через два-три дня, пока неделя качества себе идет, в пятницу или субботу — вынимаете и сдаете уже как просроченную. Просто, как дверь. Вообще трудного нет ничего, работа как работа. Особенно для автомобилистов — нужно только внимание и развитое боковое зрение.

Лозунг сети зупермарктов «PLUS»: «*Prima Leben Und Sparen*⁷⁵ — «первоклассно жить и экономить».

⁷⁵ *Sparen* — экономить; производные русск. жаргонные — «нашпарить» (сэкономить), «шпарово» (экономно).

(Человек из Харькова):

— Жить надо, как мой сосед Мюллер. Имеет две машины, причем одна — пятисотый «Мерседес», а на работу ездит на велосипеде — шпарово и для здоровья полезно. Причем велосипедов у него три. Один предложил мне за 70 марок. Велик тянет марок на 400 исходных. Но — ему уже 2 года. Но — в отличном состоянии.

— Возьмешь?

— Предложил ему 50.

— Шпарово. А он?

— Сказал, через два дня даст ответ. Серьезный вопрос, должен же человек подумать.

ННР

Реклама кондомов на трамвайной остановке. Голубой неиспользованный презерватив в виде глобуса, над ним надпись: «Вокруг света». Под ним: «Прими участие».

А моему сыну уже 10. По-прежнему жду со страхом, когда, наконец, проезжая вместе со мной мимо, он обратит внимание и спросит — что это такое круглое и голубое.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

И всё это были подобья...

Б. Пастернак

1. Перед посадкой можно выпить

Что нехорошо для ежедневной жизни, то бывает очень хорошо для жизни однократной. После уютного Аугсбурга с его невысокой стариной, пунктирно, с промежутками свежего воздуха поставленными домами, четырьмя номерами трамваев — 1, 2, 3 и 4, за полчаса вместе с пересадкой на Кё (так по-домашнему здесь называют Кёнигсплац) разрезающими весь город, как пирог, на четыре ломтя, обилием дешевых магазинов систем «Норма», «Лидл» и «Пеннимаркт» — после уютного Аугсбурга — громоздкий, дорогой, неприспособленный для социального минимализма Мюнхен, находящийся всего в 45 минутах езды на 2-этажном удобном поезде SE, даже в самом центре своем — желто-серые окраины его только что опрятны и пристойны, но так же безлики и скучны, как московские Текстили и Кузьминки, а местами почти столь же задымлены, как Авто- и Электрозводские, — центральный Мюнхен удручет нависающей над тобой, как живот над ремнем, пузатостью высокой и угрюмой сплошной уличной застройки, при

полной ее стилевой хаотичности: между двумя классными югендштильными домами запросто может быть вставлена какая-нибудь стеклянно-стальная коробка или продолговатое бетонное страшило. Мюнхен в градостроительном смысле за пределами пресловутого-роскошной туристической зоны так же не считается со своим прошлым, как и Москва, и так же нелеп⁷⁶. Есть там, правда, один райончик, Швабинг... да, Швабинг... увижу ль я тебя еще?

Но если ты в кой-то веки оказываешься в Мюнхенском аэропорту, всё меняется. Современная стеклянно-металлическая дребедень перестает раздражать. Она преображается, она зовет в распахнутое пространство еще до того, как ты полетишь вверх на 10 000 метров, а затем вдоль на 3000 километров. Она зовет в полет до полета. Тогда ты понимаешь, что находишься не в надутом центре самой особо немецкой из всех особо немецких земель, но в светлой европейской столице, открытыми воздушными путями напрямую связанной с другими столицами Европы — нашего почти уже общего дома, и ты расширяешься сам и хочется позволить себе.

Словом, быть в мюнхенском аэропорту с пустым карманом и с полным — два совершенно разных состояния. Первое я испытывал несколько раз и могу заметить со знанием дела, что в нем ничего особенно приятного нет. Последнее я испытывал только раз: сейчас.

Разумеется, я представлял себе это состояние. Разумеется, я представлял его иначе.

Я думал, голодным своим воображением рисовал я портрет человека свободного, не зависимого от деформирующих обстоятельств бедности, переливающейся в нищету, человека с распрямленными плечами, входящего, от души улыбаясь, за 2 часа до отлета в ресторан, уже зарегистрировавшись, сдав багаж, и вот теперь, предвкушая одно чистое удовольствие как следует позволить себе, помогая расстегиванием кошелька расширению души, говорящего, опять же с удовольствием слушать самого себя, слова обеспеченного человека, голосом, отнюдь не стиснутым комплексом финансовой неполноценности: «Двойную порцию «Блэк лэйбл» безо льда, воды со льдом, жареный миндаль, а там посмотрим». Эта-то самая возможность посмотреть, возможность заранее обеспеченного столкновения с неведомым более всего и прельщала.

⁷⁶ Справедливости ради (опять же отзывается второй или четвертый я на очередное безапелляционное утверждение первого) нужно уточнить: Мюнхен был немногим менее руинизирован бомбёжками, чем Нюрнберг, и восстановить весь его центр в прежнем виде или всё время думать о стилевом соответствии в ходе стремительного роста еще полуразрушенного, но уже становящегося на глазах одним из финансовых и экономических центров Европы огромного города, — значит требовать невозможного.

А представлял это себе я, казалось бы, ученый жизнью человек — ах, когда, когда мы поумнеем? — так я прежний, но ситуация изменилась, и, получив то, чего он хотел, прежний человек ловит кайф, переходящий в галоп.

Сейчас, получая то, чего хотел, я ощущал всем естеством: получает всегда другой. Не тот, кто хочет, а тот, кто получает. Ситуация не меняется без изменения ситуирующего. Новый я мог позволить себе многое из того, что хотел старый, но чаемой радости не испытывал: мне дали денег, чтобы я пошел туда, не зная куда, и нашел того, не зная кого — в противном случае мне грозило известно что. Грудь в крестах или голова в кустах — эта ситуация вяжется с чем угодно, но не с удовольствием от нее. Если, конечно, ты не геройский парень по натуре. Я же был авантюристом совсем не геройского склада.

Сказать, что тревога переполняла меня всего — это сказать слишком мягко. Она парализовала мою волю, и если бы было хоть полшанса не действовать, я бы застыл в ступоре; но этих полшанса не было, и отвратительным до тошноты усилием воли приходилось преодолевать паралич, ехать, затем лететь, затем по прибытии как-то действовать по направлению к почти заведомо недостижимой цели и, стало быть, к почти заведомо плохому концу. Очень плохому концу.

Но, если верить Станиславскому, у меня был шанс через внешнее попасть в воображаемое внутреннее: сделать то, что, как воображалось априорно, я делал бы с таким удовольствием, — а там, глядишь, и захотеть того, что делаешь; там и всамделишно стать таким, каким себе мнился.

Я взял двойной «Блэк лэйбл» безо льда, воды со льдом и жареного миндалю. Там посмотрим. Посмотрел. 12 лет жизни в бочке, а виски как виски. Как мягкое виски. Платишь вдвое, а виски остается тем же самым, только мягчает. Хуже, однако, было то, что и я, вопреки Станиславскому, остался собой — теперешним; и хоть бы мне помягчело. Впрочем, что такое двойная порция? Не знаю, как в Америке, в Германии это 40 граммов. Я взял еще одну двойную, коньяка. Не помягчело, но потеплело. Уже кое-что. Не войдя в прежнее, я на время все-таки вышел из холодящей тревоги настоящего — в другое настоящее? А если из него выйти еще в боковую дверь третьего настоящего и так далее — и так уйти от себя в себя? Нужно будет только остановиться на том себе, который для себя переносим. Не промахнуть эту дозу.

Сколько раз пытался я решить задачу на точность взятой дозы, но никогда еще так не нуждался в правильном ее решении...

* * *

— Простите, Вы русский?

— Как Вы это поняли? — я был застигнут на пути к третьему настоящему, при помощи рома «Баккарди»; вдумчиво посвятив эту дозу Ремарку, я лениво обернулся от барной стойки на голос.

— Да прямо так и понял. Ваши быстрота и натиск, мой глазомер.

— А если бы я был поляком?

— Тогда бы были бы поляком, — сказал он. — Но Вы же не поляк.

Интересное лицо, из тех, которым мешки под глазами — притом, что в остальном человек имел едва ли не лощеную внешность — придают не вид опустившегося человека, но интровертную нагруженность, помноженную на живое обаяние зрячего и именно на тебя зрячего взгляда. Такие лица не слишком портят даже мясистые — не люблю мяса в человеческом лице — щечки; даже позорные красные пятна от выпитого на бледном от выпитого ранее лице. Такие лица словно сохраняют параллельно все прожитые последовательно стадии жизни, не возрождаясь, как Феникс, после очередного прошлого, моментально редуцируемого к нулю новым мигом жизни, и говорят они о том, что хозяевам их отказано в единственном, кроме умения зарабатывать деньги, стоящем умении — умении по-настоящему жить, то есть жить настоящим.

— Присоединяйтесь, — перед ним стояла на третью опорожненную бутылку «Смирновской», — или Вы продолжите салютовать Ремарку? Но, во-первых, мы в Баварии, а не в Оsnабрюке, а покойный, сколько могу себе представить, если чего и не выносил в немецком менталитете, то пуще всего этого именно, чем набит баварец.

— Заявляю видершпух. Он называл комплекс, о котором Вы говорите, пруссачеством. Центром коего ему, разумеется, виделся Берлин.

— Да? Вот что значит рассуждать о том, в чем ты не специалист. Например, о литературе для юношества... А всё же я еще помню от юности моей, что, так сказать, *tribute to Remark*⁷⁷, следовало бы, сменив сначала конъяк на ром, сменить ром на кальвадос, а кальвадосу — здесь и ... — он надул губы и издал ими пукающий звук. — Впрочем, покойный поэтизировал и русскую водку, находя в ней сравнительно со шнапсом что-то особенное, кажется, что-то «вкусное» и чуть ли не «свежее». Интересно, что он имел в виду?

— Откуда мне знать? Большое видится на расстояньи. Вкус водки понимают только иностранцы. Русские водкой напиваются. Я, безусловно, русский. И в самом деле поминал Ремарка. Проницательности Вашей нет меры, — я присел за его столик, снял свою парку и повесил на спинку стула. На спинке его стула висел плащ; даже по баварской зиме это было легковато, а уж лететь так в Россию... — Что еще можете сказать обо мне?

— Ну... семидесятник гуманитарного профиля. Судя по некоторым деталям... если брать только вербализуемое типа: шикарный пиджак без галстука и при ношеных джинсах, художническими клочьями облетев-

⁷⁷ Чаще всего — музыкальное приношение (покойному) знаменитому музыканту от его коллег; здесь просто — в честь Ремарка (англ.).

шая шевелюра и стремительная атака на спиртное, считаете себя первичным деятелем культуры — писателем или художником, а таких, как я, — вторичными ее деятелями, комментаторами. Я, по-Вашему, супротив Вас — Вагнер супротив Фауста, сиречь плотник против столяра. Русские маэстро еще не усвоили того, что на Западе давно аксиома: настоящий, толковый Вагнер в наше время, когда художества собственно накопилось сверх потребности и требуется новое художество, художество художеств — привести, наконец, хозяйство в порядок и притом увить его стильным артистическим метабеспорядком, расшифровать, но перекодировать ⁷⁸ — так вот, с чисто художественной же точки зрения, артистический нео-Вагнер — фигура интереснее десятка гипотетических Фаустов.

Я понял, что по мою душу откуда ни возьмись грядет еще один, непрошенко говорящий со мною моими словами, только этот уже — совсем-совсем неотличимо от меня. Господи ты, Боже мой, с чего вдруг послал Ты в два последних дня такой урожай ягод одного со мною поля — после двух лет интеллектуального затворничества? Зачем? Будто бы это мне сейчас нужно, будто бы мне до интеллектуальной болтовни — накануне самых грозных действий. Да ведь после комфорtnого трепа о художестве так увязнешь в себе-прежнем, что промахнешься и с шести шагов!.. не дай, не дай себя вовлечь. Соблюдай дистанцию. Пусть он говорит, и ты; но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

— Творец сейчас, — продолжал он тем временем, — интерпретатор, герменевт; открыватель новых горизонтов больше не какой-нибудь новый Рембо, который невозможен не потому, что невозможен, а потому, что избыточен, — но какой-нибудь Ролан Барт; с моей-то личной маленькой колокольни и тот, и другой — молодцы против овец, причем именно в области этих самых вечно новых горизонтов. По сравнению со старым добрым... не скажу с кем. Угадайте с третьего раза.

— С первого — резко отказываюсь.

— Ну и правильно... но, увы, есть правда вечного смысла — в которой мы мало что смыслим — и правда сегодняшней культурной ситуации. Согласно же последней, Вагнер нынче и есть Фауст, а...

— А Фауст — говно?

— Ну, зачем же так.

— Нет, уж Вы договаривайте... Молчим?.. Знаете что? Стоило тратить порох после того, как сначала вся практика XX-го века, от последствий черного террора и красного квадрата до плачевых итогов жизнесмерти последних героев рок-н-ролла, сначала вполне заслуженно вбила осиновый кол в грудь тому, за кого Вы меня принимаете, а потом постмодернистская теория, окончательно стерев его в порошок, сама же

⁷⁸ Und so weiter — и так далее.

воссоздала из праха, чтобы из соображений культурной экологии, в отличие от Вас, политкорректно восстановить Творческую Личность — по всей ее амплитуде, от романтического эскэйпизма до авангардистского революционизма — посмертно в правах, но только наравне с остальными, в одном горизонтально-плюралистическом ряду. И тоже заслуженно. Так что мы уже давно все осознали, готовы исправиться и, поставленные на место, только что просим нас ногами не бить. Даже экологически чистыми ногами.

— Ах ты, meine Güte!⁷⁹ кажется, так тут выражаются?.. Во-первых, для того типа, представителем которого я Вас якобы считаю, «наравне с-другими» — это уже никакие не права, а именно конец всех прав на самоопределение и вообще конец жизни, так что и осиновый кол можно убирать за ненадобностью. А во-вторых, на самом деле я ни за кого Вас не принимаю, кроме как за Вас лично. И по глазам Вашим вижу, по всей Вашей обидчивой гонощистости, что уничижаетесь Вы паче гордости и ничего Вы не готовы исправиться, а чувство превосходства из Вас так и прет, как будто на дворе XIX-й век и умами и сердцами как ни в чем ни бывало повелевают лорд Байрон или Фридрих Ницше, а не Билл Гэйтс и Тэд Тернер. В компании с Джорджем Соросом и Карлом Лагерфельдом.

Я неприятно почувствовал, открывая рот, что сейчас буду не вполне ровен и сдержан. Что по многолетней привычке к словесному алкоголизму против воли втягиваюсь в игру. Такие типы всегда умеют зацепить типов себе подобных за живое. Рыбак рыбака видит издалека. Вот паскудство какое, когда ты все понимаешь, но не в силах закрыть свой же открывающийся рот. И всё же, догнав себя на пути в срыв, можно хотя бы попробовать на ходу удержать себя от него, растворить его энергию в криволинейных окolicностях речи.

— Что делать. Знаете, как безумный гений теории-практики, фауст-вагнер истории-кулинарии Вильям Похлебкин пишет про классическую восточную пряность ассафетиду? Вкус-запах ее «можно охарактеризовать одним словом — отвратительный»; причем вкус этот во рту не смывается ни водой, ни водкой, а сковороду от этого вкуса-запаха два-три дня не выветрить и не отмыть чуть ли даже соляной кислотой. Так и во мне эта штука, как ее ни вытравляй какой-нибудь Деррида, или Вы вот, или я сам, трудно истребима — по врожденности. Но потом я так подумал: отвратительная едритской силы ассафетида тоже нужна и даже издревле входит в список классических пряностей, т.е. таких, без которых кулинарная культура непоправимо обеднела бы. Она, следственно, от века неотменима, только в малых дозах. Похлебкин пишет, что ее даже не кладут в пищу, а проводят ею по дну большого котла

⁷⁹ Батюшки святы!

черту — и лады, а две черты — уже предельная дозировка. Так, может быть, и человек моего типа, может, даже и я сам — чисто теоретически, — необходим в общечеловеческом раскладе, как отвратительно-жгучая ассафетида. В малых дозах, но именно в *полном* своем самосознании, то есть этом самом, разоблаченном сто раз — и поделом. Сознаний своей исключительности и первородства. Я, может, сам не хочу быть носителем такого сознания, оно мне, может, самому противно; но что делать — ассафетида не выветривается. Так вот и несу, если на то пошло, свой крест.

— То есть — попросту — не получается быть скромней?

— Почему? Пока фаустов не мешают с дерьмом, я всегда готов признать высокое призвание вагнеров. Взять хоть мой случай. Райнер Вагнер — единственный цветок добра нашего социаламта. Спросить меня, так он достоин называться не просто Райнером, а Райнером Марией. Пока он был моим бератором, я горя не знал. Он не кричал в лицо: «*Kein Englisch!*», а покладисто переходил на английский, никого сразу не гнал на шпрахку⁸⁰, а полгода давал погулять, сам без письменных антрактов выдавал винтер- и зоммеркляйдунгзгельд. То есть, будучи облечен властью, тем не менее абсолютно — представляет? совсем-совсем! — не находил вкуса в унижении людей. Просвещенный человек — что говорить, когда у него на стене висела картина Морица Эшера, а не вечный слоеный сладкий Кандинский, как у них у всех.

— Вы считаете, любовь к Эшеру говорит о большей просвещенности, чем любовь к Кандинскому?

— Да сама любовь к кому-то, кто не утвержден сейчас лучшим, главнейшим художником эпохи, всенемецким всем — уже одно это в Германии знак Человека! У всех висит Кандинский, иногда Шагал — это как у нас раньше не то что «Утро в сосновом лесу» или там «Девятый вал», нет, это как какканцелярский портрет Ленина в коричневой тройке с галстуком и взглядом в сторону — у одного этого Эшер. Да если бы у него висело что угодно, только не назначенный неведомой, но определенно высшей культурно-бюрократической инстанцией Кандинский, — что угодно, самая что ни на есть красавая краса красот, вплоть до «Неизвестной» Крамского — и тогда я считал бы Вагнера просвещеннейшим из баварских швабов. Шутка ли, у чиновника — свой вкус!

— Не уважаете, значит, немтуру? — он налил по рюмке водки. — Цум воль!⁸¹

— И Вам того же. С какой стати я буду уважать немцев раньше, чем они меня об этом попросят? Я их больше, чем уважаю — испытываю к

⁸⁰ Обязательные полугодичные языковые курсы по 8 часов в день (для аусзидлеров и контингентфлюхтингов — большая льгота — бесплатные).

⁸¹ Zum wohl — на здоровье.

ним сильнейший интерес. Если угодно, восхищаюсь ими. Всегда ведь интересно только то, чего не умеешь сам. Не говорю о том, как они вежливы даже с подозрительной публикой вроде меня — я бы, глядя на себя со стороны, себе не улыбался бы. Не будем об этом. Но возьмите, например: у нас в этом году был редкий январь — минус 18, так они продолжали ходить в куртняшках на футболку, без шарфа и без головы. Нет такого кашля и насморка, который помешал бы немцу грудь нараспашку ждать трамвая. И в трамвае этом они продолжают вовсю чихать и кашлять, то есть заражать друг друга по кругу, так что грипп у них не по сезону, а круглый год, как и овощи и фрукты, — и в таком состоянии все равно прут на работу, как на праздник! Мне битва под Москвой кажется теперь былинной небылицей — не могли они ее проиграть из-за какой-то зимы! не могли и все! русская зима им, извините, как два пальца об асфальт! а раз такое дело, то битвы и вовсе не было. Вернее, она могла быть, как могут быть НЛО, от которых тоже сохранились кадры и фото, и воспоминания очевидцев, но ведь другим от этого ни жарко ни холодно, это было в-пространстве-где-меня-нет, а значит — было ли? так и битва под Москвой, возможно, есть в параллельном пространстве-времени, с параллельными немцами-русскими... Правда, у меня дед погиб под Смоленском, но приходится допустить — не хочу показаться циничным, надеюсь на Ваше понимание — но единиц из интеллектуальной честности приходится допустить, что это был параллельный дед

— Параллельного Вас?

— Вот тут-то и загвоздка. Теоретически — у меня здешнего был дед; именно дед, который у меня был — погиб словом, теоретически, если здесь и теперь есть я, то, отматывая логически, именно под Москвой э т о г о мира была и битва под Москвой. Но практически — да и теоретически — вопрос, б ы л о ли прошлое, точнее, е с т ь ли ненаблюдаемое прошлое, которое мы к тому же не в состоянии удостоверить личным опытом, для меня — неразрешимый вопрос жизни. Возьмем такой пример: я православный христианин. Стало быть, ничего глупого в почитании святых не нахожу, ревизию и редукцию их житий в смысле: вот это могло быть, значит было, а этого быть не могло, значит не было — производить не собираюсь... Я беру житие, скажем, св. вмч. Георгия целостно — то есть принимаю его на веру в целом, вплоть до дракона и девицы — и так, по моим наблюдениям, делают все культурные, т.е. укорененные в культовой традиции православные, кроме специальных людей — верующих, но — безо всяких психологических потерь — профессионально исследующих жития в плане влияний-сращений-скрещений с прежними местными верованиями, языческими преданиями и т.п. Но почему мы допускаем дракона как возможное, как реальность нашей просвещенной веры? Либо потому, что бы мы ни

говорили, что на дне души каждый из нас не лишен сказочного сознания любой баушки Арины Родионовны, либо — потому, что мы имеем дело с областью «прошлого», а в «прошлом», в отличие от «настоящего», в с ё б ы в а е т на правах равно возможного.

— Угу... А не допускаете, что мы воспринимаем дракона как возможное, помещая не в прошлое, а воспринимая житие как икону: как перевод описываемого в плоскость преображенного мира, то есть мира иного, в котором все земное сохраняется, но уже в вертикальном, а не горизонтальном расположении и в столь претворенном виде, что, хоть на земле драконы невозможны, но здесь, по ту сторону явлений, в мире, где только и есть на с а м о м д е л е, небесно-земно вечно, если угодно, возможно и неудивительно, что святой Георгий вечно-сияющим-нужно-реально убивает дракона; дракон же сей, животное столь одушевленное, что питается исключительно красными девицами, находя вкус только в дщерях человеческих, тоже вполне правдоподобен, потому что мы имеем дело не с миром явлений, а с миром уже самих вещей-в-себе, в котором — не зная о нем на земле ничего, кроме только того, что он е с т ь — мы мысленно располагаем как правдоподобную любую возможность?

— Не лишено смысла. Но я не держусь за свою интерпретацию житийного сюжета. Я вообще — о вещах, связанных не с вечностью, а со временем. После Бергсона для чувствительного к теплым и холодным временными течениям человека, если он до того и боялся верить себе, вообще ничего не стоит предположить иную временную топологию: рассматривать прошлое не как бывшее до настоящего, а как существующее, например, рядом с ним, параллельно или еще как-то, но не так, как мы о нем привыкли... Я в юности чувствовал «прошлое» как чисто зрительный образ — «прошлого» нет, это просто отодвинутое настоящее — отодвинутое и тем перспективно уменьшенное. Телеграфные столбы тоже уменьшаются по мере удаления в наших глазах, но это не значит, что их нет. Таким образом, в «прошлом» я имею м и л и о н ы о т о д в и н у т ы х м о м е н т о в н а с т о я щ е г о, причем в каждом помещается по «мне». Улавливаете закрутку? Сейчас я чувствую, что и это не так. Не я живу во времени, а...

— А оно в вас? И вне вас временной последовательности нет? Почтенная мысль. Только вот почему же оно вас старит и в конце концов убивает — и это объективный факт? Или и старение, и конечная смерть наша — лишь субъективны? Вы это хотите сказать?

— Да нет, не это... Не то и не это... Я вообще дурак дураком. Когда ясно вижу картину времени — не могу ее описать, только в и ж у . А потом, когда она исчезает — а она моментально исчезает — я совсем теряюсь. Особенно здесь, в Европе. Замечали — здесь время другое, чем в Москве? кажется, его здесь вообще нет. А ведь оно только здесь

по-настоящему и было, прямое время Истории — стрела из прошлого в будущее. Куда же оно подевалось? Иду по своему Аугсбургу: роскошный город, вольный имперский город что-то такое с 1272 года, любимец кайзеров Священной Римской Империи. Роль его в европейской жизни была едва ли ниже, чем роль Флоренции. Тут жили богатейшие и влиятельнейшие люди Европы. Сюда Карл V приглашал Тициана писать свой портрет. И здесь же на диспуте Мартин Лютер дал отпор по всем статьям папскому легату кардиналу Каэтану, но ночью благоразумно бежал — тогда-то и заварилась настоящая каша. Филипп Меланхтон и «Аугсбургское исповедание» на здешнем рейхстаге 1530 года. Эпицентр протестантизма, религиозной войны при Карле V — и точка мира уже при Фердинанде ставится здесь же. А местный Дом всеми своими составными вещает об еще более ранних событиях — о 500-х последних годах средневековья. А рядом — раскопки римского фундамента before Christ⁸². Стеллы, барельефы. Здесь родился Хольбайн... извините, Гольбейн, столь напугавший Достоевского — почти 500 лет спустя — видать, ухватисто был силен! Прадед, дед и отец Моцарта — все они жили здесь, все они швабы. Откуда-то отсюда и Альберт Великий, тоже шваб. Плотнее уж нельзя начинить город историей. Ты живешь в ней, шагаешь по ней, тонешь в ней по уши — а ее нету. Живешь как в Вышнем Волочке. Куда она ушла-то — из самой себя?

Аккомпанемент

Теща у нас в гостях, походивши по нашему отуреченному району, где больше турецких лавок, чем даже пивных и аптек, и теперь глядя в окно на очередного турка, катящего через перекресток коляску с двумя детьми — турок всегда и работает, и коляску катит, и еду готовит, доверяя серьезные вопросы жизни только себе — и семеняющую рядом жену в платке и сером уни-пальто:

— А у вас здесь много приезжих.

Жена:

— Ты хочешь сказать, иностранцев.

Теща:

— Ты так их называешь?

Друг, живущий во Франции:

— Ну что, со свиданьицем.

— А что мы пьем, бургундское или бордо?

— Мы пьем 35-франковое вино. Значит, не из дешевых. Но и не из дорогих.

— Но всё же?

— Я тебе так скажу: на пятом году жизни во Франции я понял одно — нет вина бургундского и нет вина бордо. Нет вина божоле и кот дю Рон. Нет вина анжу, корбье, кот дे Прованс, кот де Руссильон, кот д'ор и кото де Лангедок. Нет вина лозы гамей, мерло или пино нуар. Нет вина сухого и полусладкого. Нет вина

⁸² До Рождества Христова (англ.).

белого и красного. Есть вино дорогое и дешевое. И дешевое всегда будет плохим, а дорогое хорошим. Но чтобы понять это, надо еще хотеть почувствовать разницу. А это желание блокируется уже к концу первой бутылки. И дальше ты человек человеком, плати за вторую хоть 13 франков, хоть 135.

Два дня спустя, уже дома, в Германии. Сосед по хайму, в ответ на пересказанный мною французский разговор:

— Да? Всё дешевое вино плохое? Он, наверное, забыл вкус вина, подкрепленного техническим спиртом. Я этот вкус не забуду никогда — сейчас он лезет даже из сухого грузинского и молдавского вина: недобирают — и подкрепляют. И скажу с полной ответственностью — в самом дешевом здешнем винце этого привкуса нет, а есть только вкус жидкокватого, второсортного винограда — но винограда без никаких. Так что скажем уж лучше, как таджики о плове: если у тебя есть деньги — ты пьешь бордо; если у тебя их нет — пьешь только бордо⁸³.

— Вы заметили, как еврейский человек ассилируется с теми, с кем живет? До упора. Еврей из Питера или Саратова, если ему там футболка не нужна, ребенок из нее вырос, перед тем, как выкинуть ее, поинтересуется у тебя — твоему пасану не сгодится? и если да, отдаст даром. А еврей из Винницы еще попробует за нее слупить с вас 5 марок. Правда, и тот, и другой — сначала поинтересуются у вас. Русский просто выкинет. Упор упором, а зазор зазором.

— Вот и Кафка говорит — всё, что возможно, происходит. Но происходит лишь то, что возможно.

— Да? Умный был еврей. Почти как Березовский. Но не того размаха. А почему? Опять же потому, что жил с чехами.

2. Можно и поговорить

— Н-да, — сказал он. — Если это не простое водочное вдохновение, то Вам должно быть полезно здесь жить. Коль уж Вас так зарубает — стало быть, Вы счастливы: чего еще, кроме стимуляции мысли, недостает артистическому сознанию?

— Денег, конечно. И вообще, что такое счастье — это каждая семья понимает по-своему, по ходу созидания своего индивидуального несчастья.

83 Высказывание, в общем соответствующее действительности: в простых немецких магазинах, не говоря о специализированных винных лавках, я встречал — навскидку — вина бордо стоимостью от 3.59 (в «Норме» или «Кауфланде») до 39.95 марок («Шато Марго» или «Сен-Жюльен» — в «Карштадте»); безусловно, вкус моего собеседника особо тонким не назовешь: бордо за 3.60 только так называется — винцо, мягко говоря, среднее, — но для меня лично дело тут не в тонкости вкуса, а в загадочной обязательности самой категории вина внутри представления о человеческом достоинстве (мало ли что очередной я говорил раньше о несуществующем достоинстве минималиста) — если помнить, что спроста можно купить литр сухача в картонном пакете и за 1.59, и оно тоже будет разрешенным к продаже в странах EU, т.е. (по нашим меркам) неоträгаемым.

— Задумчиво. Но мило моему уху. В сущности, в разговорах друг с другом мы никогда не ищем смысла, а только — родную группу крови. Мы слушаем именно что ухом — и душой, а не мозгом. Понятийный аппарат европейского интеллектуала употребляется им по прямому назначению, но мы, переняв его, переставили акценты, сделав главным косвенное — проверку на «своих» и «чужих». Ваш контаминирующий парафраз кстати, и чисто музыкальное удовольствие от комбинаций русскоязычных варваризмов доступно во всем мире только малому стаду — русским гуманитариям с их любовью к мяtno-освежающему чужестранному акценту родной речи... Выпьем-ка вот за что. За то, что мы с Вами одной, вековечно умерщвляемой, но почему-то не убывающей крови — крови русского умника...

— Кажется, это где-то уже было, я даже вспоминаю где.

— Истина не тускнеет от повторений.

— Ого! Люблю людей, не боящихся пафоса. Прозит⁸⁴. Куда летите?

— В Лос-Анжелес.

— Ага. Небось, на какую-нибудь конференцию по Мандельштаму? Толкать доклад о хищных осах жирным стрекозам?

— Откуда все-таки в Вас столько этого вашего ассафетидства? Вроде бы уже не мальчик, пора примириться с людьми. Но как ни странно — горячо. По Мандельштаму, и не только, но не на конференцию. Я в одном калифорнийском городишке с недавних пор трублю контрактным профессором, совмещая в одном лице ассистанс- и ассошиэйтед-профессора.

— Ух ты. Снимаю шляпу. По слухам, русских славистов теперь нигде почти не берут. С солидным именем — и то от ворот поворот.

— Ганц генау⁸⁵.

— Вот интересно — почему наш брат так любит щеголять иностранными словечками? в прошлом веке — французскими, сейчас — английскими, мы вот тут — немецкими... Здесь это совсем не признак образованности, напротив, наш преподаватель на языковых курсах — из бывшей ГДР, сравнительно неплохо знает русский — говорит: «Обходитесь без словесных эмболов. Не думайте, что если вы вставите в свою русскую речь пару немецких словечек, это будет свидетельствовать о знании немецкого. Это просто дурной тон. Страйтесь, с любыми ошибками, говорить полностью по-немецки, а щеголять им не надо».

— Так, да? Так он о нас думает? А я думаю, он плоховатый этнопсихолог: русский человек, конечно, всегда не пропь щеголнуть заграничным по дешевке, но больше — хочется речь нарядить как красную девицу, привкуснить, подпрянить, что парой матерных слов, что ино-

⁸⁴ Prosit — «поехали», «вздрогнули».

⁸⁵ Ganz genau — совершенно верно.

странных. Это все не к снобизму, а к помянутому Вами Биллу Похлебкину, по его части. Уж будем какие есть, и да здравствует эмболия речевой артерии!.. Так вот — возвращаясь к нашим барапам — я вчера на мюнхенской конференции славистов сказал, что нынешняя защита кафедр европейской и американской славистики от носителя славесности, русского писателя или профессора — это такая же государственная политика, как защита отечественного производителя пива и колбасы, но, в отличие от упомянутых, вздорная и крайне вредная для культурного процесса.

— Na und?⁸⁶

— Результат — в пяток, по крайней мере, немецких университетов, если бы и захотел, могу носа не совать.

— Глухо.

— А Вы думали. Как в танке. Верно Вы говорите — немчура.

— Это Вы говорите. Я не страдаю ксенофобией в местах, где я сам иностранец. На всякий случай, знаете. Еврейская кровь. Хоть Вы решили, что я русский.

— Одно другому не мешает. Угадано главное: Вы не поляк. Насчет же местных жителей... Ничего не хочу сказать о немце вообще, я его не знаю, но я спрашиваю: кто такой полный немецкий профессор? Вы спросите в ответ: во-первых, какой именно — филолог там или астрофизик? Мой ответ на вопрос в ответ: и во-первых, и во-вторых, и в-третьих полный немецкий профессор — высокостепенный государственный служащий с вытекающими отсюда привилегиями и пожизненной обеспеченностью. И только в-четвертых он — филолог-славист или астрофизик, который имеет возможность почти безопасного выхода в астрал, *per aspera ad astra*⁸⁷ — в худшем случае своевременный выход из астрала с букетом астр на безбедную пенсию ему гарантирован, — но никогда не позволит себе такой несолидной выходки. При этом служащий может любить свое дело — например, славистику, хороший чиновник даже должен любить его, во всяком случае испытывать к предмету своей деятельности большое уважение... Но — к самому предмету, обрабатываемому продукту, а не к его производителям, по крайней мере живым. Уж ваша-то братия, если только не научится по духу времени и вкусу надувать щеки и повязывать галстук, ваша немытая братия для него...

— А для Вас?

— Сравнили. Я к Вам отношусь с раздражением. Не люблю петушиной спеси, прикрытой самоиронией. Это значит — против воли отношусь всерьез. Ведь если бы я с детства по-старорусски не обожествлял

⁸⁶ Ну и?..

⁸⁷ Чрез тернии к звездам (*лат.*).

литературу, то бы не полез в филологию. А кто в детстве начал грызть ногти — тот, хоть тресни, будет грызть их и в гробу. Они же и там продолжают расти, а он, значит, втихаря, благо никто не видит... Да, а немецкий профессор на вас смотрит просто как приличный человек на бомжа, вот точь-в-точь, как, Вы говорите, нехороший бератор вашего социаламта. А между тем вами же и кормится.

— Чиновник социаламта тоже нами кормится. А уважение его к нам от этого что-то тоже отнюдь не растет.

— Поправка принимается... Американский профессор — дело другое, там протекционизм чисто стэйтсовый. Объяснить?

— Зачем. Зачем тайны Нового Света, когда за 40 с лишним лет я не смог разобраться со Старым? На хрена мне чужая Аргентина, когда не разгадана еще загадка каховского раввина. Да, но как же тогда Вы-то устроились?

— Да вот, как же я... Это, батенька, коммерческая тайна. Но могу рассказать.

— Как хотите.

— Тогда не расскажу. Пока что. Рано еще, сырьо еще, — и шлепнул рюмку. Выпил без меня. — Правда, здешний «Смирнофф», в 37 с половиной градусов — жуткая дрянь? с аптечным привкусом резины; и что интересно, то же и во Франции. То ли дело наш, аутентичный американский «Смирнофф». Что бы там ни говорил Ремарк, утверждаю обратное — у водки не может быть хорошего вкуса, водочный вкус гадок *per definitionem*⁸⁸; но хорошая водка — есть, и у хорошей водки может и должен отсутствовать какой-либо вкус. Вот тогда наливай и пей — это и есть то, что доктор прописал: чистая отрава. Чистая рубашка перед смертью.

Эге, да ты сам себе русский Ремарк; я посмотрел на него внимательнее. Гладко выбритый человек, пахнущий одеколоном «Кельвин Кляйн» или «Давидов», в мокасинах из мягкой кожи и джемпере «Ральф Лоран» с вышитым на нем всадником, играющим в поло. Человек, явно имеющий не вынужденную привычку, но природную склонность следить за собой, нуждался сейчас в спиртном не меньше меня — по причине едва ли не противоположной. Я хотел отодвинуть страх перед неминуемым тупиком, а значит, стенкой, которой закончатся мои поиски. Хотел скрыть свой страх от себя или скрыться от него. От моего собеседника, напротив, физически ощутимо исходило желание что-то свое хоть кому-нибудь открыть, об-наружить — и одновременно противожелание удержать себя от об-наружения пока еще целомудренно скрытого.

Первое желание обречено было на победу — алкоголем; он и хотел, чтобы оно победило, иначе не выбрал бы худший способ сохранять стыд

⁸⁸ По определению (лат.).

и играть в молчанку: прибегнуть к водке. Коньак располагает к молчанию и уходу в себя, вино и даже скотиноватое пиво позволяют общаться на безлично-межличностном уровне, просто сообща радоваться жизни, но уже после стакана водки невозможно остановить душу, рвущуюся к самой невозможной и самой желанной изо всех земных целей: перелиться от избытка из собственного вместилища во вместилище собеседника, не беря в толк, что последнее уже под завязку занято такою же, но с в о е ю тugo, под давлением, закачанной газообразной душой.

Плохо, значит, ему было; вполне возможно, что и не лучше, чем мне.

— А Вы что здесь делаете?

— Живу. В качестве контингентфлюхтлинга.

— Давно работаете евреем?

— Работал. Позавчера отправлен... на умшулонг. Или forbildung⁸⁹, леший его разберет. Одним только евреем быть уже недостаточно. Надо либо быть им на 150%, либо кроме еврея еще быть человеком. Что-то еще уметь. Но вообще больше года.

— Угу. И как кривая ностальгии?

— Как ей и положено. Через полгода резко пошла вверх, дойдя до уровня бреда. Когда месяцев восемь тому увидел в мюнхенском Ленбаххаузе на американской выставке два парных уорхоловских портрета Ленина — представляете — расстрогался до слезы: свой! Потом пошла мутация- frustrация, какая-то, шут его знает, антиностальгия — то есть ностальгия же, но... вроде как в меню итальянского ресторана: паста — антипаста. Давеча вот смотрю по местному ТВ документальный цикл «Помощники Гитлера», Борман там, Шпеер, Геринг — и, можете себе представить, опять расстрогался до соплей. Вот, думаю, хоть что-то с в о е , до боли близкая шобла, родом из детства...

— Любопытно.

— А Вы думали... Один здешний, правда, сказал, что праздность — мать психологии. Сильно сказано — для немца. Сам-то он праздностью не грешил — подозреваю, фраза эта пресловутая сказана им была не без иронии, переходящей в сарказм. Он, наверное, хотел сказать «психопатологии», но в осьмнадцатом столетии еще не изобрели такого слова... А Вы в самом деле специалист по Мандельштаму?

— Вот не ожидал от Вас такой глупости, — он вдруг рассердился. — Слушайте, а Вы специалист по собственной жене?

— Не понял.

— Ну, так научитесь сначала понимать, а потом уж будете говорить глупости, коли не расхочется! Ведь жену-то свою вы наверняка лучше

⁸⁹ Forbildung — обучение по уже имеющейся специальности с целью усовершенствования квалификации или немецкого подтверждения твоего русского диплома.

знаете, чем я Мандельштама. Я с ним ночью по душам не разговаривал. Но какой идиот скажет: «Я — специалист по собственной жене»? Вы же не немец, чтобы думать, что по живым людям бывают специалисты, как по починке унитаза.

— Ну, прости, я неудачно вообще я тут полгода года, с кем по-всему я хотел только, чтобы Вы мне объяснили про эту ласточку. То слепую, то живую, то мертвую, то каким-то образом связанную в легионы боевые, а то она и вовсе — хилая, разучившаяся летать, но почему-то именно ей следует отдать строгий отчет, да еще не за себя, а за некоего Лермонтова Михаила. Когда-то она как влетит в мою душу

— С стигийской нежностью?

— Не без нее. И с тех пор всё не вылетает, так всё и машет веткою зеленою, а я так и не могу понять, кто у меня там без спросу носится туда и сюда. Хлещет меня по душе зеленым веничком. Может, Вы наконец...

— А может, Вы — мне? — с яростью почти рявкнул он, уставясь в меня, как в стенку. — Может, я и сам двадцать лет жду, когда мне кто-нибудь объяснит, наконец, бля буду, о ком все-таки я написал столько умных страниц, и так ничего и не объяснил — ни себе, ни людям...

И, отвернувшись, пробурчал себе под нос:

— Ясно одно: эта ласточка — не лапочка и не лапонька... Как и та касаточка, что влетела под крытую колоннаду дворца Ирода, чтобы нам с Вами и с Понтийским Пилатом жизнь медом не казалась... Будем.

И так, отвернувшись, и выпил. Видать, не хотел помешать мне не мешать ему побороть себя, чтобы всё рассказать мне. Если я ясно выражаясь.

Аккомпанемент

— Вы заметили, у них очень любят котов, но всех котов кастрируют?

— Ну и что же? При разумной любви одно другому не мешает. Котят топить не надо, кот на улицу не просится. Не убежит и блох не принесет.

— Да нет же, у меня вопрос не к моральной стороне дела. Я что спрашиваю: вот откуда они берут новых котов, если кастрировали всех старых?

— Вы заметили, у них всюду, в любой газете, возле фамилии любой актрисы или принцессы написан возраст. Как будто она мужчина. Как будто мы спрашиваем, сколько ей лет.

— Допустим, Вы не спрашиваете. Но если она будет скрывать свой возраст, кто-то может подумать — ей есть что скрывать. Может быть, даже укрывать — от налогообложения.

При просмотре криминального немецкого фильма по ТВ:

— Я не понял, кто это.

— Да это и есть полицейский. Ты что, по нему не видишь — он один в фильме думает?

— Сегодня меня Той Зельчик в спину стукнул и удрал. Вижу — не догоню. Он хоть и турок, а бегает хорошо. А надо, чувствуя, проучить. Говорю Юлиану — он сильней всех в классе и бегает быстрее Зельчика, тем более меня: «Если догонишь Зельчика, скрутишь, приведешь ко мне и подержишь, чтобы не удрал, пока я ему надаю как следует — плачу 10 пфеннигов». Он как заорет радостно: «О, майн Гот, как я люблю зарабатывать деньги!» — Зельчика в момент притащил и держал, чтобы не убежал, пока я тому не навтыкал.

— Милое дело — русский будет нанимать себе немца, чтобы тот пригнал ему турка!

— А что такого? Если немцам нравится пыхтеть, а русским — головой работать? жалко 10 пфеннигов, что ль?

3. По душам

— Ладно, — он вдруг повернулся ко мне и поманил пальцем, — какой мне прок перед Вами делать вид, что я знаю то, чего не знаю? Мы же не на конференции. Вам как своему человеку я скажу как есть: я ничего не знаю про эту ласточку наверняка. И каждый, кто скажет, что он все знает про всю эту его летучую живность наверняка, соврет. Хотя соврет, может быть, искренно, от глупости. В нашем деле как нигде много глупых серьезных интеллектуалов. Итак, честно: я, дипломированный доктор филологии, не знаю. *Dixi*⁹⁰.

— Уважаю.

— Спасибо. За это я Вам сообщу все, что знаю: Мандельштам — больший поэт, чем все его современники — *getrennt und zusammen*⁹¹.

— Ну, для доктора наук глуповато — лучше, хуже... И старовато. Это я слышал не раз. Я и сам это не раз говорил.

— А, так Вы с этим согласны. А почему, как думаете?

— Когда как думаю.

— А вот я не думаю, я знаю! Именно это я знаю наверняка: Мандельштам лучше их всех потому, что он, в отличие от них — и почти всех нас — толковый предатель.

— Как-как?

— Как слышали. Толковый, качественный предатель. Предатель-смысловик... Я что хочу сказать? Вы замечали такую странность: все грешат — и все прощают себе все грехи. Считают их простительными слабостями. Но есть один грех, который так называемый приличный человек считает непростительным, за который Данте и с ним всё европейское, по крайней мере, человечество с давних времен бьет морду и сажает в последний ров ада. И большинство людей так вам и скажет: я виноват в чем угодно, но я не сука! я не предавал! не закладывал! А я,

⁹⁰ (Я) сказал (лат.).

⁹¹ По отдельности и вместе взятые.

вопреки толще бытующего мнения, берусь утверждать: предательство следует нравственно...

— Разрешить?

— Боже упаси. Его именно следует оставить запрещенным, но — осознав не только как величайшую подлость, но и как величайшую возможность и обещание. Как радикальный акт самопознания. Крайне рискованный — да, если ты не готов извлечь из него все, что оно в тебе открывает, не умеешь выйти из него с толком, это губительно. Но если готов... Ведь предательство — не только гнусный удел Иуды, но и переломный момент высочайшей судьбы Петра. Еще раз — это запретный, гадкий, подлый, как хотите, но — единственно эффективный для каждого момент истины о себе. И единственно доступный любому. Попросту неизбежный. Ведь на самом-то деле, как бы мы ни открыкивались, жизнь абсолютного большинства из нас просто вертится, как вокруг оси, вокруг тьмы не только чужих, но и собственных предательств, которые мы только так не называем, которые мы просто не видим, по той же причине, по которой Бронский считал, что не заплатить шулеру нельзя, а не заплатить портному можно и должно. Я знал человека, который в те еще времена вел себя на допросах в ГБ, в весьма нешуточной ситуации, в высшей степени достойно; он никого не сдал. При этом он изменял жене при всяком мало-мальски серьезном поводе — без особых угрызений совести. Он просто не считал возможным то ли к шалостям природы применять столь серьезные слова, как «измена», то ли наоборот, к столь сложной и тонкой сфере, как область чувств, применять плоскую систему моральных измерений...

Так вот, и Мандельштам, разумеется, в этом отношении вполне человечен. Вот он искренно полагает, что со всеми обольшевеет, дыша — будто бы уж человек старой школы не подозревает, по крайней мере, что между «дыша» и «большевея» нельзя поставить «и», но только «или». Вот он временами-таки режет правду-матку, потому что долго быть предателем у него не выходит, но вряд ли осознает формульно свою внутреннюю проблематику, — а временами едва ли не шизофренически-естественно раздваивается. Ведь что такое эти его пресловутые «двойчатки»? Я лично, что бы кто ни говорил, допускаю как психологически правдоподобное — как соседствующие — и вариант «будет будить разум и жизнь Сталин», и параллельный якобы приписанный ему вариант «губить» вместо «будить». Запросто.

Но это все — пока о местах, где всего круглей земля, тут у него и в первом, и во втором случае — чувство артиста, влюбляющегося в предмет изображения, обольщающегося своим героем, затевающего с ним любовную игру, одевая то в жертву, то в палача, как в «Ночном портье», да? ведь без двоения и перепадов любовь не игристая, не пьянист, — тут у него чувство Творца, всегда помогающее стоять на

своем, быть Поэтом при полной человеческой податливости. ПАдат-ли-вости.

Но однажды до него доходит, его прошибает то простое, что почему-то толком не прошибает никого. И опять-таки при очень простых, всем, казалось бы, интимно знакомых обстоятельствах: человек при живой жене влюбляется в другую. Опять-таки — кому какое дело, что кума с кумом сидела? Главное — и жене-то его допрежь того — какое было дело до всех этих Гильдебрант и Андрониковых! Но тут — ей вдруг стало не все равно. Одно дело — этикетная влюбленность в артистку, вокруг которой все поэтические натуры, даже с приголубью, дежурно уивались, другое — в женщину извне, просто — в женщину; это серьезно. И он вдруг впервые — ясно видит. Как мало кто ясно видит себя: как фильм, проходящий перед своими же глазами. Изменяет жене — и видит в упор, что все это вот — «сложное, мучительное чувство», на которое уж поэт ли права не имеет? — всё это и есть — то самое настоящее, не д р у г о е, высокое и тем оправданное поэтическое чувство, а то самое, за которое морду бьют и в ров сажают. Обычное подлое предательство. Ведь это он же сам обучил, подогнал жену под размер своей души, а потом взял и оставил ее без единого на потребу!

— Экие страсти. И вольности толкования. Пусть хоть кто попробует Надю Хазину «подогнать под размер своей души», я ему не позавидую... Ладно, мне чего, в конце концов... а только, сдается мне, Вы... не совсем о Мандельштаме. Что-то другое Вы подгоняете под размер чьей-то другой души.

— Может быть. Но если и не «совсем», мне хочется видеть этого «не Мандельштама» именно в нем. Мне так на душу легло. Допускаете вы, фауст фаустыч, что и вагнеру что-то может просто так на душу лечь, отклонив его от «науки»? Да и это не для статьи в каком-нибудь НЛО, а для пьяной затравки. Поэтому безответственно продолжу. Ища свое второе «я» — и найдя его, по крайней мере думая так, что бы ни думали мы с вами о Надежде Яковлевне, пожив-то при второй своей половине, не ополовиненный, как несчастные 9 человек из 10 — потом берет и сам бросается от нее, от ц е л о г о с е б я , по мановению какой-то унизительно извне-находящей, кромешной страсти — к какой-то там Ваксель! которая к тому же все, что находит возможным сказать о нем, так это: «Муж ее мне не был нужен ни в какой степени. Я очень уважала его как поэта, но как человек он оказался довольно слаб и лжив»; слаб и лжив! еще бы, для него каждая из них драгоценна, и каждая по-своему, он частицу каждой из них боится утратить; можно подумать, если я всеми фибрами души люблю картину Рембрандта, в этих же фибрах еще не найдется достаточно, чтобы дорожить и каждым миллиметром Вермеера; конечно, то ли дело — Ваксель, она и сильна, и честна; а на самом-то деле — просто «ей ничего не значит»: баба, как влюбится в

следующего мужика, так забывает о предыдущем, для нее просто нет прошлого, вот и вся загадка ее пресловутой целостности...

— Простите, может, я тривиален, но это и для меня великая бабья загадка. Умение жить только настоящим, собственно ж и ть, для меня — одно из самых непостижимых и недостижимых.

— Да, для меня — тоже. Но ведь у них это не умение, им-то оно дается просто от рождения, как Вы не поймете! и вся недолга!

— Недолга-то недолга, но от этого не менее загадочная. Ладно. Дальше.

— А дальше чего? дальше он видит, что натворил, — и что делает? Да ничего он не делает. Только всего, что называет вещи своими именами. Ничего не переименовывая, прямо как есть и называет. «Изолгавшись на корню», — вот я кто и вот что я такое; и мне ли кого в чем после того еще винить?

И больше ничего.

И вот — великая вещь: человек от простого осознания собственного ничтожества — простого? да ведь они все, эти Пастернаки—Цветаевы, никто этого и не понимали, как это вообще делается и с чем его едят! ведь они что ни творили, как ни терзали умченных ими же жен-мужей-влюбленных, последовательно и параллельно, всё равно думали, что это только они сами пропали, как зверь в загоне, что это их безвинно гонят, что виноваты они лишь собственной гениальностью тире безмерностью, несовместимой — потому что невместимой — с бездарной властью и бездарными читателями газет, но вместимой лишь безразмерными почитателями Поэта — и вдруг человек столь же из рук вон безмерно гениальный останавливает всю эту бодягу, всю эту кармическую жисть, одним словом: я — никто, я такой же, как все — не лучше. Ровно нуль, меньше нуля: предатель. Самый последний, самый непростительный гад из всех, по представлениям любого Данте и любого гимназиста. Винить мне некого, ни на что права я не имею, и вполне справедливо будет меня-паршивца засадить на полную катушку в девятый круг ада моего любимца.

И всё! и только. И человеку становится — не 4 годика! он входит в полный возраст! сиречь — как только человек осознает и засвидетельствует нулевую точку своего личностного развития, он и становится личностью. Но как это сделать? А очень просто. Нужно только дожить, когда наступит неизбежная обыденная пограничная ситуация каждого: ты — предашь. Когда это произойдет — а оно произойдет, это уж будьте благонадежны! тогда твое дело — не быть лучше самого себя, но быть всего лишь внимательным к себе. Ты должен з а с и д е т ь с т-в о в а т ь свое падение — и только. Но без малейшего уклона к самооправданию и всяческой возвышающей травестии. Тогда, стоя в этой точке оловянным солдатиком, ты перегоняешь подлость в подлин-

ность. Если получится стойко стоять — это ведь из области «сказать легко» — ты увидишь, что произойдет.

— Что же?

— Попробуйте — узнаете.

— А Вы — узнали?

— У-тю-тю... Не уверен — не обгоняй. Ну, еще по одной, «дар па вену» или как там называлась литовская водка, если Вы ее застали до очередного проведения литовской границы.

— Точного написания тоже не помню. Во времена Твердых Цен мы называли ее «вдарь по вене».

— Неплохо. А Вы знакомы с действительной практикой... шли Вы когда-нибудь не путем вина, а путем вены?

— Нет, я дальше анаши и циклодола — советского эрзац-ЛСД советских эрзац-хиппи не пошел. Пробовал как-то пить раствор опиума-сырца. Но остался верен простому хлебному вину. Если не считать изменой ему увлечение также виноградным и ячменным вином.

— Да, циклодол... а лучше гэдээровский норакин; а то еще помните коктейль из кода с ноксом⁹²? Если взять пачку апикодина или кодтерпина и столочь в порошок, а потом развести и процедить через промо-кашку...

— Только мне не нравилось, что пить надо медленно, а вкус противный. А помните центровую Ригу, поголовно поделившуюся на две презирающие друг друга партии «наркоты» и «кривоты»?

— Н-да. Должен сказать, в отличие от Вас, я пробовал и кислоту⁹³, в Таллине. Но вовремя испугался открывающихся ложных возможностей. Сядешь на подоконник — чувствуешь: нога до земли достанет, если ее как следует протянуть с третьего этажа — так и протяни же; и краски кругом такие... те же, но только истинные — один я их вижу, какие они на самом деле. Вообще странная была юность в начале 70-х, да? у приличных серьезных парней вроде меня, имею в виду. Днями пропадаешь в библиотеке, а вечерами в поисках приключений духа со знакомой хиппией из генеральских или бомжовых семей сидишь под балдой на корточках на заплеванном чьем-то полу среди грязноволосых подруг и подпеваешь какому-нибудь Харрисону, как сейчас понимаю, нечто сверхэкуменическое: «Май свит Лорд, Алиллуйя-Харе Кришна!»... Да. Но вижу, Вы чему-то верны. Не из настоящих предателей. Жаль. Однако любопытство, судя по послужному списку, имеете. А это уже кое-что, ибо говорит о порочных наклонностях к экспериментированию на себе. Последнее же — залог самопознания.

⁹² Соответственно кодеин и ноксирон — исчезнувшее ныне венгерскон снотворное.

⁹³ ЛСД.

— Это еще надо доказать... Так Вы — апологет предательства? Точнее — просвещенный любитель этой темы?

— А Вы сейчас скажете какую-нибудь из-банальностей-банальность вроде: «Я все могу простить, кроме предательства — и не выношу его апологетов».

— Последнее совсем не банально — я впервые в жизни встречаю апологета предательства. Вы же сами говорите — все предают помаленьку-втихомолку, и никто себя предателем не считает. Первое же не обо мне. Я лично чего больше всего в людях не выношу — это так называемой верности самому себе. Ровной, до краев наполненной собой уверенности в своей правоте.

— О, тогда мы еще не потеряли шанса найти общий язык. Не пойму только, как Вы тогда уживаитесь с немцами.

— Mit Ach und Krach⁹⁴. Пока стараюсь за страх, но надеюсь за деньги со временем обрести и совесть. Люди очень разные. Совсем противоположные бывают люди. Ленин потерял же совесть за немецкие деньги — а я, глядишь, как раз найду.

— Протестую. Ленин потерял совесть задолго до немецких денег. Поэтому, когда он их брал, он вообще не думал, хорошо или плохо брать чужие деньги на свои дела, он думал только: дают — бери.

— Вот-вот, чужие — на свое. Именно-именно: дают — бери! И я же точно так.

— Значит, и Вы совесть потеряли.

— Так а я о чём? кабы я ее не потерял, с какой стати мог бы я чаять ее отыскать?

— Ну, дай Вам Бог... Что же до предательства, то я не любитель, как Вы изволили выразиться. Я профессионал.

Аккомпанемент

Коан:

— Папа такой странный, говорит, что христианин, а сам очень переживает, что от него здесь останется. Кто сейчас или потом о нем что напишет или скажет. Мне это вообще непонятно. Если бы я, например, спасся, попал, допустим, в рай — и оттуда бы услышал, как здесь обо мне еще что-то там говорят — я бы им оттуда: «Да заткнитесь, козлы!»

— Слушай, пап, кассирша даже не посмотрела, что у тебя в другой сетке. Из предыдущего магазина. Ты туда здесь мог сунуть всяких конфет, мороженого, печеня — и не заплатить.

— Запросто.

— Почему же ты (даже запнулся)?..

— Ну... потому что (просто и весомо) Бог категорически запретил воровать.

— Да. — И, вздохнув, рассудительно:

— А жаль.

⁹⁴ С горем пополам.

— Сегодня на этике училка мне говорит: «Ты кто?»

— А ты что?

— Говорю: «Ортодокс». Она: «Еврейский ортодокс?» Говорю: «Русский ортодокс».

— А она?

— Говорит: «А в кого вы верите?» Говорю: «Во Христа».

— А она?

— Говорит: «Это правда?» Говорю: «Да». Она подумала и говорит: «В Иисуса Христа?» Говорю: «Да».

— А она?

— Задумалась и молчит. Потом говорит: «А главный у вас Папа?» Говорю: «Нет. У нас не Папа. В Москве был не знаю как по-немецки, а здесь бишоф⁹⁵, а кто над ним главный — не знаю, но не Папа». Она — опять думать. И в классе тишина. Все думают. Когда немцы думают, всегда тихо-тихо. Как когда говорят, то всегда громко-громко.

— А чего им думать?

— Как чего? Серьезный вопрос — кто такой русский ортодокс. Не успели с еврейскими разобраться, а тут еще русские. Представляешь, сама училка не знает — и думает. Подает пример. Они за ней. Думают-думают, придумать не могут. А я сам толком не знаю, а чего знаю — не могу объяснить. Наконец она говорит: «Я всё поняла. Дети, ортодоксы — это русский мишунг⁹⁶ католише и евангелише».

4. По душам. Предательство

— Я вообще-то сейчас все думаю о том, почему о темах любви и смерти в мировой культуре нашим братом-вагнером написано кое-что вразумительное... или мне так кажется? нет-нет, все-таки Эрос Танатович нами, что ни говори... — Вы, кстати, держите старого доктора за вагнера или все-таки за фауста?

— Во всяком случае, не за «венского шарлатана». Впрочем, могу понять Набокова: искреннее шарлатанство — это очень серьезно, и никто так не схож с мифообразователем, мифо-со-творцем — тем, через кого Творец говорит мифом, как шарлатан — мифотворец-от-себя. Люди Мифа и делятся на эти два сорта.

— Ну да. А остальные делятся на два сорта по отношению к ним: первые мифосотворцев считают шарлатанами, а вторые шарлатанов — великими мифосотворцами... Ну а всё же, за кого Вы держите дедушку из Брно?

— За самого безотрадного из мучеников науки, который совершенно убежден, что знания и знание — одно и то же, а потому даже если мертвый на его глазах воскреснет, — что там, если сам он на своих глазах воскреснет — в личности и теле, то подумает первым долгом: о каком из вытесненных сексуальных влечений трактует это сновидение? Уди-

⁹⁵ Bischof — епископ.

⁹⁶ Mischung — смесь.

вительно законченный и потому мрачнейший тип, что находится в удивительном же противоречии с его именем⁹⁷.

— Ну, положим, само это противоречие как раз прочитывается непротиворечиво — в полном соответствии с учением о компенсаторике... Да, что ни говори, а эротика-танатика нами охвачена и перелопачена не так уж плохо; тогда как третья фундаментальная вещь, на которой стоит человеческая жизнь: предательство, столь часто совершающееся из любви и столь часто ведущее к смерти, — не нашла своего настоящего, преданного — простите за каламбурчик — исследователя. Или мне просто не вспоминается? черт его знает... То есть написано-то — ого-го... и название может быть отличное, как у Борхеса, «Тема предателя и героя»... но все не в том аспекте, который мне представляется главнейшим, жизненно-смертельно важным. Ну, хотя бы... Вы, надеюсь, простите, мы по пьяному делу не будем просматривать академически весь ряд, а так, погуляем по этой местности — и кое-где простеци, для затравки, ткнем пальцем... Да, собственно, опустим их всех, от Каина и Иосифовых братьев; забудем на время мужеубийцу Клитемнестру, клеветницу Федру, изменника Ганелона. Оставим их, оставим всех этих дантовских Альбертиго и Бранка д'Орья... и еще десяток фигур за ненадобностью, забудем обо всех, даже о Хаджи Мурате, — потому что полную сводку об интересующем нас вопросе мы и без них найдем у главного коллекционера предателей и предательств всех времен и народов. Вот он дело понимал, у него без подобающего коварства человек не чихнет, и правильно; он напёк негодяев, как блинов на масленицу, и что ни мерзавец — то и заглядение.

— Имеется в виду таинственный Лебедь, которым теперича предложено любоваться не на Эйвоне, а на лоне вод Бельвуарской долины?

— Натюрихх⁹⁸. Подадимся не в сторону Свана, но в страну Свана⁹⁹... Неплохо также, по крайней мере сегодня, звучит: «(В сторону): — Генерала Свана». Можно к тому же, выйдя за пределы словесных забав, имеющих отношение лишь к бывшим странам Антанты и вспомнив о «центральных державах», обратить сентенцию от французского стола прямиком к вражескому немецкому: сколь мало расстояние от великого до смешного, от возвышенного до непристойного: от «швана» до «шванца»¹⁰⁰ — расстояние лишь в одну букву. Шван-ц. Бен-ц. Но, как русский интеллигент русскому интеллигенту: не будем дешевыми пош-

⁹⁷ Игра слов: фамилия Фрейд в оригинальном написании, как известно — Freud. Freud — радость (ред.).

⁹⁸ Natürlieh — естественно, само собой.

⁹⁹ Swan (англ.) — лебедь.

¹⁰⁰ Schwan (нем.) — лебедь; Schwanz — (букв. «хвост») — распространенное обозначение мужского полового органа, подобное английскому «глиск» или русскому «конец»; более нецензурного обозначения в немецком языке нет.

ляками. В американском смысле — не будем пощляками задешево. А вообще — что за цирк... Такое впечатление, что все, даже критики и гинекологи, нынче только Гилилова и читают. Даже Вы в германском захолустье. Это как один мой знакомый говорит: «Ну кто такой Патрик Зюскинд? Простой интеллектуал, человек своей популяции, писавший вполне обычную прозу. И вдруг в 36 лет посещает человека «корючка»: парфюмер-убийца! в погоне за совершенным запахом! вытяжка аромата тела свежеубитой девственницы! во закрутень! и вот весь мир у Зюскинда в зюзьке, а он уж и интервью давать считает ниже своего величия». Вот и нашего брата-вагнера посетила корючка, а Вы говорите. Классный бестселлер, да? Человек, написавший: «Весь мир — театр, а люди в нем актеры», сам не нашел ничего другого, чем сыграть — в актера. Человек пишет «Ромео и Джульетту», а некоторое время спустя его платоническая супруга через неделю после его смерти принимает яд... Класс.

Ну да, он, не шизокрылый, но белоперый. Давайте сгруппируем его предателей в два подвида. Не надо их всех вспоминать — во-первых, всех сразу все равно не упомянуть, во-вторых, поверьте на слово, подвидов ровно два, при всей энциклопедической амплитуде индивидуального несходства. Пару исключений — Кориолана и Брута — оставим в покое. Риму — мир. Итак, два. Первый — Яго, Эдмунд, этот, как его, очередной брат-гад из «Бури», Ричард 111 и проч. — лица, я бы сказал, предательской национальности. Им коварство — дом родной; будучи людьми впротчем, как говорилось когда-то, впротчем весьма таланными и отважными, они до гениальности легки на предательство. Это Моцарты предательства, рыцари обмана, поэты измены — всесторонние порождения ада, то есть не только в аду, но и для ада рожденные. Живущие полной свежего адского воздуха и адского вдохновения жизнью. Шекспировский ад вообще не ортодоксален, в нем царит творческий простор для свершений адского рода, тут вообще нет места бездарям, за исключением разве Розенкранца и Гильденстerna, остальные бездари прописаны где угодно, но не в аду.

Вторые же — Клавдий, Макбет, этот, стало быть, который Анджело, которому воздают мерой за меру — не рождены для ада предательства, не суть органические существа преисподней и потому, совершив предательство, — ведь ничто человеческое, в отличие от преданных и убитых ими «людей в полном смысле слова», им в полном, словом, смысле не чуждо, — способны увидеть последним еще в нееши и м взглядом, как моментально перемещаются в ад, и тут же затем дверь захлопывается, и вот они внутри ада, и тут их припекает несказанная мука — им открывается, как любому предателю, правда об аде в себе и о себе в аду — а вынести ее жжение не всякому предателю дано... То есть, как сказал бы их коллега по несчастью московский царь Борис,

это люди с совестью. Но — также и люди, способные на поступок. Ведущий к ее потере. Заметьте — они теряют совесть, но вместо нее приобретают муки совести. Каково им, беднягам, быть в таком положении?

— И не говорите.

— Н-да... В этом положении главное — нельзя устоять в одной точке. В точке ж-жения нельзя ж-жить. Ад упраздняет постмодерную горизонталь. Либо тебя раскаянием выталкивает наверх, — но для этого надо знать Бога, — либо ты идешь вниз, самою динамикой хода, лихой залетностью его, красотой и размахом горения маскируя для себя на время его непереносимость. Герои Шекспира всегда идут вниз, и это понятно — если бы они были способны к раскаянию, не было бы пружины действия. Они могут черпать временное удовлетворение только в самом своем «самостоянье» во грехе и аду, как человек, давящий языком на больной зуб, и обречены выводить из исходной точки греха все новые витки прегрешений.

Уж простите навязчивую мысль... по пьяному делу... но всё сдается мне — то было не совсем про Мандельштама. А теперь не совсем про Шекспира.

— Все-таки не можете не залезть в конец. Так и тянет спросить, нет ли у меня на совести по крайней мере трех злодейств.

— В Евангелии говорится: «Ты сказал».

— А у Вас? Разве у Вас в квартире не газ?

— Допустим, у меня электроплита. Но и я двуног. И злодейств, конечно, и на моей совести хватает.

— Угу. Вам хватает. И Вы на это живете?

— А на что же еще? Не Вам же объяснять, что клубника лучше всего растет на человеческом дерме, а лучшая поэзия вырастает из греха. Ведь поэзия — дитя или орудие самопознания, то есть чего же еще, как не познанного в себе греха. Чего там, в себе, еще-то познавать? Процесс слюновыделения? Мне кажется, Вы недостаточно буквально понимаете Ахматову. Не мне Вас учить, но скажу от имени своего цеха: люди все-таки пишут буквами не просто так, а для чего-то. В поисках все новых интерпретаций литературоведы научились видеть текст насквозь и отучились видеть его в упор. Вы вообще-то задумывались когда-нибудь всерьез над пресловутым вопросом, почему это образы всякого зла и порока или по крайней мере герои, наделенные полнотой смуты, темных страстей, проповедующие сомнительную любовь отпетым словом отрицанья, в литературе выходят так сильны, выразительны, а образы добра чаще всего бледны и безжизненны? А ответ на этот сакраментальный вопрос прост — зло автором вычерпано и вымерено из опыта познания собственного греха, что ему вменено в урок, для чего ему открыты возможности; все же, что вымерено, может быть воплощено. Свое же

добро, даже если автор и пытался жить добродетельно, вымерено быть не может: Бог не велел человеку мерить, познавать с о б с т в е н н о е добро и не дал инструментария его измерения, а велел, «даже аще и все сделает» хорошего, что должен, быть «яко раб неключимый», — и кто пытается перейти эту черту, ее же не прейдеши, тот вместо опыта познания добра впадает лишь в обольщение, «прелесть» — а не познанное не может быть воплощенным.

— То есть Вы думаете, что, скажем, рефрен Алтарной сутры: «Познающие добро...» противоречит христианскому опыту?

— Почему. У всех умных людей «познавать» значит не мудрствовать, а практиковать; а практиковать добро можно и не познавая умом — просто по мере познания зла отлепляясь от последнего.

— Легко излагаете. Слишком легко. ПокОтило — и кОтите. Как на коньках по гладкому льду. Слова как-то уж так пришлифованы к Вам, чтобы говорить — и с комфортом оставаться собой. А та к и е слова — и комфорт... Если вы по ним не живете — они у вас колом в глотке должны застрять. А если живете — у вас их вслух сказать не получится... И все-таки: Вы — или Вас — вообще-то когда-нибудь по-серьезному преда?.. Вы вообще по-шкурному, по чревно-кишечному чувствуете дикую, вечно зеленую свежесть этого ямба — пре-да-тельство, об-ман, из-мена? Всегда кисло, оскоминно-недозрелую — и всегда перезрелую, тяжелым падальцем бьющую о сердце...

И тут он меня достал. Я давно рас прощался с деньгами, давно забыл Акопа, и хотя сейчас встрял в скверную ситуацию опять в связи с ним, думал о чем угодно, но только не о нем, не о последних наших деньгах, которые он обманом у меня отнял. Но никогда не знаешь ни свою сегодняшнюю болевую точку, ни кто и как на нее нажмет. Что тебя вставит и включит.

Слово «Акоп», так часто звучавшее в последние два дня, вдруг снова вторгнувшееся в мою жизнь, стало знаком новой беды, опасности, но ничего угасшего в моей душе не разбудило, а слово «обман», будто оно не было синонимом слова «Акоп», вдруг включило в ней, казалось бы, стопроцентно отключенной опьянением от какой бы то ни было остроты переживаний, все отговорившее — на полную громкость. Может быть, виной тому было само звучание, само колокольное произнесение им слова. Об-манн-н. Алкоголь, долженствовавший заключить меня в вакуум «строгой сенсорной депривации», в настоящем действовал весь этот час исправно, но — как все-таки важно правильно задать программу защиты, а для этого учесть все возможные варианты нападения — вдруг до боли в ушах взрывчато-гулко срезонировал в сторону прошлого. Защиту прорвало. Я весь ушел в игольчато-узкое переживание двухлетней давности.

5. Плюсквамперфект (продолжение)

— Па-чиму Вы мне не верите? Я жы Вам дал слова чила-века! Мама-й кля-нусь, деньги идут. Чирез три дня будут. Званите ва вторник.

— Дениг пака нет. Ни могут обналичить. Я жы на месте. Вы видите, я никуда ни деваюсь. Всегда можите миња найти. Зва-ните в читверг.

— Знай-ти что, а? Приходите к нам дамой. Толька Вам даю адрес.

Он жил у Гали, на первом этаже двухкомнатной хрущобы с двумя детьми от ее первого брака. Меня напоили кофе по-турецки. Я узнал, как много Акопа подставляли за его долгую жизнь из-за его доброты, но сам он никого не подводил ни разу по своей порядочности. Он прощал всех всегда и продавал последнюю движимость, чтобы расплатиться за других. Акоп курил длинные коричневые сигареты «Сент Мориц», прикуривая одну от другой. Он рассказал, как плохо теперь жить в независимой Армении, но выразил надежду, что новый министр внутренних дел, бывший детский писатель и — закономерно — поборник жесткого воспитания, наконец разберется с нечестными людьми. На прощание он попросил меня звонить во вторник.

После серии «вторник — четверг — вторник» я зашел к нему домой уже по собственному настоянию и поинтересовался, что все-таки дальше и сколько меня будут кормить вторниками в четверг. После порции уверений «деньги — в пути», перемежаемых клятвами мамой, удалось добиться от него обещания после такого-то числа начать продавать свои заветные станки, чтобы расплатиться с кредиторами. Ему очень не хотелось расставаться с любимыми орудиями производства. «В крайним случаи адин прадам. Хватит всем атдать». К такому-то числу деньги не пришли. Акопа тоже не было. «Он в банке». Это вселяло надежду. В банке он пропадал три дня с утра до вечера. Наконец, он явился сияющий, и от сердца начало отлегать. Он заявил восторженно, что ему удалось получить кредиты и закупить пряжу. Сердце стремительно упало опять. «Какая пряжа?! Вы получили деньги — так расплатитесь!» Последовала фраза, сплетающая два объяснения: почему кредиты никак не могут быть обналичены, но могут в безналичном виде быть направлены на закупку пряжи, и почему без закупки пряжи никак нельзя произвести товар, без продажи которого и думать нечего расплатиться с нами, — в одно, виртуозно невнятное и потому авторитетное. Так на моей памяти умел говорить только первый последний президент Империи Зла, обретавшейся от его магических слов в руины всякого плохо лежащего добра.

Потом была серия совместных поездок в банк; точнее, одна поездка, все остальные были только им назначены, но под разными предлогами он не являлся. Наконец, мы с ним приехали куда-то в Строгино, куда на его счет, по его словам, сегодня должны были прийти деньги от покупателей из Новокузнецка. Денег, однако, как ни странно, не было;

Акоп заявил, что они обязательно придут сегодня, только после обеда. Я предложил остаться до после обеда; хотя стояла мерзлая зима, я чувствовал, что могу пережить два часа на морозе, зато потом согреюсь как следует, если со мной, наконец, расплатятся. Но Акопа неумолимо ждало производство, и мы договорились встретиться у банка назавтра. Назавтра я встал перед банком, как лист перед травой. Один.

Потом мы еще встречались в метро, где он тыкал мне в нос платежку. Из нее явствовало, по его словам, что деньги из Новокузнецка перечислены, я же видел пред собой только замусоленную размытую бумажонку, точнее, ксерокопию изначальной бумажонки, из которой ясно было только, что А. Джагубяну что-то такое откуда-то причиталось, но когда, откуда и сколько — решительно невозможно было понять.

Тогда наступил момент, когда я рас прощался с последними надеждами на «слово человека» и сказал себе: смотри на вещи бесстрашно — перед тобой мошенник, лишивший тебя последних денег. Твои действия?

Но прежде, чем я продумал план ответных действий, позвонила Гая и сказала: «Завтра после обеда приезжайте на производство. Будем расплачиваться». Теперь мне уже было трудно вернуться к мысли, что Акоп — честный человек, но я сделал над собой усилие — и почувствовал: хорошо думать о людях — приятно.

Слово «расплачиваться», однако, своей двусмысленностью наводило на размышления; я взял с собой дюжего приятеля — бывшего монаха мюнхенского монастыря Зарубежной русской Церкви, после пяти лет монастырской жизни понявшего, что монашество не его призвание, вернувшегося на родину и сейчас делящего время между службой в охране одной фирмы, возглавляемой его бывшим одноклассником, и походами в библиотеку и консерваторию, где он наверстывал упущенное за 5 лет. Он как раз собирался на концерт Губайдулиной, но я сказал волшебное слово: «Христа ради».

На производстве уже собирались должники, человек 40, а то больше — это производило впечатление, — а Акопа всё не было. Приятель пришел с кейсом, я — с выдавшим виды портфелем. Мы обсудили тему канонизации в РПЦЗ (она же Синодальная, она же карловатская) свят. Иоанна (Максимовича), и приятель, бывший год назад на его прославлении в Сан-Франциско, рассказывал, как дело делалось; по его, делалось оно так долго (владыка умер в 1966 году), поскольку многие архиереи считали святителя недостаточно православным, в силу характера его действий: например, в страстную пятницу он обходил все православные церкви города, в чьей бы юрисдикции они ни находились, и в каждой прикладывался к Плащанице. Мы обсудили, далее, самую проблему сегодняшнего смысла церковного раскола, духовно-политических боев «сериан», «карловчан» и «евлогиан» и возможности их

соединения в единую русскую Церковь. Затем перешли к проблеме раннего, зрелого и позднего экуменизма. Мой приятель считал, что это одна малина (чувствовалась 5-летняя строгая вычурка), я же был другого мнения.

К тому моменту, когда мы дошли до братства о.Георгия Кочеткова, и мой приятель сказал: «Мне тут один шевкуновец давеча говорит об одном кочетковце: уж и не знаю, говорит, что и делать с ним — то ли возлюбить его как врага, то ли яду ему в чай подсыпать», при чем я сарденически расхохотался, тогда как мой товарищ настроен был крайне миролюбиво, поведав, что во-первых, греки или сербы и не так машут руками, а уж предавать друг друга анафеме — хобби греков-старостильников всех 8-и толков, а во-вторых, ему после западной теплохладности такая русская огламенелость просто милей драгоценного, — к этому моменту, после двухчасового ожидания, подгреб шустрым мышонком Акоп, еще более небритый, чем всегда, а за ним с мешком на плече (тут сердце зашлось, скажу честно, грешным делом куда больше, чем от неправых гонений на кочетковцев: в мешке-то — деньги, деньги!) незнакомый молодой человек в кашемировом пальто.

Как всегда в этих случаях, установилась живая очередь; но людей выкликивали — как хотели, даже не по алфавиту — Акоп, Гая и молодой человек. Точнее, молодой человек и Акоп с Галей. Наконец дошла очередь до меня. Мы вошли. «Почему вдвоем?» — сурово спросил молодой человек. «Простите, а почему Вы задаете мне вопросы? Вы кто?» «Соучредитель». «Допустим. Но когда я вкладывал деньги в предприятие Джагубяна, ни о каких соучредителях речи не было, на договоре стоит только его подпись, поэтому говорить о деньгах я желаю только с ним. Надеюсь, это не возбраняется?» Мой тон не понравился молодому человеку. Он подошел к Акопу и тихо сказал что-то ему на ухо. Затем тяжело уставился на меня. Его глаза без зрачков в сочетании с руками, засунутыми в карманы, даже само распахнутое черное кашемировое пальто с белым шарфом рождали худое чувство. «Выходи, — тихо сказал мне приятель, бывший монах, а ныне охранник. — Ты его напрягаешь. Давай договорные бумаги и выходи, я с ним поговорю». Я понял, что порчу, может быть, самое серьезное дело в своей жизни, и послушался. Из побывавших в кабинете Акопа не было ни одного довольного. Одна пожилая женщина плакала. Другая ругалась последними словами. Двое мужчин итэровского вида о чем-то договорились. Остальная толпа тихо, но самоочевидно надувалась и накаливалась. Минут через десять мой приятель вышел и сказал: «Пошли». Я продолжал его слушаться: в такого рода делах всякий, берущий на себя роль специалиста, внушиает мне больше доверия, чем я сам.

На улице он сноровисто переложил из своего кейса в мой портфель пухлые пачки денег, перевязанные мохнатым шпагатом. «Сколько?» «Если перевести в баксы, что-то в районе... 1300». Это была пятая часть

основной суммы, считая с первоначальными рублевыми вложениями, не считая процентов и процентов штрафных санкций с процентов. Считая со всем, долга выходило тысяч на 30—35 зеленых. «А остальное?» «Я еле вышел на эту сумму. Этот паренек, Олег Георгиевич, тут явно за хитрого, то ли твой Акоп вообще зиц-председатель, а Олег — настоящий, то ли Акоп — действительно цеховик, тогда Олег представляет крышу. Он сказал поначалу, что и о том речи быть не может, в очереди пятьдесят человек, и если каждому дать много, то не хватит на десять человек... Галя с Акопом взяли твою сторону, сказали, что ты один из главных вкладчиков, и тебя надо беречь, тогда он добавил пару пачек, но... Мне пришлось с ним говорить очень внушительно как твоему доверенному лицу. То есть, сам понимаешь, представителю твоей крыши. В итоге он сказал — это всё, что он может дать сегодня, даже обделив остальных. Если он даст на миллион больше, их сегодня порвут на части. Правдоподобно. Говорит, это первая очередь отдачи денег, через две недели вторая, в конце концов расплатятся полностью. Вот это малоправдоподобно. Такими пустяками не рассчитываются, когда хотят отдать деньги, а только — когда надо заткнуть рты. Хотя всё может быть. Две недели я бы подождал для очистки совести. Ты видел, чулки-носки продолжают выпускать, производство как будто не сворачивают. Вообще я бы на своем месте поставил вопрос о том, чтобы с тобой расплатились на всю сумму колготами и носками, а их попробовать толкнуть оптом по дешевке. Основную сумму во всяком случае можно вернуть». «Да кому ж я... Ты меня-то предста... И мой круг знакомых... Каких-то колгот в резиночку для холодного климата на сто миллио...». «Это можно подумать. Пока подождем две недели».

Через две недели не последовало ровным счетом ничего. Телефоны производства и Галин домашний телефон молчали или издавали безнадежный писк факса. Я дал Акопу еще неделю. Потом поехал требовать, чтобы со мной расплатились товарам. Акопа не было. Галя была в отпуске. Бухгалтер Татьяна Михайловна ничего не знала. Рабочие продолжали сосредоточенно изготавливать на импортном оборудовании чулки-носки. Я пошел на склад. Он был заперт. Где кладовщик, никто не знал. Я понял окончательно: нечестный человек из армян взял себе все прожиточные деньги моей семьи. Просто потому, что ему захотелось денег.

Аккомпанемент

(Верующий мальчик из благочестивой семьи, наигравшись в компьютерную игру «Mortal Kombat 3»)¹⁰¹:

— Если бы в рай попадали за убийство, я бы каждый день по человеку убивал. Стреляешь в упор — кровь рекой, кишки наружу. Класс!

¹⁰¹ «Смертельная битва 3»

— Зачем каждый день — по новому человеку? В смысле рая. Если ты уже за первое убийство попадаешь в рай, зачем убивать следующих?

— Ну как... А если Он меня за одного убитого только на время туда пустит? Надо же Его постоянное доверие заслужить.

Он же:

— Мама, а в раю животные будут?

— Конечно, сынок.

— И тигры?

— Ну конечно. И будут лизать тебе руки.

— Здорово. А динозавры... неужели и динозавры там тоже будут?

— Будут. Обязательно.

— Отлично. Наконец я смогу подойти к тиранозавру и спокойно дать ему пинка!

XXI-th century schizoid man¹⁰².

(мальчик 12 лет, отрываясь от компьютера с игрой Tomb rider 2", эвонит по телефону приятелю):

— Илья! приходи ко мне. Того мужика с огнеметом мочить не надо, я его уже замочил из гранатомета — так что мы теперь уже в третьем уровне. Тут клево: людей нет — одни крысы и мыши!

6. Поэтапно

Я позвал семью в кофейную лавку «Эдушо», попить кофейку за полцены: недельный ангебот¹⁰³. Заказал себе «эспрессо», жене «капучино», детям горячий шоколад. Зачем я взял с собой целлофановый пакет, как здесь говорили, «тютэ» из «С & А», где лежали все наши бумаги, все документы? Бог его знает... А, вот зачем, вспомнил: я только что поставил семью на учет в социаламте и получил бешайд, гарантирующий обеспечение на три месяца, возможность три месяца просто пожить на чужих хлебах или отдохнуть от жизни на своих хлебах — как кому нравится. Мне — нравилось. Я страшно гордый во всех отношениях, кроме этого. Собственно, для того я, прямо по выходе из социаламта, с сумочкой в руках, их и пригласил по пути домой в «Эдушо» — обмыть радостное событие. Теперь вспомнил все.

Да, так я положил в лавку «тютэ» под столик, чтобы не мешала; попили кофейку-шоколадику и ушли. И забыли в лавке под столиком все наши документы. А когда вспомнили, что забыли, лавка уже закрылась. Германия — очень своеобразная страна, все гешефты, кроме больших магазинов, работают здесь до 18—18.30. Большие магазины — до 20. В субботу — до 13, большие магазины — до 16. Не успел закупиться

¹⁰² «Шизоид XXI-го века» (англ.) — название вещи «Кинг Кримсон».

¹⁰³ Angebot — предложение (в главном для любого вновь прибывшего ауслен-дера смысле слова: предложение товара со скидкой).

в субботу до 4-х — сиди два дня без еды. Немецкое Gerechtigkeit — справедливость — даже не намекает на какие-то переклички с той «правдой», которая есть «праведность», следственно, с одной стороны стремится не к земному закону, а к превосходящему его Небесному милосердию, с другой же — праведно сносит всякие беззакония как, возможно, являющиеся частью неисповедимой Божественной справедливости.

Gerechtigkeit происходит от recht — правый=истинный (!) — и естественно отсылает к Recht — право. По какому такому праву продавец должен работать, когда покупатели отдыхают, ежели он имеет такое же право на отдых? Справедливо ли обязать зубного врача работать после 6-ти, если он человек с теми же правами, как тот, у которого болят зубы? Каждый немец знает — его зубы не должны болеть после 6-7-и часов вечера, потому что даже дежурные дантисты (по выходным и праздничным дням в нашем городе работает ровно 2 стоматолога — по очереди, при этом один — в центре, другой — у черта на рогах) работают всегда только с 10 до 12, потом с 18 до 19 — и шлюс¹⁰⁴. После семи хоть тресни надкостница, хоть умри, а после семи вечера доживи до утра. Каков же выход из справедливости? он прост — запретить своим зубам болеть. Но как? Очень просто — отдать приказ. Немецкие зубы не могут не выполнить приказа. А не немцу? А не немцу стоит подумать — жить ли в Германии. Это не менее ответственный шаг, чем немецкому предпринимателю вложить деньги в русский бизнес.

Итак, все папирэ¹⁰⁵. Русские — свидетельства о рождении и заключении брака, дипломы и трудовые книжки; немецкие — прописочные «статусы», выданный бешайд на три месяца и кранкеншайны на бесплатное медицинское обслуживание и отдельные кранкеншайны к зубному врачу — тоже на квартал. Что-то еще. Словом, все. Кроме паспортов, случайно еще с перелета из Москвы застрявших во внутреннем кармане моего пиджака. Пустячок, а приятно.

Без документов человек в Германии — не человек. Он и в России без документов не человек, но в России он и с ними не человек, а тут — только без них.

Мнение соседей по хайму, среди которых попадались и старожилы, было единодушным: документы неизбежно найдутся. Во-первых, хозяева лавки ничего просто так не выкинут, а рассмотрят папирэ, поймут их важность и сохранят у себя до востребования. Во-вторых, если их кто и взял из посетителей, то он отдаст хозяевам лавки. В-третьих, даже если он возьмет их с собой и по дороге увидит, что это документы, то он никогда не выкинет их, а на следующий же день отнесет либо в лавку, либо в бюро

¹⁰⁴ Schlüß — конец, окончание; отсюда жаргонное: «Делай шлюс!» (кончай).

¹⁰⁵ Papiré — бумаги, документы.

находок, либо в полицай¹⁰⁶. В-четвертых, даже если взявший и выкинет тюгэ вместе со всей начинкой — случай невероятный — ее непременно найдет участковый полицист. Но на 90% мы найдем их завтра же в лавке.

Назавтра в лавке документов не оказалось. В полиции посоветовали обратиться в бюро находок. В бюро находок — мы являлись туда день за днем по два раза в день — ничего не сдавали.

Чтобы восстановить немецкие бумаги, в первую очередь городскую прописку — «статус» жителя Аугсбурга, надо было попросить у вонляйтера Вебера взамен утерянной бумаги о временной прописке в общежитии на Фрозинштрассе ее копию. Со страхом ждал я приезда Вебера в очередной понедельник в хайм и, дождавшись своей очереди, вступил в его кабинетку и, за незнанием немецкого, загулил на своем плохом, но бывалом английском. «Keine Englisch! — отрубил вонляйтер. — Ich spreche nicht Englisch!»¹⁰⁷. Это я понял сам.

Дальнейший его короткий, но пламенный спич мне перевела женщина-казахдойче, жившая здесь уже второй год (переселенцы из Казахстана, что понятно, очень неприхотливы в быту, многие годами живут в хаймах, чтобы не платить денег за квартиру — они хотят и идут работать как можно быстрее и оплачивают квартиру из собственного кармана) и давно обратившая на себя мое внимание полнейшей добродушной невозмутимостью и еще тем, что всегдаший ее серый сарафан вечно же обнажал девственno, от начала появления вторичных половых признаков нестриженные волосы под мышками, белокуру ниспадавшие по-за проймы сарафана чуть не на аршин... Я правильно помню, что аршин — это 70 см? а то я стал путаться, и немудрено, ведь, скажем, немецкий фунт — это не английские 409 грамм, а полкило... Наверное, так у них положено, думал я; но не сказать, что симпатично; но это с непривычки. Я в детстве маслины тоже не любил, а потом вошел во вкус.

Смысл же речи Вебера был таков, что ежели кто, стало быть, в Дойчланд приехал жить, тот, значит, и заруби себе на носу: это в Англии говорят по-английски, а в Германии говорят по-немецки. Иначе ему нефиг в Германии делать. «Ферштейн Зи?» «Ихъ ферштее»¹⁰⁸. Смысл моего прошения был также доведен женщиной-казахдойч до понимания Вебера. Он нахмурился и говорил, говорил, и мне уже никто ничего не переводил, я сам понимать должен был, какое преступление совершил, потеряв бумаги, свои и всей своей фамилии¹⁰⁹, и чего можно

¹⁰⁶ Один из многих языковых микрошоков: русское, со времен войны, склоняемое «полицай» в применении к человеку — оказывается безграмотно: «полицай» — это полиция, полицейский участок; полицейский же — «полицист» (polizist).

¹⁰⁷ Никакого английского! Я не говорю по-английски!

¹⁰⁸ Понимаете? — Да, понимаю.

¹⁰⁹ Familie — семья.

ждать от такого человека, как можно будет поручить ему хоть какое-нибудь ответственное задание, например, сначала сортировать мусор правильно, а затем уже выносить его, как можно вообще хотеть от него простейших вещей, на которых стоит цивилизация и которые автоматически выполняет любой школьник, как можно добиться хоть чего-нибудь от взрослых людей, которые теряют бумаги, дающие всей твоей фамилии право на жизнь, работу и медицинское обслуживание, — но он, Вебер, всё равно добьется от своих подопечных, сколь бы тупы они ни были, чтобы они стали разумными людьми, прежде чем выпустить их в цивилизованную жизнь, даже если ему — для моей же пользы — придется проявить твердость, твердость и еще раз твердость.

— Мели, Эмиль, твой миттельшпиль, — пробормотал я сквозь зубы, продолжая глядеть на него во всю ширь окоема, как отличник на учителя. Он вопросительно посмотрел на женщину-переводчика, и та перевела ему без тени задней мысли, как поняла: есть такая игра — что-то (она не понимает что) молоть, и сейчас, в середине этой игры, его ход. И покрутила рукой воображаемую ручку мельницы. Он непонимающе посмотрел на меня — потом понял: что бы я ни сказал, я сказал дерзость — и твердо решил меня проучить, пусть на грани не положенного ему (по логике вещей он-таки обязан был, пусть после хорошего нравоучения, выдать мне на первый раз просимую копию), но единственным доступным способом: отказалвшись выдать бумагу.

В отчаянии поплелся я на Германштрассе 11, в отдел прописки. И тут мне повезло; видно, три румына, два боснийца и семья турок, шедших в очереди передо мной, вычерпали весь наличный дневной запас чиновничьей энергии, но только бератор, установив факт моей прописки по компьютеру, безо всякой дополнительной бумаги от Вебера и без назиданий устало выдал дубликаты статусов — поименно на каждого члена семьи. В социаламте добряк Вагнер даже сострадательно-недоуменно... понять, как можно потерять все документы, этого и он понять не мог, думаю, этого у них не понял бы и Ницше даже сумасшедшего периода творчества своей жизни... но сострадательно, а не осуждающе-недоуменно покачал головой, наморщил лоб, опустил концы губ и безо всякого моего письменного заявления об утере и прошения о вторичной выдаче тут же выхватил из принтера и выдал дубликат бешайда.

Дубликаты всех русских документов прислали через пару недель мать и теща. Всех, кроме копий дипломов — теперь я знаю и сообщаю всем, кому может пригодиться: согласно существующему в России положению копия диплома о высшем образовании при его утере не выдается никому, никогда и ни при каких уважительных обстоятельствах. Поэтому сразу ступайте к метро «Арбатская», увидите там на лотке

и купите за 50 рублей¹¹⁰ пустую корочку диплома — и заполните ее по вкусу. Можете кончить МГУ или МГИМО, или сельхозакадемию — немцу всё едино. Печать — любую — можно поставить по адресу... но зачем тратить деньги попусту? Немец вам и без печати, под вашу подпись, поверит... на пфенниг — а на марку он вам и с печатью не поверит ни за что.

Через три недели для последней очистки совести я зашел в бюро нахождок. «Это Ваше?» — сказали мне с радостной улыбкой, протянув оба наших диплома. Полицейский нашел их под мостом через Вертах. Больше он не нашел ничего — ни пакета, ни остального его содержимого. Только две корочки с непонятной кириллической начинкой. Загадочный мистический факт. В чем его целокупный смысл? Понятия не имею. Но свидетельствую: это было. На всякий случай.

После того, как мы непросто, но всё же сняли квартиру, — рано или поздно здесь это происходит с каждым, — мы должны были выписаться из хайма, для чего сдать полученные во временное пользование ложки-вилки-тарелки и постельное белье — под опись, для чего предъявить и саму эту опись с моей подписью. Но она лежала в злосчастной тюте и исчезла вместе с остальными бумагами! Вебер наверняка не удовлетворится сдачей самих вещей по логике самих вещей, по количеству членов семьи, не сочтет без папиры вещей существующими, значит, сдачу их действительной — и не выпишет нас отсюда никогда.

Но кто сказал, что жизнь предсказуема и что немцы неживые? Вебер поспранил мою предвзятость. Он понял главное: я слезаю с его шеи, — и не захотел мне в этом мешать. Пусть тот, кто, столкнувшись со мной, не поймет его нежелания мешать мне исчезнуть с его глаз долой, пусть тот первым бросит в него камень. Он составил новую папику, помеченную старым числом, я подмахнул ее. И он принял по ней вещи и отпустил меня с Богом, шлепнув необходимый штамп. Последние слова, которые я в своей жизни от него услышал, были: «Всё, что я говорил Вам, я говорил для Вашей же пользы. Если из встречи со мной Вы вынесли хотя бы то, что документы терять страшно — считайте наше знакомство небесполезным». И сказанные они были благожелательно, непамятозлобиво, с едва ли не русской ухмылкой.

Но только когда я вышел от него навсегда, только тогда до меня дошло — он говорил только что со мной, он сказал всё это — по-английски. Выписанный, я был отныне вверен не ему, и он мог позволить себе обнаружить знание английского.

Спи спокойно, вонляйтэр. Пусть подушка твоя наполнится сладкой горечью трав, навевающих покой альпийских лугов, откуда спустился ты нам на благо; пусть в спальне квартиры твоей, с положенной тебе по

¹¹⁰ Цена указана на август 1998 г. (ред.).

службе сниженной *miete*¹¹¹, квартиры, чья полная месячная стоимость да не вычитается никогда из твоего жалованья, в прохладе спальни твоей, не топленной и зимой из рачительной заботы о кошельке своем и телесном здравии, перина твоя из чистого гусиного пуха, купленная мудро на зимней распродаже, защищает твой сон от видений.

Да не привидится тебе, честный Эмиль, как под покровом мглистой ночи, затмевающей бдительный взгляд сторожевой немецкой луны, выходим мы тайком во двор, влача мешки с мусором, дабы свалить без разбору бутылки, пакеты и объедки в один серый контейнер с целью расстроить функционирование лучшего в Европе аугсбургского мусороперерабатывающего завода.

Поклянемся перед лицом спящего проверять и мы свою совесть на сон грядущий. Всегда ли выполняем мы ее строгие веления? Опускаем ли в серый контейнер лишь объедки и всякую гниль, в желтый — упаковки, тщательно отмытые стаканчики из-под йогурта и пивные банки, газеты же в зеленый, тогда как «естественные отходы»: веточки, листики, картофельные и свекольные очистки — в коричневый? Опускаем ли пустую стеклотару в специальные контейнеры для стекла, при этом: бутылки белого стекла — в один, зеленого стекла — в другой и коричневые — в третий? Запираем ли в ровно в 21 час входную дверь на ключ, чтобы не дать экстремистам, которых никто в глаза не видел, но процент которых известен, шанса бросить ночью в подъезд ненавистным ауслендерам бутылку с коктейлем Молотова? Тщательно ли пылесосим по очереди полы всех 4-х этажей единственным, но мощным пылесосом фирмы «Зименс»?

Будем же верны своему наставнику. Будем, как он, верны в малом, — и нас, как его, поставят над большим.

Пойдем восслед.

Людьми станем.

Матери, аккуратно и своевременно опорожняйте содержимое горшков после отправления в них нужд ваших младенцев, после чего ополаскивайте сами сосуды.

Молодые переселенцы из Казахстана, поклянитесь и вы никогда не оставлять в душевой подвале после инъекции опиума-сырца одноразовых шприцов. Тщательно отмытые, должны они быть приравнены к стаканчикам из-под йогурта и дозам из-под пива; место им в желтом контейнере.

Клянемся. Клянемся. Клянемся.

Пред лицом голкипера аугсбургского рая. У изголовья Удерживающего.

¹¹¹ Месячная плата за квартиру; в отношении хаусмайстеров и вонляйтёров, имеющих всегда в подведомственном им доме дешевую квартиру, Германия, как ни странно, руководится советским принципом — «что охраняешь, то и имеешь».

Удерживающего карантинный щит между монголов и Европы.

Но не вбивающего между ними клинья.

Да и кто может, держа десницей щит, оставшейся шуйцей вбивать клин?

Тот, кто использует щит в качестве молотка, вбивающего клин.

Так говорящий — никогда не знал Вебера. Вебер не стал бы использовать никакое «одно» в качестве ничего «другого». Человек, у которого все на своем месте, не знает слово «вместо».

Спи, доблестный Вебер.

Вонляйтер от Бога. Швабский житель от верхнего баварца и нижней франконки.

Нисшедший с альпийских гор к нам, людям древлей запущенной воли.

7. Плюсквамперфект (продолжение)

Между тем месяц мы прожили в долг, и его надо было отдавать. Я брал деньги в рублях; в валюте их уже никто не давал взаймы без процентов, но рублевые люди еще находились, среди поклонников поэта даже в наше время — Россия! — находилась какая-то добрая, бесхитростная и слегка денежная душа. Среди плохих людей, которыми, по внимательным наблюдениям за собой не одного только Блока, по вине или беде рождения непреложно являются поэты, я выделялся относительной порядочностью, например, еликовозможной честностью в денежных делах, и не знал, гордиться мне этим или печалиться — могло статься, что моя неизбытвная порядочность как раз и была знаком моей неизбытвной поэтической второстепенности. Но это должна была рассудить история; сейчас же было время отдавать долг.

За мной было шестьсот тысяч. Курс доллара три дня стоял ровно на трех тысячах.

Я взял двести баксов из отданных Акопом и пошел в обменный пункт напротив через дорогу. Стояла ранняя ноябрьская тьма. Я увидел небольшую очередь и приготовился ждать. Сбоку подошел просто, но очень прилично одетый человек моих лет с грустными глазами грузинского интеллигента. С таким же интеллигентным акцентом на вполне литературном русском он спросил, не продаю ли я доллары, и предложил мне сделку, выгодную для нас обоих: купить у меня доллары по курсу, среднему между заявленным курсом покупки и курсом продажи. Это показалось резонным — зазор между обоими курсами был высоченный, чуть не в сто пунктов. К тому же не надо стоять. Я вынул две сотенные бумажки.

Он подвел меня к фонарю, взял купюры и принялся проверять их на свет, при этом аккуратно и странно складывая чуть ли не корабли-

ками. «Можете не проверять, деньги из банка». «Верю. Но порядок есть порядок, извините». В этот момент к нам из темноты на свет выбежал мужичок с какой-то повязкой на рукаве. «Так.. Незаконная скупка-продажа валюты. Ну-ка разбежались по одному, и чтобы я вас больше не видел, а то...». Советского пуганого человека не надо долго страшить. Грузинский интеллигент протянул мне обе зеленых бумажки, и мы расстались быстрее, чем я успел спрятать их в карман. Очередь в обменный пункт как раз склынула, я вошел и протянул обе сотенные в окошко. «Так. Два доллара. Шесть тысяч. Витек, у тебя мелкие есть?» «Простите, какие два доллара? Двести долларов, Вы хотите сказать?» «Мужчина, Вы пьяный? Посмотрите, что в руках держите!»

Только тут я взглянул на сложенные корабликами, а затем расправленные купюры. Они сохранили следы грузинских манипуляций, они были те же самые, каждая по-прежнему гласила: «In God we trust»¹¹², удостоверяя, что в мире нет и не было другой такой религиозной страны, где не только малые мира сего-люди, но даже сами деньги верят в Бога; только в верхнем уголке каждой, где стояло «100», теперь стояло «1», а там, где две минуты назад стояло «one hundred»¹¹³, теперь стояло просто «one»¹¹⁴. Два нуля исчезли — это бы ладно, нуль и есть нуль, но с ними за компанию исчезло целое слово! Этого быть не могло; о н проверял бумажки перед моими глазами, крупным планом, в свете фонаря, я ни доли секунды не терял их из вида. Я посмотрел изо всех сил, вкладывая в свой взгляд всю волю к: «Туз выиграл!»; но невозможное стало возможным, оно материализовалось. «Дама ваша убита», — ответил мой же взгляд. Мне показалось, что единица на месте сотни прищурилась и усмехнулась. «Грузинская гадина!» — закричал я в ужасе и выбежал на улицу.

Но куды! что такое две минуты форы для профессионала в ноябрьской мгле! он растворился в ней, как соль в воде. Мир завалился во тьму; фонари потухли. То, чего не могла сделать потеря нескольких тысяч, сделала потеря двух сотен. Я слышал об этом фокусе с подменой денег много раз, но — с другими, с дурачками, со мной этого быть не могло! и потом, повторяю, повторяю — я сам видел все открытыми глазами, прямо перед носом! И какое же привлекательное лицо было у него — лицо трагического поэта или абрека, Дата Туташхия, но не вульгарного кидалы, мелко обманывающего предпоследних бедняков!.. Я шел домой, бормоча необыкновенно скоро: «Старуха, грузинская гадина, двести зеленых!»

Поняв, в чем дело, жена открыла было рот, но, взглянувшись в меня и поняв дело еще лучше, погрузилась в находящееся здесь же, к нашим

¹¹² «Мы верим в Бога» (англ.).

¹¹³ Сто (англ.).

¹¹⁴ Один (англ.).

услугам, молчание. Его было сколько угодно. Оно было проникновенным. То есть проникало в нас, а мы проникались им. За последнее время нас кинули дважды, один раз по-крупному, другой раз мелко и оттого совсем пакостно. Из деревни Кидалово в село Попадалово. Кто сказал, что бизнес интернационален и потому есть лучшая профилактика этнических конфликтов? Я готов расцеловать его за эти святые слова! Грузины не любили армян, но это не мешало тем и другим делать общее дело. Меня уже два месяца как уволили с очередной работы, и следующая на сей раз даже туманно не светила. На четверых у нас оставалось 900 баксов, после того как мы все-таки отдали долг следующими двумя сотенными.

Москва не Тамбов, более того, по педантичным статистическим выкладкам немцев она вместе с Токио, Пекином и Гонконгом прочно удерживает первое-четвертое места в мире по дорожевизне потребительской корзины¹¹⁵. Допустим, допустим, русский человек ползуче всех летучих драконов, он и в самом дорогом городе мира вчетвером проживет на 900\$... месяца... если поднатужится, если без малейших излишеств, месяца... три? четыре? пять? Ну, а дальше? Дальше — тишина. Оставить без малейшего загашника семью с малыми детьми... и Бог попустил это... и, кажется, безо всякой нашей вины... не по грехам, значит, нашим, но только для того, чтобы кому-то что-то «на нас я в и л о с ь! уу-у...

Дней через десять я заглянул в кошелек. Еще недавно здесь лежало ровно 9 сотенных. Зачем я полез туда? Или не знал, на что жил целые 10 дней? На что надеялся я? На то, что доллары, в отличие от рублей, неразменны? Напрасны, глупы были эти надежды... И тут, да, тут, какую-то недолгую вечность спустя — в меня в о ш л о. Шестов назвал бы это апофеозом беспочвенности, но не дай Бог никому пережить этот апофеоз. Я не мог сидеть дома: здесь, где вся семья была неотступно перед глазами, меня неотступно же преследовала мысль, что мы неизбежно умрем через некоторое время голодной смертью — да, именно г о л о д н о ю смертью, я мог даже высчитать, когда именно; и я рвался на улицу.

Но улица пугала меня еще сильнее, прохожие тревожили обращенными словно бы на меня одного недобрными взглядами; особенно же не мог я стоять в очереди в магазине, все казалось, я сейчас свалюсь от напряжения, от изнурения: жизнью, продавца-продавщица-ми в когдато белых их зондерхалахах, голосами их, впадающими то в маниакальную агрессию, то в депрессивную вялость, запахами смерти, распада полуухого, задохнувшегося сырого мяса.

¹¹⁵ Имеются в виду данные до конца августа 1998 г.

Хуже всего было в метро: пока я стоял в ожидании поезда, я ждал взрыва из оставленного кем-то на скамейке свертка, когда же ехал в поезде, то ждал — вот-вот начнется пожар из-за неполадок электропроводки или опять-таки рванет; но страшнее всего было ступить на эскалатор и затем ждать целых полторы-две минуты, пока поднимешься или спустишься: сколько раз за это время он мог обрушиться под нечеловеческой тяжестью человеческой толпы — и все мы полетели бы в бездну, перемалываемые по дороге с хрустом и чавканьем всеми зубьями и шестернями, скрытыми за лживо-успокоительной, якобы прочной ступенчатой лентой эскалатора. Я не мог понять, почему так спокойны окружающие; неужели до них не доходит, как легко происходят все эти ужасы, как они правдоподобны в мире техники, сделанной всего-навсего человеком, в пост-человеческом мире, в пара-человеческом его заповеднике, в зоне до-временной аварийности.

Неужели их успокаивает то единственное обстоятельство, что пока еще с ними ничего не случалось? Да ведь это значит только: тем с большей вероятностью вот-вот случится! ведь оно держится только на Божьем честном слове, которого Он к тому же не давал, ведь попустил же Он разорение моей семьи — а чем я виновнее большинства людей, стоявших рядом на эскалаторе, именно что лестница-чудесница, коль скоро она еще не провалилась, — впрочем, было уже раз, когда, — еще при советской, в таких-то делах хоть какой-то власти! — на Авиамоторной поставили новаторские пластмассовые заклепки вместо металлических, и лестница-чудесница полетела, свернулась жгутом, и сколько их тогда упало в эту бездну?! а пожар на Октябрьской? а взрыв в перелете Тульская—Нагатинская? — и кого это научило?

Да, но я ведь я сам еще недавно не боялся ничего, как и они; так что же; я был, как и они, во власти автоматизма, колдовской инерции. А сейчас я освободился, в отличие от них я ясно вижу действительность — и это ясное видение не дает мне жить. Именно-именно. Ясное-то видение они и называют безумием. Но разве не безумными считали они всех первооткрывателей? Что там, разве не безумны христиане с точки зрения иудеев, веря в человека как в Бога? Человека, сказавшего о себе, что он видел Авраама, жившего за сотни лет до него? И разве не безумен сам Бог, если, зная человека лучше, чем я его знаю, — а уж я-то его знаю, я знаю с е б я , а значит, и нас, всего-навсего 5 миллиардов таких, как я, и а с , и знаю, чего от меня и нас ждать! — если Он все же верит в человека настолько, что требует (и терпеливо ждет, когда его требование исполнят) и от него в ответ — безумно отважной веры?

Свет истины открывается лишь безумцу, потерявшему разум в поисках Разума, — и делает жизнь невозможной. Я захотел умереть, но сначала должен был обеспечить семью наперед, а я не знал, как

обеспечить ее дольше, чем на считанное количество недель. Я вдруг понял Раскольникова — и понял, что понять его очень просто; литературоведы насчитали сначала сколько-то мотивов преступления, и теперь решали, какой объявить истинным, а какой подложным, — а нет бы самим недельку-другую пожить в его шкуре и разуть глаза: у интеллигентного, чувствительного молодого человека от кошмарной тупиковой нищеты при нарождающемся диком капитализме поехала крыша — а чего же еще ждать? — а если помножить серьезность прибабаха на его изнуряющую длительность, вытягивающую мозг из костей, требуху из потроха, если бы, то есть, я был в таком состоянии не неделю, а, как он, уже давно, если бы, значит, мы в с ё у ж е д а в н о с ъ е л и , — то совершенно неважно, какой мотив сам собой сочинился бы в голове, чтобы только оправдать немедленную необходимость действовать! невозможность не действовать более! изменить ситуацию! взорвать все к чертям, но вернуть себе утраченную способность жить, не сходя с ума в полуторогодной хмаре от представлений о дальнейшей неизбежной части.

Представим, что Раскольников захотел только ограбить старуху-гадину (ведь она несомненная гадина, так или нет?), но при этом не убивать ее, — и изобрел бы, как это сделать. Правдоподобно? Вполне. Что ж, оправдал бы его в этом случае Достоевский? Да ни Боже мой. Конечно, Раскольников меньше преступил бы, не убив, — но все равно преступил бы как следует. Потому что Достоевский отстаивает сам принцип: неча валить на то, что «среда заела», а человек в себе самом должен иметь Божью правду и т.д. Так. А наши литературоведы — оправдали бы? Еще чего! как можно лезть вопреки Достоевскому в пекло? Потому что не жизнь их учила, а Достоевский. Учивший «довериться жизни», да так ничему и не научивший.

А вот меня жизнь научила, может быть, и дурному, но я заглянул в себя до зела — и душа моя уязвлена собственными страданиями стала! и скажу честно, не боясь никого, хоть даже Достоевского — если бы я только знал, как в з а т ь банк, да-да, как ограбить его, не убив никого и не попавшись самому — я ограбил бы, взял бы деньги. По тому же самому, почему и Раскольников: потому что старуха — гадина, и мне не стыдно брать ее (даже не ее, а неизвестно чьи) деньги. От нее никогда не убудет, зато мои домочадцы долго не помрут. Преступление? Какое преступление? Я никакого преступления не совершал, а только не знал, как взять банк безнаказанно; но в своем случае пришел к безотлагательной необходимости действовать — и любыми эффективными способами — быстрее, чем Раскольников.

— Ты можешь выколотить долг из Акопа? — спросил я монаха-охранника. — Совесть позволяет?

— Совесть-то позволяет, — ответил он, — да привычки нет. Какой-никакой, а я бывший монах. Я, понимаешь, привык, что мне не по-

зволено мышь убивать, а ты мне предлагаешь человека прогладить утюгом, чтобы задымилось в области живота.

— Да это не человек, а клоп. Кровосос. Его сам Бог велел давить.

— Это вопрос открытый, сотворено ли в этом мире Богом хоть что-то, что Им же велено было бы давить. Конечно, ежели зайти со стороны принципа икономии¹¹⁶, то клоп — он хоть и живой, но если он тебе как раз этим самым жить мешает... Ну, а с точки зрения принципа акривии¹¹⁷ — мне и клопа не велено было губить. Да в мюнхенском монастыре клопов и быть не могло. Я считаю — это лучшее решение вопроса. Так что не все так сразу. Дай пообщаться к новой жизни.

— Как же ты охраняешь?

— Да по факту. Просто сижу и охраняю. Мне платят, чтобы я сидел с грозной рожей в камуфляже, я и сижу. В камуфляже. Фактура у меня хорошая.

— А если нагрянут с «калашами»?

— На всё Божья воля.

— А твои действия?

— Помирать. Как там этот сказал тому, в декабре октября: «Ах, как славно мы умрем!»... Как их, не помнишь? кто кому? Бестужев Марлинскому или Азадовский Завадовскому?

— Кажется, Якубовский Якубович... Но кроме шуток.

— Какие шутки. Сижу и молюсь, чтобы миновала чаша сия. Пока мне самому не выдадут «калаш» с лицензией. Говорят, с той недели на стрельбища, а как научат — дадут.

— Да, тогда, конечно, проще.

— Не скажи. Тогда-то и начнется проблема нравственного выбора. Принципа икономии или акривии. Хотя были же монахи-воины. Почитать хоть Авраамия Палицына об осадном сидении Лавры. Или еще раньше — Пересвет...

— Я тебя умоляю, Пересвета оставь в покое... Хоть пугнуть его ты можешь?

— Ничего себе «хоть». Пугнуть-то в этом деле — самая сложная вещь и есть. Пугнуть надо так, чтобы клиент, бывалый, понял, то есть такой, что его на понт не возьмешь, сразу просек: с ним не шутят. До такой степени сразу, что без дальнейших разговоров побежит и принесет тебе деньги. Потому что дважды пугать — только смешить. Притом, если у него крыша, пугать его бесполезно, будет спокойный разбор, и не с ним. Нужен толковый терщик. И это не я, зельбстферштэндлих.

¹¹⁶ «Икономия» от греч. «οἰκονομία» (в новогреч. форме «ikonomia») — «домостроительство» — здесь принцип применения церковного права «по возможностям», делая разумную уступку житейским обстоятельствам в целях эффективности.

¹¹⁷ «Акривия» — от греч. «ακρίβια» (строгость) — принцип максимального соблюдения буквы церковного права.

— Что же делать?

— Я вообще патриот. Но тут советую поступить по-немецки. Не заниматься самодеятельностью, а обратиться к специалисту.

— А у тебя есть?

— Есть один, дальний родственник. Владик. Папа у него был полковником еще в ГБ, сына пристроил уже в ФСК, но парню на жизнь не хватает. 27 лет, дело молодое, а чего там нынче взять в чине капитана? То есть нам бы с тобой хватило на обоих, но мы кто? Я вот хоть и в охране, а до сих пор пью водку тульскую «Левша» или курскую «Исток».

— Так ты же этого и хотел — вернуться к истокам? или я тебя не так понял?

— Да нет, меня-то ты понял как надо. Хотя я бы не возражал, чтобы истоки были родниково, кристалловски чистые. Но я человек постный, я и такую попью, а у него эта... как там ее... типа — жажда жизни. Словом, Владик, по слухам, занимается делами типа твоего. Кажется, из 50%. Ты как?

— Да пусть хоть так. Но хотя бы — 50% от результата? Без аванса? У меня авансы поют романсы.

— Я узнаю. Глядишь, возьмется. Какой ни есть, а он родня. Но имей в виду — я его в деле не видел, это все были и небыли. Были и сплыли...

— Ответственности не несешь. Действуй, родной мой, действуй!

Аккомпанемент

На языковых курсах — преподавательница, нам:

— Сегодня мы с вами будем играть в обычай — я говорю, вы вставляете немецкое название того или иного народа. Итак, первый вопрос. Кто всегда пьет чай с молоком — французы, немцы или..?

Аусзидлер Вахенрот из Акмолы — радостно:

— Казахи!

Там же, она же, тем же:

— Аллес кляр?¹¹⁸

Флюхтлинг Альтшулер, повар:

— Наторлих.

Его жена — вполголоса:

— Что она сказала?

Он:

— Ты что, даже этого не понимаешь? Все в кляре!¹¹⁹

Там же, все те же:

— Я буду спрашивать, что вы любите пить по утрам, а вы отвечайте. Итак.

Вы, хэрр Трофименко?

— Я пью чай.

¹¹⁸ Alles klar? — всё ясно?

¹¹⁹ Приготовить в кляре (кулин.) — обжарить, обвалив во взбитом яйце.

— Вы, фрау Либрейх?

— Я всегда пью кофе с молоком.

— А Вы, хэрр Аронсон?

Аронсон часами на одной ноте, негромко, но отчетливо отчитывает жену за нерадивость и бесполковость. Она нервно парикует, бесплодно пытаясь сбить его с панталыку. Это постоянный фон занятый для сидящих рядом.

— Так что Вы пьете по утрам, хэрр Аронсон?

Громкий шепот-подсказка за спиной Аронсонов:

— Кровь-своей-жены.

8. По душам: очнувшись и вслушавшись

—...мся к Мандельштаму. Чем он, простите, подкупает — скромно и ненавязчиво? Тем, что решил квадратуру круга: как устоять в точке проясненного греха-ада, не идя наверх, но и не скатываясь вниз. Ведь это же главная вещь!.. Помните, как старец Силуан: «Держи свою душу во аде и не отчайвайся». Это и есть точка отсчета ясного видения. Но попробуй жить во аде, не отчайвайся, когда отчаяние и есть первейший предикат ада! Силуану это возможно благодатно, а прочим? Но вот Мандельштам — стоит. Стоит в черном бархате всемирной пустоты. Стоит в Элизиуме теней. Стоит от начала до конца в царстве сухости, без живой влаги. Интересно, сам он осознавал это противоречие собственного опыта и опыта своего кумира Данта, в аду которого хлещет ледяной дождь?

Сухость. Без конца это слово. На дне сухого Стикса. Дыша сухою влажностью черноземных га. Ворожа сухими губами. Находясь по ту сторону неба и земли, где нельзя дышать и твердь кишит червями, где только черный бархат советской ночи — мачехи звездного тabora накинут на хоронимое солнце! где воздушный океан — вещество без окна. Воздух просится на свежий воздух — а нет окна, ни форточки! ни дна воздушной ямы, ни гробовой покрышки в яме земной! Что дает ему силу дождаться вести-светопыльной обновы с небес — в безвоздушном воздухе, на земле, стоящей ему десяти небес, а вместе и под землей, в земле, губами шевеля? Почему он не задохнется с облегчением от астмы, а все борется за воздух прожиточный? С какой стати должен, нет, как может он жить, хотя дважды умер, пусть это сказано много позже — но ведь мы-то же с Вами чувствуем, что и раньше он-таки непременно уж е умер.

Ведь его писания еще 20-го года, за несколько лет до облома с этогою Вакселью — это уже явно: немыслимый, потому крайне редкий, но — достоверный и потому полузвитный репортаж о т т у д а , из чертога теней, голос если не прямо из Элизейского хоровода, то со здешнего Элизейского подворья теней (и как это в нем почувствовал Тынянов, что из области теней могут с ю д а просочиться только «тени слов»! и как он сам горячечно отбрыкивается в письме к тому: но-но, какая я

вам тень? я еще сам отбрасываю тени! — а на воре-то шапка горит), толпящих нежный загробный луг, где бессмертник не поет (но бессмертие-послесмертие есть) — а мы еще сетуем, что оттуда никто не возвращался и вестей не доносилось! — немой голос человека, совершенно, до сухих белых косточек истлевшего, вообразимого только в муаре черно-бело-золотой, бесплотной, потусторонней вашей европейской графики (теневого кабинета европейского искусства), но и — вовсю, до мозга сухих костей живого человека! Так что дает ему жизнь внутри смерти? И откуда его смерть при жизни?.. Треснем, а? Треснем?

— Что-то пока не хочется.

— А мне, думаете, хочется? Но — понудим себя. Без саможаления и самопогакания.

— Понудим, так и быть. А ради чего?

— Да именно ничего ради. Вы, может быть, считаете тривиально, что человеческая высота определяется высотой цели. А я тривиально стою на том, что в человеческом мире нет ничего выше бескорыстия. А что же есть абсолютное бескорыстие, как не полное отсутствие цели?

— Уговорили. Но хоть — за что?

— Почему никто никогда не добавляет: и против чего?.. За гремучее «God bless»¹²⁰ бредущих веков, за что же еще. За гребущее племя людей. Против загребущего.

— Принято. Вообще-то я нечасто видал толком пьющих филологов...

— А что, ежели, значит, вагнер — то уж и не человек? Уж и в Бога не верует, и водку не пьет?

— Я не сказал просто — пьющих, но — с толком. При серьезном количестве и немалой длительности важен... этот, как его... — о! вектор. Одно дело — по-простому натёпаться в стельку. Другое то же самое — по-интеллигентски нарочаться в дупель. Третье дело — короткий марш-бросок-побег на рывок с последующим всенощным подлетом к потолку. А совсем иное, чем первые... три? трое? совсем-совсем иное, верите ль рыбаку, узревшему рыбака — на длинной дистанции с полной выкладкой доклюкаться со вкусом до неподдельного офаустения...

— Увы, с утренним синдромом острой офаустиненции... А что, в последнем случае обязательно быть избранным составить свое «Избранное»? для чего уметь взять вслух три собственного сочинения дактилических аккорда?

Надулся. Не люблю, когда на меня дуются. Что ж за незадача такая, Господи: хочешь сделать приятное, говоришь комплимент — на тебя обижаются. И вечно так в моей дурацкой жизни, вечно чувствуешь себя виноватым из-за такого пустяка, как я. И хотя бы компенсация какая; например, наоборот: хочешь сказать что-нибудь обидное — делаешь

¹²⁰ Господи, благослови (англ.).

приятное человеку. Куда там, тут тебе полное и прямое исполнение желаний. Только захоти обидеть — наоборот никогда не получится, обидишь за милую душу. Ну, так и мы обижаться мастера. Издевается, гад — и над кем? над своим же братом-словесником.

— Дактилических, говорите? А может — птеродактилических?

— Глядя на Вас — дидактило-скопических.

— А может, уже сразу — скопческих?

— Ну, зачем же сразу. Мы подождем до непременного чтения Вами своих стихов. Я кладу на это еще максимум две рюмки.

— Не дождитесь, господин хороший. Не до-жде-те-сь! и после третьей лишней.

— Искренно хотел бы надеяться.

— Подлинно: есть у тебя друг блондин, только он тебе не друг блондин, а сволочь. А еще говорите о чужом ассафетиде.

— Простите. Когда бывают филологов — когда не я сам их, нас, бью, — я по пьяни всегда обзываюсь. Комическая черта, да?

— Да будет Вам. Кому дуться, так это мне. Но я думаю: брось, в кои-то веки попался человек с перчиком, выпил, крякнул — и говорит с приподнятым... Нет, я тоже согласен со всеми нами, что спортивное отношение к половому общению безнравственно, но я старый вокабулярный жук и не согласен, что ровно так же безнравственно и спортивное отношение к общению словесному. Надо отличать потребное потребительство от непотребного. Попасть в ритм, в драйв, покачать осевшие речевые мускулы — что ни говори, а в нашем возрасте что-то еще осталось от удовольствий жизни? Еще говорят, что пьяный лыка не вяжет. Да я никогда так лихо не вяжу лыка, как будучи кирякми! Честно, очень не хотел того, — и говорить не хотел, — но давно мне так в пас не умничалось, как сегодня — если учесть к тому же еще мои обстоятельства, о коих умолчу... Нет, в самом деле, кончайте мрачнеть... Так откуда?

— Что — откуда?.. А! да. До конца сам не пойму. Но у него это — есть. Он — может. Вы — не знаю. Я — нет. А он — может. Почему? А? Я вам вот что скажу, на ухо, наклонитесь: не без того, что он имеет безупречную точку опоры.

— Простите?

— Ну... Скажем его словами: он — «потерял себя». У него больше нет личного самостоинства. Он лишил себя возможности на себя же — опереться. И не строит иллюзий. И вряд ли знает точку опоры в Боге. Это ведь только сейчас каждая гуманистка-гуманьина, стоит ей воцерковиться — если занимается кем, то и подопечный ее любимый сразу, ясное дело — христианин. Рази ж не ясно, у него же вот тут прямо сказано: «Божье имя вылетело из моей груди», да к тому же он сам покрестился, хоть и в лютеранской кирхе. И вот: «Э!» — говорим мы с

Петром Иванычем! А я вот лично у себя в Питере Иваныче знал таких умных, и сознательно крестившихся, и хорошо пошедших — а дальше забредших куда Макар телят не гонял, где одни астральные клочки летят по рерихнутым закоулочкам — от большого ума, по малому своеволию, да по великой пьяни с болотной смуриной... И из этого выводы выводить?

Нет, мы будем выводить из другого, несомненного: знал он Бога, нет ли, но себя он знал — и невысоко ставил. Но голову задирал — высоко. От чего же? От чувства, как он формулировал, поэтической правоты. Поэтической, но не с в о е й . Он не знает Бога, но знает — и это уже много, уж Вы-то повидали поэтов — некий и н о й , величный источник правоты. Им владеет двойное чувство: полнейшей личной неправоты при полной имперсональной, всепоэтической правоте. Он ощущает в себе оба эти начала-концы и хватается за них одновременно. Разумеется, его левая рука повисает в пустоте.

Но, между прочим, повисает и правая — Бог, видя, что человек способен в н и м а т ь и потом не переименовывать, отнимает у него и чувство поэтической правоты, лишает его не только чаши на пире отцов, но и чаши на своем собственном пире, источника «веселья и чести своей»: после истории с Ваксель наш О.Э., рожденный гением в девяносто одном, просто не может выдавить из себя ни одной — буквально — поэтической строчки.

Как Савлу, ослепшему из-за гонения Христа на 3 дня, ему посыпается поэтическая немота — на 5 лет! вы-то ведь понимаете, какая это пытка — отсутствием электротока? когда от всего человека остается одна «беспомощная улыбка человека»! только подумать — как он эти годы жил и выжил? другой бы из канавы не вылезал. А за что? За — чтоб понял, наконец: человек един, и человеческое предательство едино и не мерится «конвенцией Вронского», когда в ГБ закладывать нельзя, а жен бросать сам Бог велел, и человек л ю б о е предательство свое должен оплачивать до упора, до сокрушения чрева, до самого дорогоего, что в нем есть, в данном случае — чувством уже не только советского, но в н у т р е н н е г о бесправия, последней поруганностью — утратой лиры звонкой. Это когда Цветаева творила что хотела и даже чего, может быть, не хотела, а писала всё лучше и лучше, что только укрепляло ее — при свете совести, заметим-с! — в допустимости самой адской вседозволенности для поэта. Не дали ей при жизни вразумления, жалко, конечно, но — почему не дали? А потому, что всё равно — н е у с л ы ш а л а б ы.

А этому — кулак в рыло! такой здоровенный фауст¹²¹, чисто фауст-патрон! Потому — увидели оттуда, что этот — поймет, что его — есть смысл разрушать до оснований. И вот, когда исполнилась мера его

¹²¹ Faust — кулак.

авилонского пленения, когда Бог видит, что человек — пусть он и не знает еще Его, да и как, когда Он только Сам может открыться, кому пожелает? — пусть у него едет крыша и всякий нерв болит и воет, но — он стоит во аде и, даже если отчаявается, все равно с т о и т , и в точке отчаяния он все равно называет вещи своими именами, все равно не ищет утешения в самообольщеньи, он больше не движим с в о и м , он и в отчаянии не заслоняется своим величием и безмерностью, которые на что-то там такое «дают право», а, беспомощно улыбаясь, прислушивается к чему-то в себе н е с в о е м у , — когда Бог видит: этот человек до конца кончен — и тем только начат снова, ему можно, как ново-рожденному, и Свой пальчик показать, чтоб он у в и д е л — и засмеялся. Потому что не защищен — сам собой же.

Поясню. Возьмем главную предательскую пару — Иуду и Петра. Стоит ли говорить, что отступничество по слабости — тоже чистейшей воды предательство, особенно в этом случае — ведь от к о г о отступаешься? и что только что сам о себе Ему говорил? Но почему Петру, в отличие от Иуды, уготовано прощение и дальнейшая великкая судьба? Оба они после предательства — в полноте ада: в точном знании, что они — в аду. Вообще-то мы все — в аду, мы рождены в нем, хотя и не для него. Но в аду мы только, когда п о н и м а е м это.. пойми мы, как сказал один красиво умирающий литературный герой, что мы уже в Раю — и тут же станем в раю... Да, и вот, значит, один вешается, чтобы убежать из ада, еще не зная, что из ада, самоустранившись, переставиться можно только в ад же, то есть вообще самоустраниться — невозможно. Но он не знает; он знает одно, он полон с о б о й — и не в силах вынести мысль о собственном ничтожестве, о себе, столь низко «согревшем на небо и пред собою» — и потому отныне больше никем — и прежде всего собой — не любимом. Петр же — «плакал горько». Он и в предательстве — любил, и никакое с в о е ничтожество не в силах было затмить Любимого, саму силу любовного влечения, и страшная сила любви дает Петру живую влагу слез, а Иуду сгубило сухое отчаяние... на сухой осине... Что? что так смотрите? пошла уже навязчивость. да?..

— Баню — любите?

— Что? баню? какую еще баню?

— Русскую — против тухлой сауны. Влажный пар против сухого.

— А-а... Вы еще и психолог. Сейчас заведете о русском коллективном бессознательном во мне. Нет, русская интеллигенция как на Юнга села, так на нем и сидит — и дальше, в настоящую-то душу — не лезет. Ей все подавай престарелых кудесников.

— А я вот баньку люблю... Вы какой веник предпочитаете — березовый или дубовый?

— Дубовый, допустим. А Вы березовый?

— Нет, я-то дубовый. Широкий, мягкий. Но я же не русский. Большинство русских любят сечься березовым. Отчаянные мазохисты. Но извините. Продолжайте.

— Да, давайте-ка пока оставим взаимные любительские психракопки. Так вот, как Петр, и Мандельштам. Что-то, пусть искаженное преломлением, но Божье, не пустое, прольется сквозь него в мир, как сквозь стекло. Тусклое, если смотреть Оттуда, а отсюда — сверкающее. Как витраж снаружи — и изнутри. Может быть, это точка безумия, а может быть, это совесть его: неподвижно с т о я т ь в нулевой точке самости, точке признания-никого-не-винения, что ты изолгался на корню, сжигаясь огнем ада, но из-за последних сил стоять, не сдвигаясь в утешительный-огнегуаштальный детский соблазн своей всегдашней правоты, и не отказываясь даже под пыткой от не-своей правоты поэтической... Невнятно излагаю? Потому я и не Мандельштам. Ведь что такое, в сущности, поэт?

— Вот-вот. Хотелось бы знать, наконец, что он такое. И именно, именно — в сущности. А то мне тут давеча один тоже интеллигентный человек — такие, знаете, урожайные дни — больше года сидишь в медвежьем углу диаспоры, где трио «Джими Хендрикс Экспириэнс» не отличат от трио «Ламберт, Хендрикс и Росс», а Ролана Барта от Джона Барта, не говоря уж о Карле Барте, то есть просто не было ни гроша, и вдруг за последние два дня два алтына! — давеча, тому как два дни, один интеллигентнейший господин, не хуже Вас, не думайте, из бизнесменов, доходчиво объяснял, что поэт — не есть. Такая апофаза вполне уместна в его положении. Он — кто такой, чтобы быть с поэзией на короткой ноге? Как совершенно непонятно, но вполне доходчиво шутят немцы, *was versteht der Bauer in Gurkensalate?*¹²² Но Вы как бератор поэтдепартамента просто обязаны дать мне катафатическое определение поэзии — только попрошу, чтобы по существу.

— Презираю. Не Вас, но Вашу еврейскую иронию. В пику ей продолжаю, как и начал — серьезно. В случае с поэтом всегда видна разница между «ясно», «просто» и «легко». Совершенно ясно, что есть поэт и в чем его задача. Но при этом поэтом быть не то что непросто, а совершенно невозможно, ежели ты не поэт по природе, как бы ни версифицировал и ни мистифицировал. Но если ты родился поэтом — тогда не быть поэтом тебе невозможно, хотя бы ты и перестал писать.

— Вот и он мне давеча так говорил.

— Кто, бизнесмен? Молодец парень, не зря пошел в бизнес. В случае, ежели ты поэт, достаточно жить как живется и в конце жизни умереть. Это просто, но — крайне нелегко. Ясно же — что? Поэт — это кто достаточно безумен, чтобы увидеть истину прямым без-умным зрением, когда покров

¹²² Что понимает крестьянин в огуречном салате?

земного чувства снят, — и одновременно достаточно разумен, чтобы узренную истину со-общить, пусть не понятийно, но удовлетворимо образно, музыкально внятно для земнородного — для нас, и даже для себя самого. Индивидуальная пропорция безумия и разумения и определяет на вкус чувствуемую разницу между одним подлинным поэтом и другим. Понятно, что если меня интересует глубина соприкосновения с реальностью, стало быть, глубина без-умия, я необходимо должен принять сопутствующий благодатному безумию недостаток благодатной ясности=музыкальности выражения — предпочтеть позднего Мандельштама Пастернаку. Но в любом случае поэт необходимо под- и над-человечен в видении и слышании — и необходимо человечен в со-общении, выражении. Разумеется, он всегда виноват в том, в чем его корят его женщины или мужчины: в неверности, двуличии. Как ему не быть двуличным, когда он двуглав, ежели не двусердчен?.. Но Поэт говорит несказанно, я же могу лишь несказуемо, невнятно брызгать слюной после литры выпитой.

— Не прибедняйтесь.

— Как скажете. Не буду.

Теперь лицо его, доселе покрытое по бледной основе неопрятно-хатичными красными пятнами, приняло ровный, по-своему благородный пурпурный тон. Тон исполнения сроков, когда осмысленно пьющий обретает высоту печали и с ней высоту самодостаточности — и падает с этой высоты камнем, сбивающим любой замок. Но и я принял уже довольно для того, чтобы отключиться от собственных тревог, и начинал приобретать тот спиритуально-спиртуозный интерес к другому, то острейшее пятиминутное чувство близости, когда ты подставишь за ближнего свой живот в драке, а назавтра не вспомнишь, из-за кого тебя чуть не убили. Сейчас скажет, подумал я. Сейчас скажет.

Аккомпанемент

В немецких продмагах в очереди к продавцу-кассиру, где девять человек из десяти идут с колясками, забитыми снедью на неделю, чтобы не отвлекаться от жизни на закупку продовольствия, принято пропускать десятого, идущего с какой-то секундной ерундой в руке, вперед себя. В магазине «Лидл» человек с лицом последнего пропойца, одетый, как последний пропойца, в тряске и озобе последнего пропойца берет пять литровых картонок самого дешевого красного вина по 1.59 и швыряет в коляску, где лежит уже 200-граммовая упаковка нарезанной дешевейшей вареной колбасы за 1.29 и полкило самого дешевого хлеба «Гостброт» за 79 пфеннигов, тоже нарезанного. Очевидно, это его дневной рацион — с ним он катит к выходу. Встает в очередь, продолжая трястись и свесив голову на грудь. За ним появляется женщина без коляски, с одной только пачкой тампонов «о.б.» в руках. Ханыга выпрямляется, приобретая твердую осанку и тоном, полным достоинства и учтивости, говорит:

— *Darf ich Sie vorläßten?*¹²³

123 Позвольте пропустить Вас вперед?

И делает плавный жест рукой. Не видел более величественной сцены.

— Ну, ты похвастался сегодня своим новым плейером?

— Прямо! Приношу его в класс, вынимаю, думаю, сейчас как налетят: «У! «Сони! Куль!»¹²⁴ Сколько?» А они хором: «Как ты смеешь? Ты разве не знаешь, что нам запрещено приносить в школу электроприборы?!

— Сегодня наш класс (4-й) голосовал: кто хочет ехать послезавтра на целый день в Фюссен, вокруг Людвиговых замков по горам лазать. 10 были «за», 9 «против», 5 воздержались. Тогда училка говорит: «Решение принято большинством в один голос. Мы живем в демократической стране, и поэтому все едут в обязательном порядке».

Иду. Навстречу мне страшный панк — огромный, вонючий, в драной коже с заклепками, с зеленым индейским оселедцем на выбритой голове, с кольцами в ушах, бровях и на кончике языка, с физиономией, плотно, по-филоновски, включая веки, покрытой разнообразной татуировкой. Далее следует разговор:

— Entschuldigung, könnten Sie mir bitte etwas Kleingeld geben?

— Es tut mir leid, ich hab' nichts.

— Danke¹²⁵.

— Завтра еду на рыбалку. Под Ульм.

— На Донау?¹²⁶

— На Донау, само собой.

— Меня возьмешь? С дома не рыбачил.

— А у тебя права есть?

— Водительские?

— При чем тут... Права рыбака.

— А у тебя?

— Само собой. Четыре месяца курсов. Раньше было 860 вопросов. Теперь 920. Каждый отвечает на выборочные 32. По подвидам «биология рыб», «отличительные признаки пресноводных рыб», «германское законодательство о ловле рыб»...

ННР

Реклама кондомов на трамвайной остановке. Желтый кружок презерватива, изображающий сердцевину ромашки с наполовину оборванными лепестками. Сверху надпись: «Он меня любит, он меня не любит, он меня...». Под ромашкой: «Прими участие».

А моему парню уже 11. Наконец дышу спокойно — в его возрасте о таких вещах уже не спрашивают.

¹²⁴ Cool (заемст. из англ.) — круто.

¹²⁵ — Извините, не могли бы Вы дать мне немного мелочи?

— Сожалею, но у меня ничего нет.

— Благодарю (за то, что я вообще снизошел до ответа, мог бы пройти мимо, не моргнув).

¹²⁶ Donau — Дунай. На сегодняшний день в Аугсбурге я знаю только одну семью аусландеров, кроме своей, где еще называют по-русски средиземную реку Дунаем.

9. По душам: почему бы не выслушать историю?

— Да, о чём я? Не о Мандельштаме же, в самом деле...

— Вообще-то Вы говорили о том, что ежели не совершил преступления, то конкретно себя не узнаешь. Останешься абстрактным человеком. Не грохнешь старушку, то и не поймешь про вошь.

— Что Вы понимаете? Достоевский — тот кое-что понимал... но именно только кое-что. Можно совершить пару убийств — и жить-поживать, но одно невольное предательство... Хотите, я-таки расскажу Вам одну литературную историю?

— Не хочу. К тому же у меня скоро самолёт.

— Правильно ведете себя. Вот потому-то я ее и расскажу к разездакой матери. Из вредности. Литературная история из жизни.

— Вашей?

— Или одного моего приятеля, не все ли равно, как говорил Атос. Почему бы не выслушать историю? Самолёт без Вас не улетит.

— А если?

— Тогда... тогда Вы сами его к этому вынудите. Что Вы так уставились? Спокойно, это еще не белая горячка. Я, правда, в калифорнийских пенатах отыск от столь тяжелой алкогольной атлетики, но... я только хотел сказать: может, вы и не хотите в эту гребаную Москву? Мало ли. Опасный город-с. Там, в этой Москве-то самой — тоже ведь надо еще уцелеть...

Что Вы всё пялитесь? Лучше слушайте. В некоторое полулегендарное уже, но нам, старикам, еще памятное время, в некотором советском царстве, в не стольном уже, но еще желанном и труднодостижимом для многих городах Санкт-Петербурге жил один молодой ученый. Учился в ЛГУ, защитился там же, однако же за Петер-град не зацепился, зане был человек в этом смысле лопуховатый, не житейский, а был послан в один из созидаемых тогда, на рубеже 60—70-х, в одночасье по всей имперской поднебесной провинциальных университетов, в один волжский город-индустриальный гигант, послан в глубинку, однако же заведовать кафедрой теории литературы. Сразу заведовать кафедрой! причем не прилагая усилий к тому, а — просто так уж легли карты, так уж удачно пересеклась линия его личной судьбы с линией научно-культурного государственного строительства! неплохое начало ученой карьеры, то есть надо согласиться, что герой наш был человек, может быть, и не житейский, но за то и Богом обласкан.

Дальше — больше, власти встретили его тоже по тогдашним меркам прекрасно, дали ему не общежитие, не комнату с подселением, а однокомнатную квартиру, правда, в неближнем краю, на опушке леса, вырубаемого для увеличения города и по мере увеличения, рядом с местной конфетной фабрикой, но — вдумайтесь, сударь — тогда, при

совсем еще целом и невредимом царе Горохе, свою изолированную квартиру со всеми удобствами! Тут уже он и жена его окончательно поняли: о них хлопочут высшие силы, и надо пудовую свечку Богу ставить, что так удачно складывается их совсем еще молодая жизнь — здесь, на волжских просторах, вместо того, чтобы раньше срока устать от обычной научной и всяческой другой жизни, блуждая среди коммунальных болот и болезнетворных туманов и без них переполненного голодными филологическими волками Петербурга.

И жена его, сказал я; скажем же о ней и еще, ибо она не последний человек в этой истории. Жена его считалась, да, пожалуй, и была красавицей; красота же ее имела ту особенность... но об этом после. Главное, что досталась она нашему герою ценою больших усилий — и была дорога ему как воплощение именно этих самых усилий, с которыми ему пришлось отвоевывать у жизни свою долю. В чем состояли эти усилия? О них, пожалуй, тоже в свое время.

Итак, новая жизнь началась. Квартира, положение — все это замечательно. Но за все надобно платить. Вы ж понимаете, сейчас там, как и во всем мире, за все платят деньгами. Ну, а тогда были приняты более артистичные формы расчета. Вот уже на нашего молодого ученого, даром что специализировался он по истории русской литературы, навесили еще не только введение в литературоведение на 1-м курсе (это по-Божески, коль уж скоро ты заведешь кафедрой теории — и за это имеешь то, что имеешь), но и помимо того литературу народов СССР на 5-м курсе, а ведь к литературе оной, сударь, напомню — учитывая, кто тогда числился в народах СССР (а существовал, как и всякий народ, с древнейших, то есть досоветских времен), — к литературе этой в равной степени относились и Олесь Гончар с Мирзо Турсын-Заде, и Гамзатов с Ауззовым, — и Хайям, Низами, Фирдоуси, Руми, Навои, Джами, — и Руставели, Саят-Нова, — и всяческие эпосы, числом без начала и конца и умением Липкина... хорошо еще, Польшу отдали, а то б туда же и Норвида с Мицкевичем, и Лесьмьяна с Галчинским... ну, до Бруно Шульца все равно бы тогда не добрались, а надо б его по месту жительства-убийства прописать посмертным радянско-украинским письмэнником... И вот, судари мои, вот, дорогие мои хорошие, герой наш, сам в свое время сдавший этот предмет только благодаря счастливому случаю, просто пропал в городской библиотеке, просто вечера отдыха не знал, пытаясь успеть освоить хотя бы по-русски безграничную «Шах-наме», да еще и смолоть из нее лекцию-другую.

Он просто света Божия не взвидел из-за этих гениев, писавших на фарси, и толковых людей, писавших на любом языке прямо на Ленинскую премию. С утра до вечера он читал лекции по трем предметам на разных потоках, — а вечером он читал тексты, тексты о текстах и делал из всего этого собственные тексты, чтобы назавтра было с чем выйти и

убить на рассказыванье о предметах, знакомых ему разве что чуть более, чем его слушателям, еще несколько часов. Притом далее, поскольку заведение называлось университетом, а не педвузом, а в университете положено быть солидным спецкурсам и спецсеминарам, ровно как демократической России иметь конституцию, далее предполагалось изобрести специально для него спецкурс-другой типа «Истории русской демократической критики», чтобы он уж совсем не вылез из литобозрений всех демократических критиков прошлого, как известно, слишком довольно писучего, писарского и писаревского столетия.

Нужно еще помнить, кто в провинциальных институтах составляет основной поток студентов филфака — девушки, едва ли не в большинстве райцентровские, но в любом случае почти все пошедшие сюда от невеликих способностей к естественным наукам — по какому-то общепринятому за аксиому недоразумению до сих пор еще есть мнение, что заниматься сверхъестественным, к каковому, согласимся по Вашему умолчанию, безусловно относится поэзия, проще, чем естественным — и, понятно, думающие больше о мальчиках, а к 4-му курсу уже прицельно о женихах с физ— или мехмат-фака, нежели о разновидностях пэона, теории мимесиса или суфистских началах у Руми. То есть он говорит, говорит и говорит с кафедры — для чего, между прочим, сидит, не разгибая спины и не позволяя распускаться извилинам, норовящим с перманентного прибалдения и недосыпа спутать Янко Франко с Иваном Купалой — а им все по известному органу; и их тоже можно понять — орган сей у них по естеству отсутствует. Такова уж их *Natura Naturata*, если не *Natura Naturans*¹²⁷.

Так идет время, он всё читает, конспектирует и говорит — и всё как об стену горох. То есть, как и везде, есть и прилежные, есть даже вдумчивые, есть у него и дипломники — как без них, не все же по другим кафедрам разобраны, не все заняты «Битвой в пути» или вопросами прямого дополнения примыканием к управлению; но, то ли по тому-сему, то ль еще почему, только ощутимо всегда одно — нет и нет контакта. С преподавателями других кафедр филфака тоже не залаживается приятельство — все это в основном люди в возрасте, перешедшие сюда из местного пединститута, с нахитой жизненной, а не теоретической проблематикой, вполне, скажем так, местного свойства.

Ко всему — большой чужой город, из тех, о которых докакастрофных-то еще Бунин превосходно отмечал, что в них только одно прекрасно и удивительно — сама Волга, а уж с тех пор, как еще и Волгу испортили, понстроили там всякого ВПКиО, наворотили коробок на 16 микрорайонов на все 4 стороны света, так, чтобы от одного конца света до другого

¹²⁷ «Природа порожденная» и «природа порождающая» (лат.) — разграничение, идущее, кажется, от И.С. Эриугены (IX в.).

добираться не иначе как едучи час стоям в битком набитом автобусе, ходящем раз в 40 минут, — так просто обычный город-сад. Или ад, от потери буквы дух не выветривается. Если б не квартира, в которой он мог хотя бы предаваться семейным радостям, не статус заведующего кафедрой (пусть состоящей только из него и старой девы-лаборантки, да ведь никем-то заведовать и лучше всего) да не открытая, хоть и туманная перспектива, совсем бы человек завял. Но и со всеми сими плюсами близок он был бы к унынию и только восклицал бы: «Эх, Петербург, Петербург, что за жизнь, право!», — когда б...

Когда бы не один из его дипломников. Ну, Вы что кончали, не знаю, но, судя по всему, какую-нибудь богемную шарашку вроде литинститута, так что все надо объяснять. Пропорция мужской и женской половины на столичных-то филфаках — 1 к 5, а на провинциальных — 1 к 7—8, ну то есть из 50 человек выпуска — 6—7 парней. Из них — трое взрослых, после армейской стенгазеты или райцентровской многотиражки, с желанием получить корочку и стать газетчиком высокого местного полета, двое сбитых с панталыку школьников-поэтов по молодости лет — и один, как водится, серьезный еврей, принятый по негласной процентной норме. Этот еще до вуза всего Чехова — а кто из серьезно читающей юной публики вообще Чехова, писателя «без тайны», читал, а не почитывал? разве что некоторые «молодые девушки и евреи», без которых, как сам же почтеннейший классик сказал на все времена, «хоть закрывай библиотеку»; причем и девушки, и евреи именно потому, что среди женщин и евреев велик процент людей не биологически, а от рождения взрослых, — этот еще в школе всего Чехова прочел непременно с письмами, неплохо знает английский и теперь так же серьезно берет немецкий.

Зачем, скажите, в глубоко советские времена, при отсутствии всяческих перспектив научной карьеры для этого племени, особенно в провинции, при отсутствии к тому же общения с иностранцами в закрытом волжском городе, зачем ему все это? Вот Вы, человек с чутьем языка, второй год живущий в Германии, много ль знаете по-немецки? Я учу немецкий со школьных времен, а толку чуть. А какой-нибудь волжский, извините, еврейчик — не Вы, а серьезный, настоящий молодой жидовин, с иссиня-черными волосами, усыпанными крупной перхотью, в синеву же бледным лицом и тускло, но жарко горящими из-под очков глазами — сидит себе на скамеечке в городском саду и почитывает там себе что-нибудь компактное в оригиналe, ну, там «Тонио Крегера», совершая свой немецкий.

Вот такой-то точно парень-паренек начал отлавливать его сперва на переменах, задавая неслыханные в этих стенах вопросы, из которых явствовало, что юноша открывал и Потебню, и Проппа, и Тынянова, и ему не надо объяснять, а он сам может любому объяснить, что есть

единство, а что — теснота стихового ряда. Засим дипломник стал похаживать к своему руководителю домой, что вполне естественно. И очень скоро «они сошлись, волна и камень...», и, как и там, приятельству их нисколько не мешала некоторая разница в возрасте, а соблюданная субординация только придавала всему некий благородный аглицкий тон.

Но вот в один прекрасный момент понял наш герой, что находится в положении отнюдь не только приятном. Именно же: с одной стороны обрел он, наконец, необходимую отраду жизни, поелику ничего так не любил, как потрепететь вечерок с умным собеседником о любимых материалах — и уже отчаялся обрести это благо, столь им ценимое, в промышленном гиганте, как вдруг такой подарок судьбы; с другой же стороны, стал он примечать, что и жена его не оставила юношу без внимания, обычной, казалось бы, человеческой привязни, той же, что и у него самого, и объясняемой теми же причинами, — но его это вдруг сильно и неприятно, а главное, постоянно начало волновать...

Я употребил слово «вдруг»? Неверно, совсем не вдруг. Чтобы понять его резоны, надо вернуться к тому, о чем было сказано: «Об этом после»: к специфике красоты его жены и к былым его усилиям завоевать ее во времена его студенчества. Это время его жизни отмечено было, между прочим, своеобразным комплексом неуспеха у женщин. Говорю «своебразным» потому, что вообще неуспехом у женщин страдают каждые двое из трех молодых мужчин, драматизируя тут все, что первым в голову придет: отсутствие высокого роста, усов, эффектного рельефа тела, угреватость, мужскую слабость или неопытность при отменном обаянии — а равно и наоборот, отсутствие обаяния, без которого никак не предоставлялась техническая возможность продемонстрировать свою мужскую силу и опытность — словом, всякий бред кроме того самого простого и человеческого, о чем и говорить-то лень. Но наш герой вообще успехом у девушек обделен не был, со всем дальнейшим потребным для девушек, стремительно превращающихся в женщин, тожеправлялся без особых затруднений и в общем о себе как о мужчине был мнения не чемпионского, но и не плохого, а просто достаточного. То есть вообще не думал бы много об этой стороне жизни, а просто не отказывал бы себе в ней по молодости лет, отдавая серьезные раздумья научным занятиям.

Но была у него одна слабость: по-настоящему его влекло только к тем немногим девушкам, которые соединяли бы в себе *weiblich*¹²⁸, пусть даже *weiblich*¹²⁹ — с некоторой вообще-человеческой сосредоточенностью, знаете, такой вот хрупкой, тихой, но ненарушимой сосредоточен-

¹²⁸ Женское.

¹²⁹ Бабье.

ностью, от которой, извините, просто разило для него за версту высотою человеческого прямоходящего достоинства, — и эту-то высоту только спал он и видел, как бы покорить.

Но как раз такие-то редкие девицы-красавицы, редкие, но все же имеющиеся в наличии, если пошарить по сусекам всех ответвлений Ленинградского филфака и истфака, так баб с семь-восемь, — они-то роковым образом никакого женского внимания на него не обращали. И это доводило его до белого каления: что, думал он себе, за чертовщина такая — ведь он и парень-паренек ничего себе, и в числе первых-заметных по всяким там уважаемым дисциплинам, а они — ноль внимания. Чего им нужно, на кого они клюют? А клюют они, если понаблюдать, на таких, как его приятель из его же группы. Вот на таких они посматривают, их слушают да не перебивают. А на каких таких? Ну ладно, помянем-таки же Юнга к Вашему удовольствию: ловятся они на интровертов, людей в себе, со скрытой начинкой, которую интересно раскусить. Остальным девам только подавай врунов, болтунов и хохтунов, а этим — людей внутреннего сгорания. Но ведь он и сам не лишен был внутреннего сгорания, счастливым образом соединяя в себе, как многие талантливые русаки, возьмем процитированного только что народного поэта, экстравертность с интровертностью. Но что-то тут не выгибалось, как надо. Не было в нем того, что в его приятеле: вот этого ощущения с о о б щ а ю щ е й с я интровертности; нет, лучше так: соединения айсберга с вулканом. Ну, понимаете, у такого там, в душе, как у всякого порядочного интроверта, бездна незримых миров — но не потерянных безнадежно для окружающих (ведь столь тугой иной раз попадется интроверт-мучитель, что уж и не знаешь, как с ним четверть часаостоять-продержаться), нет — оттуда, из бездны внутреннего мира палит огнем живой доходчивой жизни, и любая дева, даже опытная, та, что не верит поэту, — все одно, стоит ей поближе подойти, этим огнем сама загорается.

Вот этого обжигающего и зажигающего горения в нем не было. Тогда как на огонь его приятеля они слетались, как бабочки — а тот и не думал по стопроцентной интровертности своей никого спалить, а в полной простоте так самовыражался. Наш же герой, сколько ни глотал колес под музыку «Вельвет Андерграунд» и «Тэндженерин Дрим»¹³⁰, сколько ни читал самиздатского Кришнамурти, чтобы расширить сознание во все западно-восточные стороны своего дивана, был, при всех душевных безднах, снаружи неистребимо душевно здоров: весел, когда отдыхал, серьезен, когда занимался, и всего-навсего сведущ и толков в беседах.

И вот он, взрослея, набирая, матеряя, все не мог успокоиться, все думал: от каких пустяков зависят главные вещи в мире — симпатия,

¹³⁰ Рок-группы психodelического направления рубежа 60—70-х гг. (ред).

влечение, любовь-дружество; сколько уже было и прошло таких юношей со взором горящим, сколько вдохновений по прошествии времени оказывалось пустыми, ничем, кроме молодого огня, не наполненными, сколько молодых гениев пропадало в безвестности — и справедливо, поскольку рано или поздно узнавали их по плодам их, а плодов не оказывалось никаких; тогда как толковый человек не пропадал никогда, потому что по определению знал он толк и набирал толку, и от него был только толк, и ничего другого и быть не могло — а потому на таких, как он, и держится вся культурная, разборчиво собирающая — толковая работа мира, цивилизации, семьи, всего... и как же эти юные, но смыщеные красавицы могут не понимать этого всем своим женским толковым же естеством, как может их влечь не к нему, а к тем сомнительным, может быть, пустым, если не адским? Как они могли не разглядеть его, стержневого человека жизни?

Но он не продаст своей толковости за чечёвичную похлебку мнимого избранничества, он останется собой, и будет спокойно делать свое дело, богатея толковостью знания и понимания — и рано или поздно, если мир сам хоть отчасти толков, если мир просто есть *п о р я д о к* вещей, жизнь воздаст ему должное — и не кандидатской-докторской степенью (это просто неизбежное следствие его толковой работы), нет — а именно в лице кого-то из этих гордых красавиц. Если хоть одна из них и впрямь умна, то есть содержательна, то есть и впрямь та укрепленная Масада, которая только и стоит осады — она-то вот и покорится ему.

Аккомпанемент

— Чему все-таки у вас на этике (гимназия, 5-й класс) учат?

— Этика — это особый урок, понимаешь... Урок для тех, кто не ходит на религион¹³¹. Училика считает, что на этике мы должны, во-первых, отдыхать от остальных уроков. Чтобы нам на этике было приятнее, чем вообще. Во-вторых, что мы должны учиться дискутировать.

— И о чем вы сегодня дискутировали?

— Ну, как... Ну, типа она говорит: главное — чтобы всё в мире было по справедливости. А разве справедливо, что мы, когда едем по Франции или Испании, за их дороги платим, а они, когда едут по немецкому автобану, ничего не платят? ¹³² Нужно так: или сделать, чтобы и мы у них ничего не платили, или чтобы и они на немецкой территории платили как миленьевые. Тогда всё будет, как надо. По справедливости.

— А вы чего?

— Да чего мы. Ничего. Ежу понятно, она права.

¹³¹ Урок католического или лютеранского (учеников сортируют на две группы, у каждой свой учитель) Закона Божьего.

¹³² Действительно, в Италии, Франции, Испании водитель платит за пользование автомобильными дорогами; в Германии (существенное социальное завоевание) дороги бесплатны.

— Ежу — понятно. Но человек нашел бы что возразить... И что, вся дискуссия?

— Да это она только так говорит. У нее на лбу написано, что она дипломированная лерерин¹³³, все знает и не любит, когда с ней по-серьезному спорят. Тут у нас письменное задание было: «Дети у власти. Какие законы ты бы принял как политик?» Один говорит: «Больше любви к животным». Она: «Хорошо! За это я повышу тебе оценку на пункт». Другой: «Запретить атомные электростанции». «Отлично!» Ну, я не будь дурак себе оба закона вписал, добавил еще, чтобы думать, как ауслендеру положено: «Открыть страну для эмигрантов из стран с несправедливыми законами», — и: «Никаких налогов», — это точно каждый так думает, и она тоже — и получил единицу¹³⁴.

— А что бы ты написал, если бы писал, что думал? Какой закон принял?

— Не как положено, а прямо от полной дури?

— Да.

— Хорошо... Так. Первое. Чтобы подержанные тачки на ходу давали бесплатно детям от 12 лет. И второе — никаких ограничений скорости!

(Биологический верлибр):

— Проверь меня по биологии. Я буду отвечать, а ты проверяй по тетрадке. Главное — чтобы я не пропустил ни слова. Ни слова, понимаешь? Следи.

— Ладно. Только переводи слово за словом по-русски, чтобы я хоть малость осмысленно следил.

— Хорошо. Значит так, по пунктам:

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖИВЫХ СУЩЕСТВ — ЧЕЛОВЕКА, ЖИВОТНЫХ, РАСТЕНИЙ, ГРИБОВ И БАКТЕРИЙ:

- ✓ они всё время должны себя насыщать;
- ✓ они размножаются;
- ✓ они выбрасывают из себя отходы;
- ✓ однажды они должны умереть...

ННР

Реклама кондомов на плакатной тумбе. Между объявлением о приезде венского филармонического оркестра с концертом в честь «года Штрауса» и объявлением о концерте Каунасского оркестра под управлением сэра Иегуди Менухина — плакат. Сверху надпись: «Zeitgemäß» — Измерение времени. В центре — черный ремешок с желтым презервативом в виде круглых наручных часовиков.

Сколько часов разницы между мною и новейшим Гринвичем? И вперед или назад?

10. По душам: история с огоньком

—... И вот — подробно эту часть истории поведывать нет нужды — вот, наконец, сбылось: одна из этих немногих признанных красавиц

¹³³ Lehrer(in) — учитель(ница).

¹³⁴ Система немецких оценок обратна нашей, но амплитуда чуть более растянута: немецкая 1 = нашей 5, наша 1 = немецкой 6; во Франции эта амплитуда от 1 до 20.

ЛГУ-жского филфака, по отделению класфилологии, отличила-таки его, признала в нем достойную заинтересованного внимания личность. Признала самым существенным образом, каким только женщина, у которой высокая планка самооценки подтверждена повышенным спросом со стороны окружающего мужского состава, а кроме того, в том возрасте, когда выбирать можно еще очень неспешно, — самым серьезным образом, каким такая женщина может это признать: сошлась с ним с самыми фундаментальными намерениями, став, позволим себе плагиат, сначала его тайною, а затем явною для всех, зарегистрированною женой. И с тех пор жили они, казалось, душа в душу, во всяком случае никогда не давала она ему почувствовать, что ей в нем чего-то не хватает, что ей подавай вот этих вот самых, с огоньком. Нет, она была ровно нежна, наша темно- и большеглазая, худощаво-округлая вороная брюнетка, гордость русской казачьей, а вовсе не средиземноморской какой-нибудь гонощистой породы, и в четком, суховато-правильном голосе ее никогда не слышалось — он, во всяком случае, не мог расслышать — томления духа.

И вот теперь, после некоторых лет покоя, залечивших, казалось, его своеобразный комплекс неполноценности, — этот паренек и ее явный интерес к нему, ее оживление!

Конечно, если ты приходишь домой раньше обычного, а они уже сидят рядом и пусть дистанцированно, на «вы», но преоживленно балакают, — конечно, это просто объясняется тем, что в их новом доме нет телефона, и человек — неотменимый стиль русской провинции — всегда приходит наобум, наощупь, в простоте, всегда возможен такой непреднамеренно преждевременный приход не только к приятелю, но и к своему руководителю.

Но — ведь в равной степени возможно и другое объяснение: ты сам пришел раньше обычного! тебя не ждали! все слишком прозрачно, дорогой Ватсон... Но — ведь и сказать ничего нельзя: если паренек и вправду ничего такого, если он и впрямь столь же интровертен, как студенческий его приятель (вообще вылитый он, столь же очкаст, иссиня-бледен; это-то сходство больше всего почему-то доставало; даже в том, что приятель его, как на грех, тоже был еврей — и вот уже наш герой, чего с ним отроду не случалось, потихоньку стал сползать в антисемитизм самого низменного, хотя и единственного здравого толка — антисемитизм на личной почве), столь же весь внутри себя, — то ведь он более чем удивится такому разговору, ведь это же, согласитесь, будет невообразимо дико, и в какое положение ты себя... а то и того хуже: ты ему, подняв веки, откроешь всегда на самую возможность новых окоемов, сам пробудишь в нем лиху, которое в противном случае лежало бы себе тихо!..

И с ней то же самое — ведь все же очень может быть, что она ничего такого и не... и к тому же наш герой был человек гордый, и спрашивать свою собственную жену: «А не крутишь ли ты в мое отсутствие шашни

с мальчиком, которого я не для того же пустил в дом, чтобы пригреть змею на своих — или, что хуже и гаже, на твоих персях?» — было, по его понятиям, невозможно унизительно. Но и терпеть это он чем далее, тем все больше не мог, жгло его ужасно, несмотря на всю его занятость.

Хуже, сама эта занятость, от которой зависело всё их настоящее благосостояние и будущее процветание, становилась всё более непереносима, всё валилось из рук, всё не шло в голову, необходимость запоминать всё новые сведения о небывалых Манасах и Джангарах, когда в это же самое время, в его квартире, может быть, происходило самое бывалое, но и самое невозможное... всё это кромсало его мозг, калило бешенством душу. Он видел, наконец, ясно: если сейчас, сию же минуту, он не найдет решительного, радикального выхода из создавшегося невозможного положения — он вот-вот потеряет всё: здравый рассудок, остатки мира в душе, работоспособность, положение, жену — словом, всё.

Но он так же ясно видел, что никакого выхода, даже хирургического, быть не может там, где ему не дают никакого серьезного повода — для взрослого солидного человека — действовать и даже говорить. Он должен был говорить с ним и как ни в чем ни бывало и носить взрывчатое вещество в себе, зная: уже почти, уже совсем немогуту больше сдерживать, стискивать детонатор — и нет возможности разрядить его. Даже рассказать кому-то немыслимо, разве только психотерапевту — но какой еще попадется, вряд ли в этом городе (в те поры, напоминаю) есть психоаналитик по призванию; да и кого спросить о нем, чтобы не напороться на обычного душелома под видом душеправа, надо ведь объяснить, назвать какого-то больного — для него мол, не для себя, да ведь это неправдоподобно, все знают — у него тут ни родни, ни друзей, все поймут, и пойдет свист, в те поры если человек обращался к психиатру или психотерапевту... сами знаете, это вам не Америка, тут все знали: к психдокторам обращались только психи, а ненормальный человек не может заведовать кафедрой. То есть куда ни кинь — всюду клин.

Долго ли, нет ли был он в таком горестном состоянии, трудно сказать, но только однажды ноги сами понесли его куда не надо было, но куда он бессознательно все время стремился и вот в состоянии помрачения направился теперь — к дому молодого человека, где на последнем пятом этаже хрущобы жил он со своей пожилой уже матерью — как многие такие вот... ну, такие, был он поздним и единственным ребенком женщины с серьезными представлениями о вещах и потому не сложившейся личной жизнью, и был, конечно же, для своей матушки светом в окошке, вместилищем всех ее несбыившихся амбиций, родительских попечений и человеческих привязанностей. И вот уже, наверное, на четвертом этаже, словно проснулся наш герой, пришел в сознание, попытался отдать себе отчет — а куда и зачем он идет? что

сейчас скажет? Постоял-постоял, подумал-подумал, покурил-покурил — да и, поняв, что и раньше понимал: нет у него в запасе и пары слов для несмешного разговора, нет и быть не может, и если он сейчас только позвонит в дверь, и паренек окажется дома, а не у его жены (у, какая сразу оскомина и изжога в душе!), то поставит он сам себя в нестерпимо глупое и неестественно гадкое положение, — словно заново сообразив все это с трезвым пониманием, бросил окурок, крякнул как застонал — да и пошел себе, солнцем ли, ревностью палим, восвояси.

А назавтра город, во всяком случае филфак университета, облетела весть: в доме, в котором жил этот мальчик-умник со своею мамой (а он, конечно же, был среди студентов первого выпуска самой заметной фигурой, так что об этом только и говорили) накануне случился пожар, и студент то ли сгорел заживо, то ли задохнулся от дыма, но во всяком случае не успел на своем пятом этаже ни выскочить из пламенеющего дома, ни дождаться пожарной команды, — словом, безоговорочно погиб.

Ну, что Вам сказать? Когда на похоронах он увидел лицо матери (хорошо хоть ее в момент пожара не было дома)... Н-да. Никто, конечно, не мог подумать, что всему виной наш герой; но сам-то он... Все сходилось — дом, по данным пожарной службы, загорелся примерно, плюс-минус, в то время, как он его покинул. И — он помнил, смутно, но и отчетливо, что лестничная клетка на этаже была завалена всякой дрянью, чуть ли не стекловатой, кажется, картонными коробками, кажется, от гэдээровского сервиса, еще чем-то таким, от чего — могло, могло, вот же ты ёкэлэмэнэ, не бывает, а могло загореться даже от окурка! Тем более окурок был не от местного «Дымка», гаснувшего на ходу, а от любимых его старых добрых «Лаки страйл» без фильтра, которые ему прислал по случаю из Питера один знакомый морячок дальнего плавания с дружеским приветом от молодых совместно драчливых времен; а американские сигареты не гаснут, пока не дорогят до конца. И он все думал — неужели черт догадал его швырнуть окурок в ту кучу? но с какой стати? и не мог вспомнить. Но ему-то — ведь он был не следователь-формалист, а гуманитарно образованный человек, не чуждый серьезных мистических интуиций в духе, как говорил академик Лосев, религиозного материализма Владимира Соловьева — ему-то и без доказательств было ясно: он поджег, он. С такой стати. Ведь он этого — хотел, а мысль материальна, мы же с Вами согласились.

Вот с этим он и жил. Что сказать? Даже мы с Вами тому не позавидовали бы, что лежало у него на сердце. Но он с этим жил. И продолжал читать лекции. И что странно: как до того с каждым днем чувствовал он все более непроподъемную ношу, так сейчас ловил себя на том, что ноша эта ему с каждым днем приподъемнее. Представляете? Чем еще недавно-то, когда был он чист совестью, как мытая

посуда, когда никакого страшного греха камнем на сердце его не лежало, когда мальчик был — жив (и сидел с его женой!). Он-то, человек с развитым сознанием, даже хотел бы, чтобы ему было тяжелее некуда, чтобы он чувствовал полную, невыносимую нагрузку на душу, чем и расплачивался бы по гамбургскому счету, — ан нет.

И он все спрашивал себя: а почему? И ясно видел ответ: а потому — гадко, но факт — только потому, что произошла проверка: жена его не так убита горем, как если бы действительно... Потому что ужаснулась она не менее, но и не более, судя по ее реакции, чем на ее месте ужаснулся бы всякий живой, хорошо — но не более, не более! — относившийся к погибшему человеку. Женского здесь не было, определенно. Определенно не было. И это значило для нашего героя, что сделанная когда-то и на всю жизнь ставка его на самого себя не бита, что прошедшие годы самоопределения и отвоевания своего достойного места под солнцем не перечеркнуты; это значило для него... да — все.

И он ясно, трезво видел, — сколько ни делал перед собой вид, что ужасается сам себе, — что если бы не этот несчастный слу-чай, то никогда бы он не вышел из сумасводящего тупика, никогда бы не узнал правды — как по счастью оказалось, правды-на-его-стороне (странны, да? когда правда вдруг случайно окажется на нашей стороне, мы всегда думаем вовсе не о том, что это случай или что мы, возможно, подтасовали все, чтобы сошлось, а что именно так — вовсе не случайно и не вдруг, именно так все и должно было быть, как мы хотели, только это удовлетворяет нашему чувству справедливости! пошлые эгоцентрики!). Никогда не смог бы ничего прорвать, но и никогда не смог бы ей поверить, что — «ничего нет», что бы там она ни говорила, если бы даже он унизился до допроса с пристрастием...

Одним словом, убедился он, что душа человека не менее странная штука, нежели человеческое тело; и ежели, скажем, пьяница испытывает грозную боль печени, то может еще неделями продолжать как раз со страху-то и пить — а попробуй заболи у него как следует зуб, всего-навсего зуб, заболи не стихая дня три, как он на стенку полезет — и-таки пойдет к врачу, то есть бросит дурить... словом, казалось бы, грех убийства, пусть случайного (а тут ведь не совсем случайного, совсем не случайного), веять из такого ряда вон выходящая, с приличным человеком не могущая случитьсяся, обременяет душу невыносимо, но до конца дней носимою тяжестью, а такие, в общем, обыденно-житейские вещи, как ревность или там попираемое самолюбие — с ними-то вроде бы справиться каждый должен уметь, превратив в соответствующие их житейским причинам болячки тоже житейские, привычно переносимые, мешающие, конечно, жить и плодотворно работать, но не до такой же степени! к тому же тут всегда есть чем утешиться, чем сердце успокоить. Изменила жена — зато присудили докторскую степень. Оскорбил начальник — а ты сам стань

начальник и будешь сам оскорблять кого захочешь, например, бывшего начальника.

Так нет же, душа не знает аристотелевой логики соответствия важности причины и серьезности следствия, а вытворяет, что сама захочет: с убийством на душе жить тяжело, но можно, это болезненно тяжелый, но осмысленный, даже величественный процесс самопознания в родовых, извините за трюизм, муках раскаяния, тогда как простенькая, почти безосновательная (ведь при любом раскладе событий до постели же у них дело не дошло, уж этим-то воздух был бы налит до краев!) ревность превращает человека в стопроцентного зверя, у которого в мозгу одно буйство, а перед глазами только кровавый гуляш.

Словом, поначалу испытывал он, натурально, необходимость облегчить душу, поведать кому-то всё, чуть ли не наказание принять, что-то такое даже заяву на себя отнести в участок, но вовремя понял, что заварит кашу не с Порфирием Петровичем, а с бредовой машиной кривосудия, где в 90 случаях из 100 преступление с наказанием соотнесены, как мухи с котлетами — так пусть уж лучше они и будут отдельно.

Ну, дальше — что рассказывать? Дальше потихоньку-полегоньку время начало брать свое, да и совесть его не дремала. Совесть, скажем с достоевским «хе-хе», суховато подперхивая из-за дурных колючих папирисок его колючих героев, совесть вообще существо недреманное, и где только увидит возможность себе жизнь облегчить — сейчас подсуетится, поработает на себя не за страх, а именно что за совесть. Видит, например, что время свое берет, стирает — и тут же подсказывает: так и должно быть, потому как ты и не слишком виноват. Ты же не для того, в самом деле, туда шел, и не для того швырнул окурок, а просто по привычке сорить в подъезде, ты ж не немец какой; да и не мог ты кинуть окурок в ту кучу справа... или слева... но точно сбоку — а окурок всегда швыряют под ноги, да и притом затаптывают. И ты затоптал, ей-богу затоптал. Да и кто только не швырял окурков в подъезде, на бетонный пол, это тебе не курить в постели, нет, это все туфта, а там у них загорелась проводка или у кого-то самозапалился телевизор «Рубин», был как раз вторник, а по вторникам телевизоры этой марки чаще всего и... — и по времени это совпало, ты ушел, а минут через пять-десять оно и...

Почему нет? Все вероятнее, чем из-за копеечной свечи. Хрущевский дом — это вам не деревянная Москва. Ты вообще не виноват, а только хочется тебе стать выше ростом и примерить на себя роль Великого грешника. Так ты вот что: ты будь попросту скромнее, пойми, что ты обычный советский молодой ученый, каких у нас в Союзе миллионы, и перестань шить себе по мании величия из обычного несчастного случая, из и н ц и д е н т а , дело о Преступлении и Наказании. Плохо тебе? Тоже понятное дело. Плохо тебе потому, что погиб человек, к

которому ты привязался, погиб страшною смертью и к тому же тебе его сильно не хватает, тебе опять не с кем общаться, а ты уже привык — и слегка осиротел. Пусто тебе. Но ведь, сознайся, пусто и легко. Конец ревности! Удаление зуба, невыносимо болящего, сгнившего до воспаления надкостницы. Теперь можно жить... налегке, каждый день заново по утрянке наполняя утренней прохладой опустевшую на одного человека жизнь. Мальчик безусловно — был. Но теперь его безусловно нет. И это — есть. И это есть самое плохое, но только оно делает жизнь возможной, и потому это наибольшее из зол есть — сознаемся себе по умолчанию — благо.

Далее? Далее при всей тяжести на душе взялся он за ум и уже не покладал его. Еще далее? Прошло много лет. Может быть, пятнадцать. А то двадцать. Долго считать. Прошли не впустую. Наш герой, уже в звании доктора наук и чине профессора, передвинувшись с должности завкафедрой теории литературы на должность декана филфака, не совсем бестолково занимался все это время историей литературы... скажем, рубежа двух последних веков в России. Жена его, продолжая преподавать латынь в здешнем мединституте, защитилась в Москве, что-то такое по Лукрецию — и готовила следующую защиту что-то такое по Бозию.

Как вдруг зовет его бывший приятель по ЛГУ, тот самый любимец красивых умниц, ежели не забыли, к которому испытывал он в молодые поры чувство благородного поревнования.

11. Плюсквамперфект (окончание)

В ранней юности я полгода занимался фехтованием на шпагах в спортишколе, пока не был отчислен оттуда за регулярные опоздания. Полгода — вообще ничто, я кое-как освоил только прямой выпад и 6-ю и 4-ю защиты, но благодаря удержанному в памяти от тех уроков сейчас, когда тяжеловатый павловский палац слегка, только до крови, резанул мне руку у кисти, я мог оценить умение противника. Если ему верить, он нигде не занимался специально; но действовал он быстрее меня, а главное — если я боялся боевого, не спортивного оружия и ворочал им очень осторожно, то он обращался с ним вполне решительно, не боясь ни меня, ни того, что меня случайно зарубит. Я чувствовал, что если он не зарубил меня, а только слегка пустил кровь, то потому, что такую цель себе иставил; в противном же случае, лишив меня жизни — врукопашную! — был бы, пожалуй, так же спокоен.

Повесив палаши на место, промыли мне рану распиваляемым джином «Бифитер». Дальнего родственника монаха-охранника звали Владимир. Владимир любил джин с тоником, и чтобы джин был «Бифитер», а тоник фирмы «Швепс». Чтобы все по-людски. Мы сидели в генеральской

квартире на Фрунзенской набережной, что вообще-то было странно: в ведомственном военном доме не место чекисту. У чекиста есть свой ведомственный дом, военные же, как известно, чекистов терпеть не могут и жить с ними не хотят. Чекистов вообще никто не любит, может быть, потому, что сами они никого не любят, в первую очередь самих себя. Но чего только не бывает. Ведь и я, как все заурядные интеллигенты, не любил чекистов, а как приперло, пришел к чекисту за помощью, уговаривая себя, что он больше не чекист.

— Ладно. Изложенное Вами дело я понял. Типовое. Теперь документы... Так. Составлено подробно, недвусмысленно. Печать, подпись. Так. Договоры в порядке. Уже хорошо. Можно начинать работать.

- А это что висит под дуэльными пистолетами? Волнообразное.
- Это? Это индонезийский крис.
- А почему он такой... э... змеевидный?
- А это для того, чтобы Вам наверняка все кишки повыпустить.

Владимир встал и подошел к ковру с висящей коллекцией оружия. — Вот так.

Туда, к ковру, он сделал шага три, а назад — никаких шагов словно бы и не делал. Только в долю секунды крис, косо скользнув вместе с Владимиром в пространстве, был приставлен острием вплотную к моему животу.

— Считается, что крис может сам летать в поисках жертвы. Специально же как метательное оружие, честно говоря, не знаю, употребляется он или нет. Но, по-моему, неплох.

Крис полетел в дверь комнаты с нарисованной на нем мишенью в виде человека и вонзился в левую грудь. Дверь вся была в таких выбоинах, словно в нее не только метали ножи, но и стреляли большими пулями из старых пистолетов. Впрочем, может быть, у новых пистолетов тоже пули немалые. Жаль, в комнате не было пулемета, а то бы я узнал, можно ли хоть чем-нибудь прошибить сталинскую дверь навылет. Кругом стояли всякие лошади черного каслинского литья, коллекция оружия была вполне музейная, среди картин, висящих на стенах с ободранными обоями, выделялся отчетливо узнаваемый этюд Константина Коровина, а наборный паркет был затерт и выбит не меньше, чем дверь. Это поразительно, до чего иные генеральские сынки доводят квартиры покойных отцов.

— Что интересно — крис, тем более крис с длинной биографией, «пусака», не продается и не покупается. Отцу его подарили в знак вечной дружбы. Как оберег, гарантировавший долгую жизнь. Через год он умер. Я так думаю, вышла какая-то путаница с кармой. Энергия криса должна соответствовать карме его владельца, иначе... Словом, что яванцу здорово, то русскому смерть. В общем, так. Ваше дело представляется мне вполне реальным. Сейчас Вы пишете заявление на такое-то имя. Это мой приятель

из налоговой инспекции. Я продуктую содержание. Если до этого дойдет, мы его возьмем с налоговой стороны. Но думаю, достаточно будет его пугнуть. Говорите, он сейчас дома? Дайте-ка телефон.

Акоп и впрямь был дома. То, что сказал ему Владимир, я в точности воспроизвести не могу. Отчасти потому, что был, скажем, выпивши и не всё помню, отчасти же потому, что и будучи трезвым, я всё равно не запомнил бы столько незнакомых слов; ну, и еще потому, что в наше время, когда печатать можно любые слова, приводить их в больших количествах расхотелось. Не люблю общих мест. Могу сказать только, что Владимир преобразился совершенно и из молодого интеллигентного человека, сообщающего массу разнообразных сведений на вполне литературном русском языке, превратился в профессионального... ну, не-пойми-кого, то ли гнусавого кашка с растопыренными пятернями, то ли грозного начальника в фуражке, но — страшного сразу двояко; причем превращение это совершилось не только в словах, но прежде всего в тоне.

— Вот и хорошо, Акоп. Отдав деньги господину (он назвал мою фамилию) со всеми процентами и штрафными санкциями, ты избавишь себя от крупных неприятностей. Очень крупных. Понял? Хорошо понял? Прекрасно. Сегодня среда. Даю неделю на сбор. В следующую среду включаем счетчик... Так. Так. Понятно. Хорошо, пойдем тебе навстречу. Отдавать будешь по частям. Раз в неделю. Сумму устанавливаем на сегодняшний день, тоже идем тебе навстречу. Согласно договорам на сегодня натикало — сорок восемь штук. Третий, но последний шаг навстречу — скостим до сорока. Как раз десять в неделю. Где хочешь. Я сказал.

— Сразу не отдаст, понятное дело. И увеличивать сумму тоже... главное — не загонять клиента в угол, — сказал он другим голосом, чем говорил с Акопом.

— А Вы не боитесь такие вещи говорить по телефону?

— Кто, я? — он посмотрел на меня как на дурака. — Я — не боюсь. Но Вам — не советую. Значит, так. К контролю за Вашим делом я подключу своего подчиненного. Он человек опытный. Старый конь борозды не испортит.

Старого коня звали Владислав, старший лейтенант. Он удовлетворился армянским коньяком 5 звездочек, найдя, правда, тоном русского Бонда, что «коньячные спирты немного жестковаты», провел у нас дома несколько часов, за которые успел поведать многое — например, что он в прошлом не из спецназа, а из войск разведывательно-диверсионных управлений, что их дело вообще — взрывать объекты типа электростанций, желательно атомных, а в Афгане, например, их впятером бросали на караван.

— Сбросят вас впятером в пустыне: взять караван, мать твою! и берешь! песочком подтерся после большой нужды, гюрзу нашел-зажа-

рил-съел и — на караван, как снег на голову, — и берешь, барать меня жутким баром! Чего говорить, уже 29, а еще кое-что могу.

Он тут же сел в шлагат, потом в лотос. Потом сделал какое-то китайское балетное па в стиле Брюса Ли. Или другого такого же; говорю «Брюса Ли» только потому, что других не помню как звать, а этого запомнил по имени и в лицо, поскольку выражением лица он напоминал Виктора Цоя. Или Виктор Цой — Брюса Ли. Теперь они оба умерли и не скажут, кто из них косил под другого.

После Афгана Владислав работал в отделе по делам религий, где его использовали как человека знающего — в юности он пел в церковном хоре (тут он неплохо спел «Свете тихий», кажется, на глас шестой) — и с его диверсионной подачи ставили и смещали епископов.

Чувствовалась серьезная жизненная школа.

— Деньги мы возьмем до копейки, не сомневайтесь. Вот у меня только к Вам какая просьба. С первой выручки, 10 кусков, значит, 5 Вам, 5 нам, Вы мне свои 5 не одолжите? Мне надо срочно вложить бабки в стопроцентное дело. Свою часть — и еще нужно как раз 5 штук. Изготовление гробов, самое верное дело, и все на мази. Даю любую расписку у нотариуса и расплачиваюсь через две недели под 10 процентов. Вы не сомневайтесь.

Мы с женой теперь во всем сомневались, но решили так: если он выбьет у Акопа первую часть денег и тем покажет себя с лучшей стороны, то мы ему, так и быть, поверим — не терять же его тогда. Но остальные деньги...

— О чём Вы говорите, право слово! День в день, до копейки! Куда он денется?

— А если у него нет денег?

— Это его проблема.

В последнее время я слышал эту фразу постоянно; мне советовали обратиться к профессионалам выбивания долгов, и стоило мне дойти до: «А если у него и в самом деле нет денег?», — всегда отвечали: «Это не твоя проблема». «А чья?» «Его». «Но если у него нет денег, его проблема станет моей!» «Повторяю, это не твоя проблема». Понятнее от повторений эта фраза не стала, но я привык.

— Ну, как Владики? — сказал бывший монах. — Я же говорил — качественные ребята.

Ребята были, безусловно, качественные; однако через две недели денег как до того не было, так и после не появилось. Дальнейшие притупления привели к тому, что мы уже проходили и без специалистов — Акоп на все отвечал: «Завтра будем рассчитываться», — а назавтра не рассчитывался, объясняя это чем ни попадя.

Вызов к налоговому полисмену, возможно, напугал его до смерти. Так, что он исчез из дома на неделю. Деньгами и не пахло.

— Всё, — сказал Владислав. — Завтра едем на разбор. Забили стрелку. Либо утром это дело, либо будем стреляться.

Он был по-хорошему возбужден. Будь я незаинтересованным лицом, я бы, глядя на его раздувающиеся ноздри и блестящие зрачки, на него поставил. Поскольку же я был лицом заинтересованным, мне всё равно только это и оставалось.

— Всё, — сказал он мне назавтра. — «Крышу» его мы снесли. Она его долгов на себя не берет, но их признает. Он будет платить.

— Ничего не понимаю! — позвонил он через неделю. — Ей-богу, я сделал всё, что надо, и даже больше, гадом буду. Мы взяли его, отвезли куда надо, посадили в подвал — но! У-этого-армяна — Вы понимаете? я нет! в моей практике такой случай впервые! — у этого армяна действительно-нет-денег! Убить его можно, а денег нет, барать меня раста... здовским баром!¹³⁵

— Чем же он с «крышой» рассчитывался?

— Да ничем. Они тоже ждали, когда он раскрутится. Говорят, реальное дело эти носки, и почему только бабок нет? никто толком не понимает.

— А станки?

— Станки, блин! Станки заложены и сейчас принадлежат фирме, у которой он арендует помещение. Станки! Если эта фирма их за что-нибудь продаст... Бэшка¹³⁶ его ржавая потянет штуки на две — если ее возьмут. Квартира Галина, не его, но если даже дадите приказ ее вместе с детьми оттуда...

— Ни за что!

— Но если даже, имейте в виду, это уже серьезно, она договоры не подписывала и может заявить, и тут уже мы засветимся, а если посыпать других, они свою долю потребуют, а вся-то первоэтажная хрущоба потянет... Словом, у него на самом деле нет денег!

— А я говорил.

— Говорили, говорили... Ну что, выпускаем из подвала?

Аккомпанемент

(Гость из России — хозяину, сидящему на социальном минимуме):

— А это дорого или дешево — 13 марок за бутылку водки?

¹³⁵ Знакомый, служивший в армии во внутренних войсках и год охранявший зону, авторитетно (для меня) утверждал тогда (25 лет назад), что самое страшное ругательство для уголовника — это «барать меня (его) таким-то баром»; превосходная же степень «барания», страшнее, гаже и торжественнее которой нет, — это «барать раста... здовским (или просто росто... здовским? — авт.) баром». Так ли это, пусть скажут люди более осведомленные; но за то, что Владик 2-й употребил именно это заклинание, ручаюсь.

¹³⁶ БМВ.

— Немцам — дорого. А нам с тобой, Саш, дешево.

— Они что, каждую марку считают?

— Они считают каждый пфенниг. Поэтому у них столько марок.

— А ты?

— А что я? Представляешь, я начну считать. Ты знаешь, сколько в социал-минимуме на троих — пфеннигов? Начнешь считать — заснешь от скуки, а не сосчитаешь.

— Вчера приходил к врачу, фрау Вагнер (натурализовавшаяся русская немка-терапевт из Казахстана, открывшая свою практику, куда по наводке идут один за другим все вновь прибывающие в город русскоязычные)... Кстати, Вы ее знаете?

— Фрау Ирму Вагнер? Кто же ее не знает. Кто умер — тот умер, а кто выжил — тот выжил...

— Мои саратовские земляки пишут из Рейнланд-Пфальца: «Засунули нас в Вормс. Городок — дыра дырой. Но нулевой цикл худо-бедно закончен. Наконец мы сняли квартиру. Купили мебель — спальню, в гостиную горку и уголок, в детскую стол и кровать, в прихожую приличную вешалку с зеркалом. Купили люстры и всякие прочие мелочи. Взяли по дешевке подержанный «Форд». Теперь можно подумать и о серьезном — летом планируем поездку в Саратов».

12. По душам: история с географией

— ...благородного поревнования. Они вообще-то друг друга долго не забывали и переписывались, а потом, как водится, надолго забыли и сноситься перестали целыми годами, косяками лет. А у того шла своя жизнь, питерская, тот зацепился за родную кафедру, по интровертности сам не замечая как, просто за гвоздь полой пиджака зацепился на ходу и остался. Линия жизни, знаете. Ну, а кто тогда в Питере жил полною внутреннюю жизнью, но не уединялся, а вращался в самом центре гуманитарных событий, тот — что первым делом сделал? Да что бы ни делал, а первым долгом — много задушевных собутыльников проводил за бугор. Если сам, разумеется, не отчалил. Ну, что? Пожем друг другу руки — и в дальний путь на долгие года. А долгие годы — это такая штука, что не всякое дружество, даже неслучайное, эту пространственную пропасть времени преодолевает. И большая часть отъезжантов с годами, конечно, забыла активной памятью, кто там когда-то где-то кого-то — пусть и их самих, но других, прежних — провожал.

Но не все. А из тех, кто не забывает, какая-то часть, конечно, сменила окраску и ушла в таксисты-программисты, а какая-то, само собой, обречена была тою же линией жизни сохраниться и утвердиться в прежнем качестве — сиречь занять какие-то основательные места на кафедрах многочисленных штатовских университетов. Приобрели репутацию. И чуть только стало можно, стали попечительно тянуть дружков из питерских топких блат за волосы, действуя своим именем.

И вот приятель нашего героя, будучи еще при Горби вытянут в Калифорнию и как следует помогши себе сам, то есть в свою очередь — и, разумеется, заслуженно — приобретя сурьезную репутацию, теперь вдруг вспомнил нашего героя... знаете, как там это в молодости пьется-гуляется, а теперь стареешь, и с каким-то вдруг, ни с того ни с сего вспомянутым, былым дружком случайно связываются самые лихие-затасканные-случайные-дорогие воспоминания, связывается бессмертие молодости... и ему-то вот и звонишь внезапно для самого себя лет этак через десять после последнего звонка — и вдруг оказывается: вы счастливо совпали в тональности — и как будто и не было этой декады, его-то тебе со вчера и не доставало... Вот так оно и было.

И там после двух-трех звонков на четвертый: «А приехать не хочешь? Надумаешь — буду хлопотать о каких-то лекциях. Тему придумай — и позовни, а я тебя подам как крупнейшего специалиста по этой теме. Я в нашей глубинке фигура не самая последняя, а ты подработаешь, съездим-посмотрим на Золотые Ворота, всякое тут фуё-моё вроде Беверли Хиллз, пивка попьем, «Джеком Даниэльсом» заполируем». Ну, наш и думает: а чего? Даром что я доктор-профессор, а жена — доцент-латинист, денег в семейном бюджете... то ли бюджет есть, а денег нет, то ли наоборот, бюджета нет, а денег и тем более, а там, понимаешь, Беверли Хиллз. Ну, технические подробности, думаю, опустим. В общем, сошел он по трапу на полустаночке, в одном калифорнийском университете городке, толкнулся там с разворота про Серебряный век, чтоб не сильно гордились Золотыми Воротами, заколотил кучу зеленых — тогда это казалась куча. Вернулся к жене на Волгу довольный, почти богатый. Ну, а через год стало даже в провинции ясно: доллары хоть и по-прежнему зеленые, но уже не как изумруды, а точно такие же деньги, как любые другие, то есть, став обратимой валютой, тают необратимо.

Но приятель его не забыл, и через год, глянь-ко, зовет опять. Наш думает: надо же, какой хороший друг у меня — и как вовремя объявился, когда тут хоть действительным членом стань, а всё едино останешься членом страдательным, тебе и рубля не накопит лыко в строчках. Ну, смотрелся опять, врезал стилем, как писал когда-то писатель, а позже тоже американский славист Аксенов. Обсудили проблематику. По-американски слегка насобачился, я бы сказал, если Вы поймете, в вестко-устском стиле. Загорел. Был февраль нито март, а он приехал назад весь бронзовый и с деньгами на кармане. Как в детстве игра, помните: «Предъявите вашу зелень»? Н-да.

А в третий раз приятель его предложил ему уже не разовую гастроль, а должность профессора по контракту — сначала, как заведено, на год, там, если всё пойдет как положено, еще на два, а там и на пять, а тем временем университет будет хлопотать о выдаче ему грин-карт. Казалось

бы, чего ж еще и желать. Конечно, страшновато оставлять место декана — но овчинка стоит выделки. Словом, как пелось, на душе и легко, и тревожно. Потому что — невозможное стало возможным, нам открылись иные пути.

Да вот хрена лысого. Жизнь какая штука? идет себе ровно лет двадцать, ходит себе пешком и ходит — и вдруг прокол! метафизическая перфорация — и как задует в дырку-то неведомый самум, так что все кувырком. Чтобы продолжить не хуже, чем начал, не знаю, как Вы, а я должен принять еще огонь-воды по тунгуски, как сказал мне некогда один осетин в былом московском ресторане «Нарва», филиале, как это ни маловероятно географически, ресторана «Узбекистан» — вперед, мой друг! — угу... горчичка у них нежновата для их же свининки, не находите? служебный долг горчицы — лютостию единой отбить вкус стылой жирнотцы; тем более в этом свином kraю, тут куда ни ткни вилкой — либо колбаски эти баварские белые, либо шницель; положительно, животное это почтенное — то ли царь немецких зверей, то ли друг немецкого человека.

(Как раз в этот момент я было достиг состояния, при котором и рассказ профессора, и мои ужасные виды на самое ближайшее будущее — всё во мне слилось в общий поток расплавленного ртутного времени, которое обязано было течь из прошлого в будущее, но умножалось с каждой секундой лишь за счет разбухания, растекания настоящего. Впрочем, если бы только во мне, внутри меня, это было бы понятно. Всё выглядело сложнее. В самом деле, наговорено нами, им особенно, по всем прикидкам было уже столько, что никак не могло уместиться в час с лишним, давно уже пора было мне сидеть в быстром самолете и по меньшей мере пристегивать ремни, — а между тем времени еще оставалось и оставалось, немецкие часы прямо напротив меня не давали сорвать, время убывало куда медленнее положенного, как тянувшая магнитопленка... Я не поклонник магизма в духе дона Хуана Карлоса Кастанеды, но второй раз в жизни сейчас я наблюдал, я участвовал во временном аналоге того, что дон Хуан Карлос называет визуализацией: если группа людей, пусть двое, изо всех душевных сил хочет (пусть каждый по своим соображениям) замедлить время, если эти двое как одно существо погружаются во время, обостренно живут в нем, растягивая его концы, — оно д е й с т в и т е л ь н о , отнюдь не только субъективно, замедляет свой ход. Я как раз пытался изо всех сил удивиться странной этой вещи, чтобы ее осмыслить, но как-то спьяну ничему не удивлялось, и это было самое удивительное; но очередная филиппика профессора крайне неприятно подействовала на меня, эта приверженность, казалось бы, умного русского человека, вдоволь нахлебавшегося штамповово-ярлычного отношения к себе, к таким же клишированным представлениям о других, взорвала мою пьяную оце-

пенелость и вывела меня из тупой слежки за сверхмедленно утрачивающим временем.)

— Снова здорово, — сказал я, сдерживая себя изо всех сил. — Повторяем зады? Сколько можно, в самом-то деле, клепаться к немцам. Надоело, господин профессор. Ну, пощекотали язык, почесали германцу ребра — и хорош. Так нет же. А ведь Вы не меньше моего понимаете, что если Россия кем и жила, то Штолыцами, а не Обломовыми, что бы там ни говорил Никита Михалков, да и сам он Штолыц, которому на досуге приятно любить в себе Обломова. А уж сейчас-то России впору орать по-розановски: «Тону! Дай немца!», притом именно немца, в котором, может быть, и жива еще память о 250-летнем его садомазохистском, сильном, как смерть, полюбовничестве с Россией, — а не Билли Грэма, которому что русский тысячелетний православный, что австралийский абориген, все эгаль, оба с бородой — Билли дай только «поговорить с людьми». Для нас — с немцем — века, для них — ваших калифорнийцев — единый миг. И еще — немец, как и русский, не просчитывается. Вы скажете, вместе с Кафкой, что немцы не хотят понимать, а только владеть и повелевать. А я в ответ напомню, что народ, главным принципом юриспруденции которого с давних пор и по сей день является принцип: «Да, но...», — должен в крови нести понимание противной стороны, не то бы и принцип этот не выработался. Народ, в уличных беседах которого, как я слышу, самая частая речевая конструкция — вопрос к собеседнику: «Ты будешь делать то-то и то-то, ты хочешь того-то — oder?..¹³⁷», — я только эти «одэры» со знаком вопроса на концах оборванных фраз, предполагающих до полноты включение мнения адресата, и слышу без конца вокруг, — этот народ, по-моему, просто настроен на понимание.

Вы скажете, народ этот без конца тупо твердил — и подтверждал на практике, — что он народ тевтонов и нидерландов. А я скажу — нет! Я хочу видеть — и искренне вижу совсем другое: при всех положенных всякому национализму изъянах, немец лишен главного изъяна — национальной спеси, он гордится собой как человеком карьеры, фамилии, фирмы, как честным налогоплательщиком и правильным человеком, но не как человеком Германии; еще в середине прошлого века житель Баварии осознавал себя не немцем, а баварцем, а уроженец Тюрингии — тюрингцем, а не немцем, и пресловутый гимн «Дойчланд, Дойчланд юбер аллес» ставил себе целью вовсе не превознести Германию над другими странами, а превознести общую Германию в душе населения над своей Саксонией или Швабией, сделать немца общениемцем. Даже гитлеровский Зигфрид понимал и признавал, что Париж, а не Берлин — подлинный пуп земли, потому-то и надо его завоевать.

¹³⁷ Или.

Говорящий с акцентом никогда не будет ровней чистопородному англичанину, а немцу — будет, если старается, работает, немцы это всегда заметят, и пригласят в дом, и будут рады... не по-русски, конечно, чтобы сидючи в трусах пельмени кушать и тебя без термина, прямо в трусах, за стол посадить — но и не по-французски! и в частности, если на то пошло, немец хоть и любит свои картофельгруффер, нюрнбергер вюрстхен и зауэркраут¹³⁸, но любит по-домашнему, не кичясь своей кухней... У меня немцы борщ хлебали — за ушами трещало, а попробуйте предложить борщ англичанину! настоящий полтавский борщ вместо его томатного протертого супчика! попробуйте просто у него в гостях проделать в обратном порядке манипуляцию с чаем и молоком, куда что наливать, ведь по смыслу-то — что в лоб, что по лбу — всё едино — и посмотрите, как он на Ваши поиски смысла посмотрит... Так что кончайте Вы эти игры в нелюбовь к себе, выдаваемую за нелюбовь к другим так, чтобы никто не догадался, но все всё поняли, а не хотите немецкого — чем выступать, закажите салат из плодов моря или мощцарелу с томатами и базиликом, Вас тут отлично накормят и по-итальянски...

— Сыр — к водке? ну и вкусы у Вас, чтоб я сгорел... нет, уж напитаемся убийкой, тем более, что спирт отлично эмульгирует жиры... но вообще, я вижу, с Вами лучше не спорить, Вы настоящий русский шизофреник — русский интернационалист и одновременно культурный немецкий националист почище всякого немца, ему сейчас нельзя, он сам в себе этого стесняется, это только русскому интеллигенту разрешено не левачить, любить в себе национальное и даже ч у ж о е национальное — и даже верить в Бога... Русский специалист... В Вашем присутствии, так и быть, постараюсь возгревать в себе, за неимением немецкого патриотизма, только интернационалиста... и все же, если позволите, хотя бы чисто литературно, с вершин бытого советского ресторанныго интернационализма низринувшись в дол устной национальной традиции, продолжим по-русски запутывать слушателя в словах, так что Вы, присмурнев от ладоговорения, и не догадаетесь, что я приступил, наконец, к главному в этой истории, именно же: за последний год, между предыдущим приглашением и нынешним, в жизни нашего героя кое-что произошло. Может быть, даже не кое-что, а что-то; что-то весьма решительное. Во всяком случае, ему мало не показалось.

Случилось так, что на неких чтениях по «литературно-философскому наследию...» какая-разница-кого (жизни и творчеству которого наш герой отдал, однако же, часть и своей жизни — и в качестве одного из знатоков не мог не быть позван) — «...и современности», в одном только тем и славном городке, что был он родиной оставившего наследство, встретил он женщину.

¹³⁸ Картофельные оладьи, нюрнбергские колбаски, кислая капуста.

Ну, женщина как женщина, моложе его лет на пять-шесть, то есть не первой уже молодости, да и красоты необыкновенной тоже как будто бы не... во всяком случае, с женой его соперничать не может. Что называется, привлекательная. Милая такая женщина, человеческая. С челкой. Такое, знаете, интеллигентское безвозрастное квази- (или, скорее, пара-) каре, как у большинства словесниц то ли после 35-и, то ли после Марины Цветаевой. Оно, это недоделанное каре, иногда убираемое в хвостики, в основном бывает двух цветов — черного и серебромалинового в рыжину, зане, как только они все поголовно воцерковились, то красить головы химическим «Лондаколором» перестали, потому что косметику — нельзя, но продолжающуюся седину так прямо на голове и оставить — тоже нельзя, во всяком случае, не многие имеют христианский максимализм такого накала — и они подкрашивают волосы басмой или хной: то уже естественные красители и как бы лечебные средства, а лечебную косметику почему-то считается можно...

Любите человеческих женщин с челкой? Вот и я тоже, но как-то только по-человечески же. У нашей, правда, голова была природного светло-русого цвета, того тусклого оттенка, при котором начинающаяся седина почти незаметна, как-то уходит в общий тон; только ведь это дела не меняет. Но: как-то они на перерыве в курилке начали разговаривать, а закончили уже под вечер, уж после всяких чтений, в ее номере. Не надо ничего воображать: поговорили по-человечески — и он пошел к себе, ничего такого себе и не думая. И назавтра так же, и третьего дни. А там и разъехались, он к себе на Волгу, она к себе в Москву. И всё.

Да не всё: он день чувствовал — что-то не то, второй день то же не то, а на третий вдруг почувствовал, что ему без этой всего-навсего человеческой женщины — пусто. Что из жизни его ушла — жизнь.

А это значило, что с нею эта (отсутствующая, выходило, ранее; а ведь он никогда не чувствовал, что в жизни его что-то отсутствует; странно) жизнь — пришла. И он все думал: в чем же эта необходимая его жизни жизнь? чего у него не было-то? ведь столько уже умных разговоров состоялось в немалом его прошлом, и всегда про все ту же фому-ерему, что и на этих чтениях, при этой встрече, пора уж и устать, да он и устал, и сверх того, жена его дорогая всегда могла составить — и составляла — ему компанию, отличаясь, как сказал бы Бунин, доброй разговорчивостью.

Чего ему еще? Сексуальных приключений, что ль, ищет на свою голову, как положено «мужчине после сорока»? Но, во-первых, если сексуальность тут при чем-то и была — так уж повелось, что она почему-то всегда при чем-то, — то ведь надо еще подумать — при чем? то ли и там ли мы ищем? Я лично двумя руками подписываюсь под словами Фуко — пусть нынче всех этих пост-скрипторов, Дерриканов и Бодрилезов, во всех приличных обществах, кроме отсталых кухонь

российских интеллектуалов, модно уже не брать себе в союзники по поводу и без, а использовать при любом удобном случае как мальчиков для битья, — под святыми словами гомосексуалиста Фуко, что «однажды будет уже не очень понятно, каким образом этим ухищрениям сексуальности удалось подчинить нас суповой монархии секса и обречь нас на бесконечную задачу выколачивать из него его тайну и вымогать у этой тени самые что ни на есть истинные признания». Одним словом, если сексуальность и была, то она так замаскировалась, что, даже подвергнув себя третьей степени устрашения на аутодопросе, он не мог обнаружить ее следов. Кроме того, приключения мужчин после сорока имеют какую цель? Так тряхнуть стариной, чтобы вытрясти из нее искомое омоложение плоти-духа, верно? Стало быть, такие *adventur-ies*¹³⁹ целесообразно имеют поводом знакомство с молодой и свежей, правильно? с которой и заваривается неизбежная каша-с. Тут же ни молодости тебе, ни свежести, ни второй свежести — а что тогда?

Да вот что: совпадение. Герой наш вдруг увидел себя другим человеком. Ну, то есть он привык думать о себе как о некой человеческой константе; и вдруг он понял, что он давно уже — д р у г о й . Будто естество убитого-неубитого им мальчика странным образом было присвоено им, соединилось с его внутренней сущью, гибридно привилось, если неудобно, хе-хе, скажем с достоевским щелкающим, сухо посттреливающим юморком (как Вы думаете, может ли быть на свете что-нибудь более дорогое, чем юмор тяжелого человека?), или еще как-то; но только со временем, прожитым им после и н ц и д е н т а , в поле его влияния, он словно присвоил, как эти всякие индейцы и аборигены, у-своил себе того, кого убил, огонь сгоревшего, то желанное и отсутствовавшее в молодости качество айсберга-вулкана. Усвоил, но, быть может, сам в себе до поры не замечал — теперь-то, в солидные-то его годы, оно ему было для какой надобности? — и вот вынужден был заметить, в себе — и в н е й , потому что, совпав, сцепившись, оно зримо загорелось... вольфрамовой, что ль, дугой, могу соврать в сравнении, я в этих физиках ни бельмеса, но — зримо, явственно, это пламя, не ясный огонь, которого хотелось бы Булату Окуджаве, а как раз неясный, тусклый, но зримый, тот бледный огонь, моя радость, тот бледный огонь... Ёкорный бабай! как говорили у него на Волге. Выгнулось радугой от одного края земли, чтобы замкнуться на другом — да только вот... на каком другом? ее-то с ним не было.

Ах, как ему ее не хватало — и чем больше убеждал он себя, что она обыкновенная умная филология без особых примет, каких у нас в России всегда было, почти как водки и снега, чем больше убеждал себя: дурь, — тем больше чувствовал: пропадает. И он всё думал: ну почему,

¹³⁹ Приключения (англ.).

что совпало в них — да так, что теперь, когда он узнал это, ему без нее жизнь не в жизнь?

И вдруг до него дошло: да только — то же, что и в нем, послевкусие мрака, сходный опыт чего-то долго-тяжелого на душе, какая-то горькая выжженность, какое-то чувство нуля, жизни без опоры на себя прошлого, что было теперь и в нем — но при том, в отличие от него, ровное горение без нервической игры и перепадов; то есть она смогла решить по-своему, своим женским неопознанным путем ту же задачу, что решил Мандельштам: как стоять во аде, не отчаяваясь. И это-то зримое и от того только еще более непонятное решение нерешаемой, ему казалось, задачи, воплощенное в ее ровном поведении, в полных вдумчивого и п о с л е с л у ш а н и я паузах после того, как он отговорит, перед тем, как ему ответить, в абсолютно — аб-со-лют-но — несбивчивом, ничем никогда не убыстряемом, лишенном какой-либо порывистости полынном голосе, этом остающимся после того, как она отговорит, не в ушах, но на губах голосе... словом, вот это ее непрозрачное, но исподволь просвечивающее з в у ч а н и е — знаете, так на картине Рембрандта подмалевок проложен белилами, и они просвечивают через все верхние слои и подсвечивают их — тянуло его-утягивало посильней телесных красот, душевных изгибов... ну и, ясное дело, всякой туфты типа молодость-красота-здравье, кровь с молоком и молоко с кровью.

А жена его? спросите вы; да вот, жена... он что же, разлюбил ее? Ну что вы. Если бы! Он дорожил ею по-прежнему, как... как мало... Собственно, кроме нее, ему и дорожить было некем. Единственный близкий человек; к тому же, вспомним, стоявший ему когда-то стольких усилий: ее завоевание и удерживание было постоянным здимым знаком его человеческой и мужской состоятельности. Здимым не только для него — для всех.

Красота ее, как сказано, имела специфику, важную, быть может, только для него, но и кроме того — это была красота, очевидная для всех, могущая быть воспринята лишь как равная себе самой, то есть не миловидности по молодости лет, не привлекательности зрелой женщины, не пикантности умелой дамы, а — красоте. Сохранившейся — всякая вещь, наделенная субстантивной полнотой, сохраняется долго — и после 40. Но все это слова, if you're not experienced¹⁴⁰... Вот — имели Вы дело с худощаво-точеными женщинами, у которых в наличии лишь минимум того, что может стареть? Я говорю о женщинах, которым и хотелось бы, так не удастся отложить жирок мягкими складками на боках, отрастить второй подбородок и все прочее, что, по Джойсу, есть «полнота женского». Так уж, от рождения, тую-натуго обтянуты кожей

¹⁴⁰ Если у вас нет (этого) опыта (переживания) (англ.) — аллюзия на название альбома Д. Хендрикса «Are You experienced?»

их лишенные мясистости лица, чуть косоватые скулы и костиистые подбородки, столь чистопородна их нервность, нервность Фру-Фру, разве лишь сквозь темные их глаза позволяющая себе просочиться вовне, и нервность эта, при таком внутреннем ее употреблении, лучше всякого «Гербалайфа» сжигает жиры, оставляя тонкими пальцы их маленьких кистей и лодыжки, схваченные пряжками сухих щиколоток... Если же не имели Вы с ними дела, читайте по крайней мере Бунина, сударь, читайте Бунина об этих «маленьких», но «крепких телом» и «смуглых», непременно смуглых женщинах — что могу я добавить к им сказанному?

Разве вот: плохие времена для таких женщин наступают очень поздно, зато мгновенно и навсегда — слишком тую натянутая тонкая кожа, не имеющая подкладки сырого мяса, высыхает, идет мелкими крокелюрами, превращает лица их то ль в цветки и листики гербария, переложенные папиросной бумагой, то ль в саму эту бумагу; но до поры — а жене нашего героя было еще, будем надеяться, далеко до роковой той поры — женщины этой породы остаются точено-компактными, худощаво-округлыми, определенными самой лаконичной из пластических формул Женщины.

Именно, именно — жена! Напоминаю: мы на умного человека идем частым бреднем. Вот этот умный человек по-умному и раскинул головой: там — 3 дня, а тут — на носу серебрянная свадьба. Может первое противостоять второму в перетягивании каната? Хрена лысого. Двух минут не может. Нет, если там — типа: метель — она постлала мне постель и все такое, то чего и с кем не бывает, в пути, на ночлеге; но — если серьезно? если надо — выбирать? Тут и думать не о чем. Однако же вот — перетягивает. Значит, что? Значит, сами эти 20 с лишком не имеют полновесной силы. В них чего-то нет. Чего? Разлюбил? Но что значит — разлюбил? Это чистый вздор. Раз-любить, пока любишь, вообще нельзя. Можно только от-любить, полностью вычерпать весь объем чувства. Но при этом непременно переживаешь континуум убывания, утекания любви. А он этого совсем не чувствовал. Тогда — ?..

И чем глубже копал он внутрь себя, тем ясней представляло то, чего раньше видеть не желал ни за что: он — жену... он — жену... Угадали. Никогда. Вы спросите: «Но Вы же только что сказали — она была ему дорога?» Да. Дорога. Он ею дорожил страшно. Но что же с того? и чем я себе противоречу, если он как раз это и понял теперь: «дорогой» и «любимый» — разные вещи. Он ее выбрал когда-то символом веры... в с е б я , — за то, что она выбрала — его, дав ему высокую цену; он жену себе во всех смыслах н а з н а ч и л , в том числе и — в любимые, и честно отрабатывал-нарабатывал то, что себе и ей назначил, тем более, что она облегчала ему работу любви своей красотой, умом и верностью.

Но сейчас он ясно видел, что все, столь им ценимое некогда (да и потом, до сего дня — может быть, по неотъемлемому от человека желанию верить в дорогоизнну цены, им же назначеннай своему другу или любимой: по неистребимой вере в собственную правоту) в ней, столь схожее с тем, что и в нем было главным тогда, в пору выбора — ее, в одном слове, взрослая приверженность норме (не нормативности, а именно норме душевного и интеллектуального здоровья), — все это на глубине нисколько не было ему желанно, ни в ней, ни в себе, и чем больше он отстаивал в себе именно это свое качество, тем больше на самом деле хотел бы быть — д р у г и м; потому что на самом деле он и б ы л другим, по крайней мере, отчасти; был, да все не мог с т а т ь, пока, наконец, не освободился с л у ч а й-н о от себя поверхностного, заплатив за этот случай сполна...

Или вот она занимается Горацием и Бозицем; но можно ли их любить — Горация, Лукреция, Бозия? Полноте, ими можно разве что интересоваться, любить все римское можно только за то, что у тебя хорошо получается им заниматься; то есть себя же в римской тоге и любить. Он литературой — живет, общаясь с живыми голосами мертвцев, которых л ю б и т ; она же лишь з а н и м а е т с я тем, что ей и н т е р е с н о.

И эта ее активность, неустанная ровная работоспособность, будто все равно — квартиру пылесосить или докторскую ваять... И ее постоянная требовательность, полная серьезности отношения к себе и своему званию кандидата или доктора, постоянное искренно-заботливое напоминание, мягкое подталкивание его к работе над первой диссертацией, второй диссертацией, что там — любым докладом, статьей... и всегдашняя уверенность в том, что во всякой вещи есть свое «правильно» и свое «неправильно» — и именно она всегда видит, что в данном случае правильно, а что нет, и до возмущения удивлена теми, кто этого не видит...

Аккомпанемент

- Устрицы пробовали?
- В смысле?
- В прямом смысле. Устрицы — пробовали?
- А-а... Не-а.
- Устрицы пробовали?
- Устрицы?
- Они самые. Устрицы.
- Это которые в «Нордзее» на Штадтмаркт¹⁴¹?
- Да.
- В раковинах?
- Да. Не в черных поменьше, не мушельн¹⁴². А в больших и серых.

¹⁴¹ Рыбный ресторанчик «Северное море» на городском рынке.

¹⁴² Muscheln — моллюски, мидии.

- Так бы сразу и сказали. По две марки штука?
- По 1.80.
- Так бы сразу и сказали. Конечно, нет.
- Устрицы пробовали?
- Разумеется. Приехать сюда — и не попробовать устрицы!
- На что похожи?
- (Тоном безоговорочного знания):
- На-холодную-сперму.

13. По душам: окончание

— А жена — она-то как к нему?.. тут можно долго... из экономии Вашего дорогоого времени скажу только ключевое: он лишь сейчас отдал себе отчет, что именно в ее отношении к нему его существенно не устраивало, никогда не устраивало, только опять же он себе никогда не сознавался. Именно то, что любила она его, так же серьезно, как делала все, что делала, только за то, за что его и выбрала: за взрослый серьез, отсутствие второго дна, высокую смысловую планку нормы — и только до тех пор, пока он не падал с этой высоты, не ронял себя. Собственно, он никогда и не пробовал падать, Бог уберег даже т о г д а , он просто не успел — но он все время жил в особом режиме, в непрерывном напряжении (которое увидело само себя, отрефлектировалось только сейчас, но бессознательно изнуряло и раньше), даже дома: жена его любит не просто так, а за что-то, и это «что-то» должно быть в нем всегда, с ней и при ней никогда нельзя расслабляться, как это ни малокомфортно, но и дома надо давать своему новому «я» как можно меньше просвечивать из-под старого, иначе... иначе, пожалуй, она его меньше будет любить. И вообще, чего доброго, вообще не станет любить. Потому что она любила его н е в с е г о , а только «хорошего его». А значит, любила н е е г о .

Свято место, под всеми драгоценными ризами, было пусто. И тут уже и 3 дня могли перетянуть, если это были 3 настоящих дня. Если эти 3 дня ты чувствовал отзыв на т в о й пароль. Отклик на тебя всего, не хорошего, не плохого, а целого, ровно такого, каков ты был на самом деле — был вчера, ныне и, может быть, во веки веков.

Целых 3 дня тогда, среди этих дурацких чтений, исполнялась — в пунктирах громов и молний, слов и молчаний — какая-то сердечнейшая музыка смыслов, сходно-несходных. И замолчав, она продолжала говорить, языком, обратно словам того же нашего узко-всеноядного Джи(Оу)-И-Эм, семантической неудовлетворенности, не той дурной, что отторгает, скажем, интеллектуала от простеца и обратно, а той, что делает попытку своей расшифровки бесконечно интересной — и, само собой, нехватка наличного собеседника делает ее только более манящей.

Ну, тут пошла уже чепуха, художество, вздор, — но ведь, когда человек в возрасте за сорок, пусть от юности своея не вполне житейский, но все же сделавший какую-никакую карьеру, то есть житейский там не житейский, а — земной, живуче-ползучим плющом вьющийся, от мира сего (я бы сказал, от мира того-сего), начинает вдруг, себе же вопреки, ни с того ни с сего хотеть того не знаю чего — вот это уже, что ни говори...

И понял он, что залетел куда-то между небом и землей и заблудился там, что делать? да так, что хуже некуда: пока москвички той нет рядом, всегда будет куда стремиться от «здесь и теперь», невыносимого в ее отсутствии, стремиться быстрым током под напряжением в 380 вольт; а сделаться так, чтобы она была рядом — этого-то вот нельзя никак.

Потому что трех дней хватило, чтобы почувствовать: женщина эта — не из дам с собачками, и там уж обделена она в своей женской доле иль оделена ею, а все едино имеет... так скажем, недешево ей доставшийся внутренний покой, нарушить который, вломиться без стука, можно (и это еще вопрос, можно ли, каков-то будет сопромат) мало-мальски достойно (не говорю — пристойно) только — на полном серьезе. На последнем дыхании. Чтобы — вложиться-в. Без остатка; понимаете, да? без-остатка. А то есть иначе не обойдется, как уйти от жены, бросить — то есть честно, без обмана, предать человека, его не предававшего за 20, повторю, с лишним лет ни разу. Бросить, предать двадцать лет прожитой жизни, то есть самого же себя — а ведь прочность их союза не с дерева же упала сама собой ему в рот созревшим яблочком, а несла в себе нажитые смыслы, пусть сейчас не интригующие, пусть их и не было в начале, а они были «назначены» и искусственно выращены — но ведь кровью и потом души, делающими и искусственное подлинным; а верность ее — проверена была им такою ценой... о, конечно же, тот и н ц и д е н т за давностью лет как бы не имел к нему сегодняшнему отношения. Как бы не имел. Но — кабы не имел!..

Ну, что? Это только говорится, что дурное дело нехитрое. Дурное дело очень даже хитрое. Первым долгом в дурном деле всякий взрослый человек пытается держаться. Стоять на месте, как уж умеет. Ну, а как умеет русский человек? Русский человек, чтобы удержаться, начинает попивать. А профессор наш был человек русский. Да, в общем, он и всегда мог как следует поддержать компанию, но один не пил — по занятости и отсутствию вкуса. А теперь начал. Выкроил время.

После лекций вместо чтоб домой — заглянет по дороге в коммерческий киоск, а там пойдет на скамеечку по-над Волгой, да из портфельчика быстро фляжечку раз — и в дамки... глядя вдаль, по-за Волгу. То есть как раз не в прозаические дамки, а мерещится ему, среди огоньков на той стороне реки, все в этих огоньках — этакое ее лицо не лицо, глаза ее не глаза, а — чистый, без материальных его орудий и носителей, без

глаз, — ведь он даже не запомнил, какого они у нее цвета, — чистый взгляд, как одна только улыбка чеширского кота, один только внимательный женский взгляд, поглощающий и тем о д о б р я ю щ и й все, что у него на душе, что и составляет — его; то есть такой взгляд, который и есть все, чего мы хотим от женской искомой половинки...

— Мечтательность. Большой грех.

— Большой, ох большой... Значит, и Вы тоже думаете, что когда человеку на лавочке представляется в чьем-то образе берег очарованный, земля обетованная, это все дурная мечтательность, вымыщенная местность... это всегда только игра между ним и ним же — и за этим междусобойчиком не стоит, пусть раз из ста, хоть как-то, в каком-то изводе, кто-то и в самом деле реальный д р у г о й ?

— Наоборот. Думаю как раз, что стоит. И лучше бы его не было.

— Даже так?.. Но продолжим. Сидит сидит, из фляжки пососет — и снова сидит. Но видит с каждым днем — алкоголь играет с ним хитрую штуку: выпил немного, притупил боль разлуки, слегка угомонился в здесь-и-теперь, так ведь чего хочется? Еще большего притупления, еще большего укоренения в здесь-и-теперь, правильно? А значит, чего надо? Еще дербалызнутъ, верно? А дерябнул еще — как вдруг вместо укоренения-то пойдет! такая гнилая романтика, такой дым коромыслом, как полоснет по сердцу — в Москву! в Москву! Хотелось, словом, как лучше, а получилось, как всегда, это всякий романтический пьяница знает как дважды два до всякого Виктора Степаныча — вот уже скоро все и звать как его забудут, а слово сие, сего Бояна вещего, так и будет шелестеть крылами над родами родов и видами видов, — но, главное, всегда все зная заранее, повторяет этот дохлый номер, как повторял его и бывший Виктор Степаныч, которому я сочувствую в его горькой нездаче, как сочувствую и каждому русскому человеку, пока он от меня далеко и не может выплыснуть свою нездачу на меня, как я сейчас — на Вас.

Кроме того, жена стала посматривать на него дома несколько... ну, это мягко говоря. Сначала посматривать, а там и расспрашивать. Сначала участливо, потом — поскольку оставлял ее расспросы он без какого-либо вразумительного для умной женщины ответа — недоуменно; потом... смотрит — и ни слова, только тонкими пальцами похрустывает. Словом, попивать надо было кончать. Чего же еще придумать? И не придумал он ничего умнее, — но поймите, от безвыходности, от не то что нетерпения сердца, а уже от неможения себя держать, — как туда, в Москву, позвонить. Ну, доложу же я Вам, вот этого-то лучше бы он и не делал.

То есть поговорила она с ним с тою же милой охотою, что и тогда, в их первую и последнюю очную встречу, но именно — с тою же. Она и не узнала сразу его по голосу! то есть чувствовалось без дураков, что жизнь ее течет — и вполне насыщенно — отдельно от него, и если ее

существование и омрачено чем-либо, то уж никак не его отсутствием. Хотя опять-таки же чувствовалось, что он ей вполне симпатичен, и если бы как-то без особых сложностей, просто-запросто встретиться, то посидеть-потрендеть с ним на московской кухонке — она с удовольствием, вполне завсегда.

И тут его — сорвало. Как гайку с винта. Ведь — чем он крепился до звонка? Тою мыслью, тем чувством, что между ними что-то взаимно важное, сокровенно-драгоценное просходит, и тогда пусть это будет такая тайная дружба, которая сильнее страсти, нежнее, чем любовь, так? так, я вас спрашиваю? тогда, пусть это и имеет примесь эроса, иначе бы то была не ошибка дружба и ничем бы не отличалась от других его дружеских чувств к разным мужчинам и женщинам, совершенно не мешавших ему жить как живется, — но эроса *sui generis*¹⁴³. До того особого эроса, что там и копаться не хочется, и так ясно: это не та обычно-страстная мужская влюбленность, при которой надо выбирать, какую из женщин ты больше любишь — и к той и уходить; а если ты этого не сделал и длишь свое раздвоение, то должен по крайней мере понять: ты безусловный прелюбодей в сердце своем.

То есть, вы понимаете? понимаете? он надеялся так устроиться, такую особую выгородку создать в пространстве души, при которой его отношение к жене, назвать ли его любовью или нет, неважно, когда люди сто лет сово-куплены, — его отношение к жене и его отношение к этой женщине имели бы столь разные акцидентии, что были бы не рядоположимы, разнесены, как килограммы и километры, были бы дальше друг от друга, чем Леопольд Блюм от Антония Блума, — и так уничтожить ненавистное ему изменническое чувство в себе — как и все, он ожидал от себя и мог простить себе многое, но не то, что он предатель. Поскольку более всего наш профессор дорожил чувством самоуважения, то очень хотел бы быть взаимно честным... семейным контрагентом. По крайней мере, сделать так, чтобы грубо-прямолинейный вопрос об измене был бы в таком тонком деле, не побоимся дурацкого слова, нерелевантен. Следите, да? И невинность субности, и капитал приобрести.

Ну и вот. Ни хера из этого — простите великодушно эвфемизм, континиальнее было бы сказать сильнее, да ведь все же о поэтических материалах заводим песнь-с — ни хера из этого, натурально, не вышло. Потому что та-то, москвичка-то — не полюбила этой вот самой тайной и особой, и вообще никакой. Но этого же быть не могло! он же чувствовал натяжение радуги, он слышал ток электрического телеграфа, а такие вещи по определению нуждаются в двух участниках, двух полосах. Это не могло быть не взаимно! А вот и дудки. Не могло, а было.

¹⁴³ Своего рода (*лат.*).

Но не могло. Она лгала — ему ли только, по каким-то своим причинам, или и себе, чтобы не нарушать своего покоя, или еще что-то, но она врет, точно. Надо расколоть ее, взорвать этот по-женски искусный равнодушно-доброжелательный голос — просто мировой справедливости ради! И вот, думая уже только об этой справедливости, начал он ей назнавивать совсем безбожно, — и всё, разумеется, безрезультатно, всё тот же радушно-равнодушный голос, но, вот же холера, милый-милый голос! и чем больше он понимал: невпротык, тем больше распалялся желанием хоть гвоздем, а пробить ее сердце, как опять же удачно пошутил черный юморист Достоевский; тем больше приставал, прям как парень к девушке на улице; а значит — что? А значит, даже чисто технически всё чаще до пускал себя до общения с ней, всё больше и золял себе эту привычку общения, всё больше прилипал к этой вредной привычке, — а значит происходило именно то, чего он как раз больше всего боялся: всё необратимее вкладывался он сюда весь, со всеми в о б щ е, а значит, и со всеми мужскими потрохами.

Вы еще следите? а то все-таки треснем для поднятия внимания? как Вы это сказали — до уровня бреда? так и выпьем же за увеличение уровня бреда, уменьшающего уровень стыда и страха!

И вот — включитесь, сударь, ключевейший пункт — настал день, когда он, в каком безумии ни пребывал, просто не мог не отдать себе отчет (то есть пробил-то он не ей сердце, а себе), что игра в одни ворота, игра в прикровенную дружбу, не препятствующую откровенной супружеской любви, кончилась. Он тривиально втюрился, а точнее, позволил себе влюбить себя по уши в постороннюю женщину, а то есть — он простой изменник, обыденный предатель. И предал уже действием, хотя до москвички и пальцем не дотронулся. Потому что пока он всё свое нес в себе, он еще боролся с помыслом, так или не так? а помысел был — не от него, извне, согласны? ну, а теперь он начал действовать сообразно с помыслом, а значит — впустил его в себя, и теперь всё исходило уже от него, из-него. Вся полнота вменяемости лежала теперь на нем.

А как он это почувствовал, рассказать? Да самым простым и отталкивающим образом: почувствовав неприязнь, физическую неприязнь, к своей красавице жене, к которой вчера еще, пусть привычно, но ровно, правильно и достойно влекло его по-мужски; и что же гаже, но и доходчивей того чувства, что женщина, по-прежнему тебя любящая (пока еще любящая), видящая, что с тобой творится что-то несусветное, пытающаяся тебя понять (потому что думает не: это органичное тебе, из тебя пришедшее твое падение, а, ничего не ведая, думает: что-то происходит, какой-то извне нашедший неясный форс-мажор), вывести из внутреннего штопора, а того не знающая, — по счастью для нее же, — какой такой это штопор.

Вы понимаете, что это за несчастье, когда жена твоя, еще в полной поре своей женственности привычно тянувшаяся к тебе за своим женским счастьем, вызывает у тебя... Вот, ты ненавидишь ее за постоянное это ее похрустыванье пальцами; двадцать лет она ими похрустывала, и это тебе не мешало, и вдруг ты это заметил — и не можешь работать под этот хруст. Н-да. И вороновы ее волосы, еще вчера приятно непокорные на ощупь, теперь так неприятно, жестко пружинят, стоит положить ей руку на голову, и отблескивают и курчавятся, как металлическая стружка. И ты ненавидишь себя за то, что смеешь ненавидеть ее. И снова — ее, за то, что за ненависть к ней ненавидишь себя; и еще за то, что она — зеркало твоего гадства. Причем, что всего смешней, и гадства-то неполного и потому бесцельного, — ведь предал-то наш герой, не предав до конца, не попользовавшись плодами, не испытав того, из-за чего — будь что будет, а стоило гадом быть и век свободки не видать: увлекательнейшего совлечения с предмета своей страсти всех и всяческих косметических масок.

Потому что он в конце концов так прямо и открылся по телефону, и спросил, и услышал ровное: «Нет», — и даже, вот же стыд-то-позор, даже удивление в этом ответе, словно чего-чего, а уж такого от него она никак не ожидала; и удивление это и было окончательным ответом, правильно? Вот Вы умный человек, коль всё время молчите, вот я Вас. и спрашиваю: ведь правильно? Ведь это же приговор?

— Кто его знает. Если смотреть на дело не глазами человека... который, простите, от долгой привычки уже не может смотреть на вещи иначе, чем через кривую призму русской литературы под немецким названием «Das Urteil»¹⁴⁴, — то кто может знать, о чем на самом деле думает женщина, что она там чувствует своим женским естеством, пока в ее телефонном голосе звучит ровное удивление?..

— Да-да, конечно... его глаз поневоле замылен, он жизнь провел в библио... И всё равно я вам говорю, это приговор!.. И тут как раз звонит его калифорнийский друг и зовет профессором по контракту надолго, а там, глядишь, и навсегда. Причем добавляет: «С Натальей, само собой, как положено, — и этак фатовато шутя (никогда не боялся быть пошляком, завидная степень свободы, да?), — без красавицы Натали я тебя на кафедру приглашать не порекомендую». Ну, мужику уже ничто не дорого, кроме телефонных звонков в Москву, а разговоры те отправлены и потому тоже не дороги, и хочет он одного — чтобы ничего этого бы не было вовсе, а он бы жил, как до нее, как все, и дышал бы воздухом. На фиг ему всякая Америка и вообще всё, так? когда у него всё из рук валится, правильно? но всё ж таки он еще мужик — и

¹⁴⁴ «Приговор» — название как рассказа Кафки, так и рассказа Достоевского из «Дневника писателя».

остаточным мужиковством, значит, решает: ехать — и никаких, поступать по волевому уму-разуму, а главное — может, это-то как раз и даст возможность радикально оторваться, ведь из Калифорнии на Казанский вокзал и спьяну не угодишь, как с Волги, не будет возможности даже часто звонить — и так он себя от нее вынужденно отрежет, как Одиссей привязался к мачте, чтобы его эта безлюбовная сирена, сама того не зная и не желая, не пожрала.

И вот они с женой в Калифорнии, и условия жизни у них — дай Бог каждому, и уж не знаешь, кто вокруг обходительнее — люди или климатические условия, и перед глазами уже не Волга, какая ни есть хорошая река, а совсем уже задумчивый Тихий океан. Великий океан. Мировой. Пасифик. Любите, когда много-много воды? Вот и я люблю. И он любит. Для него это большое благо. И теперь он этим благом может долго наслаждаться. А он не наслаждается. Он смотрит за океан и грустит. В тоске нечеловечьей.

Днем, так сказать, *ex cathedra*¹⁴⁵, он из последних сил соответствует новой занимаемой должности, а вечером втихаря мешает слезы с соплями и водку с томатным соком в дурацком коктейле «Bloody Mary»¹⁴⁶, глядя на океанический закат; а затем, приняв ласковый вид, отправляется к замечательной своей, неоценимой жене в замечательный домик, отведенный им в университете городке, и там любительски старательно перевоплощается в любящего... Нет, Вы вообще представляете себе, что такое — всё это в себе носить?! А?! Слушайте, а то, может, задержитесь на денек, а? Не бросите в бидон пожилого профессора? Я сам не пробовал, но что-то такое слышал, что билеты на нормальный, не ерофлотский ероплан можно сдать хоть за пять минут до отлета.

— Я уже зарегистрировался.

— А веши?

— Только эта сумка, со мной.

— Ну, вот видите. Это знак. Давайте хотя бы попробуем! Мало ли что зарегистрировались. Давайте попробуем, а? Если выйдет, я Вам возмешу потерю за аварийную сдачу билета. Чего, процентов 25 от общей стоимости, не больше. Точно. Возьмем Вам тут же билет на завтра, и мы еще посидим, выпьем и снова нальем, и не спеша потрендим о Мандельштаме. Я Вам не осветил еще статную фигуру Еликониды Поповой, маячашую в конце его недолгой жизни, ведь мы с Вами почти уже дожили до его итоговых 47-и, а разве мы пожили на этом свете? тоже была дама, скажу я Вам... так что после всего пережитого-перемершего, в леденящем кровь ожидании окончательного решения своего вопроса его опять повело на подвиги, всюду жизнь! — не за

¹⁴⁵ С кафедры (лат.).

¹⁴⁶ «Кровавая Мери» (англ.).

то ли Господь и не отвел, в конце концов, жирную длань Навуходоно-сара от нашего щегла... я это не в плане суждения, тем более осуждения, а в плане вопроса к себе. Спросим у кого-нибудь еще. Спросим вон того, с какой стати он так дружелюбно на нас смотрит? Чего он на нас пялится? Любит, что ли? С какой стати? Узнал бы сначала получше. Мы его ща спросим по всей строгости нашего сурового, но справедливого: а ваши кто родители? И если он не так ответит, мы его положим прямо носом в шницель, от двух бортов в середину. Правильно говорю?

— Драку заказываете? Хотите подставлю свою морду?

— Вы-то с какой стати? Вас я полюбил. А его положу с первого удара, со всей большевистской строгостью и прямотой. А потом выберем кандидатуру для Вас. Оставайтесь, а? Москва не убежит.

— Ничего я не останусь. Сейчас пойду на посадку. И Вам же лучше. Останетесь один — сразу бросите эти игры в русского богатыря Ивана Повидлова. Главное дело, чтоб не перед кем было выступать. Только это и смиряет. Но уж если Вам по-настоящему приспичило дать кому-то в рог... я видел, я знаю, хоть сам не русский, у настоящего русского после этого почему-то правда легчает на душе, — лучше найти понимающего человека. Меня. Нате бейте, только в сторонке. Не то ваше профессорство закончится через пять минут. С баварской полицией каша не сваришь. Жалко Вашу жену.

— А моего героя? Его Вам жалко? Вы его хотя бы понимаете?

— Насколько один пьяный может понять другого.

— Немало. Хотя и не много.

— Нет, чего там... всё путем. У Вас — свой конек: предательство. Нет, даже не так. Просто — es gibt¹⁴⁷ казус предательства. И чтобы его оправдать, сделать чуть ли не духовной практикой, Вы шьете теорию: предательство как искусство самопознания. Клеите к этому делу Мандельштама — наконец-то и его, бестолкового, придумали, как приладить к стоящему делу. И всё вроде бы честь по чести. То есть это Вы доказываете, что у предателя бывает честь. Доказываете себе — и ладно. Значит, Вам это необходимо. Значит, Вам от этого легче. Но я-то зачем Вас или там Вашего героя должен понимать? Меня попрошу не записывать ни в искатели, ни в простые попутчики! Не симпатизируется что-то Вашему профессору... Да ну его вообще на! не люблю я актов самопознания за чужой счет... Там, в Москве, не так давно славно поживились за мой счет... Вы говорите о предательстве без обмана — ну, а у этих обман безо всякого предательства!.. И вообще — чем ваш герой недоволен? с жиру бесится. Мне бы такую жену, чтобы от меня хотела какой-то там высоты и меня бы куда-то подталкивала... Думаете, слаше, когда тебя любят — или терпят? — черненького? И не

¹⁴⁷ Имеется.

надейтесь... Да, впрочем, мне и это вряд ли бы помогло. Хотя бы от тебя того, чего ты в это время дня не хочешь, терпят ли таким, каким ты себе не нравишься — все равно ты один на один с собой. Как говорил Амбродз Бирс: «Иначе=не лучше»... К тому же — в Вашем квазиурусском повествовании не звучит заветная русская тема детства. Детским духом не пахнет. Правильно я понимаю — герой рассказа бездетен? причем рассказчик даже не считает важным это сообщить. До такой степени вдалеке от этого, что и не ведает: это всё меняет. Не всем так везет, как не повезло — в его случае — Вашему приятелю. С детками в нынешней экономической ситуации даже лицам свободных профессий, даже последним раздолбаям вроде меня не до романтических порывов и экзистенциальных прорывов... Но вообще — молчу. Скажем так — соболезную всякому, кому неподдельно неймется. Это единственная реальность, данная мне в ощущениях.

— Уже много. Благодарю за внимание.

— Честно говоря, оно мне недорого стоило. Я спьяну, когда молчу, то как бы внимателен, но на самом деле слушаю одним ухом, а сам торчу себе. Если Вас это не обижает, можете меня еще чуток проэксплуатировать. Но только чуток. Время! Время пулям по стенкам, по Стенькам в стельку.

— Обижает? Да это великая вещь! — когда просто долго не перебивают. О самом внимании я уж не говорю, когда даже его эрзац редок и драгоценен. Какая разница — почему, если тебе дают договорить до конца. Это единственное, что нам остается, пока не наступит конец: договорить до конца. Но обычно нас лишают и этого. Все сами хотят успеть до конца высказаться. Спасибо. Так потерпите еще? Немного осталось. Возьмем еще хлебного вина №21?

— Себе. Мне генуг. Я многообразно ангажирован. Мне и Вас слушать, и о своем думать, и главное, расслышать, какой самолет — мой. Однако странно.

— В смысле?

— В смысле — странно не то, что удалось растянуть время...

— Как, Вы тоже заметили?

— А Вы что думали — Вы один такой наблюдательный? Много мните о себе. Дураков нет.

— Но это Вы... это ведь Вы тянули временное одеяло на себя! Я-то пил себе да рассказывал, а Вы что-то такое сделали...

— Три волоска вывинтил из своей бороденки?

— Ну, этого я не говорю... но что-то такое.

— Ага. Ну, а я грешным делом подозревал в том же Вас. Вы тут что-то такое озвучивали, хотите — не упомню что. Пока я с Вашей помощью ушел в немеющее время... Но странно не то, что кому-то удаются чудеса. Странно, что они подлежат законам не-чудесного. Если отрицать чудес-

ность самого Закона. И время удалось растянуть только на время. Как ни придерживай стрелку, она все равно подходит к нулевому старту. Вон часы висят. Сейчас объявишь. Поэтому продолжайте быстрее.

— Спасибо... В общем, дело такая дрянь, что ни словом сказать, ни вздохом. Кажется, хуже некуда. И тут — новый поворот винта, с позволения Генри Джеймса, Джеймса Джойса, Джойса Кэри и кэри из цыплят с рисом. Как-то одним закатным вечером с тошнотворно-сквозным видом на океан приятель ему за третьим стаканом хайбола и говорит без задней мысли: «Да, с Наткой тебе повезло. Бродили-таки неподдельные красавицы и в наших яйцеголовых джунглях. Тутошние нашим в подметки не годятся, но сохраняются лучше, по средствам молодея по мере старения. А твоя еще и сохранилась не по средствам. Честно говоря, мы тогда думали, что она — не для тебя. Не для таких, как ты, извини. Но к счастью для тебя, ошиблись. В тебе».

Сказал и сказал. И обижаться не на что, фраза скорее комплиментарна, да? Что до восхищения его супругой, пусть бы даже оно и не совсем бескорыстно, — ему теперь какое дело, казалось бы, ежели у него одна москвичка на уме? наоборот, ежели между женой и приятелем что-то этакое хоть слегка пробежало (не больше же, не так же быстро, солидные же люди во всех отношениях), а она ему не говорит, то и его обман — не такой уж обман, а? когда он взаимен, да? Ах не тут-то было. Тут вдруг его осеняет вспомнить и другие фразочки приятеля, и самое его приглашение, вроде бы шуточное... И тут еще вспоминает он посиделки последнего времени, и начинает ему мерещиться, что между женою его и приятелем вообще что-то такое знакомое происходит, но что же, что?

И здесь его бабах-прибахах: да это же то самое, 20-летней давности в-глазах-оживление, тот же адский огонек, что тогда между ней и сгоревшим мальчиком!.. опять оно, значит, все-таки тогда он не зря, значит, ей в нем и тогда, и теперь чего-то не... ей, как и всем гуманитарным пошлячкам-интересанткам подавай таких, как... а ведь какой казалась правильной!.. да, но главное: значит, сам он, все его кровное-завоеванное — коту под... значит, он-таки того огня — не приобрел, если она ищет его в дру... о-о! у-у!.. Но хоть теперь, Вы думаете, его увело, наконец, голубчика, оттянуло-утянуло куда надо, к кому положено? При таком накале оскорбленной самости з д е с ь — стало ему, наконец, безразлично, что его не любят т а м ? Да как бы не так! Вот она, подлянка на полянке, вот какая драма на охоте! Он, продолжая думать о жене с приятелем, как компьютерщики говорят, перетащил мысль из воображаемой здешней ситуации в воображаемую московскую. Какую мысль? Мысль, что вот — по тому же самому, по неимению-то огонька, светлой там уж харизмы или темной чары, но по неимению вот э т о г о с а м о г о и москвичка-то его не..!

Растянуло его в два разных, по-разному, но равно адски жгучих несчастья, словно его привязали — простите уж бывшего знатока Манасов и Джангаров — к двум скакущим в противоположные стороны кобылицам, при том что каждая из двух этих женщин, невзирая на промелькнувшее сравнение с Фру-Фру (к слову, согласны Вы, что-таки это караковое животное не только для его обладателя, но и для автора явно больше, чем просто лошадь? Вы, конечно, помните «энергическое и вместе нежное выражение» ее «фигуры и в особенности головы», ее «веселые глаза», ее «прелестные, любимые формы», от «зрелица» которых «с трудом оторвался» Вронский? согласитесь, текст дает неплохую возможность человеку специфически одаренному, вроде Бориса Парамонова, всласть порассуждать о своеобразии плохого отношения Толстого к женщинам в связи со слишком хорошим отношением к лошадям), — при том, что каждая из наших двух женщин имела не больше общего с кобылицей, чем Александр Блок с блоком НАТО, уж простите очередной дешевый каламбур. Я сам замечаю в себе склонность к навязчиво-однообразным каламбурам, и вглядываясь в глубь — или в глупь? — в глупью собственной души, вижу в ней стремление, противоположное стремлению моего любимца Джозефа-Ossip'a Э.: не «знакомить» незнакомые прежде слова, а как раз раззнакомить все прежде знакомое, до нуля, до полной посторонности, из интереса: как-то они там заново перезнакомятся — по-другому или все равно опять в ту же дуду?.. Все-все раззнакомить — слова, вещи и людей. Начиная с омонимов и кончая анонимами.

— Что за онани... простите, но всё дурное заразительно. И давайте же быстрее.

— Прошу. Даю быстрее. Так вот, растянуло по обе стороны Тихого, но Великого океана... Собственно, всё на сегодня. Пункт¹⁴⁸. Так всегда — говоришь-говоришь, без начала и конца, и вдруг понимаешь — все уже рассказано. Так и жизнь... Но неужели Вы не попадали в такое положение, что и героя моего понять отказываешься? совсем ничего подобного? даже на заре туманной юности?

— Да нет, что-то такое было... Но ведь это когда было-то. Кто в 20 лет и кому не изменял, а ему в ответ платили тем же, и кто теперь разберет, ты тогда первый начал — или защищался, или все-таки первый — но вынужден был нанести превентивный удар? Какие вообще могут быть изменения, когда дует ветер мая? Это всё не изменения, а перемены. Стоп! Объявляют мой самолет.

— Да-да... Это всё переносимо. В молодости всяк хочет жить, чтоб мыслить-и-страдать. До какого-то момента страдание переживается как Страдание: что-то лестно-высокое и, главное, контрастно обостряющее

¹⁴⁸ Punkt — точка.

радость жизни. Но у всего есть временной ценз. Когда тебе как следует после сорока... Вы замечали, в нашем возрасте, когда страдаешь, именно что не хочется мыслить. Вообще не больно живется, страдаючи. А жить-то надо, пока не умер, что подло, какому-то образу-представлению-в себе-о себе надо соответствовать! Хоть за что-то же себя уважать надо, верно?

— Думаете? Может, напомните тогда заодно, кто и когда вменил это в обязанность?.. Куда занесло кельнера?

— Бегите, я расплачусь, мелочевка... Вы правы. Но не с нулевым же итогом... Впрочем, и это туфта. А всё ж почему-то чему-то соответствовать надо. Для чего-то. Вредная привычка. А вот попробуйте в таком состоянии — и про Серебряный век, а?

— И пробовать не стану — не получится. Зачем козе баян... — я застегнул куртку и взялся за сумку.

— То-то же. А у меня пока еще получается!

— Ну, уж тогда и не знаю, сочувствую я Вашей доле или завидую силе Вашей воли. Извините, я без тени иронии, но мне совсем пора. Рад был... давненько не брал я в руки... а если и в Вашингтоне будете, скажите мои поклоны Биллу Клинтону и его прелестной супруге. Выражу поддержку их мужественной борьбе за нетрадиционный подход к укреплению позиций верности последнему оплоту натуральных семейных ценностей. Так и скажите — заявляет солидарность! и умоляет последний оплот и впредь крепить нетрадиционный подход — и больше не послаблять!

— Я Вас догоню, еще минуту не улетайте, — он, видимо, расплатился и через минуту нашел меня уже в очереди у паспортного контроля. — Постойте. У меня к Вам просьба. Вот письмо в Москву. Бога ради, выберите время и отдайте ей его лично, если она дома. Можете, конечно, опустить его и в ящик, только уже в Москве, а то я слышал, половина загранпочты пропадает где-то по пути, — но лучше лично, посмотрите на нее. Если надумаете, напишите мне, как она Вам показалась. Беспристрастно. Может быть, я ошибаюсь. Может, даже скорее всего, она Вам не покажется. Может быть, я тогда Вас послушаю и... Вот визитная карточка. Тут указан мой абонентский бокс. Телефон тоже, хотя он Вам, конечно, не пригодится. Возьмете письмо? прошу Христа ради.

— Ага. Волшебное слово. Например, Вы Христа ради просите геройна, а я Христа ради должен буду дать... Лучше вот что. Лучше — если Вы в самом деле готовы послушать меня — послушайте лучше прямо сейчас. Хотите, я Вас попробую привести в чувство? Потому что мне безо всяких дальнейших смотрин не нравится вся эта история.

— Что так?

— А так. Ни в Вашем отношении к жене, ни в Вашем отношении к москвичке я не вижу момента истины. Но в чем он, по-моему, всё равно есть, так это в том, чтобы в создавшейся ситуации по крайней мере не

предать... ей-богу, даже хваленный ваш опыт самопознания не стоит... того, что за 20 лет, пусть опираясь на изначальную ложь, было честно наработано... Для пользы дела, простите, по пьяному опять же делу попробую задействовать Ваши самые низменные... Как по-Вашему, — видя, что очередь подходит, я вытащил паспорт, — слушайте внимательно: как по-Вашему, пока Вы мне тут под банкой повествуете о своей романтической полузнакомке, уверены ли Вы, что Ваша жена в Вашем отсутствии с Вашим приятелем не...? Нет, я не о том, что раз — и в дамки, что уж мы тут, певицы, что ль, сумерек? но — уверены ли Вы, что, почувствовав в Вас пусты латентное, но — ведь я правильно понимаю, она умная женщина? — какое-то не столь бережное отношение к ней, какого она, безусловно, и хочет, и достойна, — она не может найти то, чего достойна, в... и если Ваше присутствие, как бы Вы себя ни вели, просто могло не дать ей этого как следует разглядеть, оттягивая на себя большую часть ее привычно верного внимания, то сейчас, пока Вы тут сидите, в любовной лихорадке порываясь вслед за письмечком в Москву, то — что же делает супруга, не одна в отсутствие супруга? Когда она на берегу вечернеющего океана имеет много свободного от Вас времени оглянуться окрест себя, взглянуть в лицо не заслоняя Вами и Вашими нестерпимыми безобразиями прекрасной, совсем не яростной жизни, согретой ровными лучами заходящего калифорнийского светила...

— Милостивый государь, Вы поэт... из Азефов. Искусствовед в штатском! Я Еам... я тебе сейчас лицо набью, поэт пархатый...

— Метко замечено. Хотя одна помянутая Вами сегодня дама уже утверждала что-то в этом роде, — и как назло, опять же стихотворно, — но Вам без цитаты не положено. Вообще-то я и говорил, что больше подхожу для мордобоя, чем любой из присутствующих здесь. Пожалуй что и заслуживаю его — правда, быть пограничники Вам не дадут. Но в данном случае старался не для своего удовольствия. Шоковая терапия. Между прочим, эффект налицо. Посмотрели бы на себя. Как это писал лет 35 тому один тогдашний поэт не из Азефов? «По лицу проносятся очи, как боксующий мотоцикл». Вот Вы бы сейчас прочувствовали как следует этот ожог, вывели бы его в полное сознание, но зафиксировали в чистой эмоции, сопрягли — да тогда и смогли бы... сделать как надо. Как Вам же лучше будет.

— Аминь. Беру свои слова обратно. Вы не негодяй. Вы добрый человек из Аугсбурга¹⁴⁹. Поэтому возьмете письмо.

— Что, неужели не берет даже... то, что я только что..? До того дошло?
— До-то-го.

¹⁴⁹ Фактографическая подкладка аллюзии на название пьесы с явно завышенной репутацией: ее автор (и пьесы, и в большей степени ее — и своей в целом — удивительной репутации) родился в Аугсбурге.

— Вот сейчас искренно говорите. Головушку хорошо повесили. Просто поникли ею. Молодцом. Без чувства незаконного удовлетворения. Ладушки. Давайте сюда, — я протянул паспорт пограничнику, а освободившуюся руку — ему.

— А это... Спьяну не забудете? Руки дойдут?

— Дошли бы ноги. Серьезно. У Вас своя история, у меня — своя. Моя серьезнее. Но если не доверяете мне, то и не надо. Пошли по почте.

— Почте я не доверяю еще больше.

— Тогда у Вас нет выбора. Давайте сюда... Счастливо! — крикнул я ему уже назад, уже из мира иного. — Постарайтесь всё же удержаться от мордобития. Через две минуты однозначно загребут в ментуру, вышлют по месту подданства, занесут в компьютер и будете невыездным в Европу и Штаты до конца своих дней.

— Может, я этого и хочу! — крикнул он мне вдогон.

— Тогда, — остановился я в последний раз, — бесспорно оптимальным будет заехать в рыло первому попавшемуся. Во всяком случае желаю Вам того же, что и себе: доподлинно узнать, чего Вы хотите на самом деле. Буду жив — дам о себе и о Вашей-не Вашей знать. Пока.

Аккомпанемент

— Приезжает, значит, ко мне теща с Херсона. Навеки поселиться. По происхождению из немецких колонистов, но языка совсем не помнит и учить не может. Способности нулевые плюс склероз, всю жизнь на сале. Сейчас разбираются, какую ей графу дать, но 4-ю не дадут — это 100%¹⁵⁰. А она, не дожидаясь паспорта, в первый день пошла в «Булворт», увидела там на выносной тумбе

¹⁵⁰ 4-я, 7-я и 8-я графы (параграфы) — одна из насущных и постоянно обсуждаемых тем в среде аусзидлеров: кому из них дадут (уже дали, не дали) вожделенную 4-ю графу (полнота «германства», насколько я мог понять), а кому — только 7-ю (всего-навсего «член семьи немца», если ты русский по паспорту или даже немец, но не сдал языковой экзамен), а то и вовсе 8-ю («член семьи члена семьи немца»). Всё это не только означает степень полноты прав или поражения в правах, но и — различные льготы или их отсутствие. Человек, натерпевшийся от многолетнего фундаментального присутствия в его жизни 5-го параграфа, долго удивляется тому, что другие, в отличие от него, хотят не отмены всех параграфов вообще, а получения 4-го или, по крайней мере, 7-го. Но потом привыкает и даже любопытствует, вполне бескорыстно. Казуистика немецкого закона, сгущенная иррациональность того, что призвано быть предельно рациональным, иногда головокружительна. Мне известны случаи, когда стопроцентный немец по происхождению получил всего лишь 8-ю графу (не сдал языковой экзамен и получил въезд в ФРГ только как муж жены, «являющейся дочерью немца» — 7-я графа), полукровка — 4-ю, а русская жена человека с 7-й графой, имеющая, стало быть, право только на 8-ю — почему-то тоже 7-ю, как и он. Каждый такой непостижимый для «внешних» precedent, однако, строго и детально мотивирован; посвященному ясно, что решение в данном случае могло быть только одно.

босоножки — и сперла. Представляешь, на тумбе, редуцир¹⁵¹, 30 марок за пару, которой цена все 90, даром, возьми купи — а она не выдержала: пропадает же добро прямо на улице... А ее в полицай, а она по-немецки — цацки-пецки! Вызывают меня. Стыдо-баа... Вроде как-то замяли, мол, думала, это выброшенное. Вроде все-таки не вышлют по первому разу... Нет, но ты представляешь — немецкий она еще не выучила, а босоножки уже сперла!

— Я раньше думал: иностранец с похмелья страдает — таблетку принял, пропривился. На душе иностранцу плохо, таблетку принял — захорошело. Помирает иностранец, таблетку принял — уже умер, а еще живет. А теперь я сам иностранец, таблеток — на все случаи жизни, а не хорошеет. Иностранцем надо родиться. И думаю: до чего же ему, собаке, и тут повезло...

(У синагоги):

— Вот что интересно: как только на кунте¹⁵² денег нет, особенно если они почему-то задержаны, резко обостряется тоска по родине. Приходят деньги — тоска, конечно, остается, но в терпимых пределах... Вообще, знаете, когда мне бешайд давали на квартал и деньги аккуратно приходили каждого первого числа, я шел себе в «Норму», а то и в «Плюс», набирал того-сего и думал: «Чего тут устраивать баррикады, чего кровь портить завистью, когда и так на жизнь хватает? Ведь я же дома никогда так не ел, и в Вену меня от юдишгемайнды¹⁵³ по дешевке на автобусе не возили!» А теперь, когда меня отслеживают и дают бешайд только на месяц, все, собаки, ждут, что я вот с этого первого числа с их шеи сползу на шею арбайтсгебера — размечтались! — уж и не надеются, а все ждут, и почему-то теперь и деньги стали с задержкой приходить аж на неделю, так что совок в страшном сне снится, — я, знаете, в эту безденежную неделю, когда иду мимо, где они на улице едят и денег не считают, берут ребенку цветочную вазу мороженого на 7 марок и себе бокал пива за 5, которое в магазине стоит те же поллитра марку! иду мимо, а у самого на все про все 3 неполных марки мелочью, — и вот тут я отлично понимаю незабываемые строки: «Рабочий тащит пулемет, сейчас он, суки, вступит в бой!» Долой, думаю, господ, понимаете? Помещиков — долой! Я больше скажу: в голову приходят слова бессмертной «Варшавянки». Помните:

Мрет в наши дни с голодухи рабочий.
Долго ли, братья, мы станем молчать?
Наших сподвижников юные очи
Может ли вид эшафота пугать?.. —

А? Сила! Мощь, а?

— Да, что-то есть. Я только не понял, кто кого пугает? Левит — Эшафота или все-таки Эшафот — левита?

¹⁵¹ «Редуцир», «купить по редуциру» — жаргон русскоязычной диаспоры. От нем. *reduziert* — (цена) снижена.

¹⁵² Все русские склоняют несклоняемое *Konto* — личный счет, обязательный в западных странах для всех; деньги из собеса не выдаются на руки, а приходят на *Konto*.

¹⁵³ *Judische Gemeinde* — еврейская община.

— Ну что, едете завтра на экскурсию по Мюнхену?
— Не получается. Завтра же 9 мая.
— И что?
— Как что. Это же День победы.
— И что же?
— Ну, так землячество обратилось в региуринг фон Швабен с просьбой
отвести нам на завтрашний вечер помещение для празднования Дня победы
над нацистской Германией.
— Смеетесь?
— Почему смеюсь (обиженно)? Не вижу, что здесь смешного.
— Да? воля ваша... И как они?
— Разумеется, дают помещение.

ННР

Реклама кондомов на трамвайной остановке. Сверху надпись: «Для влюблённых». Под ней — изображение очков, где вместо стекол — кружки розовых презервативов.

Нет слов.

14. Drang nach Osten¹⁵⁴

Человеку свойственно планировать. Даже такой человек-под-вопросом, как я, что-то планирует. И какие-то вещи он (я), если он не последняя скотина, планировать и должен. Количество детей, например, если его фамилия не Роллинг-Стоун. Пусть только скажут, что я не благочестив! я найду, найду, что сказать в ответ — от лица человека, который именно что бы я благочестив, который, зная себя, зная, что он, как ни бейся, козлиного молочка принесет своим деткам вместо средств к существованию-образованию, все равно остался безрассудно, безответственно благочестив — и тем-то сам себя загнал в угол — и хорошо бы одного себя...

А... а если бы их было трое? А-а...

Глупо поступает человек только тогда, когда начинает планировать свою внутреннюю, душевную деятельность. Например, думает: «За свои деньги я получу множество разнообразных наслаждений. Сначала я с удовольствием выпью и закушу в ресторане в аэропорту. Потом прямо перед посадкой наслажусь дешевизной цен на спиртное в «Дьюти-Фри» — выберу пару литровых пузырей чего-нибудь шведско-голландского для друзей-приятелей. Потом я всласть прочувствую разницу между самолетами Аэрофлота и первым в жизни самолетом «Люфтханза», гарантированной безопасностью полета, комфортом, сервисом,

¹⁵⁴ Натиск (стремление) на восток.

выбором вин — там, поди, чего такого только не дадут! Затем, по прибытии в Шереметьево, я не стану ни напрягать знакомых, чтобы кто-то меня встретил, ни тащиться с вещами к автобусу до Речного вокзала, а как человек сяду в такси и откинусь...», — и т.д.

То есть человек понимает мир душевных событий как простую временную рядоположенность воздействий (в данном случае приятных) на душу, рядоположенность, осуществляемую посредством денежных вложений. Сколько добрая жизнь ни учит его уму-разуму, до него, долдона чалдонского, чудилы мудиловатого, никак не дойдет: во-первых, его душа — не от него, она только вверена ему, проживает в нем, но проживает своей автономной, не до конца подотчетной ему жизнью — и так задешево, деньгами, по плану не управляется; во-вторых, каждая минута внутри нас никогда не бывает просто следующей. Всё следующее следует только из предыдущего и с изменением предыдущего превращается в неведомое-следующее.

Нужно очень серьезно подумать перед началом любого мало-мальски активного взаимодействия с собственной душой, пока еще в твоей власти запустить механизмы, дальнейшее действие которых ты уже не сможешь просчитать. Любое начальное воздействие на душу не просто вызывает в ней приятные или неприятные ощущения, но прежде всего изменяет ее саму, создает, пусть на время, д р у г у ю д у ш у .

Это в корне меняет ситуацию, в ходе которой события души теперь уже не пойдут через запятую, а будет, например, так, что именно включение кнопки событие «1», якобы подразумевающее начало дальнейшей цепи душевных событий, следовательно, и события 2, — оно-то, событие 1, как раз наоборот, отменит — а вовсе не спродуцирует — самую возможность события 2; что же до события 3, то оно может спокойно совершиться, не глядя на исчезновение события 2, а может тоже накрыться за милую душу, а с ним и события 4, 5 — 11, а вот с 12-го все пойдет чин чинарем...

Например, я так полноценно выпил в аэропорту (событие 1), что о «Дьюти-Фри» (событие 2) просто забыл, да и некогда было — профессор меня порядком задержал, пришлось бегом бежать на посадку; удовольствие же от всего, что я думал получить от «Люфтханзы» (событие 3) за разницу между ее ценой и аэрофлотовской, пошло наスマрку. В пьяном тумане я не мог — да не в состоянии был и пытаться — почувствовать разницу. Те же тесные кресла по трое в ряд, что и в родном «Ту» (я всё же имел совесть и взял билеты в экономический класс, но ведь лететь бизнес-классом и в «Ту» было просторно), те же объявления, только на чистом немецком языке, большая вышколенность стюардесс, спяну кажущаяся искусственной. Спяну всё кажется искусственным, а особенно то, что таким и является — и спяну все искусственное противно, при этом противно форсированно, то есть искусственно же; противно,

как стрезва оно было противно разве что таким искусственно естественным людям, как Лев Толстой. Для наслаждения чувством повышенной безопасности я должен был выпить на порядок меньше, в теперешнем же состоянии мне достаточно безопасным показалась бы и аварийная посадка на брюхо при невыпускающих шасси.

Далее — выбор напитков. Ставлю месячное социальное пособие на семью из 4-х человек против пары ношеных носок, сданных милосердным немцем в благотворительную организацию «Каритас» (где паупер с бешайдом, удостоверяющим легитимность его нищеты, имеет право раз в месяц бесплатно набрать нужного барахла, часто первоклассного происхождения и в прекрасном состоянии, в потребном количестве): любой знаток вин, если он выпьет сначала виски, потом коньяку, потом рому, а потом уже много водки, не отличит не то что рейнэссенского рейнвейна от рейнвейна района Рейнгау или Рейнпфальц, но сегодняшней фальсифицированной «Хванчкары» от «Хванчкары», шедшей некогда на стол лично товарищу Сталину.

Наконец, люфтханзовская еда. Честно сказать, ее я вообще не запомнил. Не запомнил даже, ел я в самолете или не ел. Вообще я из каких пьющих? Я, значит, сразу, как выпью, человек человеком, то есть хочу закусить; а вот потом, когда закушу, а затем еще много выпью, на еду глядеть не хочу, а только бы мне на подвиги — а нет возможности подвига, так заснуть. Подвиги мне еще предстояли, в самолете же из подвигов возможен только один — угон самолета. Если бы я послушался профессора и мы взяли бы еще бутылку, сейчас можно было бы подумать и об этом; но если бы я послушался профессора, я бы точно не попал на свой самолет, так что вопрос об этом в любом случае отпадал. Кроме того, если бы, например, Мухтар захотел доказать мне, что когда жизнь заставит, то мне и геройство такого замаха будет по плечу, ему следовало бы для начала меня вооружить. Невооруженный человек просто не имеет технической возможности, а значит и морального права угонять самолеты, сказал бы любой честный немец. Поэтому я погрузился в сон.

Через какую-то дурную временную бесконечность, где-то уже над Варшавой вдруг проснулся от крайне неприятного ощущения: полного прозреления. То есть прозреления, полного остаточным пьянством. Что такое? что мешает мне спать? а вот что: чувство невыполненного долга. Ведь я постановил себе еще дома, еще до аэропорта: в полете продумать план действий. Если я с самого начала не буду придерживаться намеченного, я не имею права пить. Во-первых, потому что морально не отработал полученных денег, во-вторых, тогда мне не сносить головы. Мне ее и так-то не сносить, а так и тем более.

Хорошо, у профессора с собой было: кроме письма он дал мне несколько колес «Алказельцера». Поделил пачку по-братьски. Битте

минеральвассер. Нох айнмаль, вэн‘с гейт¹⁵⁵. Филен данк¹⁵⁶. Зашипело. От двух полегчает. Терпи, скоро.

Займемся. Что у нас есть в активе? Что ты вообще знаешь об этом деле? Кого в принципе можешь подозревать — за незнанием всех остальных, которых можно заподозрить? Это даже хорошо, что ты всех не знаешь — у тебя глаза-то бы с разбега да на лоб и полезли! Кто может дать тебе стартовую информацию... хотя бы больше той, что имеешь сейчас... если захочет дать. Или если ты п о м о ж е ш ь ему захотеть. Так какие у тебя концы?

Их всего... их всего три. Или — еще кто-то? Концентрир зих! Сосчитай по новой... Всё равно только три.

Первая Галя. Она должна что-то знать о своем муже, помнить о его последних встречах. Может быть, даже о с а м о й по с л е д н е й встрече. Когда, с кем. Она может знать. Может не знать. Могла сойтись с тех пор с денежным человеком и переехать с первого этажа Черемушкинской хрущобы куда-то получше. Могла сама сменить адрес, если Акоп ей что-то оставил. Наконец, ее могли убрать, не обязательно вообще, но из Москвы. Но вполне возможно, она живет где жила. Россия не Сицилия, мужа грохнут, до жены руки не дойдут.

Во-вторых, двое из ларца. Владики. Эти, по крайней мере, знают точно, завалили они Акопа, как предположил Мухтар, или отпустили его живым и с тех пор не видели, как младший Владик доложил мне в наш последний разговор. Если все-таки нет, это уже хорошо. Для моей внутренней уверенности. Для очистки совести. А для Мухтара? Их алиби, и не только для него, но и для меня? С какой стати я должен им верить? Но все же если не соврали и сейчас это докажут, это — уже. А чем я могу их принудить расколоться? Хотя бы одного из них? Напугать их? Я? Хе-хе, как говорят профессор с этим... которого все западные хотят знать в оригинале. Да, большой был оригинал. Кабы они его узнали бы на самом деле — вздрогнули бы. Сами не знают, чего хотят. Вернемся. Если мне их не испугать — тогда что у меня есть такого, чего у них нет и им было бы нужно? Одна Германия. Хе-хе. А почему, собственно? Ахтунг! Владик младший любит своего больного папу... Штоп. Возьмем на карандаш.

Третье. Алексей Анатольевич. Из разговора с ним в свое последнее посещение Акоповой фабрики я выяснил, что он вложил в дело 9000 долларов и еще рублями 6 миллионов (всего, стало быть, 11 000 баксов

¹⁵⁵ Noch einmal, wenn's geht — еще, если можно. Формально фраза составлена как бы правильно, но, судя по реакции моего сына, звучит смешно — по его словам, настоящий немец никогда так не скажет, а скажет: «Könnte ich bitte noch ein bischen Mineralwasser haben?» (букв. «Могу ли я, пожалуйста, еще немногого минеральной воды иметь?»).

¹⁵⁶ Vielen Dank — большое спасибо.

по тогдашнему курсу), что Галя считалась с ним особенно — как с самым крупным вкладчиком (ее слова в его передаче; я, судя по всему, был вторым, а третьей — одна пятидесятилетняя бухгалтерша из бывшего почтового ящика, а ныне какого-то ТОО на Варшавке) — и пасла его еще предупредительнее, чем меня, до того, что всегда звонила накануне: Завтра приезжайте за деньгами, пожалуйста!»

Он поделился со мной вынашиваемым планом — создать инициативную группу из серьезных вкладчиков (под его, разумеется, руководством), нажав на Акопа угрозой суда и яростью масс, взяв на себя его долги и сохранив его формально директором, но поставив под контроль вновь организованного АО (главой которого был бы по всей справедливости он, Алексей Анатольевич), заставить его первое время работать только на то, чтобы рассчитаться с должниками — сколько понадобится, а затем уже совсем выпихнуть Джагубяна и раскрутить обороты, какие Акопу и не снились...

Он уговаривал меня войти в инициативную группу и акционерное общество, но для этого надо было, как он, верить в перспективность чуально-носочного предприятия — и он верил, он сам был производственник, и по его компетентным прикидкам, у дела этого были неплохие шансы, собственно, потому он и не побоялся вложить такую крупную сумму; я видел — он человек знающий, но к этому времени, опупев от всех на свете знающих людей, я доверял только своему чутью, а оно говорило: Акоп — профессиональный Колобок, и сколько его ни паси, ни вкладывай в него, ни урабатывай его кнутом и пряником, не бери на страх и совесть — он и от дедушки уйдет, и от бабушки уйдет — и денежки возьмет, и станки с собой прихватит, и всех оставит с носом, пока не наткнется на свою лису — и вот ею-то одной и неплохо бы ненароком, но предусмотрительно оказаться; в общем, как только я услышал, что первым делом надо будет собрать деньги на закупку пряжи, чтобы запустить остановившееся производство, затем, тоже не без денежных вложений, разобраться с Акоповыми соучредителями (интересно, почему он решил, что такие борзые, как худоглазый Олег Георгиевич, позволят ему с собой разобраться? или еще: какие деньги он намеревался собрать, в том числе с меня, чтобы дать им отступного?), я понял: начинается новый марафон, от 1001-го дня армянской сказки про вот-вот-завтрашнюю-克莱нусь-мамой обналичку черного нала отпочковывается уже родная русская сказка про белого бычка, где вообще не ведут счета дням и ночам, — и сразу от всей души пожелал Алексею Анатольевичу удачи, дав, конечно (а вдруг получится? вдруг у него легкая рука?) свое согласие на включение в игру... не сейчас (сейчас просто нет свободных денег, знаете ли, все в жестком обороте), но на дальнейших, реально продвинутых этапах — обязательно.

Он мог долго стараться. Но в конце концов должен был разувериться. Я на 99% точно знал, что со дня последней выдачи, того мешка денег,

Акоп никому не отдал ни копейки. По крайней мере, до моего отъезда. Если после моего отъезда положение не изменилось, Анатолий Александрович должен был окончательно разувериться. И, насколько я его понимал, он был не из тех, кто мирится с такой потерей. Тогда... тогда он должен был пойти тем же путем, что и я. Путем всех людей доброй воли, вынужденных недоброй волей обстоятельств прибегнуть к услугам людей, более соответствующих обстоятельствам. Разумеется, он в жизни не собрался бы убивать Акопа — хотя бы потому, что это сводило шансы вернуть деньги к нулю. Но то же самое сказал в свою защиту и я. Я сказал Мухтару, что должников не убивают, убивают кредиторов, а должников берегут, как зеницу ока. А что мне на это ответил Мухтар? Что выбыванием долгов занимаются либо люди несерьезные — и тогда все в любом случае остаются живы и не возникает вопросов, подобных данному — либо занимаются этим люди серьезные, добросовестные, которым из любви к делу случается перестараться — и это увлечение делом приводит к случайным, никому не нужным трупам.

Если это его люди, а не мои? Или не его, но он знает — чьи? Может он знать? Может. А должен он тебе сказать? Должен он тебе дырку от бублика. Тогда чем ты его — пугнешь? купиши? думай! Ладно, начнем с Гали, а там будем думать дальше, по мере продвижения.

С чувством некоторой проделанной работы, косметической очистки совести я позволил себе снова выпасть в сон. Когда я проснулся, время было пристегивать ремни. Я бросил еще «Алказельцера» в оставшиеся полстакана минеральной и освободился если не от остатков похмелья, то от следов погрома во рту. И стал смотреть в окно. Еще несколько минут я мог смотреть на землю своей родины сверху вниз.

Когда стопы мои сровнялись с землей моей родины, в голове прояснило окончательно. Я был больше не в 3000 верст от зоны далеких и потому всегда завтраших действий; нехотя, но неизбежно оказался я уже внутри этой зоны, в круге реальной и неминуемой опасности. Каждая точка моего естества ощущала: хорошая доза адреналина — трезвительнее всех народных и фармакологических похмеляющих средств.

На прощанье, пожимая мне руку и вкладывая в нее пачку наличных и свой московский телефон, по которому я должен был временно от времени отчитываться о предпринятых действиях и полученных результатах, Мухтар сказал: «И запомните. Сколько бы вы ни отпирались, что в такого рода криминально-цеховых делах сам черт ногу сломит, но я уверен, я знаю: это дело — в основе своей просто, как говорил патер Браун о «Гамлете». Всё оно — вокруг простой фигуры человека в черном. У Вас всё получится. Бог в помощь». Все как рехнулись с этим Шекспиром. Которого не бывало никогда, даже если он когда-нибудь и был. Кому быть — тому не бывать.

Было Шереметьево-2.

Прямо между будок пограничного контроля, внутри которых сидели строгие люди в форме, давая понять, сколь это серьезно и ответственно — быть пропущенным внутрь, по ту сторону государственной границы России, — прямо над головами людей, выстроившихся в несколько очередей, чтобы попасть в то тяжелое и сомнительное, то чумазое и прекрасное, что было их домом или станет временным пристанищем, протянуты были рекламные плакаты. «Шторы, жалюзи, — читал я. — Компания «Блиц». Телефон такой-то.

И представил себе: дождь, гром, молния¹⁵⁷ — а ты стоишь и смотришь в окно, вглядываясь в освещаемую молниями темноту из-за опущенных жалюзи. Прекрасно. Хочется иметь жалюзи. Хорошее название. И место для рекламы отличное — любой деловой, возвращаясь из Франкфурта или Нью-Йорка, неизбежно прочтет, со скуки перечтет и запомнит. Недешево же, должно быть, стоит купить место на границе.

Унглюк, мой друг, унглюк¹⁵⁸ ...

Аккомпанемент

— Сколько туда ехать на трамвае от Кёнигсплац? Приблизительно 9 с половиной минут?

— Именно них.

— Слушайте, Вы теряете русского языка!

— Да. Почти-уже-не-имею-его¹⁵⁹.

— У нас осталось 10 марок. На день хватит, если мы не будем торт.

— Сама решай. Ты же знаешь, не люблю я эти торта. Поэтому их никогда не бываю.

— Папы не пришло.

15. Конец — завязки?

Прямо на меня при въезде в Москву выскочили рекламный рабочий и колхозница еще большей величины, чем их натуральные 28 метров. В руках они, в отличие от себя же стальных нержавеющих, держали не серп-молот, но гигантскую пачку сигарет. «Золотая «Ява», — написано было на ней. Подводя подо всем этим черту, как подпись под протоколом, стояло грозное: «Ответный удар». В ответ — на что? По ком звонил

¹⁵⁷ Blitz — молния.

¹⁵⁸ Unglück — несчастье.

¹⁵⁹ Ср. у М. Безродного: «Старшая дочь-эмигрантка в ответ на упреки: «Почему это я не чувствую русского языка? Я русского языка очень даже чувствую!» (М. Безродный. Конец цитаты. СПб., 1996. С. 30).»

колокол? Не спрашивай, а то еще окажется — по тебе. Даром что ты бросил курить.

Я давно не был здесь. Город был неокеано огромен. От него рябило в глазах. Он производил сильное, резкое впечатление. Он не мог быть моим домом. Он не мог быть ничьим домом. Он был домом 10 миллионов людей. Остатки похмелья вновь погрузили меня в полу забытье — в сладкую послепохмельную дремоту перед полным вытрезвлением.

Пропустив весь Ленинградский проспект, эстакаду у Рижского, Сущевский вал, весь долгий путь — я очнулся в начале Щелковского шоссе.

За тещин стол я сел уже совсем трезвый, готовый наново пропустить пару рюмок. Покуда я не приступил к поискам и не вызвал огонь на себя, я имел моральное право жить у нее — и заказать по случаю свидания винегрет, рассольник и блины. Чего-то я ей там наврал с три короба, зачем прилетел, а она и поверила; теща славная, простая. Да вот беда, и после второй блины, даже смазанные маслом, застrevали в горле: скоро уже пора и банинки — а там наступало неизбежное завтра.

Пока сидишь в Германии, русское телевидение, в противовес немецкому, где даже эротические программы¹⁶⁰ со свирепыми женщинами в черной коже с орудиями пыток («Ты идешь к мужчине? Не забудь с собой плетку!») и студенистыми, белесыми мясами всех возрастов (иногда показывают в деле чуть ли не 70-летних проституток, да еще и, как на грех, — хорошо сказал? — не просто очень старых, но очень старых и очень жирных), стимулируемых естественным способом или при помощи разнообразных приспособлений, даже такие программы очень пресны однообразием эксплуатации скотской стороны человека, — русское телевидение в противовес немецкому вспоминается как очень разнообразное, изобретательное даже по чести дешевки (именно по ее-то части особенно) и забавно-прикольное.

Не быв в России год, потеряв вкус к этим приколам, не понимая уже толком самих их тем, со свежа включив телевизор, никак не можешь, как принято нынче выражаться, въехать: куда что подевалось? что за дешевка? и что смешного-то? Совершенно дворовая команда. И где вот они выискали этих новых ведущих взамен старых — и зачем? Тем, по крайней мере, объясняли, что по-русски, как и на любом языке, надо хотя бы стараться говорить с правильным произношением. И учили, как это делается.

Ткнув пальцем первую попавшуюся кнопку, я вышел на передачу «Империя страсти», где пара молодых людей обоего пола должна была

¹⁶⁰ Например, популярнейшие talk-show «Liebe Sünde» (Любовный грех) — канал 7 «ProSieben») в «Peep!» («подглядывать», «глазок» — канал RTL 2), с характерным немецким юмором, неуслыхимо переходящим в академический сюръез, и с видеорядом, способным вогнать в краску автора «Луки Мудищева».

сначала письменно дать свое согласие при всех раздеться до трусов, а потом так именно и поступить. Смотреть на них было неудобно не менее, чем им это проделывать, но я смотрел. Нужно было хотя бы чем-то отвлечь себя от предстоящего, хотя бы насыщением своего гадкого любопытства. Я ждал-ждал: а дальше что? когда запахнет страстью? да не тут-то было — раздетые молодые люди начали по команде одеваться. Это что же, все? И только-то? Они-то за свои жалкие раздевашки что-то получат, какой-то вшивый приз, может, их даже заметят, голышом, — ведь голый среди одетых очень заметен, — а там пойдет раскрутка; у них свой резон от студийного холода покрываться гусиной кожей; но меня-то, меня чего ради надувать, мания страстью, и не просто страстью, а имперским ее размером? В Америке таких кидал, как автор проекта и ведущий Фоменко, если верить Гекльберри Финну, таскали по городу напоказ, привязанных к шестам и вывалаенных в смоле и перьях.

Неврастенически щелкая кнопками, я переключился на московский канал, передачу «Дежурная часть» — и застыл, оглушенный.

«Последнее сообщение. Час назад у подъезда собственного дома в Крылатском двумя выстрелами в голову и шею убит некто Мухтар Чингизбаев, 1951 года рождения, уроженец города Баку. Орудие преступления на месте не найдено. Мотивы преступления выясняются; что до личности убитого, утверждают, что Чингизбаев, занимавший достаточно скромную должность коммерческого директора торговой фирмы «Агартха», входил в элиту московского криминалиста. При убитом найден заграничный паспорт, из отметок в котором следует, что две недели назад Чингизбаев вылетел из Москвы во Франкфурт и вернулся в Москву только вчера». Труп, как это обычно бывает в таких случаях, из деликатности показали в сторонке, накрытый простыней; зато показали паспортную фотографию покойного. Он был похож на себя, каким я видел его два дня назад.

При всей любви к русской кухне не нахожу я вкуса в кислом русском ржаном хлебе, предпочитая ему европейский пресный, и белый, и черный, даже к селедке под водку. Хлеб должен оттенять вкус блюда, а не забивать его. Но сейчас я пережил момент прозрения: вкуснее той русской чернушки, что была сейчас во рту и в кадре, нет ничего. Выдающаяся, убийственная сила вкуса и духовитости. А рассольник, а винегрет? А холодная горькая водка? Что может быть вкуснее? А родниковый родной язык и уморительный юморок выдающегося русского ведущего Коли Фоменко!

Двадцать лет уже я не испытывал с такою детской незащищенностью великого обаяния жизни. Двадцать лет не чувствовал, до чего жизнь — хороша. И во все эти двадцать лет она оставалась хороша, как во дни моей молодости, а я потерял чувство жизни — и тем потерял целых

двадцать лет. Но двадцать лет можно прожить и за один день, и за один час, и за один миг можно вернуть себе все потерянное — если... если, как сейчас, огромный камень свалится с твоей души, и она круто взмоет воздушным шаром, освобожденным от всего балласта сразу — и, как в молодости... Меня не убьют — ни завтра, ни через неделю, мне не надо заниматься невозможным делом, непосильным ни моему малому хитроумию, ни моей слабой воле к победе, ни нулевой квалификации сыщика. Жив, здоров и невредим летчик Вася Бородин!

Чего нельзя сказать о Мухтаре. Еще позавчера я видел его живого, говорил с ним живым — и не мог представить его по-настоящему мертвым; да, он не успел ничего сделать, чтобы я внутренно породнился с ним и страдал от мысли о его смерти — и всё же я слегка породнился и теперь испытывал небольшую печаль оттого, что интеллигентского полку моей памяти, сильно поредевшего в переделках последнего десятилетия, убыло еще на одного; зато он успел сделать многое, чтобы я испытал от внезапного извещения о том, что он больше не появится в моей жизни, отныне и навсегда, — нечаянную радость. Радость, которую оттеняющее ее легкое сиротство делало еще острее.

Сиротство? не так; что-то другое. Он был не просто одним из нас, немногих: в том единственном очном, долгом нашем разговоре я временем пугал его с собой — на какую-то часть он был мною, а я им. И на эту часть, убив его, убили меня. Но на ту часть его «я», что не имела со мной ничего общего, он был другим: врагом. И лишив меня другого, меня будто родили заново. Или я сам родился — усилием воли? Ну-ну. Не бери на себя так много. Не ты же его убил. Но ты хотел этого. А волевая мысль материальна, сказал тот, в аэропорту. Тот — тому, кто с ним сидел: мне? Хотел ты ему смерти? Говори правду. Нет, не хотел. Но чего-то же ты хотел? Да. Но не смерти. А только чтоб его не стало. Чтобы его просто не было. И вот его не стало. Как будто и не было.

Жутко молвить, гадко сказать, но — какой могучий жизненный импульс, какое крылатое чувство жизни в одном человеке может вызвать устранение с его пути другого человека! Устранение, насилиственная смерть, убийство — неважно! неважно? неважно. Пуля, пробивающая нежный мозг, уродующая и без того малопривлекательное на вид существо, сложнее и тоньше которого, однако, ничего не придумано в мире, потому что оно-то все остальное и придумывает, — пуля, безобразно взламывающая венец создания — мозг, тренированный годами упражнения, оплодотворенный годами учения и раздумий, вчера еще наслаждавшийся остроумными комбинациями созидательной бизнесовой мысли, а сейчас умирающий в нестерпимых, непредставимых муках, в адской вечности смертного мгновения, — тем самым пробуждает в чьем-то пока живом мозгу и сердце ни с чем не сравнимые легкость и

ликование. Да так и быть должно, — хотя так ни в коем случае не должно быть, — потому что, когда бы не так, не убивали бы. Убивать — не пиво пить с ребятами. А ведь убивают.

Да, теперь мне уже не открыть свой ресторанчик, а это жаль. Зато для того, чтобы его открыть, мне уже не придется лезть в то не знаю что, идти туда не знаю куда, связываться с теми не знаю с кем (но знаю, как оно с о р т а) — и постоянно рисковать головой; а это очень хорошо.

Это прекрасно; но — с чем я остаюсь? Что мы имеем-то — на выходе всей этой истории из-вчера в-завтра?

За вычетом знакомства с Мухтаром (мир ему), с профессором (редким долларово-океаническим удачником по нынешнему времени, с точки зрения его коллег, оставшихся в рублевой зоне с видом на Волту, — и бедолагой-невзначай, чуть ли не страстотерпцем, в его собственном представлении), да еще некоторой пачки зеленых, оставшейся теперь честно-неподотчетной в моем кармане (вот это уже кое-что, но и только: разве это деньги для хронической жизни на Западе? это деньги — на раз со вкусом оттянуться в пространстве своей души, в Москва-Париже), — ничего нового. По возвращении в Дойчланд — тот же тупик. Отсутствие перспектив. Семья на безруких руках да головная боль за нее в дурной башке. Своя игра. Счет в ней по-прежнему открыт; и этот счет по-прежнему 0—0. Всё по нулям.

Ничего нового. Я хотел, чтобы что-то произошло — и наконец судьба поманила меня. Поманила — да и бросила. Да, слава Богу, она меня бросила на полпути — и всё же она меня бросила. Всё происходило, всё, наконец, н а ч а л о происходит — и ничего не произошло.

Но что-то случилось. Где-то м е ж д у . Сколько часов, сколько минут, сколько мигов — и во все их самые дальние их уголки, в полный размер своего сердца — как же я боялся — и с каким нетерпением ожидал — и как переводил теперь дух!

Переводил дух от приключений духа. Где-то между. Мной и Мухтаром, хотевшим познать другого за свой счет. Между мной и профессором, напоровшимся на дело самопознания за счет ближнего — и вознамерившимся оправдать блудный путь познания тяжестью блуда. Заведомо дохлый номер. Имеет вполне бледный вид. И я довел до сведения литературоведа, что ни история его, ни сам он в ней — мне не показались. Ни оправданными, ни даже и в греховности своей — по силе греха ли, несчастья — сколько-нибудь к р у п н о , существенно значительными. Имел наглость сказать. Открыто. Весомо. Как человек... А между тем сам... своих-то для того же... сам-то я разве уже второй год — или сорок седьмой? — не тем же ли?.. Духовная практика. Ха. Последняя тетя Лея из Казатина честнее меня, живя за немецкий счет, но не мня о себе, по крайней мере, что она в Германии не в (само)изгнании, а в (само)послании. За чужой счет.

Да, где-то между. Между нами, русскими умниками. И между нами, русскими умниками, и остальными людьми, людьми недоброй и доброй воли всех времен и народов; между всеми нами, окутывая нас, вяжа воедино, входя в наши легкие и изменяя наш состав, витает выдыхаемый нами же воздух первородного греха: измены. Дело измены; совесть тирана; чернота осенней ночки. Как нараспев глаголил так давно, целых полдня тому профессор-ямболов? Предательство, обман, измена... Предательство, обман, измена: Изведаннее рубежей — Нет; мечет т(Т)алю Мельпомена, И с(С)пасу нет от гаражей¹⁶¹. Ночь, улица, фонарь, шпаркасса¹⁶². Вдали — промер или прогал. Но нету спасу, нету Спаса... Здесь поят mass'ом¹⁶³ или квасом?.. Как говорил Торквато Тассо На Пляс Пигаль: «Мне всё эгалъ: Я пригвожден к трактирной стойке. Но если по дороге куст....». Кто может — Зойку ложит в койку. Кто должен — плОтит неустойку. И нежен — только денег хруст...

Ничего не произошло, но всё свершилось. Я поглядел окрест себя, но не в себя. Я наконец поглядел себе в лицо. Я — увидел. На дворе стояла предрождественская католическая неделя, сквозь которую им уже светила звезда на востоке, а душа моя погрузилась в ночь, черную, как дело измены. Чтобы пройти сквозь нее, наконец, прикоснуться к тому, что на самом деле.

За два дня жизнь замкнула круг двух лет.

Я остался цел — и делать буду не то, что от меня, а то, что мне — угодно; как 20 лет назад... Только теперь я еще — при деньгах; и в трате их н е к о м у отчитываться! мамочка моя, в стране своего единственного настоящего языка, в своем городе, где живут свои люди — и при деньгах! и целая декада такой жизни — впереди... Свобода! Я пишу твое имя, свобода, как сказал поэт, сюрреалист, коммунист. Француз, женившийся на русской женщине, ушедшей от него к испанцу, сюрреалисту, антикоммунисту. Всё случилось, не произойдя; романтическому сюжету моей жизни, едва начавшись, суждено было завершиться. О ста в им п о к а , говорил один из его персонажей, — пока не оставил этот мир. Последуем и мы его примеру (только осторожно) — и оставим пока. Будем надеяться, продолжения не последует. Мне, во всяком случае, оно представлялось излишним.

Чудеса случаются — расстрельное дело развязалось само собой; значит — с этим делом я завязал. Если не считать поручения, данного бедолагой профессором. По всей видимости, раз я остаюсь

¹⁶¹ «Церковь Спаса на Гаражах» — прозвание, данное в знакомом мне круге московского люда новодельному храму Христа Спасителя.

¹⁶² Sparkasse — отделение немецкого сбербанка на любом углу.

¹⁶³ Mass (Ma) — (иногда, как в артистическом кафе Мюнхена, — «Russische (русский) Ma») — большая литровая кружка пива.

живым, предстоит-таки завязать знакомство с его пассией. Но завязал с одним — завяжу и с другой. Знакомство, неизвестно, приятное или нет (скорее второе), но, надеюсь, разовое. Длящееся ровно столько, чтобы я честно мог составить о ней первое (и последнее) впечатление — и доложить ему.

Но там разовое, двухразовое — при любом раскладе это уже другая история. *Эта* — кончилась.

Будет завтра. И будут десять дней. *Incipit vita nova*¹⁶⁴. А по возвращении — опять двадцать пять? Исхода — нет? Поживем — увидим. И если и впрямь у в и д и м — поживем. Из жизни всегда есть исход — и только в жизнь. Как это? Я еще не понял; но я уже начал понимать.

Я посмотрел на тещу, она на меня; не могу сказать, чтобы я раньше плохо к ней относился... а приятно все-таки любить человека — совершенно бескорыстно; приятно смотреть на человека, которого внезапно любишь — и видеть, что он чувствует это и в ответ дарит тебя тем же.

Аккомпанемент

На прогулке с детьми по Северному кладбищу, ставшей в нашей семье одно время традиционной, почти ежевечерней. Старший, глядя на красивую надгробную плиту с датами жизни и смерти:

— Смотри, он умер ровно неделю назад.
— Да. Ну и что?
— А похоронен, значит, четыре-пять дней назад?
— Выходит. Ну и что?
— Но мы все эти дни тут гуляли, мимо проходили — а такой красивый памятник проглядели.
— Допустим. Ну и что? Они тут все красивые.
— Как — что? Человек на наших глазах умер — а мы и не заметили.

(Конец — завязки?)

Аугсбург, 1998.

От автора: продолжение вместо послесловия?

В последнее (предпоследнее — судя по срокам опубликования этих строк) время скромное мое творчество получило паче чаяния немалую прессу — в том числе несколько странную для меня. Особенно постарались меня удивить — и достигли своего — критики женского пола¹⁶⁵ ...

¹⁶⁴ Началась новая жизнь (лат.).

¹⁶⁵ Впрочем, не отстают и некоторые мужчины. Например, М. Золотоносов в предфинальном, за неделю до вручения Букера, обозрении шести текстов, включенных в шорт-лист, — пишет в авторитетнейшей газете «Московские новости» (20 ноября 1997 г.) по поводу «Люблю»: «В финале повести герояня

Так, Евгения Иванова на страницах «Литературной газеты» (не помню номер, газет не храню — негде, но что-то такое весна-98) пишет утвердительно, обозревая мою книгу: о чем бы ни писал Малецкий, он всегда ведет «рассказ о себе и своих знакомых». Это короткое знакомство неведомой мне дамы (или барышни) с обстоятельствами моего жития-бытия обескураживает, но восхищает: как она узнала? я и сам-то в этом уверен совсем не всегда.... вроде бы я, например, никогда не уходил от жены и не позволял себе вступать в связь с продавщицей, как мой герой-рассказчик из «Убежища»... — но специалисту виднее.

Еще дальше за линию глубокоэшелонированной обороны неприятеля-автора продвигается вдумчивая Ольга Славникова. В «Новом мире» № 4 за 1998 г. она уверенно сообщает по поводу моей повести «Люблю»: «... между героем и автором минимальный зазор — если он существует вообще». И далее — пытливо: «Посвящая произведение своей жене, автор считает нужным подчеркнуть, что все описанное имеет к его семейной жизни даже меньшие отношения, чем можно себе представить, — но ведь эта знаменательная оговорка возникла не просто так, а из какой-то необходимости?»

Вопрос, конечно, интересный; я мог бы назвать Славниковой, помимо той, что пришла ей в голову, еще как минимум две причины своей «оговорки», не менее правдоподобные. Но зачем? Не все интересные вопросы — и этот, в частности — находятся в компетенции ли т е р а т у р н о г о критика. Попадая, представим, в точку, уральский следопыт переходит границы своей профессиональной и человеческой компетенции; попадая пальцем в небо (если «зазор между героем и автором»-таки есть — и не «минимальный»), критик этим перечеркивает всю свою дальнейшую концепцию «Малецкий как Лимонов-антиЛимонов»...

уходит от героя, потому что тот «не умеет любить». Между тем всякий, просто дочитавший текст до конца, скажет, что в finale повести герояня никак не может уйти ни от героя, ни от кого бы то ни было — я бы сказал, по техническим причинам. При этом М. Золотоносов добросовестно подсчитывает, сколько раз в тексте упомянут Джойс, т.е. демонстрирует какую-то новую манеру интерпретации текста: манеру пристального не-чтения. И правда, чего стесняться. Мало, что ли, старой хорошей прозы, чтобы еще новую до конца дочитывать. Я тоже не всё дочитываю. Правда, я и не обозреваю на всю страну, чего не читал, и не сочиняю за авторов финалы. Как же быть с тем, что зарабатывать имя и деньги критику приходится все-таки на них, новых? А элементарно. Добросовестный человек должен только предуведомить: «Роман (повесть, пьеса) рецензируется мною в виде, мною же исправленном и дополненном». А если хорошо пойдет, можно развить новый жанр и ретроспективно. Я уже потираю руки от предвкушения удовольствия, с каким прочту, в изложении того или иного М. Золотоносова, как, например, в finale романа Анна уходит от Вронского, не умеющего любить, к Левину, Китти же, наконец, соединяется со своей первой любовью — Вронским, чтобы научить его любить, — и все вместе едут нанести визит Каренину, чтобы забрать у него Сережу...

Что тут скажешь? Лестно, конечно, уподобиться умершему классику, о котором и можно, и нужно знать в с ё, вскрыть всю биографическую подноготную им написанного, соотнеся ее с текстами ... очень лестно, но совершенно незаслуженно. Куда мне. Предпочитая быть живой собакой, нежели мертвым львом, я претендую на гораздо меньшее: либо проза моя мало-мальски интересна сама по себе — и вот об этом-то качестве ее (без разницы, автобиографичны ли насквозь «Былое и думы», выдуманы ли от и до «Три мушкетера», обе вещи отчетливо качественны х у д о ж е с т в е н н о) хотелось бы и услышать, либо она художественного интереса не представляет — и тогда попросту незачем писать ни об ее авторе, ни об «его знакомых».

С целью все-таки повернуть читателя к самому тексту и только к нему — предпринимаю следующий эксперимент и предлагаю следующую затею. Представим себе, что Е. Иванова права, как говорил Иван Бездомный, на все сто, и я всегда пишу о себе. Но и в таком случае я не равен себе: нас двое — я (настоящий), пишущий о себе (прошлом). Это ведь только «я — герой» всё еще сидит у тещи на кухне и может только предполагать, что его ждет в Москве, куда он заявился на целых 10 дней с неожиданно свалившимся на него, не снившимся ему никогда шальными деньгами. Ему не положено знать наперед ничего. Тогда как «я — автор», коль скоро уж он имел время пожить дальше так долго, чтобы написать (или просто записать всю эту историю), неизбежно знает будущее «я — героя» (он же прошлое «я — автора») и, кроме того, вообще способен придумать ему любое возможное будущее. У автора руки развязаны, чтобы не предполагать вместе с героем, а располагать за него.

Так вот: будучи не себялюбцем, а текстолюбцем, для того и только для того, чтобы повернуть читателя к тексту как таковому, тексту, который я, может быть, напишу (назовем его «роман-развязка»), я заранее сообщаю подноготную и предлагаемого ныне, и вероятного будущего романа — чтобы убить к этой подноготной в корне всякий интерес. Не побоюсь ради этого святого убийства ничего, даже — упрочить свою дурную писательскую репутацию в глазах Е. Ивановой.

Торжественно, во всеуслышание отказываюсь что-либо придумывать, отказываюсь от желания вымышлять (или заранее соглашаюсь с любым критиком, что патологически лишен способности вымысла) и обьявляю: всё, буквально всё, о чем шла речь выше и зайдет (если доведется) в романе-развязке, было и будет (если будет) рассказом только о том, что произошло со мной и парой моих знакомых.

Довожу это заранее до сведения тех, чье дело судить о качестве текста, а не судачить об авторе и величине дистанции между им и его героем. Чтобы иметь моральное право именно этого от них и ожидать и, в свою очередь, судить об их профессиональных способностях, когда они занимаются, наконец, с в о и м делом.

Однако, налагая на собственную художественную фантазию столь тяжкие для нее (если она у меня всё же есть — и просится погулять) или, наоборот, столь облегчающие для нее дело (если ее у меня-таки нет, и мне нужна просто мотивировка для «отмазки») ограничения, я вовсе не хочу унижения способности вымысла, ценимой мною ничуть не меньше любого нормального человека, вскормленного «Маугли», взросшего на «Виконте де Бражелоне», воспитанного на «Идиоте», — или какого бы то ни было поражения ее в правах. Просто в данном случае — в порядке исключения (или бреда, как угодно) — я доверяю дело вымысла другому: читателю.

Любой пожелавший того читатель может стать моим соавтором. То есть: если кому-то история, здесь рассказанная, покажется любопытной для прокрутки ее в своем мозгу — в целях проследить в подробностях, как могли бы продолжаться описанные выше события, — буду рад получить предложенный сюжет и сравнить его с тем, что произошло на самом деле (и соответственно взятому обязательству будет положено в основу вероятного — кто может ручаться, что неведомая Аннушка уже не разлила именно по душу автора полную бутыль постного масла? — будущего романа).

Наиболее интересные варианты (буде таковые последуют) обязуюсь опубликовать параллельно с реальной историей, а то и использовать (с указанием имени соавтора) в м е с т о действительно происшедшего — если присланный сюжет окажется интереснее настоящего. Прислать плоды своих вдохновений желающие могут по адресу редакции «Континента» или на его интернетовскую страничку.

*Mit freundlichen Grüßen*¹⁶⁶
Ю.Малецкий.

¹⁶⁶ С дружеским приветом.

Весть о внезапной смерти Евгения Блажеевского, скончавшегося 8 мая на 52-м году жизни, пришла, когда этот номер был уже сверстан. И сегодня мы можем сказать ему наше последнее «прости» лишь этими несколькими строками перед печатаемой ниже подборкой, которой суждено было стать последней, набранной еще при его жизни, и первой, напечатанной уже без него. Но к стихам нашего давнего и любимого автора, прекрасного русского поэта, одного из тончайших лириков нашей современности, о котором так точно написал недавно в «Континенте» Станислав Рассадин, мы еще не раз будем с благодарностью обращаться на наших страницах.

Редакция «Континента»

МОНОЛОГ

О, как спокоен нынче я!..
Вчера мне отрубили голову,
И гордо я хожу по городу,
Забыв глухое чувство голода
Ко всем предметам бытия.

Мне говорил палач:
«Не плачь,
Ведь завтра ты другую купишь,
Чтоб избежать людской молвы...»
А мне сегодня лепит кукиш
Ваятель вместо головы.

О, шиш из мрамора Карапы!..
На постаменте шеи он
Возникнет, как предвестье кары
На переломе двух времен.
И будет в нем дыханье бездны
И проницательность моя,
И выйдет из меня помпезный
Нисправергатель и судья.

Евгений
БЛАЖЕЕВСКИЙ

— родился в 1947 году в г. Кировобаде (ныне Гянджа, Азербайджан). Окончил Московский полиграфический институт. Автор книг стихов «Тетрадь» (1984), «Лицом к погоне» (1995) и «Черта» (1998). Живет в Москве.

Я буду точен в каждом жесте
И, скажем, вытащу на свет,
Что ты украл в роддоме шерсти,
Отбитые за десять лет.
Иль на просторах паранойи,
Увидя тайный знак вдали,
Увел видения у Гойи,
Похитил Галю у Дали...

О, волоките меня волоком
По вашей грязной мостовой!..
Моя душа оббита войлоком,
Я ненавижу, я чужой
В миру, где умер почитатель
Стихов, и в суете мирской
Ненужным сделался ваятель,
И шиш исчез из мастерской.

* * *

«No smoking!» И поплыло прочь
Пространство черное, как сажа.
И самолет рванулся в ночь,
Изнемогая от форсажа.

Поправив привязной ремень,
Он думал: «Скоро буду дома...»
Остались под крылом Тюмень
И угольки аэродрома.

Гуденья стелящийся звук
Слегка давил на перепонки,
И он решил вздрогнуть, но вдруг
Увидел женщину в дублёнке.

Она сидела впереди
С ней под руку — майор в шинели.
И что-то дрогнуло в груди,
Как будто запахом «Шанели»
Неуловимым, как весна
В начальном робком варианте,
Пахнуло в душу, и ни сна,
Ни высоты, —
лишь на веранде

Под ослепительной луной
Когда-то целовались двое...
В другом краю, в стране иной
Могло произойти такое.

И разом вспомнились ему
Заезженная на рефрене
Пластинка и дома в дыму
Цветущих яблонь и сирени...

Но, снявши головной убор,
Вся развернувшись волосами,
Смотрела женщина в упор
Неизвестными глазами.

А он зажмурился, грустя
По той подруге лучезарной.
Лицо — семнадцать лет спустя —
Пугало яркостью базарной.

В салоне приглушили свет,
И он подумал: «Где мы, кто мы,
Когда иных на свете нет,
А эти просто не знакомы?..»

Из блокнота

Позабудутся имя и отчество
И удвоится водки количество
В беспощадной гульбе...
Как тоске твоей — одиночество,
Как свече твоей — электричество,
Я не нужен тебе.

* * *

Денек появился и сник,
Как наше свиданье короткий.
Лиловый исхоженный снег —
Грязцою на наши подметки.

«Не надо, — шепчу, — не винись...»
И так от себя отпускаю,
Как будто высокий карниз
Ослабшей рукой отпускаю...

* * *

Памяти Игоря Бабицкого

Малиновый сироп с нарзаном
В стакане толстого стекла
На фоне голубого моря —
Вот натюрморт!..

Но истекла
Та жизнь веселая на званом
Обеде под сурдинку горя...

А в памяти остататься смог
Стакан — образчик общепита —
Толпой годов, тоской дорог
Нетронутый.

И недопита
Вода, как сорок лет назад...

1999

* * *

Геннадию Чепеленко

Ночной больничный двор
Слегка присыпан снегом.
Слетаются к стеклу
Снежинки, словно моль.
И корпуса молчат.
Они сравнимы с неким
Угрюмым банком, где
Накапливают боль.

В палате, у окна
Отыскивая спички
И пачку сигарет,
Я слышу, как впотьмах
За лесом иногда
Проходят электрички,
Квадригами колес
Вздымаая снежный прах.

И снова тишина.
Морозом, как наркозом,
Прихвачена земля
И голые кусты.

Мы в темноте лежим,
Как бревна — по откосам,
Пред болью подступающей пусты
Душою...

Но давай
Пошарим по сусекам,
Остаток дней своих
Сжимая в пятерне,
Давай поговорим
С быстролетящим снегом
И поглядим на мир
При медленной луне...

1998

Запахи

Сретенка пахнет
Ветошью прошлой жизни,
Базаром — Арбат,
Грустной любовью — пруды,
Те, где пролилось масло...

1999

Жизнь

Любила порой,
Возносила, пугала
И мукой была,
Но, как в пустыне глоток,
Длилась только мгновенье.

1999

Осень

Пусто в шашлычной.
И, сдвинув в угол столы,
Смотрит буфетчик,
Как теплоход лениво
Уходит за горизонт.

1999

ОСЕНЬ ПАТРИАРХА

*На остановках и в скверах
нас заливает всерьез
осень потоками серых
невразумительных слез.*

1

Трамваи сохатые,
бульвары с трухой
и астры лохматые
всегда под рукой.

Про жизнь в мегаполисе
сбрось весть поскорей
на пейджер на поясце
вождя дикарей

забытого племени,
мол, зря под там-там
с короной на темени
беснуешься там.

...Мы осень на финише
столетья невежд
забыли б, забыли же
мы лето допреж,
но осень уважена
приметою той,
что милой окрашена
копна в золотой.

**Юрий
КУБЛНОВСКИЙ**

— родился в 1947 году в г. Рыбинске. Окончил искусствоведческий факультет Московского университета. После выхода в американском издательстве «Ардис» сборника «Избранное», составленного Иосифом Бродским, был вынужден под угрозой ареста эмигрировать. Жил в Париже, затем в Мюнхене, работал на радио «Свобода». В 1991 году окончательно вернулся в Россию. Автор нескольких поэтических сборников. Живет в Москве.

Загадочно многое
в повадках ее,
и шепчет жестокая
опять про свое:

ведь снова в опасности
Отечество, друг,
в твоей безучастности
цинизм и испуг.

Преувеличение, —
толдычу в ответ, —
я из ополчения,
которого нет.

Не смея до времени
мечтать о таком,
я вырос из семени
и стал стариком,

заставшим архаику
совковых тетерь
без рынка по Хаеку,
не то, что теперь.

Нет, нет, ошибаешься, —
упорствуешь ты, —
ты сам загибаешься.
До хрипоты

на старом вокзальчике
с рябиной рябой,
как русские мальчики,
спорим с тобой.

Как будто заранее
с окраин к Кремлю
на коронование
стекаться велю.

18.10.1998

*Над взлохмаченным инеем
палыхнуло сейчас
солнце новое синее
засветившее нас.*

Далеко за сугробами
допотопной зимы
были высоколобыми
только смолоду мы.

Придержав в проспиртованной
пылкой клетке грудной
выдох, запеленгованный
нерадивой гебней,
заминая для ясности,
кто милей из подруг —
шли навстречу опасности,
расступавшейся вдруг.

Ведь когда-то в *империи*
зла загадочно был
дух первичней материи,
тоже шедшей в распыл.

.....

Будто белка, снующая
в холода по стволу,
пробежала зовущая
Божья искра — в золу.
Забуреть, заберложиться
кое-как удалось,
остальное приложится.
Доживем на авось
и не видя трагедии,
что владеем пером
в третьем тысячелетии
хуже, чем во втором.

Мир крутой, обезбоженный,
не подвластный врачу,
впредь рукой заторможенной
рисовать не хочу.

29.11.1998

*Для отведавших жмыха с половой
всё быстрее, быстрее бежит
время до наступления новой
эры — той, что их ублажит.*

В совковом рассаднике
родясь налегке,
кончаюсь в бомжатнике
с рублем в кулаке.

Пустить на пропой его?
Но у одра
не вижу достойного
такого добра.

Жизнь сделалась прожитой,
нагнавшей слезу
на кисти мороженой
рябины в лесу.

Раздетая догола
зазывная даль.
И с вальсом из «Доктора
Живаго» февраль.

О русской истории
нетвердом хряще
так и не доспорили
мы вообще.

То ты мне перечила,
то я тебе жить
мешаю; и нечего
об этом тужить.

Ни рошь в безлистии,
ни, проще сказать,
тебе в бескорыстии
нельзя отказать.

С какими могучими
до хрипоты
тенями и тучами
общаешься ты.

Я брежу один в поту,
платок теребя,
охранную грамоту
прошу у тебя.

А то на задание
иду — и боюсь
признаться заранее,
что не вернусь,
покляжу походную
неся на горбе,
в Отчизну холодную,
ну, то бишь, к тебе.

На старом полотнище
лежу, ветеран.
Влияет на ход вещей
количество ран.
В оконце алмазная
купина горит.
И жизнь безобразная
уснуть не велит.

6.01.1999

Фрагмент

Раз снег такой долгий и падкий
до лампочки в нашем окне,
придется саперной лопаткой
наутро откапывать мне
смиренный жигуль у отеля
и — тронемся в путь налегке,
ну, разве, с остатками хмеля
в моем и твоем котелке.

Похожи холмы, перелески
немеряных наших широт
на ставшие тусклыми фрески.
И вновь перекрыть кислород
способны стежки оторочки
проглаженной блузы твоей,
с подвесками мочки
и шелк поветшавшей сорочки,
в которой едва ли теплей...

11.01.1999

От редакции

С этого номера «Континент» начинает печатать в разделе РОССИЯ регулярную рубрику «Хроника общественно-политической жизни России».

К идею этой рубрики нас привел вот уже более чем пятилетний опыт регулярной публикации раздела БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СЛУЖБА «КОНТИНЕНТА» (БСК), в рамках которого мы даем в каждом номере подробный аннотационный обзор прозы и литературной критики, напечатанной за предыдущий квартал в ведущих журналах и газетах России, а раз в полгода — появившихся там же основных публикаций, отражающих движение нашей религиозной, философской и историко-культурной мысли. По многочисленным отзывам и печати, и наших подписчиков как в России, так и на Западе, этот раздел высоко ценим всеми, кто читает «Континент», и недаром, наверное, вслед за нами и в некоторых других журналах (и даже в газетах) появились регулярные обзорные рубрики и разделы, в чем-то аналогичные нашей БСК. Они никак, однако, не перекрывают и не могут перекрывать то, что делаем мы, — не только в тех случаях, когда, в отличие от нас, информируют о том, что происходит не в периодике, а на книжном рынке (как это делает, например, «Независимая газета» в своем приложении EX LIBRIS), но даже и тогда, когда обращены тоже именно к периодике. Так, например, выполняемая на добротном профессиональном уровне рубрика «Периодика» в библиографическом разделе «Нового мира» дает, в отличие от нашей БСК, все-таки куда более лаконичные (как правило — всего в несколько строк) аннотации обозреваемых публикаций, и к тому же они тематически не сгруппированы, а печатаются — независимо от того, проза это, критика или публицистика, — в простом алфавитном порядке. И это понятно — ежемесячно давать более подробные обзоры куда труднее, чем раз в квартал, а тематическая группировка обозреваемого материала тоже получает оправдание лишь тогда, когда этого материала достаточно — то есть когда его «набегает», по крайней мере, за три месяца. Так что «Континент» уже и тем одним, что он не ежемесячник, тем более не еженедельник, а именно ежеквартальныйник, то есть уже самой своей периодичностью, как бы специально предназначен к тому, чтобы печатать на своих страницах серьезные ежеквартальные аналитически-информационные обзоры того типа, как БСК.

Эти возможности нашего журнала мы и намерены в дальнейшем всячески развивать, расширяя то его информационное поле, которое так ценится нашими читателями. В идеале мы хотели бы сделать «Континент» журналом, в **каждом номере** которого наш читатель получал бы пусты по необходимости хотя, конечно, и краткий, но все-таки достаточно обстоятельный и добротный обзор всего того, что произошло в жизни России и в ее культуре в предыдущем квартале (или в полугодии), и — того, как это отразилось в российской прессе. В результате читатель получит возможность всегда иметь под рукой в четырех квартальных выпусках журнала своего рода информационный справочник по российской

общественной и культурной жизни и по ее отражениям в российской печати за этот год — то есть издание, достаточно, считаем, полезное. Поэтому мы и полагаем, что в наш век, когда необходимая полнота даже самой основной информации, нужной всякому интеллигентному читателю, оказывается для него практически недоступной, поскольку рассеяна на страницах множества изданий, уследить за которыми обычному человеку, неспециалисту, просто невозможно, расширение такого рода Информационной Службы в «Континенте» будет встречено читателями с пониманием и одобрением.

Появление на страницах этого номера журнала «Хроники» — очередной наш шаг на пути расширения такой Службы. Перед читателем — пробный выпуск, и поэтому он сделан пока на материале только одного месяца (в дальнейшем предполагается, что и «Хроника» будет ежеквартальной по охвату помещаемой в ней информации). Цель этого пробного выпуска — посоветоваться с читателями, выяснить, какой эту рубрику они сами хотели бы видеть, более или, напротив, менее подробно, чем в предложенном выпуске, следует, на их взгляд, обозревать отклики наших газет и журналов на события общественно-политической жизни России, достаточно ли простого хронологического расположения этих событий или предпочтительнее было бы продумать и принципы некоторой их группировки внутри их общей хронологической канвы (политика, экономика, происшествия и т.п.). Словом, мы будем благодарны нашим читателям за любые отклики, пожелания и соображения в этой связи. И не только, конечно, в этой — постоянный и живой контакт с тем нашим читателем, который считает «Континент» своим журналом, для нас поистине драгоценен, и хотя, как мы полагаем, такие читатели принадлежат именно к той читательской категории, которая не практикует «письма в редакцию», мы были бы очень благодарны тем из них, кто, преодолев свою естественную идиосинкразию к подобного рода эпистолярному жанру, все-таки порадовали бы нас своим к нам вниманием, позволяющим чувствовать, что обращаемся мы все же не в пустоту и работаем не без пользы для тех, кто нас читает.

В дальнейшем мы намерены ввести в БСК и разделы художественной критики — театр, кино, изобразительное искусство, музыка.

ХРОНИКА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ (Январь 1999 г. Пробный выпуск)

1 января, как и полагается, началось с подарков. Однако получили их не только дети, но и генералы российской армии — указом президента Бориса Ельцина в Министерстве обороны было сокращено 300 генеральских должностей.

«Пока «гасили» звезды в Минобороны, они зажигались в других структурах: в погранвойсках, в МВД, во внутренних войсках, налоговой полиции и даже в МЧС», — прокомментировала президентское решение **«Новая газета»**, выступив с прогнозом, что «в ближайшем будущем в генеральском полку снова прибудет. На базе внутренних войск президент хочет создать Национальную гвардию, в

которой на манер США, планируют должность бригадного генерала. Судя по всему, внутренние враги пугают президента больше, чем внешние».

3 января под шум еще не закончившихся праздничных застолий и к тому же буквально накануне празднования Православного Рождества Христова под покровом ночи была ограблена одна из самых известных и древних православных церквей России — Храм Покрова-на-Нерли во Владимирской области, возведенный еще в 1165 году.

«По сведениям, полученным в секретариате Владимирской епархии, из храма украдено две иконы, золотые и серебряные цепочки для совершения обрядов, крестики, медальоны и другая церковная утварь». — пишет **«Советская Россия»**.

Газета **«Сегодня»** делает из этого вывод, что «грабитель действовал в одиночку и был плохо осведомлен».

5 января проживающий в Варшаве бывший советник президента Ельцина Сергей Станкевич получил от польских властей официальный статус политэмигранта.

«Нам назначили жулика политэмигрантом, — комментирует это решение **«Новая газета»**, — целый год Россия требовала выдать Станкевича. Польша отказалась. Приятно видеть, какими удивительно храбрыми стали наши соседи. Поощряют беглых уголовников, поощряют ветеранов СС и позволяют им устраивать парады». В целом журналист Александр Минкин характеризует Сергея Станкевича следующим образом: «Стопроцентный уголовник, пойманный с поличным лжец и взяточник».

Аналогичной позиции придерживается и **«Труд»**: «никаких причин политического характера преследовать Станкевича у нынешних властей не могло и возникнуть. Он всегда был вполне «верноподданным» и ни у кого из высшего руководства страны раздражения не вызывал. Так что скорее всего никакой он не политэмигрант, а просто бежавший от ответственности нечистый на руку чиновник».

Валерия Новодворская на страницах **«Нового времени»** пишет по поводу решения Польши дать Станкевичу статус политэмигранта так: «Еще Лех Валенса 19 августа 1991 года заявил, что Польша открывает свои границы для советских политических беженцев. Это и есть шляхетская честь».

11 января сотрудники Управления по расследованию особо важных дел Генпрокуратуры РФ арестовали еще одного подозреваемого по делу об убийстве журналиста «Московского комсомольца» Дмитрия Холодова.

«Известия» сообщают, что бывший заместитель командира спецотряда ВДВ Константин Мирзоянц стал уже четвертым военным и шестым вообще задержанным по подозрению в причастности к этому делу. **«Независимая газета»** комментируя арест Мирзоянца, пишет о росте недовольства в воздушно-десантных войсках в связи с продолжающимися задержаниями органами правопорядка офицеров ВДВ по подозрению в причастности к убийству Холодова.

«Новые Известия», анализируя причины отсутствия конкретных результатов следствия, делают привычный философический вывод: «Смогут ли следственные органы найти не только исполнителей, но и заказчиков — покажет время».

12 января на аэродроме подмосковного города Жуковский произошло событие, ставшее причиной целой серии скандалов, весь январь сотрясавших российское Министерство обороны и АНПТК «МИГ»: на обозрение российским и зарубежным

журналистам, дипломатам и бизнесменам была представлена новая боевая машина «проекта 1.42» — прежде абсолютно засекреченный истребитель пятого поколения, условно названный МФИ.

«Он станет одновременно истребителем, штурмовиком и бомбардировщиком (почему и назван многофункциональным). Такого совмещения не удавалось достичь авиастроителям еще ни в одной стране», — описывает новинку «Общая газета» — «Аналогов в мире пока нет».

Восхищение самолетом разделяет и «Советская Россия», окрестившая МФИ «самым юным и самым грозным в легендарном семействе «МиГов» и сообщившая, что создание секретного самолета «началось еще в 80-е годы, проходившие под знаком соперничества СССР и США».

Высоко оценили новый истребитель и «Новые Известия»: «Во всем мире еще только американцы способны сегодня создавать самолеты такого класса, принадлежащего к пятому поколению истребителей».

«Рассекретив свою последнюю разработку, которую сами ее создатели имеют «боевой машиной XXI века», — комментируют демонстрацию в Жуковском «Известия», — авиационный научно-промышленный комплекс (АНПК) «МиГ» стремится подтвердить свои права и впредь оставаться в числе избранных членов элитного клуба создателей высокотехнологичной авиатехники».

Однако, шумная рекламная кампания и не соответствующий громким лягушкам показ грозного МФИ исключительно на земле быстро породил традиционный российский вопрос: «А был ли мальчик?».

«Тяжелая одноместная машина способна летать на дальние расстояния со скоростью в 2,6 раза превышающей скорость звука и оснащена технологией невидимки «Стелс», а оружие размещено внутри фюзеляжа. Новый самолет — лучший в мире в своем классе. Только дороговат — 70 миллионов долларов. Да и летать пока не может», — сокрушаются «Огонек».

Еще категоричнее «Московские Новости»: «На самом деле этого самолета не существует. То, что показали публике, — не более чем модель».

Итог дискуссии подводит газета «Труд», заявившая, что истребитель МФИ «сегодня обучен летать не лучше, чем «Мерседес» приехавшего на презентацию самолета министра обороны РФ маршала Игоря Сергеева».

И поклонники и противники нового самолета солидарны в одном — даже если МФИ действительно существует, очень крупной удачей можно будет считать, если несколько образцов новой машины поступят в войска хотя бы к 2015 году. В этой связи «Общая газета» приводит грустную шутку одного из присутствовавших в Жуковском генералов, что «при том финансировании работ, что было до сих пор, у него есть перспектива стать самолетом XXII века».

Истинные причины демонстрации МФИ так и остались невыясненными; правда в конце января «Коммерсант-daily» выдвинул свою трактовку подоплеки таинственного мероприятия: «Презентация этой машины преследовала одну цель — спасти от увольнения руководителей ВПК МАПО. Премьера провалилась, МФИ явно не тянет на самолет пятого поколения. И ВПК МАПО ждут большие перемены. К осени может начаться процесс слияния ВПК МАПО с АВПК «Сухой». Но насколько эта версия верна, судить трудно.

13 января Государственная Дума преподнесла россиянам подарок — очевидно, в связи с грядущим празднованием Старого Нового года отложила на год вступление в силу закона «О государственном контроле за соответствием крупных расходов на потребление фактически получаемым физическими лицами доходам».

Если бы такое решение не было принято, новый закон вступил бы в силу с 24 января.

Раскрывая суть возможного нововведения, «Аргументы и факты» указывают на то, что после 17 августа кардинально изменившиеся условия экономической жизни свели на нет и сделали бессмысленными два главных положения, ради которых закон о государственном контроле и должен был вступить в действие. Во-первых, «новый закон ограничивает сумму денежных средств, хранимых гражданами в наличной форме — 1 тысячей минимальных зарплат. Теперь гражданин вправе иметь в чулке или кубышке не более 84 тысяч рублей или около 3800 долларов. Все деньги сверх этой суммы мы обязаны отнести в банки, то есть в те самые учреждения, которые несколько месяцев назад пустили по миру полстраны».

«Закон лишен логики. Получается, что хранить дома 5 тысяч долларов нельзя, а мешок бриллиантов — на здоровье» — цитируют в связи с этим «Аргументы и факты» академика Павла Бунича, председателя комитета Государственной Думы по собственности, приватизации и хозяйственной деятельности.

Во-вторых, после августовского обвала рубля под «крупным приобретением» понимается покупка на сумму в 126 тысяч рублей или около 5700 долларов. Таким образом, вступи закон в силу, пришлось бы контролировать миллионы сделок, на что у службы Госналога, по ее собственному признанию, нет ни сил, ни возможностей.

Однако «документ мог бы стать отличным подарком для налоговых инспекторов. Ведь очевидно, что выполнять его в полной мере невозможно... Так что закон мог бы использоваться для выбивания взяток из отдельных преуспевающих граждан», — предупреждают «Известия».

«Идею извратили коммунисты, — поясняет на страницах «Аргументов и фактов» Борис Немцов. — Закон явно предназначен для легализации незаконно приобретенного имущества — особняков, дорогих автомобилей, антиквариата. Те, у кого все это есть, могут зафиксировать это имущество у нотариуса до 24 января и спать спокойно».

Критически настроены и «Московские новости»: «Сторонники закона утверждали, что он станет мощным орудием борьбы с теневой экономикой и коррупцией, поможет наполнить госказну. Однако сомнения по поводу жизнеспособности новорожденного высказывались с самого начала. В ожидании граждане загрустили. В отличие от коррупционеров, которые и не такие законы обходили».

Главной причиной отсрочки на год закона «О государственном контроле за соответствием крупных расходов на потребление фактически получаемым физическими лицами доходов» газета «Сегодня» считает тот факт, что «страна не готова отказаться от черных денег, пока не осуществляется налоговая реформа».

14 января премьер-министр Евгений Примаков подписал постановление правительства об освобождении Алексея Кудрина с поста первого заместителя министра финансов в «связи с переходом на другую работу».

«Основной причиной подобного шага стали разногласия по вопросу о перераспределении функций внутри Минфина, произошедшем в результате реорганизации министерства в конце лета 1998 года», — пишут **«Известия»**.

Газета **«Сегодня»** сообщает дополнительные подробности деятельности Алексея Кудрина, который «в правительство попал, как «человек Чубайса» и в значительной степени контролировал ситуацию в Министерстве финансов. Однако еще год назад ему пришлось уйти в тень из-за того, что он озвучил решение сократить 200 тысяч бюджетников в ходе программы сокращения госрасходов».

16 января «бывший мэр Санкт-Петербурга Анатолий Собчак вступил в члены партии «Демократическая Россия», прислав об этом факс из Парижа, где живет уже второй год, — пишет **«Труд»**. — Анатолий Собчак намерен объединить под знаменами «Демократической России» до ста небольших партий и движений демократической направленности за исключением «Яблока» и принять участие в выборах в Госдуму. Что ж, удачный опыт руководства политической партией России из-за границы нам хорошо известен. Господин Ульянов делал это виртуозно и победил».

17 января новостью дня и месяца стала госпитализация президента Бориса Ельцина с неожиданным для него диагнозом «острая кровоточащая язва желудка».

«Официально у президента 2 серьезные проблемы со здоровьем: заболевание сердца ... и склонность к простудам. Язва желудка среди открытых диагнозов не фигурировала», — пишет **«Новое время»**, утверждая, что «по неофициальным сведениям, далеко не все в порядке у президента и с печенью».

«Московские новости» цитируют интервью агентству ИТАР-ТАСС известного американского кардиолога Дебейки, который «был удивлен: как можно было не заметить такое обострение язвы, если диагностируют ее не только сложными анализами, но и по цвету лица и качеству крови».

В качестве возможной причины внезапного обострения язвы у президента **«Аргументы и факты»** называют некие таинственные «мексиканские омолаживающие таблетки», которые Борис Ельцин якобы принимал. Еженедельник задал также вопрос хирургу Ринату Акчурину, прооперировавшему в 1996 году сердце президента, мог ли вызвать такой рецидив болезни особый «кардиологический аспирин», прописанный президенту. В ответ Акчурин сослался на медицинскую статистику, по которой прием «кардиологического аспирина» вызывает обострение язвенной болезни всего у 1—2-х пациентов из ста.

«Диагноз «острая кровоточащая язва желудка», с которым Борис Ельцин был госпитализирован в ЦКБ, звучит гораздо страшнее, чем ставшие уже привычными «бронхит» и «пневмония». На самом деле, как утверждают специалисты, для лечения такой болезни требуется не более 10 дней», — утверждает **«Коммерсант-daily»**.

«Советская Россия» дает свой прогноз: «лечение язвы в острой форме с сильным кровотечением требует по крайней мере 3—4-х недель с последующей месячной реабилитацией в санатории».

Еженедельник **«Итоги»**, пишет, что в ЦКБ президенту была проведена «не очень приятная» процедура «обкалывания» язвы, когда «через эндоскоп вводится специальный зонд и по краю язвы проводится обкалывание лекарственными препаратами».

«1999 год начался для президента и страны неутешительно», — делает вывод **«Новое время»** и предупреждает, что теперь даже наилучший «оптимистический сценарий будет состоять из периодов относительной стабильности здоровья президента и периодов обострения болезней, которых у президента, к сожалению, целый букет».

«Общество привыкло к отсутствию президента в Кремле, — резюмирует **«Коммерсант-daily»**, — к сообщениям о том, что в «Барвихе», в «Горках» или «Завидово» Ельцин работает с документами. К тому, что периоды болезни заканчиваются всплесками активности».

В этот же день, 17 января в 11.00 утра прогремел взрыв у американского посольства в Москве.

«Жертв нет, но в здании выбиты стекла в нескольких окнах», — пишет газета **«Труд»**. Взрыв произошел в автомобиле ВАЗ 2106, судя по всему «из-за неисправности автомобиля — самопроизвольного возгорания паров бензина или по другой технической причине». Газета сообщает, что по факту взрыва уголовное дело не было возбуждено.

19 января в Москве состоялось заседание координационного совета оргкомитета правоцентристской коалиции демократических сил. Участники заседания обсудили два вопроса — сценарный прогноз развития российской экономики, который готовил возглавляемый Егором Гайдаром Институт проблем экономики переходного периода, и референдум об объединении России и Белоруссии.

Газета **«Коммерсант-daily»** сообщает, что по данным Егора Гайдара в этом году Россию ожидает очередной спад производства на 5—7 процентов и 100-процентная годовая инфляция.

*На следующий день на пресс-конференции в агентстве «Интерфакс» Борис Немцов и Егор Гайдар объявили о новом названии правоцентристской коалиции демократических сил **«Правое дело»**. По мнению **«Коммерсанта-daily»**, новую коалицию ждут нелегкие времена из-за отсутствия согласия между ее членами. «Нет единодушия даже в том, нужен ли демократам лидер вообще. Константин Боровой считает, что не нужен. А Сергей Ющенков, наоборот, называет фамилию человека, который мог бы стать во главе правых — это Анатолий Чубайс».*

*21 января на закрытом заседании Военного суда Тихоокеанского флота приступили к слушанию обвинительного заключения по делу 36-летнего журналиста военной газеты **«Боевая вахта»**, капитана второго ранга Григория Пасько, обвиняемого в шпионаже в пользу японских секретных служб.*

По данным газеты **«Сегодня»**, ему угрожает до 20 лет лишения свободы. Газета сообщает, что все материалы, найденные у Пасько и инкриминируемые ему, «публиковались ранее за визой военной цензуры в **«Боевой вахте»**».

В связи с «делом Пасько» **«Коммерсант-daily»** напоминает об еще одном шпионском инциденте, в котором оказалась замешана японская телекомпания Эн-Эич-Кей, с которой как раз и сотрудничал Григорий Пасько. «В ноябре 1997 года с разрешения властей должен был быть проведен в прямом эфире репортаж с российско-китайско-северокорейской границы. Пограничники задержали журналистов после того, как часовой доложил командованию, что японцы ведут съемку тремя камерами: одна направлена на диктора, а две другие ведут съемку инженер-

но-технических сооружений, заставы, моста, радиотехнического поста ПВО. Через несколько дней Пасько отправился в Японию и вскоре был арестован».

В этот же день Законодательное собрание Красноярского края изменило устав края, ограничив полномочия губернатора генерала Лебедя.

По этому поводу **«Известия»** пишут: «Нет, наверное, генерал растерял еще не всех поклонников, но все весомые политические и хозяйственные силы края встали по ту сторону баррикад, где расположился Быков. Лебедь так и остался генералом, не сумев стать губернатором».

«Лебедь стал главным рэкетиром в крае по должности, ему нужны деньги, чтобы кормить бюджетников. И он не мог не перейти дорогу Быкову, который заинтересован в минимизации налогов», — комментируют **«Московские новости»** разгорающийся конфликт в Красноярском крае. «Лебедь сделал всё, чтобы бездарно профукастить столь высокий процент народного доверия, которым он обладал еще несколько месяцев назад».

«Сегодня», анализируя положение в крае, пишет, что когда у власти находился губернатор Зубов, задолженность бюджетникам по зарплате составляла два с половиной месяца. Теперь же — при Лебеде — она не только не сократилась, но и выросла на два месяца.

Как бы подводит итог событиям в Красноярском крае газета **«Коммерсант-daily»**: «Генерал Лебедь продолжает стремительно терять сторонников».

*22 января в Дубне российским ученым-физикам в сотрудничестве с американскими коллегами из Ливерморской национальной лаборатории удалось сделать «открытие мирового значения» (**«Независимая газета»**) — создать 114-й элемент периодической таблицы элементов Менделеева.*

В отличие от других элементов, созданных учеными искусственно и существовавших кратчайшие доли секунды, новый элемент, у которого по данным газеты **«Сегодня»**, «еще нет названия», просуществовал 30 секунд, подтвердив правоту теоретиков из Дубны.

В этот же день премьер-министр Евгений Примаков подписал постановление правительства РФ номер 76 под названием «О продолжении работ на орбитальной станции «Мир».

Таким образом, отмечает **«Коммерсант-daily»**, «отменено майское решение правительства Сергея Кириенко, согласно которому станция «Мир» должна быть снята с орбиты 8 июня 1999 года и затоплена в южной части Тихого океана».

«Новая газета» утверждает, что «оставалось всего несколько часов до того, как экипаж станции «Мир» Геннадий Падалка и Сергей Авдеев вынуждены были бы перевести орбитальный комплекс в режим, из которого только один путь — на дно океана»

«Продолжение жизни «Мира» означает сохранение около 20 тысяч рабочих мест», — отмечают **«Известия»**.

«Независимая газета» обращает внимание на то, что «по разным оценкам, на ежегодное поддержание «Мира» на орбите требуется от 200 до 500 млн долларов».

«Российская станция «Мир» еще на несколько лет остается единственным постоянно обитаемым объектом на околоземной орбите. Это, очевидно, будет без восторга воспринято американским НАСА», — пишут **«Известия»**.

23 января, сообщают «Аргументы и факты», внучка президента Ельцина Катя Окулова вышла замуж за своего однокурсника. «Свадьба была скромной, даже в Кремле о ней знали немногие». Накануне бракосочетания жених и невеста навестили Бориса Ельцина в ЦКБ. Газета, ссылаясь, не непроверенную информацию, предполагает, что «в скором времени Борис Ельцин может стать прадедушкой».

26 января первый российский политэмигрант, находящийся в Польше бывший советник президента Бориса Ельцина Сергей Станкевич, стал членом партии «Демократическая Россия».

«Чуть раньше в партию вступил еще один опальный чиновник — Анатолий Собчак, который фигурирует в уголовном деле по фактам коррупции в Санкт-Петербурге и бежал от преследования за границу. Ему прочат пост председателя «Демократической России», — пишет «Коммерсант-daily».

27 января из тюрьмы Лефортово освобожден один из главных героев нашумевшего «Дела статистиков» 64-летний Борис Саакян, бывший директор Вычислительного центра Госкомстата, отсидевший за решеткой уже семь с половиной месяцев.

Причиной, по которой Борис Саакян был выпущен под подписку о невыезде, газета «Известия» называет ишемическую болезнь сердца.

«Весь январь подследственный провел на больничной койке в медицинском отделении СИЗО «Лефортово». Из-за этого допрашивать Саакяна стало невозможным», — сообщает «Коммерсант-daily».

«Освобождение из-под стражи не означает, что он признан невиновным», — пишет «Труд», отмечая, что из 15 фигурантов по этому делу в тюрьме остается лишь один Юрков.

А газета «Сегодня» предполагает, что «может быть, следователи надеются на то, что вышедшие из-под стражи люди станут более сговорчивыми и расскажут еще что-то, о чем до сих пор умалчивали».

В этот же день, по информации газеты «Коммерсант-daily», в Минске по дороге в аэропорт загорелся «Мерседес» Б. Березовского. «Говоря о причинах возгорания, сотрудники Совета безопасности РФ высказали предположение, что, возможно, водитель Березовского ремонтировал машину, не выполнив при этом требования техники безопасности», — пишет газета. Впрочем, охрана быстро затушила огонь, а сам Березовский пересел в другую машину и благополучно добрался до аэропорта.

27 января было отмечено и другим громким событием, участниками которого стало не менее 400 тысяч человек — речь идет о Всероссийской стачке учителей.

Главной причиной конфликта «Общая газета» считает ошибочное решение Москвы о выплатах зарплат педагогам из местных бюджетов, в результате чего зарплата педагога составляет сегодня от 165 до 390 рублей в месяц. Получая такие деньги, большинство педагогов вынуждены каждый день решать один и тот же вопрос — чем питаться сегодня: хлебом без молока или молоком без хлеба?»

Такого же мнения придерживается и министр образования Владимир Филиппов, процитированный газетой «Труд»: «Министр считает, что главной ошибкой, приведшей страну к этой ситуации, стало то, что образование «повесили» на местные бюджеты».

«Власти задолжали учителям 5,6 миллиарда рублей, — пишет **«Коммерсант-daily»**, — в среднем учительская зарплата составляет 400 рублей в месяц, но эти небольшие деньги педагоги кое-где не получают *месяцами*». После того, как в стачке приняли участие педагоги 72 российских регионов, «впервые повсеместно главы областных и городских администраций вынуждены были сесть за стол переговоров с педагогами» (**«Советская Россия»**).

28 января прокуратура Москвы сообщила о возбуждении уголовного дела против генерала Альберта Макашова за «разжигание национальной розни».

«По неофициальным данным, — пишет **«Коммерсант-daily»**, — указание возбудить дело давал лично Юрий Скуратов». Газета приводит пояснения генерала, которые он делал по поводу своих антисемитских высказываний: «Жид — это кровопийца, плохой человек, кровосос. Я и сейчас говорю, что все, кто довел страну и грабит ее — они жиды в полном смысле слова. Для меня и Горбачев такой же жид».

Комментируя решение прокуратуры, **«Новое время»** пишет: «Намерение президентских структур остановить разгул антидемократических проявлений теперь четко обозначено, что уже немало».

В этот же день губернатор Самарской области Константин Титов объявил о создании нового избирательного блока региональных лидеров. **«Коммерсант-daily»** сообщает, что «лидером такого движения мог бы стать Примаков», и продолжает: «Заявление главы Самарской области больше всего напоминает приглашение к большому политическому торгу. Не называя фамилии лидера, губернаторы тем самым не сжигают за собой мосты: они открыты для торговли со всеми политическими силами».

28 января в швейцарском курортном городе Давос открылся 29-й Всемирный экономический форум, проходивший на этот раз, по выражению **«Независимой газеты»**, «под знаком мирового финансового кризиса», несмотря на который «в течение недели за фешенебельные номера, лобстеров и икру с шампанским участники ВЭФ выпложат в общей сложности 9 млн долларов».

«Лучшее, на что можно рассчитывать, — прогнозирует в связи с форумом газета **«Труд»**, — это договориться в перспективе о помощи. В Давосе Примакова вряд ли ждет оглушительный успех».

«В Давосе стало совершенно очевидно, что Россия если и интересует политиков и деловых людей, то как источник проблем», — отмечает **«Сегодня»**.

А **«Коммерсант-daily»** пишет, что «главный для России вывод можно сделать уже сейчас. Она Давосу больше не нужна. А России не нужен Давос».

Итог деятельности российской стороны на международном форуме подводит и **«Независимая газета»**: «В Давосе Евгений Примаков говорил, используя лексику и идеи перестройки. Если премьер-министр намерен вернуть страну в конец 80-х, то он должен быть готов разделить историческую участь Горбачева».

29 января произошло сразу два важных события, связанных с проблемами ОРТ. Почти одновременно Внешэкономбанк выделил первый транш обещанного кредита в 100 миллионов долларов на погашение долгов ОРТ и тут же на Первом канале в качестве наблюдателя появился Павел Черновалов, «профессиональный управляющий, выступавший заявителем по делу о банкротстве Инкомбанка и обанкротив-

ший уже несколько банков. Ему будет открыт доступ ко всей отчетности ОРТ» («Сегодня»).

В связи с этим **«Коммерсант-daily»**, отмечает, что, во-первых, «появление на Первом канале назначенного судом арбитражного управляющего несколько омрачает радость от получения кредита» и, во-вторых, что «с появлением наблюдателя положение генерального директора ОРТ становится незавидным».

31 января на Бескудниковом бульваре в Москве состоялась демонстрация боевиков «Русского национального единства»: несколько десятков членов РНЕ в полной форме с повязками со свастикой на рукавах маршировали по улицам и раздавали прохожим свою газету «Русский порядок».

Милиция задержала нескольких членов РНЕ, но после проверки документов и свидетельств о регистрации РНЕ и газеты «Русский порядок» была вынуждена отпустить задержанных.

По сведениям газеты «Сегодня», замначальника Северного округа Москвы полковник Анатолий Лахмотиков был вынужден принести извинения задержанным членам РНЕ, что **«Независимая газета»** расценила, как «поражение всей государственной машины в рамках объявленной властями кампании по борьбе с проявлениями фашизма и экстремизма». Новая тактика РНЕ не дает милиции законного шанса задерживать их, — пишет **«Независимая газета»**, — они не подпадают под термин несанкционированное шествие, так как идут по тротуару, а не по дороге и не несут плакатов».

«В борьбе с политическим экстремизмом многое искусственно усложнено, отсутствие самой борьбы часто объясняется нехваткой законодательных механизмов и юридической несанкционированностью таких понятий, как фашизм и экстремизм», — комментирует **«Новое время»**.

«Адвокаты РНЕ постоянно доказывают, что символика, используемая баркашовцами, имеет не нацистское, а отечественное происхождение. Чтобы раз и навсегда покончить с этой демагогией, прокуратурой Москвы предложено распространить запрет на любую символику, напоминающую свастику и другие фашистские атрибуты», — сообщают **«Известия»**.

Обзор подготовил Аркадий ТАГУНОВ

ДЕТИ ИДЕОКРАТИИ — ПРИ ИДЕЕ И ПОСЛЕ

Я никогда не сомневался в том, что Сталин не ушел из жизни в 1953-м, когда умер, что с ним не было покончено ни в 1956 или 1962-м, когда его развенчивали, ни в годы перестройки, когда добрались и до Ленина. Более того, последнее ему даже помогло. Либеральным умным людям стало казаться, что поскольку и Ленин палач, даже основоположник государственного палачества (что правда), то о Сталине и думать нечего. Тем более они его давно победили (чего никогда не было — побеждали всегда не они, а их). А Сталину нахождение в тени было только на руку — он и при жизни хорошо умел использовать нахождение в тени¹. Против своих «соратников». Они его недооценивали? Недооценивали не его, а силу энтропии, которую сами до этого использовали вместе с ним, а также сталинскую решимость пойти по этой разрушительной дороге беспредельно далеко. Он и прошел по ней очень далеко, по пути разрушив и подменив все человеческие (и даже партийные) ценности, и поэтому даже теперь, будучи прахом, он всё равно живет и накапливает силы. Он — это люди, в которых он остался, для которых обстановка политического и идеологического разврата и поклонения бессмыслице — родная стихия, единственная возможная, понятная и удобная. Вот и получается, что Ленин, несмотря на свое «вечное» присутствие в мавзолее,

Наум КОРЖАВИН — родился в 1925 году в Киеве. В 1945 году поступил в Литературный институт им. М. Горького, в 1947-м был арестован по обвинению в антисоветской деятельности. Отбывая ссылку в Караганде, окончил там Горный техникум. В 1954 году амнистирован, в 1956-м реабилитирован. В 1959 году окончил Литинститут. Автор известных поэтических книг, вышедших у нас в стране и за рубежом («Годы», 1963; «Времена», 1976; «Сплетения», 1981; «Время дано», 1992 и др.), пьес и многих статей о литературе (в «Новом мире», «Континенте», «Гранях» и др.). Член редколлегии журнала «Континент» с 1974 года. В 1973 году вынужден был эмигрировать. Живет в Бостоне.

¹ Даже такой умелый и трезвый человек, как Л.Б. Красин, по свидетельству Г.А. Соломона (Соломон Г. Среди красных вождей. «Современник». «Росинформ», 1995), считал, что недалекий, но честный и скромный трудяга Сталин, оставаясь в тени, тянет воз за Троцкого в руководстве армией. Допускаю, а отчасти и знаю, что кто-то за Троцкого этот воз тянул, но этот «кто-то» явно был не Сталин, вряд ли когда-то сотрудничавший с Троцким. Да и в чем? Военным гением он явно не был, а расстреливать Троцкий тоже хорошо умел. Красин попался на удочу своей справедливой и обоснованной нелюбви к Троцкому (не помешавшей ему, когда тот попал в опалу, демонстративно, в отличие от других «товарищей», садиться с ним рядом на толковицах в Политбюро). Вот какое впечатление Сталин исподволь умел создавать о себе.

умер — со всей своей проповедью и практикой «утопии со взломом» (а если и воскресает, то только временно и попутно), а Сталин — жив. Сегодня он выступает как рыцарь национального начала и борец против интернациональной ленинской гидры, разрушавшей Россию. То, что этот «национальный рыцарь» раскулачиванием и коллективизацией разгромил русское крестьянство (тогда абсолютное большинство народа), или остается в тени, или относится для ясности на счет одного Кагановича. То, что Каганович всегда был только энергичной сталинской шестеркой (а другого Сталин так долго рядом с собой не терпел бы), теперь уже знают не все — схема действует.

О преступлениях интернационализма перед Россией нынче многие любят говорить. Особенно национал-патриоты. Что ж, это правда. Россия в XIX веке действительно оказалась жертвой *политического интернационализма*. Еще бы! Он был основой «честного большевизма», и именно он изначально, вдохновенно, идеи ради, толкнул Россию в пропасть, стал официально владеть ею ради мировой *революции*, расходовать на это народные деньги. Он первый открыто проявлял безжалостность к народу, нанес первые бессовестные и жестокие удары по Церкви. Всё это отвратно и преступно. Но... не по сравнению со Сталиным — хотя бы с тем, что он в начале 30-х проделал над страной, прежде всего над теми же крестьянством и Церковью. Году к 35-му Церкви вообще почти не осталось — во время войны, когда она понадобилась, ее пришлось восстанавливать, как из пепла. Восстановить крестьянство он и не пытался. Впрочем, это до сих пор не удается никому.

Беда не в том, что Сталин отказался от идеиности, интернационализма и мировой революции (кстати, он и не отказывался, только задвигал, как бы откладывал на потом), а в том, что при этом государство всё равно оставалось идеократией, только, как это ни парадоксально, идеократией без идеи, безыдейной идеократией. Уточняю: я вовсе не считаю, что жизнь людей или государства должна (или даже может) быть подчинена идее, некоей земной конечной цели. Определение «безыдейный» не относится к тем, у кого вообще нет такой идеи, кто находит в жизни другие ценности. Идейность — псевдорелигия и псевдодуховность — вещь страшная. Но остающаяся после нее безыдейность еще страшней. Это не отсутствие идеиности, а ее замещение. Это насаждение пустоты, дьявольщины. Сталинщина — наиболее яркое ее выражение.

При всем отвращении к «чистому коммунизму» я считаю, что его отличие от выросшей из него сталинщины для нас важно, ибо сегодня мы имеем дело именно с ней. Играя на нынешнем беспределе, всячески его используя, она прячет в нем, как хвост, свою преступную суть и опять набирает силу. Одним высоколобым (и часто при этом некомпетентным) высокомерием и иронией ее не убьешь. Особенно когда всё вокруг качается.

Некоторое представление о различии этих формаций дают две мемуарных книги. Обе на экстремальную тему — о советских разведчиках. Одна принадлежит Элизабет Порецки, вдове не признавшего сталинский переворот, взбунтовавшегося против него в 1937 году (и почти сразу за это убитого) Игнаса Рейсса, вторая — его коллеге, товарищу его убийцы, вполне приспособившемуся к Сталину, П. А. Судоплатову. Оба они — отнюдь не худшие представители своих «генераций». На таких судьбах общие закономерности отражаются четче. А то,

что П. А Судоплатов тоже считает себя и действительно был (во всяком случае, сначала) «коммунистом-идеалистом», для меня удача — видней эволюция и превращения, да и общая порочность идеократии.

Начнем с трагедии «чистого» коммунистического интернационализма, воплощенной в Игнасе Рейссе. Русское название книги о нем — «Тайный агент Дзержинского»² — неточно. Оно не только ничего о ней не говорит, но и сбивает с толку... Детектива, на который оно намекает, в книге нет. Как нет и Дзержинского — Рейсс только собирался рассказать жене о том, как его жизнь пошла вкрай по вине «железного Феликса», но не успел.

Настоящее название этой книги, данное ей автором, — «Наши. Воспоминания об Игнасе Рейссе и его друзьях» — раскрывает ее суть гораздо точней. И имеет отношение не к одной разведке, хотя Элизабет Порецки была не только женой и другом, но и соратником агента Рейсса.

Кстати, чтоб не возвращаться к этому: книга переведена и отредактирована очень плохо. Некоторые несложные по содержанию места я понимал со второго или третьего захода. Да и вообще в книге есть необъяснимые ляпы. Например, в ней часто аббревиатура НКВД относится и к временам ЧК, и к временам ГПУ. У автора, вероятно, это происходит по старости и по привычке последних лет — уж слишком врезался в ее память НКВД, убивший ее мужа. Но отметить эту неточность в русском издании можно было.

Но это к слову. Вернемся к Игнасу Рейссе. Кем бы стал этот австрийский коммунист, если бы не Дзержинский, мы не знаем. А в реальности он стал советским разведчиком, агентом сначала Коминтерна, потом ГРУ (военной разведки СССР), а напоследок и ИНО (Иностранный отдел НКВД). Последняя его должность — резидент ИНО НКВД во Франции.

О том, почему он пошел по этому пути, в чем была человеческая сущность и трагедия его самого, его друзей и вообще представителей определенного слоя европейской и нашей коммунистической интеллигенции (была и такая), лучше всего говорит письмо, отправленное им в середине июля 1937 года советскому руководству. Оно приводится в книге, и я его тоже сейчас приведу полностью. Полагаю, что те, кто интересуется историей нашего несчастья, должны прочесть его до конца, хотя существенная его часть проникнута сектантско-фанатической логикой и патетикой, не для всех легко переносимыми. Итак, письмо:

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВСЕСОЮЗНОЙ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ**

Это письмо, которое я пишу вам сейчас, я должен был бы написать намного раньше, в тот день, когда «шестнадцать»³ были расстреляны в подвалах Лубянки по приказу «отца народов».

² Элизабет Порецки. Тайный агент Дзержинского. Пер. с англ. М., «Современник», 1996.

³ Зиновьев, Каменев и др., осужденные на первом «открытом» суде над старым большевиками.

Тогда я промолчал. Я также не поднял голоса в знак протеста во время последующих убийств, и это молчание возлагает на меня тяжелую ответственность. Моя вина велика, но я постараюсь исправить ее, исправить тем, что облегчу совесть.

До сих пор я шел вместе с вами. Больше я не сделаю ни одного шага рядом. Наши дороги расходятся! Тот, кто сейчас молчит, становится сообщником Сталина и предает дело рабочего класса и социализма!

Я сражаюсь за социализм с двадцатилетнего возраста. Сейчас, находясь на пороге сорока, я не желаю большие жить милостью таких, как Ежов. За моей спиной шестнадцать лет подпольной деятельности. Это немало, но у меня еще достаточно сил, чтобы все начать сначала. Ибо придется именно «всё начать сначала», спасти социализм. Борьба завязалась уже давно. Я хочу в ней занять свое место.

Шумиха, поднятая вокруг летчиков над Северным полюсом, направлена на заглушение криков и стонов пытаемых на Лубянке, Свободной в Минске, Киеве, Ленинграде, Тифлисе. Эти усилия тщетны. Слово правды сильнее, чем шум самых мощных моторов.

Да, рекордсмены авиации затронут сердца старых американских леди, молодежи обоих континентов, опьяниенных спортом, это гораздо легче, чем завоевать симпатии общественного мнения и взволновать сознание мира! Но пусть на этот счет не обманываются: правда проложит себе дорогу, день правды ближе, гораздо ближе, чем думают господа из Кремля. Близок день, когда интернациональный социализм осудит преступления, совершенные за последние десять лет. Ничто не будет забыто, ничто не будет прощено. История сурова: «гениальный вождь, отец народов, солнце социализма» ответит за свои поступки: поражение китайской революции, красный плебисцит⁴, поражение немецкого пролетариата, социал-фашизм и Народный фронт, откровения с мистером Говардом⁵, нежные заигрывания с Лавалем: одно гениальней другого!

Этот процесс будет открытым для публики, со свидетелями, со множеством свидетелей, живых или мертвых. Они все еще раз будут говорить, но на этот раз они скажут правду, всю правду. Они все предстанут перед судом, эти невинно убиенные и оклеветанные, и рабочее интернациональное движение реабилитирует их всех, этих Каменевых и Мрачковских, этих Смирновых и Мураловых, этих Дробнис(ов) и Серебряковых, этих Мдивани и Окуджав, Раковского и Адреасов Нин, всех этих шпионов и провокаторов, агентов гестапо и саботажников.

Чтобы Советский Союз и все рабочее интернациональное движение не пали окончательно под ударами открытой контрреволюции и фашизма, рабочее дви-

⁴ Плебисцит, требуемый в Саксонии нацистами против социал-демократического правительства и поддержанный коммунистами (прим. ред. книги Э. Порецки).

⁵ Во время конфиденциальной беседы с американским журналистом Роем Говардом Сталин в мае 1935 года заявил ему, что мысль о том, что СССР может вдохновить социалистическую мировую революцию, отдает «трагикомедией» (прим. ред. книги Э. Порецки).

жение должно избавиться от Сталина и сталинизма. Эта смесь худшего из оппортунистических движений — оппортунизма без принципов, смесь крови и лжи — угрожает отравить весь мир и уничтожить остатки рабочего движения.

Беспощадную борьбу сталинизму!

Нет — Народному фронту, да — классовой борьбе! Нет — комитетам, да — вмешательству пролетариата, чтобы спасти испанскую революцию. Такие задачи стоят на повестке дня!

Долой ложь «социализма в отдельно взятой стране»! Вернемся к интернационализму Ленина!

Ни II, ни III Интернационал не способны выполнить эту историческую миссию: раздробленные и коррумпированные, они могут лишь помешать сражаться рабочему классу, они лишь помощники буржуазной полиции. Ирония истории: когда-то буржуазия выдвигала из своих рядов Кавенъяков и Галифе, Треповых и Врангелей.

Сегодня именно под «славным» руководством обоих Интернационалов пролетарии сами играют роль палачей своих собственных товарищей. Буржуазия может спокойно заниматься своими делами, поскольку царят «спокойствие и порядок», есть еще Носке и Ежовы, Негрене и Диасы. Сталин их вождь, а Фейхтвангер — их Гомер!

Нет, я не могу больше: Я снова возвращаюсь к свободе. Я возвращаюсь к Ленину, к его учению и его деятельности.

Я собираюсь посвятить свои скромные силы делу Ленина: я хочу сражаться, потому что лишь наша победа — победа пролетарской революции — освободит человечество от капитализма, а Советский Союз — от сталинизма!

Вперед к новым битвам за социализм и пролетарскую революцию! За создание IV Интернационала!

Людвиг⁶. 17 июля 1937 года

P.S. В 1928 году я был награжден орденом Красного Знамени за заслуги перед пролетарской революцией. Я возвращаю вам этот прилагаемый к письму орден. Было бы противно моему достоинству носить его в то время, как его носят палачи лучших представителей русского рабочего класса («Известия» опубликовали в последние две недели списки недавно награжденных, о заслугах которых стыдливо умалчали: это были исполнители казней).

Это письмо — героическое: автор знал, что может за него заплатить (и заплатил) жизнью. Но для патриотического гнева — и не только шовинистического — оно тоже дает достаточно оснований. В нем нет мотивации патриотизмом или заботой о стране и ее людях. Но Рейсс вообще был и считал себя коммунистом иностранным — то ли австрийским, то ли польским: восточная Галиция, откуда он был родом, во времена его молодости перешла из австрийского в польское владение. К России же он отношения не имел вообще — он примкнул не к ней, а к ее революции.

⁶ Людвиг — одно из агентурных имен Рейсса, так его звали в Париже, так, предупредив об этом читателя, называет его в книге жена, так он подписал свое последнее письмо в Москву.

Но всё же это не в последнюю очередь и бунт духа против циничного насилия и надругательства над ним. «Я возвращаюсь к свободе» — несколько неловко объявляет он об этом на языке, свойственном людям этого круга. Местами его письмо напоминает неуместную прокламацию. Оно изобилует «горячими призывами» — к кому? Неужто к работникам тогдашнего ЦК ВКП(б), не знающим вечером, где они проснутся утром, и готовым на всё, лишь бы проснуться не в тюрьме? Это инфантильно. Но инфантильность эта не личная — таков стиль мышления и проявления подлинного коммунизма — течения, созданного для планомерного штурма небес. А как заниматься регулярно таким фантастическим делом без перманентного нагнетания в самих себе и во всех вокруг восторженной истерии и принудительной инфантильности? В этом их стиль, стиль не только пропаганды, но и внутренней жизни, внутреннего общения. Трагедия Рейсса была в том, что, болезненно переживая учащавшиеся нарушения этого стиля в партийном обиходе, он долго и инфантильно не соглашался признать, что они стали доминировать, что стиль переменился. Вернее, принудительная истерия как стиль пропаганды и внутрипартийной жизни сохранилась, даже окрепла, но лишилась семантической основы — Сталин ни в каком штурме небес не нуждался. Форма перестала соответствовать содержанию, профанировалась и обессмысливалась, ибо самого содержания просто не стало, истерия превратилась в имитацию, позволяющую «страстно» освящать любой чих Вождя. Но патетика Рейсса адекватна его мировоззрению. Всё его письмо — включая многочисленные инфантильные глупости — написано более чем всерьез. И система сработала. Письмо это, как мы видим, было написано в середине июля 1937 года, а уже вечером 3 сентября он попал под Лозанной в сети, расставленные охотниками из НКВД, и был убит.

И поэтому, хотя его письмо дает достаточно оснований для иронии, как дал бы их каждый идеальный коммунист тех времен, я не склонен относиться к нему иронически. Ибо больше ни один партиец — ни внутри СССР, ни за его пределами — таких писем не писал. Даже у тех, кто вдруг обнаруживал, что сталинский топор занесен над ними лично, редко хватало духа и самостоятельности поднять руку на «маму ВКП». Такие, как Раскольников, — исключение.

Рейсс отличается и от них тем, что выступил тогда, когда непосредственно ему самому ничего не грозило. Он вступился за других и за «дело». Это было первое, а может, единственное за годы «чисток» прямое выступление функционера против Сталина⁷, просто-таки нападение на него, объявление ему войны, совершенное исключительно из идеальных соображений.

Собственно, самого Сталина Рейсс не удостаивает своим обращением, говорит о нем в третьем лице. Естественно, такая дерзость не могла остаться без быстрого ответа. Сталин мог пойти на негласное соглашение с А. Орловым, тоже сотрудником НКВД, сбежавшим из СССР в конце 30-х гг. и пригрозившим из-за границы Сталину крупными разоблачениями, если тот тронет его мать. Stalin и не стремится его убить, ибо тот обращался к нему как уголовник к уголовни-

⁷ Приходит, правда, на память Рютин, но Рютин выступил за несколько лет до этих «чисток». Да и волновали его не только идеология и партия.

ку, — не только потому, что тот приберег козыри, а и потому, что вообще мотив его бегства — сохранить шкуру — был для Вождя не оскорбителен и не опасен. Рейсс же публично отлучал его от Идеи, единственным выразителем которой мог быть только он — и по должности, и потому, что она одна была как бы легитимным основанием неограниченности его власти.

Как ни странно, уцелевшие, но в любом случае натерпевшиеся страха во время «чисток» коллеги Рейсса по внешней разведке стараются принизить мотивы его ухода. В этом смысле они следуют Сталину, хотя большинство их его не любят. По Судоплатову, например, получается, что ушел Рейсс потому, что не смог отчитаться в трактирах и вообще вел разгульный образ жизни (а ИНО НКВД к этим забавам своего резидента, видимо, относился, как безвольная мать к проказам непутевого сына). А какой-то автор по-сталински «хитроумно» открывает, что Рейсс вообще перешел не к троцкистам (до этого он и впрямь троцкистом не был, но перешел к ним, как к идеально наиболее близким), а к англичанам (продался капиталистам), и только по их совету выдал это за переход к троцкистам. Разгульный образ жизни Рейсс, по Судоплатову, продолжал вести и отослав свое роковое письмо, то есть зная, что за ним охотятся. Ничего себе резидента держал ИНО в Париже! В воспоминаниях Порецки эти дни описаны иначе — как напряженная попытка вырваться из облавы, и это достоверней. Ставить это под сомнение недобросовестно. И зачем ей врать через тридцать лет после событий? Она уже давно разделяет далеко не все тогдашние взгляды свои и своего мужа, и иной задачи, кроме как выговориться, у нее нет. И выговориться именно насчет драмы идей — своей и своих друзей. О чем говорит и название ее книги. На сенсационность она не рассчитана. В таких случаях люди не врут.

Конечно, при всей запутанности в идеологии Рейсс в чем-то важном оказался, вопреки взглядам, человеком свободным. Этим вызвано и отчасти пронизано его письмо. Но в письме есть и сама эта запутанность. Наряду с бунтом души и достоинства в нем вполне воплощены его зашоренность и коммунистическое сектантство. Это сектантство определялось теми официальными догматами коммунизма, которыми он руководствовался, ради которых он служил Сталину и изменил которым ему не простил. Это я сегодня отделяю значение его бунта от сектантства, ради которого он бунтовал, — ему такой ход мысли был недоступен и показался бы нелепым и оскорбительным изыском.

2

Конечно, взгляды его не только неприемлемы для нас, но и наивны, а пророчества оборачиваются только горячей риторикой, принятой в их кругу.

О позитивистской наивности его расчетов и пророчеств говорить тем более нет нужды. Предвиденный им «день правды» так и не пришел. Показателен и список преступных мероприятий, который Рейсс предъявляет Сталину: *поражение китайской революции, красный плебисцит, поражение немецкого пролетариата, социал-фашизм и Народный фронт, откровения с мистером Говардом, нежные заигрывания с Лавалем...*

Естественно, сочувствовать Рейссу трудно. Вряд ли нормальный человек способен скорбеть о тогдашнем поражении китайской революции, скорей о позднейшем ее торжестве. К тому же список, которым Рейсс грозит своим врагам на воображаемом коммунистическом Страшном суде, нелогичен. Его одновременно возмущает и потеря сектантской чистоты (согласие Сталина на Народный фронт, его заигрывания с буржуазными лидерами), и его же раскольническая сектантская деятельность («красный плебисцит», шельмование социал-демократов кличкой «социал-фашисты», облегчившей победу нацизма)⁸.

Рейсс верит, что в будущем рабочее интернациональное движение реабилитирует всех этих Каменевых и Мрачковских, этих Смирновых и Мураловых, этих Дробнис(ов) и Серебряковых, этих Мдивани и Окуджав, Раковского и Адреасов Нин, всех этих шпионов и провокаторов, агентов гестапо и саботажников.

Но сегодня ясно, что правда — даже в коммунистическом варианте — дорогу себе не проложила. В усеченном виде и с инфантильными объяснениями ее через девятнадцать лет сообщит Хрущев, чем не только перепугает родную номенклатуру, привыкшую с рождения к кровавой пространии, но и подорвет мироощущение всей мировой коммунистической и вообще «передовой» общественности, к этому времени абсолютно просталинских (представители левой богемы, ругаясь, обзывали друг друга троцкистами). А перечисленные деятели, которых (кроме Адреаса Нина, убитого заграницей) заставили еще перед смертью оболгать себя, были робко оправданы, но не «открытым пролетарским судом», а тихим Постановлением Версуда СССР или РСФСР — да в громком оправдании уже и нужды не было. Делалось это всё по сугубо внутренним причинам, и мировой пролетариат тут был ни при чем. Его как действующей силы вообще в реальности не оказалось.

Но наивность эта не совсем невинна. Рейсс говорит об ответственности Сталина за преступления последних десяти лет, с 1927-го по 1937-й год, — преступления предшествующего десятилетия его явно не волнуют: преследовали не своих. Да и в обозначенных им границах сочувствия у него странная аберрация: Шахтинское дело, процессы Промпартии, историков, меньшевиков СВУ (мифического Союза Освобождения Украины) совесть его не затрагивают. Хотя все они состоялись после 1927-го года и все до одного были фальсификацией. Но самое поразительное, что совесть его не затрагивают коллективизация и раскулачивание⁹ — самые страшные и судьбоносные преступления партии в этот период, прямо или косвенно задевавшие тогда жизнь всего народа. Рейсс ставит себе в вину свое молчание, начиная только с процесса «шестнадцати»

Кстати, реальное представление о жизни народа у Рейссов было. Они прожили в Москве те три года (с 1929-го по конец 1932-го), которые как раз и

⁸ Сталин действительно полагал, что приход Гитлера к власти ему выгоден, так как тот бросится на западные демократии и развязнет ему, Сталину, руки. И он действительно заставил германских коммунистов вести самоубийственную политику. Как и советских генералов перед войной. С этой мечтой он не хотел расстаться и в трагическую ночь на 22 июня 1941 г.

⁹ Следовало бы тут упомянуть и индустриализацию. Но ее вклад в разрушение страны (о нем я пишу в других работах) для многих и теперь не очевиден. Что же спрашивать с Рейсса?

были годами сталинского наступления на жизнь. Они отчасти даже испытывали это на себе. Видели страдания, лишения, ежедневные муки простых и непростых людей, хотя сами были в относительно привилегированном положении (воспринимаемом ими после Европы как форма нищеты). Жизнь эта их возмущала, сострадание окружающим было им отнюдь не чуждо, но *идеологически* всё это растворялось в их общем отрицании Сталина и отдельной строкой в предъявляемом ему счете не стало. Историей России они не мыслили.

Между тем, воспоминания Порецки о московской жизни тех лет — очень живое и ценное свидетельство о том времени, о тогдашней жизни людей, об уже входившей в силу, но еще не до конца утвердившейся сталинщине.

Жизнь эта своеобразна. Что-то еще остается (и, скажу от себя, используется) от романтических времен. Семьи работников Разведуправы РККА живут в общежитии, похожем на барак, каждая занимает в нем одну комнату. Это далеко от хоромов на Фрунзенской набережной, больше соответствующих их положению (я не коммунист и не требую равенства), но меньше — прокламируемому мировоззрению. И снабжение у них только более сносное, чем у других, но не роскошное. И Елизавете Порецки постепенно становится понятным, как люди втягиваются в такую жизнь, привыкают к ней. И она привыкает — и к очередям, и к тому, что надо всегда при себе иметь тару на случай, если где-нибудь по дороге вдруг что-нибудь «дают». И к другому привыкает. Хоть коммунисту это зазорно, привыкает и к незаконному приобретению молока для ребенка. Ее шустрая домработница Лиза выменивала его у крестьян в родной деревне на лишние продовольственные карточки (Рейссам их презентуют друзья-холостяки), а хозяйка этого как бы и не замечает. Что сделаешь! Не оставлять же ребенка без молока! Но другие ведь тоже вели себя так именно по этой причине. «Не замечать» и «не знать» (и еще — «не понимать») — основные добродетели советского человека, воспитанные именно Сталиным.

Видела она и как эти, созданные Сталиным и допущенные партией (в том числе и «ленинской гвардией»), условия формируют новую «ментальность». На примере той же Лизы, которая стала обворовывать свою партийную хозяйку, а при обнаружении обдала ее фонтаном «классовой» демагогии. Она же третировала собственного отца, поскольку того вдруг объявили кулаком. «Партийные» хозяева, когда он приходил в гости к дочери, принимали его, разговаривали с ним, ему сочувствовали, а родная дочь от него отворачивалась, чтоб не знать с кулаками, — ковала свою судьбу. И незаметно судьбу своей родины тоже. Происходила порча. Ее Елизавета Порецки заметила и за собой. В углу сарай, относящегося к их дому, пристроился доктор-лишенец «из бывших», человек симпатичный и, естественно, интеллигентный. У нее с ним установились вполне человеческие отношения. Однажды этот бесправный доктор даже помог ей — дал ряд дельных советов по поводу болезни ее сына. Она была ему очень благодарна. Но когда после этого он попросил разрешения позвонить по телефону (общему для всего общежития), она оказалась в сложном положении. Ведь он все-таки считался лишенцем, а телефон был напрямую связан с ГРУ Наркомата обороны — видимо, с его коммутатором. Начала действовать советская сакральность. Она сочла, что не имеет права допустить такого человека до такого телефона

(а подсознательно и соседей, наверно, опасалась), и, стыдясь самой себя, отказалась. После этого они с доктором только вежливо здоровались при встрече, отношения испортились. И уже в шестидесятые годы, работая над своей книгой, она всё еще вспоминает этот эпизод со стыдом и болью. Все эти и подобные впечатления задолго до 1937 года в значительной степени готовили грядущий уход Рейссов.

Кстати, с обстановкой 1937 года, когда ни за что при полном молчании партии стали расстреливать самих коммунистов, они столкнулись тогда же — еще в 1932-м. Хотя тогда такое происходило только на Украине — видимо, в связи с началом «голодомора». По-видимому, предполагалось, что украинская интелигенция, в том числе и коммунистическая, будет слишком нервничать по поводу вымогательства своего народа — вот и наносился упреждающий удар. Вряд ли окружение Рейссов представляло себе до конца трагедию Украины, но все, кто его составлял, знали другое — внезапно был ни за что арестован и через неделю без суда расстрелян их товарищ и коллега, украинский (восточно-галицкий и американский) коммунист Павло Ладан.

В отличие от многих коммунистов-aborигенов, погрязших в собственных хитроумных тактических расчетах, интересах партии и обессиливающей диалектике, Рейсс, его жена и некоторые их товарищи убийства своего друга — понапачалу только одного — не простили. Может быть, потому, что они не прошли той школы разложения, которую «члены правящей партии» начали проходить с первых дней обретения безграничной власти, приводившей их часто и к потере представления о границе между средствами общественными и личными. Причем иногда это происходило без отрыва от самой горячей идеиности — читашь об этом и диву даешься. Даже такой, как будто чистый человек, как Адольф Иоффе, отдавший всё свое немалое наследство партии, в бытность свою послом в Берлине, позволял своей молодой любовнице (будущей второй жене) оплачивать счета из модных лавок и вообще личные счета через посольскую кассу. А такой вроде интеллигентный человек, как Л.Б. Каменев, поил гостей чаем из чашек с императорскими вензелями. А ведь до революции в кругу не только революционной, но и всякой русской интеллигенции при всей ее оппозиционности не было более позорящего звания, чем «казнокрад». Большевики сломали эту традицию. Только речь теперь (в первые, «романтические», годы их властования) шла уже не о казнокрадстве, а об открытом грабеже казны. Потом ситуация развивалась, принимая более организованные и «приличные» формы (привилегий, спецобслуживания). И то, что с ними случилось в 1937-м, можно рассматривать как естественное развитие установленной ими традиции, которая определила их беспомощность перед Сталиным. Потом это награбленное добро было конфисковано в свою пользу ежовскими энкаведистами, то есть раскуплено за гроши, но уже «законным порядком».

Вряд ли Рейссы понимали генезис окружавшей их обстановки, но саму ее аморальность они, особенно она, чувствовали остро. И поэтому изо всех сил стремились поскорей вырваться из советского рая. Это не в последнюю очередь определило переход Рейсса из ГРУ в НКВД — НКВД предоставлял такую возможность легче и быстрей. И они уехали. Но и уехав — осуществив желание

для большинства людей страны несбыточное, — они всё равно еще не ушли. Еще целых пять лет, зная о Сталине всё, что они о нем знали, продолжали служить своим идеям через него. Им, привыкшим жить ради идеи, сердцем которого была «Москва», страшно было остаться в идеологической пустоте. При всем своем личном благородстве они не понимали, что удовлетворяют свои личные духовные потребности за чужой счет.

Так вот и Бухарин когда-то, возмущившись «безобразиями», творимыми ЧК, и получив от Политбюро задание курировать это учреждение, но не сумев ничего там изменить, — был счастлив, получив другое ответственное задание. В ЧК продолжались бесчинства, но дело, которому служил Бухарин, не теряло от этого в его глазах своей святости. А ведь Бухарин интеллектуально был намного выше Рейсса и мыслил шире... Штурм небес и борьба за всеобщее благо учат мужественно переносить чужие несчастья.

Надо отдать должное Эльзе (так ее называли друзья) Порецки. Страдания окружающих ее задевали, и при всей левизне она это совсем по-«правому» ставила в вину Сталину. И это понятно — ее связь с Россией была органичней и тесней, чем у ее мужа: все-таки она родилась в русской Польше, кончила русскую гимназию. Всё это отразилось на ее состоянии в момент отъезда из страны.

«Поезд тронулся. Неустанно стучали колеса под нашим вагоном, темные пригороды советской столицы уплывали назад... И я понемногу осознала, что действительно уезжаю из Советского Союза, может быть навсегда!

Мы так мечтали с Людвигом об этом дне: вырваться! Вырваться из этой страны, где рухнули все наши надежды. Но — странное дело! — чем дальше отодвигалась Москва, чем ближе была долгожданная граница, тем больше горечи, грусти, тоски испытывала я. «Моя судьба навсегда связана с Россией», — шептала я себе сквозь подступившие слезы. Годы страданий и разочарований привязали меня к ней больше, чем годы надежд, обрушившиеся на нас всей своей новизной сразу после революции».

Конечно, собственная трагедия, трагедия ее коммунистической веры, и здесь заслоняет трагедию страны, но всё же как бы и спливается с ней. Эльза всё замечает. Утром они с сыном просыпаются заграницей¹⁰, и когда принесли завтрак, мальчик стал быстро и неумеренно поедать сдобные булочки, поданные к чаю, — одну за другой. Мать спросила его, зачем он так много ест, и услышала в ответ, что хочет наесться впрок, ведь такое бывает не каждый день. Мать уверила его, что теперь это у него будет каждый день. Но он всё равно припрятал две булочки. Зря, потому что он уже вырвался из социалистического рая. Но она, конечно, не могла не вспомнить об остальных детях необъятной страны, которые о таких булочках тогда и не мечтали. А других детей вывозили на Север вместе с раскулаченными родителями в зарешеченных теплушках, откуда они тянули исхудавшие ручки и просили не булочек — просто хлеба, а иногда и воды. И умирали без того и другого — на этом «этапе социалистического строительства».

¹⁰ По тексту они наутро проснулись в Германии, но так быстро поезда тогда не ходили — это aberrация памяти, — вероятно, утром они были только в Польше.

Рейссы знали про это, не принимали этого и все-таки государству, обрекшему детей на такое существование, служили еще четыре года. Надеялись на то, что кое-что от «настоящего коммунизма» в нем еще остается, и это перевешивает, мягко выражаясь, «слезу ребеночка». Трагедия коммунизма не может оправдывать этой психологии. Тем более, что кризис, который вел к этой трагедии, был заложен в коммунизме изначально.

3

Не знаю, как Эльза, но сам Игнас Рейсс так никогда уже и не узнал, что все годы борьбы жил в обстановке кризиса коммунизма, кризиса его любимой наукообразной утопии. Когда начался этот кризис? Строго говоря, в момент возникновения партии, штурмующей власть в расчете на поддержку мирового пролетариата — в середине 1917 года (то, что называлось большевизмом до этого, относится к нему только отчасти). Но явно кризис коммунистической утопии заявил о себе в 1921 году, когда стало ясно, что мировая революция «подвела», а уходить от власти ни Ленину, ни кому-либо из его соратников — от Троцкого до Сталина — не захотелось. Да и страшно было — столько преступлений совершили, исходя из того, что всемирный социализм всё спишет. И решили продержаться до подхода основных сил почему-то замешкавшейся мировой революции, для чего всемерно (практически, безмерно) укреплять власть. Нет, никто ни от чего не отрекался. Наоборот, был даже предпринят ряд попыток стимулировать мировую революцию в других странах — при помощи денег, агентов, а подчас и войск, но все эти попытки захлебнулись — пролетариат в целом не рвался играть написанную для него роль. Пришлось пойти на НЭП, но и тут искреннее сумасшествие «штурма небес» пытались законсервировать, настаивать на нем как на основе внутрипартийной жизни. Однако общая, в том числе и государственная, жизнь пошла уже по другому руслу, внимание раздавалось. И жизнь брала свое. Партийцы всё больше проникались психологией и интересами власти. А заодно и борьбой за нее друг с другом. Внутренняя жизнь общества и государства требовала всё больше и больше внимания. Это вроде бы естественно. Но ведь государство было не естественным, а идеократическим. Его объявленные цели были всегда внеположны по отношению к стране и ее населению. Ситуация была противоестественной, и этим потом воспользовался Сталин. Против его откровенно антисоветских мероприятий даже идеяная часть партии не протестовала, соблюдая верность внеположным целям, а противопартийные он проводил, пользуясь отчуждением, вызванным жесткой верностью «авангарда» этой внеположности. Рейсс и подобные ему интернационалисты нащупали эту двойственность с самого начала и ревниво отмечали и больно переживали любое отступление от этой внеположности. Для них — во всяком случае, теоретически — наша страна была, главным образом, базой мировой революции. Психологически это понятно. Они считали, что служат общему, а значит, и своему собственному делу, а всё, что намекало на то, что это не так, превращало их в наймитов. Для «национал-патриотического» гнева они дают много оснований. И в данном случае не совсем несправедливых. Но они никогда не были гражданами

нашей страны, не родились в ней, не учились в ней и никак не обязаны были быть ее патриотами. А если говорить о таких людях, как Рейссы, то и у «национал-патриотов» нет никаких оснований для претензий к ним — у них нет особой вины перед Россией. Они не участвовали ни в захвате власти, ни в красном терроре, ни в репрессиях, ни в колективизации — только «честно работали на нашу разведку». И даже искренне уважали Россию — за то, что российский пролетариат добровольно выбрал ту дорогу, честного следования по которой они требовали от Сталина.

На самом деле этой дороги не было. Интересы страны требовали отказа от идеологии, поддержки и безграничного развития НЭПа и так ужасавших Троцкого «реставрации капитализма» и «термидора». Но партия, ориентированная на внеположные интересы, в целом не была на это способна. Этого никто не хотел, даже «правые». Однако всё равно приходилось заниматься больше государством, чем революцией. Это обрекало искренних адептов коммунизма на беспочвенность и работало на Сталина. Он влез в этот зазор, использовал внеположность цели, которой партия жестко подчинила государство, и только незаметно подменил эту цель — интересы мировой революции — интересами собственного властовования. В Сталине не было никакой правоты, вместо необходимого стране отказа от коммунизма он установил коммунизм без коммунизма, власть еще более ужесточенных большевистских методов при обесмысливании цели. И ради этого он обрек страну на невероятные несчастья, подорвавшие, как сегодня видно, ее силы, которые были громадными, но не безграничными. Его счастье было в том, что ему противостояла откровенная и чистая беспочвенность. Беспочвенны были не только те, кто шел против Сталина, но и те, кто пошел за ним, за властью пустоты.

4

Одним из таких людей был заслуженный чекист и разведчик, генерал-лейтенант госбезопасности Павел Анатольевич Судоплатов. Тот самый, который с радостью принял в душу и бережно хранил в памяти версию, что поступок Рейсса был вызван растратой казенных денег¹¹. Мне кажется, что такова вообще традиция и внутренняя потребность советских разведчиков — сводить все мотивы коллег, которые ушли, не выдержав советчины (которой и сами знали цену, но терпели), к низменным мотивам: пьянству, разврату, корыстолюбию и т.п. Не знаю, только ли для других или заговаривая при этом и самих себя (с советским человеком такое случалось часто). Но знаю, что Судоплатов в подобных случаях говорит правду не всегда, и знаю это точно. Например, всё, что он рассказывает о разведчике Николае Хохлове, сбежавшем из СССР в конце 40-х гг., — неправда..

У него получается, что Хохлов перешел не к НТС¹², как было на самом деле, а непосредственно к американцам, и перешел не по убеждению, а запутавшись

¹¹ См. Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. М., «Гея», 1996.

¹² Народный трудовой союз — эмигрантская антисоветская организация.

в каких-то темных и полутемных делах. С НТС же Хохлова зачем-то (зачем?) связали потом сами американцы..

Всё это неправда.. О том, что взгляды Хохлова задолго до побега были отчего-либо оппозиционными и что его жена разделяла эти взгляды, я знаю от своих друзей, Вероники и Юрия Штейнов, сокурсников Николая по журфаку МГУ, друживших с этой семьей. Кроме того, не состоя в НТС, я тем не менее связан многолетними теплыми и дружескими отношениями со многими членами этой организации и ее Руководящего Круга, то есть, с людьми, с которыми Хохлов завязал свои первые отношения на Западе. Разговаривал я и с легендарным Г.С. Околовичем, одним из руководителей НТС, которого Хохлов послан был убить и которому первому открылся («Я капитан КГБ Хохлов и послан Вас убить»). И кроме того, я хорошо и давно знаком с самим Николаем Евгеньевичем Хохловым, так что историю его ухода на Запад знаю с двух сторон. Пришел он к энгелевцам потому, что во время своих «командировок» читал их издания и сочувствовал им. И поэтому, получив приказ убить Околовича, он не счел себя вправе его выполнить и решил уйти. С американцами свели его энгелевцы, ибо без них невозможна была его легализация. Но Судоплатову или тем, кто редактировал его книгу, нужна была беспринципность Хохлова, и они не учли, что еще живы свидетели.

Судоплатов рассуждает о малой компетентности Хохлова в делах разведки. Естественно, я квалифицированно возразить ему не могу. Но доказательства, которые он приводит, неубедительны. Он утверждает, что Хохлова и ЦРУ во Вьетнаме не смогло использовать по причине его некомпетентности. Но это неправда. То есть, Хохлова там ЦРУ действительно не использовало, и действительно по некомпетентности — только своей, а не Хохлова.

Хохлов вообще не предлагал ЦРУ своих услуг ни во Вьетнаме, ни где бы то ни было. Ибо в самом начале его жизни на Западе эта организация его страшно и жестоко подвела. И именно по некомпетентности, самомнению и равнодушию своих тогдашних работников. Перед его первым открытым выступлением по радио ЦРУ обещало ему, что незадолго до выступления его жену и сына увезут из его московской квартиры и спрячут в американском посольстве. Однако в последний момент эту операцию отменили. Это еще не было бедой. Если бы его об этом предупредили, он бы или вообще не говорил о жене, или сказал бы, что она ничего не знала об его решении. Но его не предупредили И, выступая по радио, он, как было условлено, рассказал, что жена разделяла его образ мыслей и заранее одобрила его поступок. После этого жена исчезла, и он, сколько ни пытался, ничего о ее судьбе узнать не мог — жил много лет с сознанием, что он ее предал и погубил. Относиться после этого с уважением и доверием к этой организации он не мог...

Но он работал Вьетнаме, только не от ЦРУ. Он был консультантом по разведке при первом президенте Южного Вьетнама. И работал квалифицированно, хотя и — по не зависящим от него причинам — безрезультатно. Понимая, что среди подданных Хо Ши Мина накопилось достаточно взрывчатого материала, он предложил и разработал проект создания «вьет-конга на Севере». И если «южный вьет-конг» состоял из переброшенных на Юг по «тропе Хо Ши Мина»

северных солдат, то предполагаемые партизаны «северного вьет-конга» представляли бы из себя реальное народное антикоммунистическое сопротивление. Безусловно, проект был перспективен, он мог повернуть ход войны. Но правительство США с подачи компетентного ЦРУ воспрепятствовало этому. Под предлогом, что это приведет к ядерной войне. Но при таком компетентном понимании обстановки вообще было некомпетентно высаживаться во Вьетнаме. Так что вопрос, кто компетентней, однозначно не решается...

Из сказанного не следует, что всё в книге П.А. Судоплатова — неправда. Так же как и то, что его можно целиком представлять в мрачных тонах. Чувствуется (и Н.Е. Хохлов в этом согласился со мной), что это человек умный, талантливый, вообще недюжинный; что он — личность, и личность трагическая. Под стать ему и его книга. Она всё время как бы балансирует между воспоминанием о подвигах, потребностью выговориться и самооправданием. И — заметанием следов. Нет, не в юридическом смысле. В этом смысле заметали следы те (в том числе и свободолюбец Хрущев), кем после смерти Сталина он нагло и несправедливо был арестован и осужден и кто потом долго сопротивлялся его освобождению и реабилитации. Судить его советской Фемиде было не за что. К массовым репрессиям и к фальсификации дел он отношения не имел. Конечно, ангельской работы в этой организации не было. Он участвовал в некоторых сомнительных операциях вроде впрыскивания яда Шумскому, одному из руководителей Украины в начале тридцатых (при Скрыпнике). Но никогда не был ни инициатором, ни движущей силой этих «ликвидаций» — так меланхолично называет он такие акции. Кстати, инициатором конкретно этой акции был Хрущев, тогдашний генсек Украины. Конечно, с перепуту. Мало того, что власть никак не могла справиться с бандеровским движением, так еще в это время в лагере сактировали Шумского. Это значит, что его отправили умирать домой, — просто больных и слабых не актировали. Но и в таком состоянии, находясь в одной из саратовских больниц, он сильно напугал Хрущева — написал несколько писем киевским знакомым. Письма явно не имели «кriminalного» характера — старый зек не мог не знать, что его письма перлюстрируются. Да Хрущев и не говорил о содержании писем — его взволновал сам факт. Ему, лично отвечавшему перед Сталиным за Украину (и для кого неспособность справиться с бандеровским движением могла обернуться крупными неприятностями), померещились за невинными письмами попытка сабирания сил, зачатки организационной деятельности. Он «догадался», что главные письма изможденный зек Шумский пишет и отправляет в некие загородные националистические центры — с целью восстановления связей (которых у него как у коммуниста не могло быть) и развертывания широкой борьбы против советской власти (с больничной койки). Почему-то просто, «по-нашему, по-простому», вернуть в лагерь только что сактированного зека Хрущев считал для себя неудобным, и он настоял на том, чтобы его тихо «ликвидировать» — слово, которое в книге Судоплатова употребляется часто и с большой легкостью. И проведена была государственная акция огромной важности — несколько генералов вместе с Хрущевым поехали в Саратов проследить за тем, что работавшая в больнице медсестра, «наш агент», сделала Шумскому вместо инъекции, назначенной врачами, инъекцию яда куаре. До-

казательств связей Шумского с заграницей, с удовольствием отмечает Судоплатов (поскольку кашу заварил Хрущев, которого он ненавидит), естественно, и после этого не обнаружилось. Но операция была проведена с блеском — никто ни о чем не догадался. Лежал изможденный и больной человек в больнице и умер — ничего подозрительного.

Повторяю, Судоплатов юридической ответственности за эту операцию не несет, он не был ее инициатором и не мог отвертеться от участия в ней. Тем более, не вправе был судить его за нее Хрущев, ее затеявший. Но если отвлечься от юриспруденции, то это участие в реализации чужого бреда всё равно преступно и несовместимо с человеческим достоинством. Судоплатов не мог не понимать, что всё это бред, не говоря уже о том, что столь страшным врагом Шумский выглядит из-за того, что сидел в лагере, а сидел он там ни за что (был таким же украинским коммунистом, как и сам Судоплатов). Тем не менее он должен был не только участвовать в этом идиотском преступлении, — он должен был и выказывать серьезное отношение к его смыслу.

Но выказывать серьезное отношение к любой бессмыслице Судоплатов, этот коммунист-идеалист, как и все советские деятели, привык давно, ибо привык легко и даже поспешно (пока голова цела) предавать и свой идеализм, и коммунизм. Я говорю не о предательстве общей морали, свойственном коммунизму вообще, а о предательстве именно коммунизма, точней, ленинизма¹³, свойственном сталинщине. Первым деянием, приобщившим его к сталинщине, было убийство Троцкого.

В убийстве Троцкого есть одна характерная деталь. Все, кто выполнял это облеченнное в форму приказа желание Сталина, были духовно ближе тому, *кого* убивали, чем тому, *кто* их послал убивать. Как мы знаем, Павел Судоплатов, осуществлявший общее руководство операцией, не без оснований называл себя коммунистом-идеалистом. Во всяком случае, таким он был когда-то. Вероятно, и Эйтингон, руководивший убийством на месте, мог бы о себе былом сказать то же самое... Какая же нелегкая погнала этих двух коммунистов-идеалистов убивать третьего такого же? Никакая. Только мстительность Сталина. Так два идеалиста-коммуниста стали на путь предательства — нет-нет, не Родины, только самих себя, смысла своей жизни¹⁴. На путь не отказа от коммунизма, чему я бы только сочувствовал, а именно предательства. Правда, массовое предательство коммунизма Сталину, к которому причастны и они, началось раньше. Но явное предательское действие эти двое совершили теперь. Я отнюдь не скорблю о

¹³ Оговорка нелишняя. История большевизма — эскалация измен! До 1917 года он был хотя и крайне левым, но течением в социал-демократии. И некоторые из большевиков (Красин, Соломон и др.) захвата власти с расчетом на мировую революцию не одобрили, отнесли это к ленинизму, который считали изменой большевизму. Сталинщина уже была изменой ленинизму.

¹⁴ Это не юридическое обвинение. Перед любым советским судом Судоплатову отвечать было не за что. Разве что перед трибуналом, подобным Нюрнбергскому, да и то вряд ли. Ни в каких массовых репрессиях он участия не принимал, и то, что он при Хрущеве сидел в связи с Берией, было не расплатой за беззакония, а их продолжением. Здесь речь об ином предательстве.

Троцкому. И, кроме того, если бы его убил какой-нибудь член Российского общевоинского союза (РОВС) по заданию своей организации, я бы и слова не сказал. Как не имею никаких морально-политических (опуская общнеравственные) претензий к убившему Войкова Коверде. Стоило это делать или нет, это выглядело бы — хотя бы в собственных глазах агента РОВС — как справедливое возмездие. Впрочем, РОВСу это было не нужно. Нужно это было Сталину — из личной ненависти.

Судоплатов тут впервые выступил как «шестерка». И то сказать, необходимость убить Троцкого спасла жизнь ему самому. Ему и привлеченному им к этой операции Эйтингону. Ведь на дворе был год 1937-й, и они оба тогда — Судоплатов фактически, а Эйтингон и формально — были отстранены от дел и должны были разделить судьбу остальных «коммунистов-идеалистов». И тут им пофартило — Сталину позарез понадобилось убить Троцкого, а «мастеров» почти всех пересажали, выдвиженцы же их заменить не могли — тут и вспомнили о Судоплатове. Это спасло ему жизнь. И в значительной степени погубило душу — научило плыть среди подвижных рифов сталинщины, подгоняя под ситуацию мысль и чувства. Это удел многих, не только чудом уцелевших чекистов. Но для последних вопрос уже был не в том, стать шестеркой или нет, а в том, чтобы быть шестеркой наиболее чуткой и расторопной — чтобы вовремя почувствовать волю пахана, успеть увернуться или заслониться кем-то другим — промедление (или принципиальность, или верность чему-либо) смерти подобны — точней, тождественны ей.

Положение невыносимое, и именно поэтому Судоплатов, умный человек, оказавшийся во власти столь глупых, но непреодолимых обстоятельств, хватается за любую глупую ложь, чтобы признить тех, кто так или иначе этим обстоятельствам не покорился. Договаривается он и до реанимации — в смягченной форме — сталинской лжи о сотрудничестве троцкистов с гестапо (они, дескать, подставляли под удары гестапо «наших товарищей»). Возможно, эти «товарищи» сами это выдумывали. Зная чувства сюзерена, они объясняли такой троцкистской подлостью свои провалы и неудачи. Но что эта выдумка перед тем, что реально вытворяли сами эти «товарищи» над всеми антисталинскими или просто несталинскими коммунистами во всем мире! При том, что интересы войны этого не требовали — Троцкий перед смертью успел призвать своих сторонников в начавшейся войне защищать СССР как все-таки, несмотря ни на что, социалистическое государство... Конечно, Троцкий оставался Троцким, но речь о том, что Судоплатов не оставался Судоплатовым, а стал шестеркой при пахане (хочется сказать: при Сатане).

Но Судоплатов и Эйтингон, как и Шпигельглас, хоть шкуру спасали, которую с них уже однажды едва не содрали. А ведь в убийстве Троцкого участвовал и левый художник Сикейрос — его-то с чего в сталинизм потянуло? Даже если отвлечься от «художественных вкусов», которые Сталин вскоре начнет насаждать, что в нем вообще было «левого»? А вот Троцкий был воплощением левизмы. Но Сикейрос пошел в бой за Сталина. Не «за Родину — за Сталина», а просто — за Сталина — за всё, что он своей персоной НИ символизировал. Да он ли один? — как здесь уже говорилось, почти вся мировая богема превратила слово «троцкизм» в ругательство. А что она в этом понимала? Да и сам убийца Троцкого

Рамон Меркадер и готовая на всё ради революции его неугомонная матушка Карнидад как тут оказались? Ведь они профессиональные революционеры, мятежники, просящие бури, — Сталин таких на дух не выносил, в тайгу — и это в лучшем случае — их загонял (но использовал, когда могли сгодиться), а они — каштаны из огня для него таскать. Им по близости натура с Троцким бы в экстазе сливаться, а они — вон что. Сумасшедший дом творился тогда и внутри самого коммунизма, изнасилованного Сталиным. Конечно, тут уместно сострить, что порядочные девицы не ходили туда, где с ними бы такое могло приключиться, но я и не выдаю коммунизм за нечто порядочное.

Да, свои своих убивали, «служа во имя общего блага» тому, кому на это «благо» было наплевать и кто так его воспринимавших готов был бы уничтожить всех. Да, те, кто до этого вполне «разумно» одобрял и вводил в обычай расстрелы «несвоих», сами преступники. Но факта изнасилования это не отменяет. Эпоху преступной идеиности сменила эпоха преступной безыдейности — понятие, с определением которого читатель этой работы уже знаком.

Характерный факт. Чтоб представить, как трансформировалось наше идеократическое государство и представление о его сути в мозгах «партаактива», приведу произнесенные уже в середине 90-х слова одного крупного функционера, просвещенного советского идеологического чиновника, возглавлявшего в последние годы существования Главлита его отдел по контролю общественно-политической и художественной литературы, — Владимира Алексеевича Солодина. Интервьюируемый по другому поводу, он так ответил на заданный между делом вопрос о том, был ли интернационалистом главный идеолог КПСС М.А. Суслов:

«В мое время в высших партийных кругах интернациональные идеи были уже малопопулярны. Что ни говори, «интернационализм» — троцкистское течение в партии» (выделено мной. — Н.К.)

«Что ни говори!»... Владимир Алексеевич — человек достаточно грамотный, историю партии изучал прилежно и прекрасно знает, что интернационализм — не атрибут какого-либо одного течения в партии, а с самого начала — важнейшая составляющая общепартийной идеологии. Другое дело, что от этой идеологии в интересах страны и народа следовало давно отказаться. Но ведь не отказывались — другой идеологии, кроме этой, неотделимой от интернационализма, у партоакратии просто никогда не было. Все, в том числе неоднократно и сам Сталин, клялись в верности интернационализму. При этом, правда, чем позже, тем больше задвигая его подальше. Но оставаясь идеократией, коммунистические руководители, среди которых интернационализм непопулярен, являются активными носителями и распространителями пустоты. Интернационализм в их среде неофициально, в качестве интимной идеологии, быстро замещался не патриотизмом, не заботой о стране и народе, а шовинизмом, проще говоря, нацизмом — милым сердцу тоталитаризмом, но без всемирности. В этом кругу оказался и бывший коммунист-идеалист П.А. Судоплатов. Нельзя сказать, что ему в нем всё нравилось. Не нравился, например, антисемитизм. И тут он проявил даже мужество и достоинство — ни разу ему не поддался. А в 1951-м году, когда государственный антисемитизм быстро двигался к своему апогею, когда высокопоставленные холопы, теряя не только человеческое, но и элементарное муж-

ское достоинство, по высказанной и невысказанной воле Сталина легко бросали своих ставших неподходящими жен, он официально зарегистрировал свой брак с женой-еврейкой — до этого, с двадцатых годов, по старинной комсомольской традиции они жили без регистрации (считалось, что это ненужное мещанство). Деятельность его жены, которая тоже была чекисткой, а одно время даже «работала» среди творческой интелигенции, умиления вызвать не может. Но эта пара в такое время сохраняла абсолютную верность друг другу, да и попавшим в беду товарищам тоже — не так это часто встречалось в этой среде после сталинских «чисток». Ведь чистки — особенно в этой среде — как раз и были чистками от верности, были направлены против всяких связей. Но я ведь предупредил, что пишу отнюдь не о худших людях. Н.Е.Хохлов, даже после того, что Судоплатов о нем наговорил, сохранил о нем воспоминание как о неплохом и отнюдь не счастливом человеке — а знал он его на пике карьеры. Но служба Сталину несовместима с сохранением достоинства и здравого представления о самом себе, своем положении и об окружающем.

И закончил он жизнь гимном украинскому сепаратизму, борьбе с которым отдал лучшие годы жизни. Как будто не он в начале 30-х «ликвидировал» — путем теракта — руководителя украинских националистов полковника Коновальца¹⁵. И как будто не он в конце сороковых принял активнейшее участие в ликвидации бандеровского движения. Он разражается одой в честь украинской независимости так, будто Советское правительство в целом и он как представитель государственных спецслужб в частности на протяжении всей советской истории только тем и были заняты, что готовили Украину к независимости. И вот, наконец, теперь достигли своего. В этом восторге оказывается сталинская выучка — умение быстро (для высокопоставленной шестерки опоздание смерти подобно) понять и признать высшей мудростью любой поворот больной мысли сюзерена. Сюзерена нет, но есть нечто, кажущееся порядком вещей. И вошедшая в кровь необходимость соответствовать ему... Всё это — следствия его участия в убийстве Троцкого. Тогда он ступил на зыбкую почву идеологической безыдейности, лишился того, что Эльза Порецки называет идеологической совестью (атеистический аналог религиозной искренности). А пройти удалось по ней очень далеко. И хотя потом, в «либеральные времена», его сделали «козлом отпущения», он с этого пути уже не сошел никогда. Коготок увяз, и вся птичка пропала.

Таковы судьбы двух «коммунистов-идеалистов» в нашу эпоху, судьбы людей, прочно связавших свою судьбу с идеократией, с попыткой силой установить некий идеальный порядок на земле — попыткой, у которой уже поэтому не было другой перспективы, кроме как выродиться во что-то отвратительное. У нас это выродилось в сталинщину, в чистую дьявольщину. Я давний враг всех попыток нивелировать сталинщину, но не следует и забывать, что не будь идеократии, нечemu было бы так вырождаться.

¹⁵ Я не касаюсь этого подробно не потому, что одобряю, а потому, что этот теракт не противоречил его идеологии, не был изменой самому себе. А статья только об этом.

Но всё было. В создавшихся условиях мои герои выбрали два разных пути. И каждый по своему пришел к трагическому концу. Один потерял жизнь, другой — благодаря «счастливому» стечению обстоятельств — «только» самого себя. Третьего не было дано. Отказ от коммунизма, от штурма небес, смиренное открытие, что вернее труд и постоянство, то есть стремление улучшать наличную жизнь вокруг себя, а не принимать на себя божественную функцию и создавать новую — к этой коллизии не относится¹⁶...

Кстати, в наше время в личном плане и такой путь не гарантировал благополучного конца.

Но он спасал душу.

¹⁶ Встает вопрос о пути Орлова. Но он спасал только шкуру. Дело естественное, но люди, участвовавшие в том, в чем участвовал он, не имеют права на эту роскошь. Поэтому рассматривать его судьбу нет необходимости — ее нет. Это не значит, что нельзя пользоваться оставленными им свидетельствами. Можно и нужно.

ГРУБОЙ ЖИЗНЮ ОГЛУШЕННЫЙ...

(Письмо В.Ф. Ходасевича Л.Б. Каменеву)

Ремесло вождей поневоле располагает к собирательству. В их личных архивах постепенно скапливаются бумаги входящие и копии исходящих, обрывки частной переписки и полуофициальная корреспонденция, слезные прошения и почтительные ходатайства, осмотрительные ябеды и безоглядные доносы. Вождям не нужно охотиться за своей добычей в антикварных лавках или букинистических магазинах, подобно коллекционерам-любителям. Уникальные трофеи они получают преимущественно из канцелярии, методично преобразующей эпистолярный жанр в документальный.

В тяжкие годы военного коммунизма несомненное влечение к собирательству проявил Л.Б. Каменев — партийный литератор и давний ленинский сподвижник, безуспешно пререкавшийся с вождем мирового пролетариата на протяжении всего 1917 года. Избранный председателем ВЦИК 27 октября 1917 года, он продержался на этом посту всего неделю и подал в отставку в знак несогласия с «линией ЦК». В феврале 1918 года Ленин отрядил своего честолюбивого, но порой несговорчивого соратника поджигать революцию в Западной Европе, и уже в марте Каменев очутился в финской тюрьме, откуда его, слегка похудевшего и присмиревшего, удалось выгнать лишь в августе. По приезде в столицу он быстро откормился и заступил на место председателя Московского Совета.

Этот, склонный к полноте, низкорослый сангвиник произвел поначалу благоприятное впечатление на вымирающую интеллигенцию. Ей импонировало его поведение после октябрьского переворота. В нем очень хотели видеть собрата-литератора, чуть ли не либерала, почему-то затесавшегося в компанию к лживым фанатикам и недалеким радикалам, на худой конец необычного сановника, способного на маленькие компромиссы в большой внутренней политике. От легковерия, но чаще все-таки от безысходности, представители так называемых творческих профессий обращались к нему за поддержкой и защитой, и кому-то он действительно помогал.

Виктор
ТОПОЛЯНСКИЙ

— родился в 1938 году в Москве. Окончил 2-й Московский медицинский институт им. Пирогова. Доцент Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова. Автор нескольких монографий и ряда статей в области медицины, книги «Вожди в законе» (1996); выступает как публицист в периодических изданиях. Живет в Москве.

Реноме заступника он утратил в 1921 году, когда в качестве председателя Всероссийского комитета помощи голодающим («Помгола» или, по знаменитому ленинскому определению, «Прокукиша») сыграл фактически роль провокатора. Но в предшествующие годы многим чудилось, будто Каменев обладает какими-то, пусть хотя бы зачаточными, представлениями о порядочности. Никто ведь не знал, что еще в 1910 году, в разгар эмигрантских склок, Троцкий обнаружил в его характере «несравненный цинизм» и «нравственную распущенность худшего пошиба»¹. Впрочем, Ленин ценил Каменева не только за эти качества.

На уドчуку репутации председателя Московского Совета попадались прежде всего артисты и писатели. Однажды к нему апеллировал и проницательный В.Ф. Ходасевич — человек тонкого, точного и едкого ума, давно привыкший обходиться без иллюзий и не обученный сервильному приспособлению. В минуту, близкую к отчаянию, «грубой жизнью оглушенный, нестерпимо уязвленный», он адресовал Каменеву письмо с просьбой о содействии².

3 июля 1919

Многоуважаемый Лев Борисович,

15 лет, проведенных в шкуре российского стихотворца, т.е. 15 лет катаржного труда, эксплуатации и попыток урвать в месяц полдня для действительного творчества, а не литературной поденщины, принесли мне в результате сырой полуодуван на окраине города, обставленный мебелью с толкучего рынка, туберкулез позвоночника и непрестанную томительную тревогу только об одном: смогу ли я завтра работать? При всем том, я считал себя «устроенным».

Минувшую зиму провел я в валенках, под шубой, сбившись с семьей в одну комнату, отопляемую самоварами и теснотой. Мечтал о лете, как времени для работы. Оно настало, и преодолевая всякие препятствия: полуоголодную жизнь, двухнедельную испанку, отсутствие света, дальние расстояния, хлопоты с мобилизацией (я дважды получил освобождение, как незаменимый работник, и пять раз белый билет по болезни, а 11 июля буду проделывать все это еще по разу), — словом, борясь со всеми затруднениями, я было принялся за работу. Но теперь — новая беда.

Живу я с женой, пасынком 12 лет и прислугой (жена служит). Но горе в том, что эти четыре человека (включая меня) размещены в клетушках, из которых ни в одной не поставить двух кроватей. Но их целых шесть, что на бумаге делает меня прямо-таки буржуем. Поэтому, несмотря на подвал, жилищный отдел Хамовнического Совдепа решил меня «уплотнить», поселив ко мне других жильцов из этого же дома. Это значит, что пока тепло и можно пользоваться всей квартирой, я, нервничая и слушая за перегородкой идиотские обывательские разговоры о муже, дороговизне, «кооперации» и т.д., вновь буду лишен возможности работать, а с наступлением холода, когда едва ли не всем, с новыми жильцами вместе, придется перебраться в две, а то и в одну комнату, — настанет для меня жизнь вовсе невыносимая. Даже служба моя требует домашней работы, т.е. тишины, которой я не смогу добиться от чужих людей. Отнять у меня тишину в доме — то же, что

¹ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 323, оп. 2, д. 156, лл. 84—85.

² РЦХИДНИ, ф. 323, оп. 2, д. 164, лл. 65, 65 об. Подлинник.

лишить столяра верстака, рабочего выгнать с фабрики. Это понял даже тот мальчик, который приходил ко мне из жилищного подотдела. Он видел мою квартиру. Но этого не поняло его начальство, заочно решившее меня уплотнить, несмотря на предоставленную копию Вашего письма (№ 3174). Исполнило ли оно то, что сказано в письме, запросило ли Вас? Я уверен, что нет.

Простите, что беспокою Вас. Мне совестно это делать, зная, как Вы заняты. Но я всё же надеюсь, что, зная писательское житье не понаслышке, Вы захотите что-нибудь сделать для меня и моей семьи, для избавления нас от этого бедствия. Я не преувеличиваю. Ольга Давыдовна³ зимой не раз спрашивала, «не нужно ли мне что-нибудь». Я благодарил, говоря, что у меня всё есть. Но вот теперь истинная беда: я лишился возможности работать. Это ужасно и морально, и материально.

Домовой Комитет предупредил меня, что сегодня я получу бумагу о вселении. Я потому-то и бью тревогу. Потом будет труднее освобождаться от людей, уже вселившихся в квартиру.

Еще раз — простите.

Уважающий Вас Владислав Ходасевич.

Мой адрес: Плющиха, 7-й Ростовский пер., д. 11, кв. 24,
тел. 4-53-91. Район — Хамовнический⁴.

Надо полагать, что Каменев посодействовал. Весь следующий год семья поэта прожила без подселенцев. Как прошла зима 1919—1920 годов Ходасевич описал в автобиографии: «В полуподвальном этаже нетопленного дома, в одной комнате, нагреваемой при помощи окна, пробитого в кухню, а не в Европу. Трое в одной маленькой комнате, градусов пять тепла (роскошь по тем временам). За стеной в кухне на плите спит прислуга. С Рождества, однако, пришлось с ней расстаться: не по карману. Колол дрова, таскал воду, пек лепешки, топил плиту мокрыми поленями. Питались щами, нелегально купленной пшеничной кашей (иногда с маслом), махоркой, чаем с сахарином. Мы с женой в это же время служили в Книжной Палате Московского Совета: я — заведующим, жена — секретарем⁵.

К весне 1920 года Ходасевич свалился и покрылся фурункулами, к осени немного оклемался. С юности хрупкий, а после тяжелой травмы позвоночника в 1915 году и присоединившегося туберкулеза просто истощенный, теперь, после трехлетней нужды и недоедания, он выглядел совершенно изможденным. Несмотря на немощность и хроническую боль в позвоночнике, медицинская комиссия сочла его пригодным к строевой службе. На этот раз его спасло вмешательство Горького. После нового освидетельствования Ходасевичу в очередной раз вручили белый билет. В ноябре 1920 года он переехал в Петроград, а в 1922 году эмигрировал.

³ Ольга Давыдовна — жена Каменева и сестра Троцкого, с 1918 по 1920 годы возглавляла Театральный отдел (ТЕО) Наркомата просвещения.

⁴ Старый четырехэтажный дом №11 по 7-му Ростовскому переулку, примечательный лишь своей заурядностью в прошлом и неухоженностью в настоящем, пока еще стоит на отшибе, за современными зданиями, на высоком берегу Москвы-реки.

⁵ Ходасевич В. Колеблемый треножник: Избранное. М., 1991. С. 617.

От редакции

После выхода 97-го номера «Континента» на имя главного редактора журнала И.И. Виноградова пришло следующее письмо:

Глубокоуважаемый Игорь Иванович!

Полтора года тому назад я написал материал, который представил собою отклик на появление первого выпуска альманаха «Regnum Aeternum» («Царство Вечное»), главным вдохновителем которого был небезызвестный московский протоиерей Валентин Асмус. Этот отклик я назвал «Язычествующие. Об одной антицерковной идеологии» и посвятил его богословскому и церковно-историческому разбору той православной концепции, которую автор Вашего журнала Владимир Шохин справедливо характеризует, как цареславие, по сути подменявшее собою для некоторых собственно православие.

Этот отклик был предложен мною трем изданиям, публикующим материалы на богословские и церковно-общественные темы — одному солидному еженедельнику, одному ежеквартальному и одному ежегодному альманаху. И хотя эти издания отнюдь не склонны к интегризму или обскурантизму, более того — известны своей «открытостью», я всюду получил отказ. Еженедельник отказал мне под предлогом большого объема моего материала (хотя там в это время из номера в номер публиковались довольно пространные и не слишком актуальные сочинения других богословствующих авторов). Ежеквартальник отказал под тем предлогом, что он-де издание «академическое», а мой материал слишком «публицистичен» (хотя дерзко думать, что у меня как у профессионального богослова и историка Церкви уровень пресловутого академизма не ниже, чем у большинства авторов этого ежеквартальника). Наконец, ежегодный альманах, где, кстати, уже не первый год я постоянный автор, отказал мне под тем предлогом, что мой материал не вписывается в композицию очередного выпуска. Я не случайно описываю Вам эти обстоятельства, ибо смею думать, что подлинные мотивы отказа во всех трех случаях состояли не в указанных причинах, а в том, что никто из издателей не хотел, что называется, «портить отношения» с упомянутым протоиереем В. Асмусом, точнее со стоящим за ним Свято-Тихоновским богословским институтом, за которым в свою очередь стоит, как известно, уже Московская Патриархия. По-видимому, им лишний раз не хотелось вызывать на себя громы и молнии также на волнах и страницах пресловутого «Радонежа», где о. протоиерей всегда желанный гость.

Но вот мне в руки попал 97-й номер Вашего журнала, где я прочитал полемику о. В. Асмуса с Владимиром Шохиным и достойный ответ последнего. Особенно меня поразили слова о. Валентина: «Хочет того Шохин или нет — Константиновский период есть нормативный период Церкви. До него — хаос становления, после — хаос разрушения, независимо от того, кто разрушает — турки, большевики или «Демократия». Признаюсь, что в своей жизни я не читал ничего по существу более антицерковного и антихристианского. Итак, согласно протоиерою В. Асмусу, получа-

ется, что когда Христос основал Свою Церковь, Он породил «хаос становления». И это в той Церкви, где изначально было установлено всё то, что, согласно известному библейскому принципу, следует хранить, ничего не прибавляя и не убавляя. В свою очередь, когда Римское государство, всегда остававшееся по своей внутренней сути языческим, внутренне поработило Церковь, усвоив христианству функцию имперского культа, для нее, оказывается наступил «нормативный» период истории. И, наконец, теперь, когда путем великих жертв и борений Церковь возвращается к первоначальному замыслу о ней ее Божественного Основателя, для нее, видите ли, наступил «хаос разрушения».

Понятно, что такая трактовка церковной истории не может оставить меня равнодушным, и потому я направляю свой материал Вам, надеясь, что тем внесу свой посильный вклад в развернувшуюся на страницах «Континента» дискуссию о путях Церкви в России. Я смиленно сознаю, что отклик на ту или иную публикацию относится в журналистике к «скоропортящимся» жанрам. Однако в данной ситуации меня извиняет то обстоятельство, что первый выпуск «Regnum Aeternum» так до сих пор остается и последним. А главное — он представляет собой программный манифест современного российского квази-православного интегризма, по-прежнему требующего адекватного ответа со стороны верящих в здоровое развитие Российской Церкви. Так что, думаю, Владимир Шохин зря поспешил назвать свой вполне добротный материал «В завершение дискуссии». Очевидно, что в истории нашей Церкви сейчас еще едва проступают контуры будущего переломного момента, так что дискуссии по-настоящему только еще начинаются.

Искренне Ваш игумен Иннокентий (Павлов)
Рождественский пост 1998 г.

Как увидит читатель, присланная вместе с письмом игумена Иннокентия статья «Язычествующие» действительно имеет самое прямое отношение к дискуссии, начатой на страницах «Континента» статьями Владимира Шохина и о. Валентина Асмуса (см. №№ 92, 94, 97).

Полагаем, что нашим читателям будет небезынтересно познакомиться с нею — как потому, что она вносит в обсуждение столь острой темы некоторые новые моменты, так и учитывая ту ее предысторию, о которой игумен Иннокентий рассказывает в своем письме.

ЯЗЫЧЕСТВУЮЩИЕ

Об одной антицерковной идеологии

Чтобы не интриговать читателей, скажу сразу о чем идет речь. «Язычествующие» — это отнюдь не неоязычники из числа тех, кто стремится возродить славянское (древнерусское) язычество и кого уже в количестве десяти религиозных организаций зарегистрировал Минюст. Что о них говорить? — *Внешних судит Бог* (1 Кор 5:13). Нет, речь пойдет о тех, кто хотя формально и пребывает в церковной ограде, но, увы, отнюдь не способствует созиданию Церкви. Более того — объективно препятствует ее миссии в современном мире. Поэтому их идеологию я и не вижу возможности назвать иначе, чем антицерковной. Наименование этого течения (или по религиоведческой терминологии — толка) дано мною по аналогии с «иудействующими», которые также представляли определенное течение (или толк) в среде Церкви века апостольского и с которыми Павлу приходилось постоянно вести борьбу. При этом он их справедливо называл лжебратьями (2 Кор 11:26; Гал 2:4).

Напомню читателям, что *иудействующие*, имевшие место в Первоначальной Церкви, абсолютизировали обрядовые предписания Моисеева Закона, заставляя христиан, обратившихся из числа язычников, их исполнять, хотя для последних, вступивших в Новый Завет с Богом через крещение во имя Господа Иисуса, это было совершенно излишне. Зато своими проповедями *иудействующие* вносили немалое смущение в ряды первого поколения христиан, почему Павел решительно и выступал против них (см., например, Послание к Галатам).

Что же касается язычествующих, то они тоже занимаются абсолютизацией того, что Церкви по существу чуждо. А именно — ее продолжающегося почти 1600 лет пленения монархическо-абсолютистским государством.

**Игумен
ИННОКЕНТИЙ
(ПАВЛОВ)**

— родился в 1952 году в Москве. В 1983 году окончил Ленинградскую духовную академию. Кандидат богословия. Автор ряда работ по истории Церкви, наиболее известные из которых «Введение в историю русской богословской мысли» (М., 1995) и «Учение Двенадцати Апостолов» — введение, перевод и комментарии» (М., 1996). Как публицист выступал на страницах «Независимой газеты», «Сегодня», «Русской мысли», «Церковно-общественного вестника» и «Посева». В настоящее время преподаватель Библейско-богословского института св. ап. Андрея и ведущий Христианского церковно-общественного канала. Живет и работает в Москве.

Но почему же все-таки сторонники такой абсолютизации названы мною именно язычествующими?

Дело в том, что вопреки историческому мифу, насаждаемому в прошлом и поддерживаемому теперь сторонниками этого течения, в эпоху, последовавшую за царствованием Константина Великого (с 40-х гг. IV в.), происходила не христианизация Римской империи, а ваязгивание Христовой Церкви, которая по воле императорской власти и при покорности вкушивших от земных благ церковных владык начала заступать теперь место прежнего языческого имперского культа, оказавшись в противовесственной для себя роли не просто даже сакрализатора этой власти, но и безоговорочной идеологической ее прислужницы. Да, при этом Церковь (точнее, — ее земные владыки) получала известные привилегии. Однако я не случайно говорю об одновременном ее пленении государством, оставшимся по своей самодовлеющей сути языческим, поскольку она оказалась во многом стесненной им именно в сфере своей внутренней жизни, о чем нам многократно свидетельствует история*. И хотя лучшие умы Российской Церкви в свое время дали духовно-трезвую оценку как этому периоду, так и положению Церкви в России под абсолютистским гнетом, тем не менее мы и сейчас встречаем в церковной ограде лиц, которые бы хотели повернуть колесо истории вспять. Причем среди них есть и епископы, и клирики, и представители самой что ни на есть казалось бы рафинированной церковной интеллигенции. Их активность стала давать знать о себе с падением коммунистической идеократии и особенно возросла в связи с продолжающейся не первый год борьбой вокруг возможной канонизации последнего Российского Императора, что вызывает немалое смущение у многих православно верующих россиян, а у остального общества вообще порождает сомнение в адекватности Русской Церкви своему Призванию и Достоинству. Вот уж воистину тот самый случай, когда свобода (имея ввиду наличествующую теперь в России свободу слова и убеждений) служит соблазну! (1 Кор 8:9).

Впрочем, для того чтобы лучше выявить весь содержательный комплекс «идей» обозначенного мною течения, разумнее всего, конечно, предоставить слово идеологам. Но сначала я хочу сказать несколько слов об источнике, откуда мною переписаны приводимые ниже высказывания. Это альманах *«Regnum Aeternum»* («Царство Вечное») (Москва—Париж, 1996. Вып. 1 и пока единственный), редакционный совет которого составили протоиерей В. Асмус, В. Моров, С. Пален и Л. де Ру.

Следует отметить, что материалы альманаха неравнозначны, а их набор, пожалуй, даже несколько эклектичен. Так, почти половину альманаха занимают публикации материалов, имеющих лишь относительный исторический интерес — таких например, как очерк Л. Тихомирова (1852—1923) об Александре III или «Размышления о Франции» графа Жозефа де Местра (1753—1821).

Есть и работы современных авторов, из которых следует отметить два добродотных литературоведческих этюда — Н.Н. («Петербургский исход. «Причата-

* Я оставляю здесь в стороне светскую власть иерархии на латинском Западе, отметив лишь, что этот несомненный выверт в христианском сознании во многом явился реакцией на цезарепапизм в Византии.

ние» Анны Ахматовой и традиции древнерусской литературы) и В. Морова («Скрижаль свободы. Святитель Филарет и наполеоновская легенда Пушкина»), явно выпадающих из идеологической заданности альманаха. То же можно сказать и об исследовании молодого ученого-востоковеда А. Муравьева «Учение о христианском царстве у преп. Ефрема Сирина». Этот труд, изобилующий цитатами на сирийском (который в Москве знает едва ли более десятка-другого человека), мог бы стать подлинным украшением специализированного издания — такого как, скажем, «Палестинский сборник». Что же касается главного вывода г-на Муравьева «об определенном единстве политico-теоретических взглядов на пространстве от константинополя до отдаленного Несевина» во 2-й пол. IV в., которые характеризуются им как «христианская имперскость», то думаю, досточтимый исследователь отдает себе отчет, что они были исторически обусловлены соответствующими социально-психологическими факторами.

Но открывают альманах статьи трех французских авторов-монархистов: В. Волкова («Русская монархия»), Ф. Блюша («Монархия и Царство») и К. Руссо («Монархия и гражданство»), которые носят уже чисто идеологический характер, ставя целью реабилитацию мифа об абсолютной монархии как о богоустановленной, а потому и лучшей форме государственной власти. А далее следуют два этюда прот. В. Асмуса «Происхождение царской власти. К истолкованию 1 Цар. VIII» и «Седьмой Вселенский Собор 787 г. и власть императора в Церкви». Для этих небольших работ тоже характерна отчетливая идеологическая заданность, а в силу этого и отсутствие необходимой критичности в отношении фактов. Оттого-то они и оказываются довольно беспомощными как в эзегетическом, так и в церковно-историческом планах. Так, скажем, о. В. Асмус пытается переосмыслить в духе своей идеологии рассказ 8-й главы 1-й книги Царств об установлении в Израиле царской власти (как у прочих народов — 1 Цар 8:5) вопреки воле Божьей, согласно которой Израиль должен был быть теократией. При этом он ссылается на пророчества книги Бытия о царях в потомстве Иакова (35:2) и Иуды (49:10). Но, помимо своего мессианского смысла, пророчества эти указывают лишь на то, что в Израиле будут *носители власти*. Что же касается самой формы этой власти, то она обусловливается уже исторически. Для той эпохи таковой была абсолютная монархия. Таким образом, и учение о поставлении Царя над Израилем (во Втор 17:14-20) свидетельствует лишь о санкционировании Богом самого принципа власти для поддержания в народе правосудия и порядка (в этом и состоит универсальное значение этого принципа, а не ее исторически обусловленной конкретной формы).

Свое место в этом ряду занимают, наконец, параграфы 34, 35 и 36 из «Философии культа» священника Павла Флоренского. Эти параграфы представляют собой раздел известного сочинения о. Павла, написанного им в 1922 г. и впервые опубликованного в 1977 г. в издаваемом Московской Патриархией сборнике «Богословские труды» (Вып. 17. С. 87—248). В 20-е годы по цензурным соображениям упомянутые параграфы опубликованы не были и теперь «Regnum Aeternum» восполняет этот пробел.

Чтобы у читателя было хотя бы общее представление об этом отрывке, приведу из него такой характерный пассаж: «Единый Император всего православ-

нога мира — это несомненная предпосылка древнего церковного мышления, и эта предпосылка всегда жила и живет в церковном сознании как безусловная норма, как заповедь исторического делания христианским народам».

Конечно же, о. Павел Флоренский — один из самых великих христианских богословов XX века. Но его, как, впрочем, и его не менее великого друга протоиерея Сергея Булгакова (что, кстати, не без радости отмечает и комментатор данной публикации), что называется, «занесло» в соблазнительном пункте, касающемся отношений Церкви Христовой и земной власти*. Что же, и у этих великих православных богословов были свои духовные немощи и свои человеческие соблазны, которые им не суждено было преодолеть. Именно этими-то своими заблуждениями они и дороги, судя по всему, составителям альманаха. И ради этого и привлечены — как авторитетные «союзники».

В этом отношении характерна и еще одна деталь, я бы сказал — пикантная. В альманахе опубликована статья, как бы не имеющая прямого отношения к теме монархии. Но название многое скажет знающему человеку: «Архиепископ Марсель Лефевр и католицизм XX века». Я не затруднился бы назвать и автора, подписавшегося инициалами П.В.А. Не сомневаюсь, что это — протоиерей Валентин Асмус. Статья, полная симпатий к известному расколоначальнику в современном католичестве**, являет собой подлинный манифест воинствующего интегризма и потому достойна отдельного рассмотрения. Здесь же — для характеристики ее духа и стиля — я приведу из нее только небольшой пассаж, говорящий сам за себя. «Конечно, — пишет П.В.А., — Лефевр был ультра-католиком. Многие направления его борьбы имеют католическую специфику. Но главный фронт объявленной им войны — модернизм и экуменизм, и здесь он очень часто перекликается с православным миром, который также, в лице самых достойных своих представителей, выступает против этих двух врагов истины Христовой».

Все эти материалы впрямую, таким образом, связаны с упомянутой мною идеологией, которую я не могу обозначить иначе, как антицерковную. Но в наиболее концентрированном виде она представлена в редакционной статье альманаха. На ней-то я и позволю себе остановиться подробнее.

Итак, открыв альманах «Regnum Aeternum», первое, что мы прочтем: Царство вечное (2 Петр I,11), Царство Божие, Царство Христово, Царство Небесное — во Христе вошли в жизнь этого мира: «достигло до вас Царствие Божие» (Матф XII,28). В какое отношение оно стало к царству земному? Это последнее уже изначально было образом, иконою горного Царства — не более недостойно, чем человеку быть образом Божиим.

* В качестве примера монархического выверта у о. С. Булгакова комментатор приводит обширный пассаж из его известного сочинения, где есть и такие строки: «Церковь... возлюбила помазанника своего не только как главу государства, но и как носителя особой харизмы царствования, как жениха церковного, имеющего образ Самого Христа. Царь занял свое особое место в церковной иерархии...» (Православие. Очерки учения Православной Церкви. — Paris: YMCA-Press, 1989. С. 332).

** Об интегризме М. Лефевра см. статью Юзефа Тишнера в № 83 «Континента». С. 234.

Последнее предложение требует нашего внимательного рассмотрения. Из той богооткровенной истины, что человек создан по образу Божьему (Быт 1:26-27), выводить, будто царство земное было образом (причем изначально!) Царства Божьего — это всё равно что рассуждать в духе известной украинской прибаутки: «В огороде бузина, в Киеве — дядька». В свете библейских и следующих им святоотеческих воззрений образ Божий в человеке — это данная ему Богом возможность достигнуть богоуподобления. Почему Господь Иисус и говорит: Будьте совершенны, как совершенен ваш Небесный Отец (Мф 5:48). Относительно же царства земного (под которым следует понимать государство вообще) следует сказать, что оно даже при всем желании своих правителей никак не может уподобиться Царству Небесному по одной очень простой причине. Государство в исторически обусловленных формах своего существования (в частности, монархия для библейской и более поздних эпох) есть прямой результат человеческой грехопадиши и существует лишь в ситуации этой грехопадиши. Оно для того и дано от Бога, чтобы быть *отмстителем, в гневе карающим делающего злое* (Рим 13:4). Любовь к ближнему и прощение нанесенных им обид, открывающие индивидуальному человеку, согласно учению Господа Иисуса, двери Царства Небесного, онтологически чужды самой природе земного царства, т.е. государства. Объявляя же себя христианским, государство становится перед дилеммой: либо перестать быть самим собой (вспомним сюжет известной летописной легенды о том, как князь Владимир, крестившись, стал прощать умножавшихся на Киевской Руси разбойников), либо, что и было в истории, впасть в нетерпимое в свете Евангелия лицемерие. Не оно ли и предрешило исторический провал связанной узами с деспотическим государством Церкви, начавшийся в эпоху Просвещения и продолжающийся по сей день, что особенно наглядно видно в России.

Впрочем, также невозможен и союз Церкви с демократическим государством, поскольку и оно несовершенно. Но главное — принятые в нем поведенческие нормы, отвечающие воле большинства или даже допускаемые и терпимые в отношении меньшинства, могут не совпадать (и как правило не совпадают) с ценностными представлениями Церкви. При этом даже в тех странах, где Церковь «влиятельна», она реально ничего не может изменить, не навлекая на себя общественное недовольство. Да и надо ли Церкви что-либо менять в лежащем вне ее мире? Ее чада и так слышат голос своих паствырей (если только последние сами не утратят моральный авторитет, как это случилось с иерархией в современной России), а *внешних судит Бог* (1 Кор 5:13). В самом деле, ведь невозможно себе представить Павла, который вместо проповеди Евангелия предстал бы перед Римским Сенатом с требованием искоренить аборты и проституцию, распространенные в тогдашнем Риме. Пора, наконец, отбросить чуждый подлинному духу Христовой Церкви утопизм и пытаться изменить мир негодными для этого средствами идеологизированного государственного принуждения. Чем это кончалось, мы знаем хотя бы на примере самого знаменитого византийского храмостроителя и борца за общественную нравственность, вошедшего в историю с прозвищем «злобного дурака»*.

* Так характеризует Императора Юстиниана Великого (правил с 527—565 гг.) его придворный историк Прокопий в своей «Тайной истории».

Итак, вывод однозначен. Царство Кесаря и Царство Христа онтологически несовместимы, как несовместимо преходящее и вечное, тленное и бессмертное. Верящий во Христа призван принять этот мир, лежащий во зле (1 Ин 5:19), таким, какой он есть, иначе он должен был бы выйти из этого мира (1 Кор 5:10), на невозможность чего и указывает Павел. Другое дело, что христианин призван словом и делом свидетельствовать ближним и дальним о Христе и о принесенном Им в этот мир спасении. Однако его миссия исторически будет обречена на провал, если он искусится прибегнуть при этом к внешнему принуждению. Чтобы убедиться в этом сегодня, даже не придется долго ждать.

Но читаем дальше. *Настало время*, — пишет автор редакционной статьи, — когда за апостолами последовали равноапостольские цари. Чтобы по-настоящему оценить подвиг царей, достаточно сказать, что к моменту воцарения святого равноапостольского Константина христиане, по самым оптимистическим подсчетам, не превышали одной десятой части населения Римской империи, но к концу IV века христианизация была уже почти всеобщей. Очевидны многие преимущества нового, «Константиновского» периода церковной истории, который стал и самым долгим ее периодом — с IV в. до 1917 г.: догматическое учение, Вселенские Соборы, литургия, все великое здание христианской культуры. При всем желании некоторых протестантствующих душ, мы никак не можем после всего этого вернуться к «простоте апостольского века».

Прежде всего обратим внимание на небрежно брошенное упоминание о том, что ко времени воцарения Константина (точнее следовало бы сказать — ко времени Миланского эдикта 313 г.) христиан в Римской империи было не более 10% населения. А сознает ли безымянный автор редакционной статьи, что в России, которую он наверняка готов назвать православной, сейчас практикующих христиан, причем не только греко-православного исповедания, а всех, кого к ним можно отнести в соответствии с известным базисом Всемирного Совета Церквей, едва ли наберется более 2% населения? Так что даже и десятипроцентная христианизация России в будущем, если она по милости Божьей произойдет, уже позволит говорить и о христианском ренессансе в стране, и о многом другом. Что же касается качества «всеобщей христианизации» к концу IV в., то пусть досточтимый автор оценит ее, обратясь к нравообличительному наследию того же св. Иоанна Златоуста, выступавшего со своими гомилиями как раз на рубеже IV—V веков. На Руси, культурно куда более беспомощной эта «всеобщая христианизация», насаждавшаяся порой «огнем и мечом», выглядела еще хуже. Вспомним крылатое выражение: «Русь была крещена, но не просвещена». Не в этом ли одна из основных причин исторического катаклизма, постигшего Российскую Церковь?

Говоря о «преимуществах» т.н. «Константиновского» периода в истории Церкви, автор редакционной статьи упоминает Вселенские Соборы. Однако при этом хочется его спросить: почему же на Православном Востоке эпоха этих Соборов оказалась столь сравнительно короткой — всего четыре с половиной века из шестнадцати? И почему в той же России более двух столетий вообще не могло быть и речи о поместных Освященных Соборах? Я уж не рассматриваю здесь прекрасно изученный церковными историками вопрос о вмешательстве

мирской власти в период т.н. «симфонии» Церкви и государства в вероучительную и каноническую деятельность Православной Церкви, приводившем к известным нестроениям.

Впрочем, достаточно очевидно, что весь вышеприведенный пассаж призван прибеже всего оправдать наличие столь дорогого автору «великого здания христианской культуры». Что ж, языческое по своей сути *оболыщение* культурой (точнее — культурным наследием прошлого) — не столь уж редкое явление в современной российской церковной (и околоцерковной) среде. При этом его плодом оказывается как раз культурный нигилизм в отношении современных форм церковного творчества. Честно говоря, рассматривая это явление, я задаюсь вопросом: а не стоит ли за охранительством (причем не столько по отношению к Церковной Традиции, сколько к во многом себя уже изжившим обычаям, обыкновенная лень и творческая импотентность? Действительно, зачем творить что-то новое, когда и то, что есть, «прекрасно»! Не проще ли будет его и объявить образом Царства Небесного и хранилищем самого что ни на есть Апостольского Предания». А что до миссии, так тут как раз и приходятся впору «равноапостольские цари» — а то как же без них устроить «всеобщую христианизацию»?

Что же касается упомянутой автором «простоты апостольского века» (во время которого, кстати, и было положено основание зданию духовной культуры Церкви), то к ней Российской Церкви если не теперь, то уже через одно-два поколения придется возвращаться *volens-nolens*. И вовсе не потому, что к этому стремятся некие неведомые «протестантствующие души». В свою очередь оценивая нынешний храмостроительный бум (как прямое следствие опять же имеющего языческие корни византийского культурного наследия), можно сказать, что он уже отплатился РПЦ значительными моральными издержками в глазах российского общества, с недоумением взирающего как в период тяжелого для страны экономического кризиса возводится дорогостоящий новодел храма Христа Спасителя. При этом человек церковный опять же задается вопросом: а будет ли наполнен этот и другие храмы России в XXI веке? Я часто думаю, что если бы те средства (даже их половину), что вкладываются в бездушные камни и в сомнительного качества живопись, были бы вложены в подлинно профессиональное, на европейском уровне, образование наших будущих пастырей и в реальную, находящуюся на современном уровне широкую катехизацию приходящих в Церковь и могущих в нее прийти, то даже теперь мы бы не имели той печальной картины, которую во многом является наша церковная действительность.

Впрочем, рассмотрение текущих церковных язв и их причин — это тема отдельного разговора. А нам стоит посмотреть, что далее преподносит нам *«Regnum Aeternum»* в своей редакционной статье.

Церковь первого, героического периода, — пишет неведомый автор, — можно было видеть как Церковь избранников, противостоявшую миру, лежащему во зле. Но не есть ли Церковь закваска, которая призвана всквасить всё тесто», всю косную материю мира? Не пришел ли Христос, чтобы не только победить, но и спасти мир? Ибо — возлюбил Бог мир. И поэтому — не отвечает ли своему призванию в большей степени Константиновская всенародная, всемирная Церковь, нежели Церковь избранного меньшинства? А напряжение между истинным и номинальным христианством

было уже и в апостольских общинах. Итак, Промысл Божий, действующий в истории, являет нам два исторических образа Церкви: «Церковь избранных» и Церковь всенародную. Но в последней неизбежно занимает высокое место тот, кто по божественному праву стоит во главе народа — Государь. И именно Государи созидали в истории всенародную Церковь. Церковь во многом отождествлялась с Царством».

Здесь стоит обратить внимание на следующие детали. Упоминания закваски, квасящей всё тесто (кстати, ап. Павел приводит этот образ совсем по другому поводу, говоря о явном грехе и связанном с ним соблазне — 1 Кор 5:6 дал.; Гал 5:9), или ссылка на пришествие Христа в мир для его спасения и во имя любви Бога к миру, ради которой Он и отдал Своего единственного Сына, бывают здесь, что называется, мимо цели, поскольку автором забывается основная мысль всего святоотеческого богословия о том, что Бог спасает нас не для нас. Обращение грешника ценно в глазах Божьих, когда оно является свободным и сознательным откликом на Божий призыв. Спасение мира, таким образом, есть спасение тех, кто воспользовался данной миру возможностью спастись. Отрицание здесь значения индивидуальной воли, с которой не считается желающее «христианизировать» свой народ государство — в лице ли государя или еще кого-нибудь — оказывается практическим монофелитством. Что же касается упоминания здесь «всенародной, всемирной Церкви», то в том смысле, в котором использует эти эпитеты автор, т.е. в буквальном, они не выдерживают никакой критики.

Сначала скажем о «всенародности». Я уже не говорю о том, что очень разным был образ жизни тех, кого в той же Византии или же в дореволюционной России считали православными христианами. Очевидно, что подлинно практикующих христиан всегда было не слишком много. Гораздо больше было религиозных лицемеров и суеверов. В связи с этим совершенно некорректной оказывается ссылка автора на апостольские общины. Как свидетельствуют церковноисторические источники, такая публика в них как раз и не терпелась. А если говорить о «Константиновском» периоде в истории Церкви, то следует сказать, что само тогдашнее общество, которое автор редакционной статьи наверняка почитает христианским, по сути никогда не было таковым. Рабство, холопство, кричащая роскошь олигархии на фоне тотальной нищеты народных масс — такова постоянная картина т.н. «Константиновской» эпохи. Поэтому и классовая борьба, которой красной нитью проходит через всю историю «христианской» Европы — это отнюдь не выдумка д-ра Маркса.

О «всемирности» же в буквальном смысле здесь тем более говорить не приходится. Христианская цивилизация оказалась в известный исторический период лишь одной из существующих в мире цивилизаций. При этом и освоение ею иных цивилизационных пространств было либо весьма скромным (даже при помощи «огня и меча»), либо просто нулевым. Так, практически закрытым оказался для нее мир Ислама.

Да, мы мыслим Церковь в патристических категориях именно как соборную (katholike) и вселенскую (oikoumenike). Но это означает лишь то, что для нее нет различий в национальной, политической и социокультурной принадлежности ее чад. Иначе говоря, мы признаем ее универсальный характер. Что же касается

Промысла Божьего, то нечего вспоминать его всеу. Его пути нам до конца неведомы в этом мире. И если он провел в свое время Церковь через испытание союзом с языческим по своей сути абсолютистско-монархическим государством Константинополя или Петербурга, то это не значит, что сейчас к этому должно — и можно — вернуться. В одну реку, как учили древние, нельзя войти дважды. Не есть ли в таком случае маниакальное стремление вернуться к навсегда ушедшему прямой вызов Промыслу Божьему и, таким образом, богооборчеству?

Но читаем дальше редакционную статью в *«Regnum Aeternum»*. «Мы уже достигли той стадии развития, — завершает свои размышления анонимный автор, — когда можно отойти от авторитетов и кумиров российской интеллигенции и припасть к чистым родникам Церкви, попытаться узнать и понять, что мыслит Церковь о царстве земном как образе Царства Вечного. Мы призваны усвоить Божие произволение о Церкви: должна ли Церковь быть кружком интеллигентов, нигилистически свободных от того прошлого, которое было соткано Промыслом Божиим, свободных от любви к святым, просиявшим в этом прошлом, но свободных и от любви к человеку, который неизбежно стенает и мучается в современном безбожном мире, за пределами той маленькой уютной «секты», в которую постконстантиновский мир неизбежно загоняет Церковь, или же Она, Церковь, была изначально призвана, во всерадостном приобщении ко Христу, в преодолении человеческой греховности и ограниченности, сопрячь все народы и времена, а значит — быть Церковью имперской».

Прежде всего обращаю внимание читателей на последнюю фразу в приведенном пассаже. Для христианина очевидно, что все народы и времена будут сопряжены лишь на Страшном Суде после Второго Пришествия Христова. Усвоение же Империи функции лежащего за гранью веков сопряжения посредством «Имперской Церкви» (то есть одного из ее исторических институтов) — не есть ли усвоение ей, Империи, Божеской чести? То есть чистой воды римское язычество?

Что касается остальных идей процитированного пассажа, то должен сказать, что просматривая газету *«Радонеж»*, я обнаружил в №8 (52) за 1997 г. заметку некоего В.Э. Тищенко «Две экклезиологии», где они выражены в той же терминологии, но более рельефно. Поэтому я рассмотрю эти идеи, приведя соответствующий пассаж из названной заметки. «Если нам любо манихейское рассечение Церкви и мира, во зле лежащего, — пишет г-н Тищенко, — мы рискуем превратить Церковь в маленькую уютную секту (в социологическом смысле этого слова), где царят любовь, благолепие, послушание, но где нет вселенских задач и вселенских горизонтов. В таком случае, если мы отказались от государственного прошлого нашей Церкви, мы теряем и формальное право притязать и на особый статус в современной жизни нашего народа. Если Церковь всегда была и всегда должна быть Церковью избранного меньшинства и вполне обойдется без толп «невежд в законе», которых загоняла в церковную ограду ферула* государства, что нам за дело, когда на эти толпы посягают католики, баптисты и кто там еще?».

* *Ferula* (лат.) — розга. Образное обозначение орудия наказания или принуждения в Римской империи.

Оставим в стороне ни к селу ни к городу упомянутое манихейство. Оппозиция Христово-Кесарево не имеет ничего общего с дуализмом духовного и материального начал, проповедовавшегося родоначальником манихейской ереси — Мани. Любопытны проговорки г-на Тищенко и анонимного автора редакционной статьи, когда они говорят о превращении Церкви в секту *«в социологическом смысле этого слова»*. Прежде всего эта проговорка есть свидетельство их непонимания православной экклезиологии. Секта — это понятие не социологическое. Социология, как известно, в экклезиологические тонкости не вникает. Религиозные объединения интересуют ее лишь с позиции их социальной значимости. Если г-н Тищенко думает, что секта — это синоним чего-то социально незначительного, то он ошибается. Секта — это, как правило, оформленный откол от Церкви по причине несогласия с господствующей церковной практикой или же по идеологическим мотивам. При этом такой откол может иметь и маргинальный характер, что нам являют и упомянутая в *«Regnum Aeternum»* группа интегристов, и греческие старостильники, и русские зарубежники (приверженцы т.н. Русской Зарубежной Церкви), но может увлечь за собою и целые нации или же значительные слои иных наций, считающихся христианскими. Во-вторых, не несет ли проговорка насчет «секты» невольной самохарактеристики говорящих? Очевидно, что в лице авторов *«Regnum Aeternum»* и сочувствующих им мы имеем не Российскую Церковь и даже не значительный слой ее приверженцев, а маргинальную группу с вполне сектантской психологией. Современный православный публицист Максим Гуреев точно охарактеризовал эту узенькую прослоечку церковных (и околоцерковных) интеллигентов как декадентов, которые, взирая на нынешний упадок церковной жизни, романтически мечтают о возврате былого «величия», во многом мифического.

Что же касается, в свою очередь, вселенских задач и вселенских горизонтов, упомянутых г-ном Тищенко, то они ставятся и открываются силой духа и живым свидетельством веры, а не ферулой государства, загоняющей своих (а при возможности и чужих) подданных в церковную ограду, из которой они при первом случае выйдут. Не случайно при этом и упоминание «католиков, баптистов и кого-то там еще», якобы посягающих на толпы «невежд в законе» (имеется в виду, конечно, население России, в том числе и номинально православная ее часть).

Хочется спросить: г-н Тищенко, а не свидетельствует ли ваше негодование на них о духовной, нравственной и богословской неспособности вас, ваших единомышленников (да, увы, и нынешнего руководства РПЦ) к единственному свидетельству о Христе и Его Церкви? Как иначе это можно расценить, если вы (да и церковная иерархия, предпочитающая, правда, говорить на эту тему в иных выражениях, — родив, например, такой перл совкового новояза, как «духовная безопасность») видите единственный путь православной миссии в России в прибегании к этой самой государственной феруле? Смотрите, как бы потом она не ударила по вам, если вдруг окажетесь не слишком сервильны. А что касается демагогического упоминания «любви к человеку» в редакционной статье *«Regnum Aeternum»*, то, господа, нельзя же любить человека, насилия при этом его душу, хоть бы он был по-вашему сто раз неправ и вы бы думали, что делаете ему добро.

Честно говоря, меня это упоминание государственной ферулы наводит еще на одну мысль. Не нынешнее ли финансовое состояние Российской Церкви, являющееся едва ли не самым наглядным свидетельством ее упадка, заставляет иных церковных деятелей вспоминать о том, что в ограду. Церкви можно не только привлечь примером веры и жизни, не только просветить «человеческое стадо», открыв ему Евангелие Христа, но и «загнать», оставив при этом загнанных овец «невеждами в законе»? Зато таких овец легче стричь, не слишком заботясь при этом об их пище духовной...

И последнее. Заканчивая свою заметку г-н Тищенко в частности пишет — с явным осуждением по адресу автора цитируемых им строк: *В 1917 году ревнители «канонической чистоты» злорадствовали о падении «петровского, на западный манер устроенного самодержавия»*. Должен довести до сведения читателей, что данная цитата вырвана г-ном Тищенко из речи, произнесенной в октябре 1917 г. на Священном Соборе в Москве профессором-архимандритом Илларионом (Троицким) (впоследствии архиепископ. +1929). Эта речь в защиту восстановления патриаршества в Российской Церкви явилась одним из самых ярких соборных выступлений. Именно она склонила большинство членов Собора к необходимости принятия исторического решения о воссоздании Российского Патриархата. Кстати, не секрет, что готовится канонизация архиепископа Иллариона — одного из ближайших соратников св. Патриарха Тихона, пламенного свидетеля веры и церковной правды.

ХОТЯ И СКРЫТАЯ, НО ВСЁ ЖЕ ПОЛНАЯ И СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ!

*Из воспоминаний о проф. А. Ч. Козаржевском
и о доперестроечной церковной жизни в Москве*

Приснопоминаемый профессор Московского университета Андрей Чеславович Козаржевский (1918—1995) —

это крупный ученый, специалист по классическим языкам и античной словесности, переводчик античных писателей на русский язык, исследователь новозаветного канона и патристического наследия;

великолепный, горячо любимый студентами педагог, создатель т.н. рациональной методики преподавания древних языков и автор учебников¹;

знаток архитектуры Москвы и Подмосковья, — впрочем, и всего бывшего Советского Союза, и всей Европы, — неутомимый экскурсовод, популяризатор отечественного и мирового искусства;

блестящий лектор, умевший распоряжаться вниманием огромной аудитории², а также теоретик элоквенции (ораторского искусства);

общественный деятель, отдавший много сил охране и восстановлению памятников истории и культуры.

В машинописи осталась автобиография Андрея Чеславовича (составленная незадолго до кончины). Приводимые ниже выдержки из нее способны дать представление о внешней и отчасти о внутренней сторонах жизни и трудов незаурядного ученого и выдающегося педагога. Кроме того, живо и откровенно написанный самоотчет А.Ч. — это подлинный, временами драматический, документ недавней, но уже далекой эпохи. Хотя его невозможно свести к трафаретной биографической справке³, все основные вехи и сведения в нем содержатся.

Евгений
ВЕРЕШАГИН

— родился в 1939 году в г. Казани. Окончил 1-й Московский институт иностранных языков. Доктор филологических наук, профессор. Специалист в области общего и славянского языкознания. Автор более 15 книг и более 400 публикаций. Живет в Москве.

¹ Вопросы преподавания он сам считал для себя главной заботой.

² А.Ч. был лауреатом Ломоносовской премии МГУ «за блестящее лекторское мастерство».

³ Предпринята весьма незначительная правка с тем, чтобы добиться связности фрагментов между собой.

Научная и педагогическая стезя А.Ч. отражена также в некрологе⁴, а отчасти и в одном из его интервью⁵.

«Родился 19 (6) августа, в праздник Преображения, 1918 г. в Москве, в быв. доме Ковригиной в Обыденском пер., около храма Христа Спасителя, где и жил до 1940 г.».

«Сверстники меня обижали, я никогда не занимался спортом, часто болел, мучился ночными страхами, любил одинокие игры и прогулки, на почве посторянного чтения развились неумеренная фантазия».

«В материальном отношении жили скромно, но каждое лето позволяли себе снимать комнату или в деревне (в частности, в Изварине) или на окраине красивых старинных русских городов (Можайска, Кашина, Калязина). Жаловали известную подмосковную Свищуху по Савеловской. С детства восторженно полюбил нашу природу».

«Всё детство прошло около романтического храма Христа Спасителя, в окружавших его скверах, на Пречистенском бульваре у страдающего Гоголя, в неповторимых по уюту арбатских переулках. Однако в храм Христа Спасителя я не ходил, поскольку в 1920-е гг. там обосновались обновленцы».

«К пяти годам как-то незаметно научился читать и писать, много рисовал, воспринял начатки Закона Божьего, чисто практически овладел церковнославянским языком».

«Решающее духовное воздействие на всю мою жизнь оказал о. Виталий Лукашевич, настоятель церкви Илии Обыденного, где я с 1924 г. был служкой, а затем чтецом. В Обыденской церкви был превосходный хор Г.А. Семенова, что заставило меня больше всего на свете полюбить духовную музыку (особенно П.Чеснокова)».

«До 7-го класса учился в школе на ул. Маркса и Энгельса (ныне № 57), где преобладала интеллигенция и где слоевником был В.В. Литвинов, знаменитый «Чадя Володя». В 1933 г. из-за служения в церкви меня исключили из школы, и после долгих мыхтарств я поступил в школу около Трехгорки на Большевистской ул., где учились почти исключительно дети рабочих».

«В 1936 г. по конкурсу поступил в Московский Историко-философско-литературный институт им. Н.Г. Чернышевского (МИФЛИ). Моими учителями были С.И. Радциг, М.М. Покровский, Н.А. Кун, Н.А. Машкин, В.С. Чернышев и особенно С.П. Гвоздев, все пять лет преподававший нам оба древних языка».

«Главные увлечения моей юности — поэзия серебряного века, музыка и театр. Все студенческие годы прошли на галерках. Постепенно открывал для себя одного композитора за другим. Отойдя от Чайковского и русской программной музыки, всецело предался немецкой классике и романтике (Бах, Моцарт, Бетховен, Вагнер). Очень любил Скрябина, Стравинского, Прокофьев-

⁴ Некролог написан верным другом покойного — Л.В. Бородиной. См.: «Журнал Московской Патриархии» (далее: ЖМП), 1995, №6—8. С. 58—59. Список публикаций об А.Ч. см. в указанной выше статье И.В. Барышевой. С. 222

⁵ «Всё прекрасное — Богу». В кн.: Свет Христов просвещает всех. М., 1996. С. 170—187.

ва, Шостаковича. Музыке меня никогда не учили, но природа одарила меня музыкальным слухом и памятью».

«Большое влияние на меня оказал Ромэн Роллан, его "Жан Кристофф" и очерки о композиторах».

«Я любил и часто посещал театр. Обожал Островского в Малом (не столько смотрел, сколько слушал), скандинавов (Ибсена, Гамсун). Новаторство Мейерхольда до меня не дошло. Мои театральные кумиры: Астангов, Берсенев, Гиацинтова, Коонен, Рыжова».

«Бывал в зале им. Бетховена в Большом театре, наслаждался чтением В. Яхонтова, В. Аксенова, А. Шварца».

«Был неизменным посетителем всех выставок современных художников. К сожалению, понимание древнерусской культуры пришло ко мне значительно позже: в МИФЛИ мы получали по существу космополитическое образование. На отечественную древность смотрели снисходительно — как на нечто музейное, затхлое, провинциальное, не идущее в сравнение, скажем, с собором Парижской Богоматери, картинами Рафаэля и т.д. Разрушение памятников отечественной культуры нас не задевало. По стране мы не ездили. Многие (пожалуй, даже большинство) из нас не побывали в Киеве, Владимире, Новгороде, Ленинграде».

«Общественная работа у меня была в институте своеобразная: я выпускал газету МОПРа⁶ и работал по ликвидации неграмотности среди нянек туберкулезного санатория ("тикбезничал")».

«В декабре 1938 г. меня приняли в комсомол, несмотря на то, чтобы были расстреляны мой дядя и двоюродный брат и что в Польше у меня было много родственников. Стал комсоргом группы».

«С началом войны в июне 1941 г. я оказался не у дел: из-за туберкулеза легких я был освобожден от армии; преподавание латыни ликвидировали; аспирантуру МИФЛИ закрыли. Наркомпрос направил меня учителем русского языка и литературы Ермаковской средней школы Красноярского края».

«Ермаковское — большое село в 35 км от знаменитого Шушенского. Школа стояла на месте разрушенной церкви, где Ленин венчался с Крупской. В материальном отношении жилось, конечно, очень трудно, но меня окружала удивительная любовь и забота учителей и учеников. Помимо чисто учительских обязанностей, было много разнообразной работы: агитация по так называемым десятидворкам в колхозе, взда с агитбригадой по другим колхозам, самодеятельность, лесозаготовки, работы в поле».

«Жизненные испытания оживили во мне веру, но это не прошло даром: на моей шее увидели крест, исключили из комсомола и предложили уйти с работы по собственному желанию. Вовремя подоспел выхлопотанный профессорами МИФЛИ (в 1942 г. он слился с МГУ) вызов в Москву для поступления в аспирантуру».

⁶ МОПР — Международная организация помощи борцам революции (создана в 1922 г.; в международном масштабе действовала до 2-й мировой войны; в СССР существовала до 1947 г.).

«В августе 1944 г. я вернулся в Москву, держал вступительные экзамены и поступил в аспирантуру кафедры классической филологии МГУ».

«Я стал было ходить в церковь Илии Обыденного. Однажды (в 1945 г.) я в стихаре держал посох архиеп. Флавиану Краснодарскому. Молниеносно последовал донос, и меня шесть раз вызывали в так называемые органы, предлагали доносить на настоятеля Обыденской церкви о. Александра Толсского. Я притворялся дурачком и чудом отвертелся. Считаю, что мне помог Никола Чудотворец, которому я взмолился, когда при последнем вызове на Лубянку меня оставили одного в комнате “окончательно подумать”».

«С 1946 г. стал совмещать аспирантуру со штатной работой преподавателя древних языков и античной литературы в Московском Городском Педагогическом Институте им. Потемкина».

«В 1953 г. я перешел в МГУ, на Исторический факультет и стал старшим преподавателем кафедры древних языков, которой заведовал Виктор Сергеевич Соколов, давний знакомый нашей семьи, на редкость гуманный человек. В 1954 г. защитил на филологическом факультете МГУ кандидатскую диссертацию на тему “Киропедия Ксенофonta Афинского как историко-литературный памятник IV в. до н.э.”. Руководителем был С.И.Радциг, а оппонентами М.Е. Грабарь-Пассек и К.П.Полонская».

«В 1960-е гг. публикуются мои переводы с древних языков Николая Дамасского, Аппиана, Ариана, Курция Руфа, греческих стоиков. Главная работа тех лет — Учебник древнегреческого языка, написанный в соавторстве с В.С. Соколовым».

«После смерти В.С. Соколова в 1967 г. я стал заведующим кафедрой, в 1985 г. получил ученое звание профессора. Главная забота моя как руководителя — рациональная методика преподавания древних языков на нефилологических гуманитарных факультетах университетов, развитие специальных историко-филологических дисциплин (эпиграфики и палеографии) и связь научной работы с преподавательской практикой, т.е. упор на источниковедение и подготовку учебников и учебных пособий».

«Моя личная преподавательская работа шла по разным направлениям. Это прежде всего занятия по древнегреческому и латинскому языкам с самыми разнообразными контингентами; лекционные курсы “Мастерство устной речи” и “Ораторское искусство”; лекционно-визуальный курс “Памятники мировой истории и культуры”; спецкурсы по источниковедению новозаветного канона и греческому диалекту койне. В 1960-е гг. читал лекции по античной литературе».

«Чувствую призвание именно к преподавательской работе, никогда не тяготясь ею, с готовностью заменяю заболевших коллег. Испытываю спортивный интерес в налаживании работы в слабых, недисциплинированных группах. Не знаю большего удовольствия, как заставить слушать себя с искренним интересом. Может быть, несколько сентиментален со студентами. Называю их только по имени, причем нередко в ласкательной форме. Как правило, мы взаимно любим друг друга, но нет и тени панибратства. Многие ученики в дальнейшем обгоняют своего учителя, но нужно только радоваться

этому: ведь в ученике неотрывно присутствует частица духовного естества его бывшего наставника».

«Трудно перечислить места, где я по приглашению читал лекции. Обычно мои выступления носят эпизодический характер; однако есть организации, в которых я веду лекционную работу постоянно, на протяжении многих лет, — это Центральный лекторий бывш. Всесоюзного общества "Знание" в Политехническом музее и «Погодинская изба» — районное отделение ВООПИК⁷».

«Много лет руководил в Москве кружком по изучению Москвы и Подмосковья. Чуть ли не каждое воскресенье проводил пешеходные или автобусные экскурсии по достопримечательным местам, причем в понятие Подмосковья входили, скажем, Ярославль, Вологда, Калуга и т.п.».

«Все мои печатные работы родились из моей просветительской деятельности и прежде всего из преподавательской практики. Это учебники по латинскому и древнегреческому языкам; статьи по методике преподавания древних языков; учебные пособия и статьи по античному ораторскому искусству, риторике, мастерству устной речи; статьи по изучению памятников отечественной истории и культуры, в частности, по москововедению; монография "Источниковедение и проблемы раннехристианской литературы" и статьи о Новом Завете, Шестодневе Василия Великого; статьи о московской церковной жизни в 1920—1930-е гг. Я составил три серии слайдов по московской архитектуре и написал к ним брошюры».

«Когда придавалось значение общественной работе, у меня было много нагрузок. Не перечесть всех советов, комитетов, комиссий, редаклэгий и т.д., в которых приходилось принимать участие».

«Я пережил нескольких ректоров и деканов. Удивительно нашел себя на Историческом факультете. Мою жизнь и работоспособность продлевает спокойная, деловая атмосфера, скромность, понимание и доброжелательность соратников и учащихся».

«Хотя русской крови у меня всего одна четверть, я как подлинно русский человек глубоко уважаю и, надеюсь, понимаю культуру других народов. Я прямо-таки наслаждаюсь звучанием разных языков. В Швейцарии я чутоку литовец, в Берлине — немец, в Греции — грек... Я убежденно держусь родного православия, но это не мешает мне нежно любить старообрядцев, ощущать определенную близость к католицизму (особенно если отбросить его экзальтированность), с почтением относиться к протестантским библиевистам. Но я органически, активно, даже воинственно не приемлю отступничества от церкви и сектантства. После случайного общения с ними мне хочется вымыть руки. Всюду в своих выступлениях я борюсь с липкими суевериями, с доморощенной мистикой, противопоставляя этому мудрую духовную трезвость Православия. Без Церкви, богослужения с его бездонной богословской глубиной и эстетическим совершенством я не мыслю себе христианской веры».

⁷ ВООПИК — Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры.

А.Ч. Козаржевский еще в декабре 1994 г. стоял на кафедре, но болезнь века взяла свое, и 26 марта 1995 г. он скончался. Отлечение было совершено в родном для покойного храме Илии Обыденного. На Историческом факультете МГУ в этот день отменили занятия, и студенты заполнили церковь, как они заполняли аудитории на лекциях своего профессора.

Наряду с видимой для всех, у А.Ч. была еще другая жизнь, и ему (как следует из дальнейшего) в свое время приходилось прилагать усилия, чтобы о ней не проводили. Так и стало: еще лет десять назад об А.Ч. в ипостаси православного христианина почти никто не знал, а догадывались очень немногие.

Впрочем, были люди, от которых А.Ч. не таился. Автору этих строк через посредство незабвенного П.П. Недошивина посчастливилось познакомиться с А.Ч. (в 1960 г.), войти в тесный круг его единомышленников и (дерзаю вымолвить) друзей. Все мы были криптохристианами. Вот и хотелось бы рассказать о нашем сокровенном православном московском житье-бытье протяженностью без малого в тридцать лет (от даты знакомства до конца 80-х гг.)⁸. Сейчас можно и уместно. Впрочем, житье это не было безрадостным. Сейчас оно по контрасту вспоминается даже как по-своему счастливое.

«Тогда, в давно минувшие годы», Н.С. Хрущев широковещательно грозился уже к 1980-му г. построить в СССР утопическое общество⁹, а оно, по его мнению, несовместимо с религией. В пику сталинским послевоенным послаблениям он повелел начать новый массированный натиск на веру, прежде всего на православие. Прокатилась кампания по закрытию и разрушению храмов, духовных учебных заведений, началась упорная идеологическая кампания. В вузах был введен обязательный курс «научного атеизма»¹⁰; выдвигалось безусловное требование, чтобы интеллигенты, как «работники идеологического фронта», были сплошь не просто неверующими, а активными пропагандистами воинствующего безбожия. Иначе, — нет, больше не сажали, но с работы прогоняли.

Л.И. Брежнев, правда, отменяя хрущевские безумные перегибы, ослабил натиск, но не прекратил его. За два десятилетия чиновный пыл просто сам по себе повыветрился, даже и цивилизовался.

Этот для Русской Православной Церкви очередной (будем надеяться, последний) студенческий период продолжался вплоть до 1988 г., когда М.С. Горбачев в связи с тысячелетием крещения Руси сказал, что «событие это большое». Записным атеистам приказали прикусить язык¹¹.

⁸ А.Ч. оставил воспоминания об эпохе 20—30-х гг.; см.: А.Ч. Козаржевский. Церковно-приходская жизнь Москвы 1920—1930-х годов. ЖМП, 1992, № 11—12. С. 21—28.

⁹ «Нынешнее поколение» советских людей будет жить при коммунизме — сей лозунг красовался на каждом заборе.

¹⁰ И большая группа т.н. обществоведов получила новую кормушку. Как шутил А.Ч., атеисты должны молиться Богу, потому что Он, хотя (с их точки зрения) и не существует, тем не менее реально их кормит.

¹¹ А.Ч. неоднократно говорил, что, с другой стороны, гонения на Церковь имели и положительный аспект — они ее очистили от прихлебателей и нестойких христиан.

Так вот, наш с А.Ч. *modus vivendi* в 60—80-е гг., надо думать, был типичен для поведения тысяч наших православных современников и соотечественников. Память об этом способе бытия, впрочем, стремительно утрачивается¹².

1

... скрытым себя осенили крестом.

Белла Ахмадулина

Действительно, вот пример. В стихотворении, из которого почерпнут эпиграф, Белла Ахмадулина описывает кончину безвестного больного в переполненной палате обыкновенной советской больницы:

Все свидетели *скрытым себя осенили крестом.*
За оградой — не знаю, а здесь нездоровы упадок
атеизма заметен. Всё хочется под потолком
вдруг увидеть утешный и здраво-опрятный порядок.

Собеседник, интеллигентный юноша, студент одного из православных университетов Москвы (православный университет в Москве?! — еще десять лет назад такое было невообразимо), задал два вопроса: кто такая Белла Ахмадулина и что такое *скрытый крест*.

Как опытный конспиратор А.Ч. обучал меня — двадцатилетнего неофита-зилота — скрытому кресту как раз в 1960 г.

Когда есть душевная потребность перекреститься¹³, но не исключается, что за вами наблюдают, тогда-то и совершается скрытое крестное знамение.

Вы подносите кисть правой руки к животу (или ко груди), поворачиваетесь в сторону, откуда наблюдение наименее вероятно (например, к стене), складываете три перста и совсем неприметно, чуть-чуть перемещаете их вверх, вниз, направо и налево. Отдаленнейшая имитация: никакого вознесения десницы на чело и перемещения на рамена. Достаточно того, что она покоятся на пупе (или на сердце). Весьма рекомендуется творить скрытый крест под одеждой, и мужчинам это удобно: рука заводится под левый борт пиджака, и в таком случае движения могут быть шире. В экстремальных ситуациях достаточно поднесения правой руки ко груди (как будто у вас невзначай прихватило сердце).

А если и скрытый крест сотворить по обстоятельствам невозможно, — напомню, что выше, здесь и ниже имеются в виду 60—80-е гг., — то, советовал А.Ч., творите *мысленный* — только в голове, без внешних проявлений.

Поклоны в пояс на людях также были скрытыми: вместо перегиба туловища склонялась голова или просто глаза опускались долу.

А.Ч. подводил сначала филологическую, затем историко-культурную, а под конец и богословскую базу под подобный вид благочестия. В Евангелии неодно-

¹² Вот я и хочу, пока не поздно, рассказать о том, что удержалось в памяти. Да не посуетует читатель на мои разрозненные заметки. Авось к концу чтения всё же сложится, как из мозаики, более-менее завершенная картина.

¹³ Так, в своей замечательной книге ежедневного употребления (Московский православный месяцеслов. М., 1995. С. 32) А.Ч. записал: «При упоминании имени Николая Чудотворца рука как бы сама творит крестное знамение».

кратно говорится, что Бог наш — «видяй в тайне» (Мф 6, 4,6,18), причем греческое соответствие здесь διέβλεπον ἐν τῷ κρυπτῷ буквально означает «видящий скрытое, прикровенное, непоказное, утаенное», а слово κρυπτός — это отнюдь не *тайна* в значении μυστέριον. Судя по контекстам, Христос отчетливо советует быть именно скрытыми в проявлениях благочестия. «Види в клеть» (Мф 6,6) — это (по-гречески) εἴ σελθε εἰς τὸ ταμεῖον, а ταμεῖον — буквально «кладовка» (в крестьянском хозяйстве Ближнего Востока — нечто вроде амбара, не имеющего окон, да к тому же единственное помещение, где можно было закрыть за собой засовы). Это место, где вы гарантированно оставетесь наедине, вне наблюдения. «Будьте благонадежны, действуйте скрытно», говорил опытный эллинист, «и Господь воздаст вам ἐν τῷ φανερῷ, то есть открыто». Кроме того, мы неоднократно обсуждали уроки встречи Христа с Никодимом, «человеком от фарисеев», который приходил к Господу для беседы, но «страха ради иудея» не при свете дня, а под покровом ночной тьмы. Никодим исповедал Иисуса учителем Божиим, однако не перед народом, а только наедине (Ин 3,2). Не исключено, что днем и прилюдно Никодим, в силу своего положения «князя жидовского» и «учителя Израиева», принужден был и отрицаться Христа. Всё это не помешало его прославлению в лице святых (память в неделю жен-мироносиц). Не знаю, есть ли в общеязыковом употреблении глагол *никодимствовать*, но мы употребляли его часто, ибо мы — никодимствовали.

Наша «конспирация», правда, была наивной и выглядела комично. Вот в Третьяковке перед Владимирской А.Ч. застыл на месте и медленно приопускает голову. Мне — всё понятно, но для постороннего имитируется раздумье. Потом, как бы спохватившись, А.Ч. резко вскидывает голову и быстро поглядывает туда-сюда. Не привлек ли к себе внимания? Я не могу удержаться от улыбки, да и он, самоироничный, делает извиняющий жест.

Ладно бы, если бы скрытый или мысленный крест мы творили в так называемых общественных местах — в музее, сидя на экзамене или в больнице. Но мысленное и скрытое крестное знамение зачастую совершалось — в церкви, за богослужением! И не нами только!

В Преображенском, больше известном как Скорбященский, храме, что на Бордынке, где славился хор, в урочные дни исполнялись «Всенощная» Рахманинова и «Литургия» Чайковского. Так, 8 ноября по традиции исполнялся Чайковский (в связи со днем памяти). Представьте себе радостную и страшную картину. Радостную, потому что храм забит, причем молодежью, так что иголку не всунешь¹⁴. Страшную, потому что никто из молодых людей не крестился! Старики и средовеки — да, а остальные — нет! Стоят с каменными лицами или даже натужно демонстрируют свою отчужденность. А ведь мы-то знали, что среди присутствовавших было немало глубоко верующих!

Впрочем, надо подчеркнуть: это — не библейская ситуация, когда «тамо убоявшись страха, идже не бе страх» (Пс 13,5; 52,6). Известно немало случаев: «возьмут на заметку», «сообщат по месту работы» в партком или партбюро, а там

¹⁴ Тогда о вентиляции не помышляли, и случались обмороки, но упасть наземь было невозможно.

уж как рады «сигналу»! За посещение храма пресекалась карьера и прекращались зарубежные поездки ученых¹⁵. Даже академиков прорабатывали, заставляли каяться и низвергали! Бывало и хуже: узнают в «органах», что ты верующий, и начнут шантажировать.

А.Ч. рассказывал, что однажды (это было в середине 40-х гг.) недосмотрел, и у него на шее увидели крест, — тотчас последовало исключение из комсомола и предложение уйти с учительской работы «по собственному желанию». Еще его счастье, что в то время Сталин, одобряя патриотизм Церкви, доказанный во время войны, ослабил вожжи. Иначе, как знать? В 30-е гг. могли и политическую статью пришить. И насидался бы.

В другой раз «куда следует» настучали, что А.Ч. регулярно бывает во храме пророка Илии (Обыденного), и шесть раз его, близкого к отчаянию, тягали в «органы», предлагали доносить на настоятеля, о. Александра Толгского. А.Ч. сделал вид, что не понимает, чего от него добиваются, и чудом отвертлся. Считал, что на выручку пришел Никола Чудотворец, — к нему возвзвал, когда лубянские специалисты-психологи оставили его в комнате одного, наказав «хорошенько подумать».

Вот почему не крестились, не сгибались в поясном поклоне и уже конечно не становились на колени. Страх в костях сидел глубоко. Страх быть замеченным в церкви, быть причастным к какой-либо демонстрации, связанной с религиозностью.

Можете ли вы себе вообразить скрытое посещение храма? Опять-таки на ум приходит наука тертого и битого А.Ч.! Он написал о себе: «Я в детстве старался ходить в церковь предельно незаметно: дворовые ребята дразнили меня «попом», подстерегали на дороге и били, а вслед бросали кирпичи»¹⁶.

Так в чем же состояла наука А.Ч. применительно к 60-м гг.? — Вы прилагаете все силы, чтобы проскользнуть в храм как можно неприметней, по возможности через боковой или служебный вход. Кроме того, вы приходите пораньше и становитесь или в темном углу, или в нише, или за столпом-колонной, чтобы вас не было видно сзади, а спереди закрыла толпа. Надо было зорко следить, когда какой-нибудь фотокорреспондент начинал наводить свою камеру (такое бывало в патриаршем Богоявленском соборе). Тогда полагалось пригнуться почти до земли и спрятать лицо за головами впереди стоящих. Друг друга дергали за рукав. Однажды в «Журнале Московской Патриархии» появился снимок, на котором очень хорошо проработался П.П. Недошивин (к тому времени уже вышедший на пенсию), а стоявших рядом с ним ни меня, ни А.Ч. нет как нет, — успели-таки укрыться.

Еще лучше, если у вас в церкви есть знакомый из персонала, — он может вас вообще поставить на левом клиросе или даже провести наверх на хоры, где вы

¹⁵ Свидетельствует П.П.Недошивин (Заметки и суждения православного человека. Машинопись): «(Из доклада о бдительности:) ... Или другой пример. Командируем человека за границу в составе делегации на научный конгресс. Видный советский ученый, книжки пишет. И вдруг обнаруживается, что он ходит в церкви. Хорошо, что успели отозвать его из делегации — уже на аэродроме, перед самой посадкой в самолет».

¹⁶ ЖМП 1992, №11—12. С. 23.

уж точно недосягаемы. Одно время у нас с А.Ч. завелся обычай под вербное воскресенье бывать у староверов в Покровском соборе. Знакомый нам староста храма почтеннейший Алексей Дорофеевич Бобков всегда предлагал пройти на хоры и говорил чистосердечно: «Вот такой-то и такой-то всё примечает. Давайте-ка вознесемся. Береженого Бог бережет». И как отрадно было видеть оттуда море огней внизу! К сожалению, Алексей Дорофеевич довольно быстро скончался, и мы потеряли ценное убежище.

Мы вообще весьма опасались стукачей, поэтому на новые знакомства или не шли, или шли с осторожностью. Лишь при надежной рекомендации нового человека «признавали» сразу. Помню несколько отклоненных нами попыток сближения людей «со стороны»; откровенно говоря, сейчас жаль, — потом выяснилось, что опасения были напрасными.

При непредвиденной встрече в храме с сомнительными знакомыми надо было постараться незаметно ретироваться. Если сталкивались лицом к лицу, то на этот случай мы обычно имели наготове благовидное объяснение, почему оказались в храме. «Сегодня Чайковского поют. Где еще можно услышать?» «Случайно шел мимо, дай, думаю, загляну». «Зашел посмотреть на Спаса Нерукотворного Симона Ушакова» (это по отношению к церкви Илии Обыденного). «Просто интересно, никогда в церкви по-настоящему не был!» (это уж прямое лукавство). Как-то однажды А.Ч. встретился в храме со своим студентом; потом говорил: «Пришлось столбом стоять». Таким образом, создавали впечатление неверующих. Так было. Из песни слова не выкинешь.

Существовало неписаное правило (не относившееся, правда, к Богоявленскому собору): неходить в одну и ту же церковь чаще двух раз в год. Иначе примелькаешься! Вот почему мы объезжали, как бы прочесывали (сообразуясь, впрочем, с престольными праздниками) все храмы Москвы. Они были немногочисленны, и приходилось выезжать в область (присовокупляя экскурсионные цели). То Введенская церковь в Дмитрове, то Благовещенская в Зарайске, то Скорбященская в Клину, то Богоявленская в Коломне, то Успенский собор в Кашире... Если не было возможности выделить целый день, то устремлялись в Вешняки, Удельную, Переделкино, Растрогуево, Люберцы... Не помню, вместе с А.Ч. или с недавно почившим Сашей (Александром Ивановичем) Роговым несколько раз ездили в Алабино, в Петровскую церковь, к такому тогда еще ослепительно молодому о. Александру Меню.

Нос с горбинкой, борода иссиня-черная. Местные прихожанки считали его греком и, откровенно говоря, мало что разбирали, когда он говорил проповедь. Тем не менее слушали благоговейно. Скажу кстати, что тогда проповеди о. Александра чуть ли не каждый месяц появлялись в «Журнале Московской Патриархии», и очень нам нравились. Уважение к о. Александру А.Ч. сохранил навсегда (хотя и не одобрял позднейших действий некоторых из его учеников). Судьба так распорядилась, что А.Ч. получил от о. Александра Меня письмо с почтовым штемпелем: 090990 (то есть 9 сентября 1990 г. — день гибели отправителя).

Итак, посещение храмов в 60-е гг. осуществлялось скрытно. Каждую субботу и каждое воскресенье мы неукоснительно бывали за всенощной и за обедней, но всякий раз в другом месте.

Для Богоявленского собора в Елохове было сделано изъятие из правила. Во-первых, это все-таки было настоящее сердце церковной жизни, с образцово-уставным служением (там много лет регентовал незабвенный Виктор Комаров)¹⁷. А во-вторых, полагались на русский авось: «Там всё равно проходной двор, авось не примелькаемся!» — говорил А.Ч.¹⁸ Надежда не оправдывалась, да и как могла оправдаться, если в Елохове А.Ч. с 1945 г. в среднем дважды в месяц вставал на одно и то же высмотренное место — напротив Казанского образа Богоматери? Действительно, ходившие с блюдом и стоявшие за ящиком начинали нам кланяться, а один из бывших иподиаконов патриарха Алексия, — теперь он высоко вознесся, — при встрече (на какой-то конференции через много лет) сразу узнал нас: «Да я всегда примечал, что вы против Казанской стояте!»

Тем не менее, думаю, скрытость всё же приносила свои плоды. Говорю об этом, потому что мне, например, в 1973 г. (когда я уже 14 лет регулярно ходил во храм) предложили... вступить в партию. Надо сказать, что при всей нашей готовности к компромиссам, — А.Ч., например, опубликовал несколько статей по ораторскому мастерству в каком-то закрытом журнале КГБ и соглашался читать лекции в Высшей школе того же ведомства, — возможность хотя бы только казового и номинального членства в партии, естественно, даже не обсуждалась. «Замечательно», отреагировал А.Ч., «вот что значит осторожность. Не засекли!» Потом он дал совет, оказавшийся успешным. Прямо отказаться от вступления «в ряды» было невозможно. «Так вы потяните, помотайте, сделайте грубые ошибки в анкете, потребуйте новый бланк; так и ускользнете!» Второй раз анкету в райкоме не давали. Впрочем, я взял да просто не пошел в партбюро за анкетой. Так и ускользнул. Партсекретарь (впрочем, неплохой человек), может быть, и сделал свои выводы, но прямых последствий для меня не было. Кстати сказать, когда такое же предложение в 40-е гг. было сделано самому А.Ч., он отговарился тем, что «пока еще не чувствует себя готовым»; потом о нем позабыли.

¹⁷ Вот оценка А.Ч. богослужения в Богоявленском патриаршем соборе: «Служба в нем строгая, уставная, без вульгарных “усовершенствований”, без сентиментальности, очень ритмичная, сочетающая высокий профессионализм с духовностью и эстетичностью. Посещение соборной службы всегда приносит глубокое удовлетворение. Недаром покойный отец Александр Мень говорил своим близким: «Если вы колебитесь, куда идти на богослужение, — идите в Елохово» (Московский православный месяцеслов, с. 45). Правда, дежурные проповеди по бумажке в Богоявленском соборе, говоримые московскими священниками, А.Ч. не любил: по запричастном стихе он обычно — марш-марш, выходил из храма.

¹⁸ Кроме Елохова, А.Ч. в последние годы был очень привязан к Знаменской церкви в Переяславской слободе и к Вознесенской на Серпуховке. Мы любили также взорванный в 1964 г. Преображенский храм на одноименной площади, где была кафедра митр. Николая (Ярушевича), а протодиаконом служил знаменитый бас С. Туриков. Как умел владыка Николай сказать слово! После его низвержения власть была последовательна и изобретательна в своей мести: Преображенский храм позволили отремонтировать на средства верующих, даже дали материал на позолоту и ... тотчас взорвали! Я был там за две недели до сноса (когда о замысле властей еще ничего не было известно), и настоятель, обращая внимание прихожан на благолепие, трогательно призывал их беречь храм после ремонта, не прислоняться рукавами к киотам, иначе такая дорогая позолота невольно стирается. «Ведь храм наш должен послужить и детям, и внукам, и правнукам нашим!» Говорят, прекрасная церковь была уничтожена по личному распоряжению Хрущева.

Надо сказать, на светской работе мы старались ничем не отличаться от сотоварищей. Ходили на политзанятия и, если поручали, выступали на них; учились в «университетах марксизма-ленинизма» и проч. и проч. Например, А.Ч. даже с видимым удовольствием рассказывал о том, как в юности «ликбезничал» (то есть участвовал в кампании по ликвидации безграмотности), как активничал, вступив в комсомол и став комсоргом учебной группы в МИФЛИ, как, работая по распределению в сибирской глубинке, был агитатором «десятидворки», ездил с агитбригадой по другим колхозам, участвовал в самодеятельности и даже профессионально читал стихи Маяковского (получая по пять рублей за концерт)¹⁹. И в университете А.Ч. тянул массу общественных нагрузок: был на хорошем счету в парткоме, получал множество грамот и благодарностей. Впрочем, к общественной работе А.Ч. всегда действительно относился с душой; он любил разговаривать с людьми и вообще быть на людях.

Откровенно говоря, я опускал глаза, когда (из песни слова не выкинешь) А.Ч. на лекциях превентивно подпускал что-нибудь вроде: «Материалистам ясно, что никакого потустороннего мира нету», и при этом не было понятно, относит он себя к материалистам или нет. Или когда он, ведя спецсеминар по Новому Завету и представляя литературу вопроса, с похвалой отзывался о марксистских лжеученых, отрицавших историчность Иисуса Христа. К слушателям обращался: «товарищи» (но гораздо чаще: «друзья мои»). Однажды говорил о церковной традиции отдания поклона Евангелию: «И мы, хотя и не веруем, обязаны поклониться, потому что эта книга важна для общей культуры» (расшифровано по магнитозаписи).

Впрочем, любое осуждение с позиций нынешнего дня было бы здесь совершенно неуместно. Выставив для дураков предохранительные рогатки, далее А.Ч. фактически сознательно дезавуировал самого себя и говорил такое, чего в застойные времена нигде услышать было нельзя. Я принадлежу к числу первых слушателей его новозаветного семинара; недавно перечитал свои записи, — это удивительно, сколько было сказано полезного не только для науки, но и для укрепления веры. Как завкафедрой А.Ч. обязан был начинать, скажем, годовой отчет со ссылки на очередной съезд партии или партийный пленум, но соблюдение правил игры давало возможность говорить со студенчеством. «Спрячьте свой флаг, не размахивайте им, не дразните гусей», примерно так наставлял мой старший товарищ (прибавляя «для прочности», что запомнилось буквально, один непечатный глагол [чтобы дистанцироваться, интонацией взятый в кавычки]). «Сообщайте факты и группируйте их, неглупые разберутся, что к чему». Я встречал множество людей из числа слушателей А.Ч., которые правильно разобрались. И не было случая, чтобы его заложили.

¹⁹ Еще одно свидетельство П.П. Недошивина (Заметки и суждения православного человека. Машинопись): «На митинге, посвященному полету космонавтов, назначено было выступить и нашему старику-бухгалтеру. Его речь была весьма темпераментна, с размахиванием кулаками и выпадами на шаг то вправо, то влево. Она несла стаиний тезис: «Мы на небо залезем, разгоним всех богов...». А на другой день он мне сообщил доверительно: «А знаете, я ведь вчера внуку крестил в Н-ской церкви. Так-то вернее будет».

Вернемся, однако, к церковной тематике.

Иконы в частных домах открыто не держали. Они, особенно родительские, хранились бережно, но за дверцей шкафа, за занавесочкой. Чтобы все-таки иметь образ перед глазами, вывешивали официальный настенный календарь, содержащий репродукцию, например, «Троицы» Рубleva. Ставили на стол соответствующую открытку.

Соблюдался скрытый пост: в общей столовой нельзя было не оскоромиться, но постом А.Ч. ограничивал себя в житейских радостях (скажем, воздерживался от посещения театра).

Если была вероятность, что придется обнажиться (например, при посещении врача или при купании), снимали с шеи крест.

По телефону на церковные темы не решались открыто говорить и прибегали к фантастическому (и очень наивному) условному языку: например, председатель правительственного Совета по делам религий В.А. Куроедов шел под шифром *любитель курятину*, архиеп. Киприан (Зернов; в прошлом актер) — *лицедей*, о. Александр Мень — *который по Киевской дороге*²⁰, патр. Пимен (греч. ροιμηνης «пастух») — *чабан*, митр. Никодим (Ротов) — *питец* или *приходивший ночью*²¹, митр. Ювеналий (Поярков) — *который сатирик* (по ассоциации с поэтом Ювеналом), близкий друг патр. Алексия I т.н. Данила Андреич (Остапов) — *который всегда рядом*, протопресвитер Виталий Боровой (проповеди которого на пассиях в конце 70-х гг. вызвали фурор)²² — *белорус* (за польский акцент) или *живчик* (за порывистость в движениях), Николай Васильевич Матвеев (регент прославленного Скорбященского хора) — *Гоголь*, архиеп. Питирим (Нечаев) — *Костя* (по светскому имени), еп. Алексий (Кутепов; викарий Московский, который часто возглавлял служащих в Елохове во время продолжительной болезни патр. Пимена) — *красавчик* (за благообразный вид), митр. Филарет (Денисенко) — *Немилостивый* (по контрасту с св. прав. Филаретом Милостивым), архиеп. Иов (Тыvonюк; викарий Московский) — *который на гноице*, свящ. Димитрий Дудко (которого травило КГБ) — *труба* и т.д. Вместо «служил» говорили: *действовал*; вместо «ему сослужил» — *с ним был в паре*. Если сослуживших было несколько, то выражались так: *с ним были в пристяжке*.

Широко использовались топонимы: *Бауманская* (Богоявленский собор), *Ордынка* (Скорбященский храм), *Якиманка* (храм муч. Иоанна Воина), *Рижская* (храм муч. Трифона), *Таганка* (Успенский храм), *на Спортивной* (Новодевичий монастырь), *на Старом Арбате* (храм ап. Филиппа), *на Соколе* (храм Всех Святых), *на Кропотинской* (Ильинский храм), *на Красной Пресне* (храм Рождества Иоанна Предтечи), *на Новослободской* (храм преп. Пимена Великого), *в Телеграфном* (храм Архангела Гавриила), *в Алексеевском* (Тихвинская церковь), *в Сокольниках* (храм Воскресения Христова), *в Богородском* (Преображенская церковь), *в Черкизове*

²⁰ Он тогда служил в Алабине.

²¹ Евангельская аллюзия: некто, именем Никодим, один из начальников иудейских, тайный ученик Христов, чтобы не быть замеченным, т.е. «страха ради иудея», приходил к Иисусу для беседы *ночью* (Ин 3:2).

²² Они частично опубликованы: см. журнал *«Православная община»*, 1996, №№ 33 и 35.

(Ильинская церковь), в Хамовниках (храм святителя Николая), в Медведкове (Покровская церковь), Залесск или по Северной дороге (Загорск) и т.д.

Например, шифрованные фразы «Вчера с трудом, но всё же попал на лекцию профессора Цветкова. Не всё разобрал, но о сути при случае расскажу Вам» переводятся на открытую речь следующим образом: *Вчера после ряда попыток (в разных диапазонах) поймал-таки радиопроповедь митр. Антония Блума (нем. Blume «цветок»). Глушили сильно, но суть понял, хотя и не могу о ней говорить по телефону.* Интересно, что обиходные прозвища и телефонные расходились: например, митр. Питирима в обиходе называли *Пит*, но поскольку это было бы слишком понятно для мнимого подслушивателя, то по телефону говорили или *Костя*, или (редко) *костыльник*²³ (потому что А.Ч. и П.П. Недошивин помнили его иподиаконом патр. Алексия I).

Ныне смешно вспоминать! Ирина Владимировна, вдова А.Ч., которая иногда присутствовала при подобных разговорах, говорила: «Если бы гебисты подслушали вас, то из-за такой доморощенной «конспиративной» речи они бы немедленно насторожились и взяли вас на заметку».

С церковными праздниками мы поздравляли друг друга также скрытно. Обычно имитировалось новогоднее или первомайское поздравление, в котором содержался для адресата внятный намек: *Поздравляю с Новым годом и последующим праздником* (=Рождеством Христовым); *Поздравляю с Первомаем, с весенним праздником* (=Пасхой). При этом из числа продажных выбиралась открытка с более или менее «намекательной» репродукцией. Краснознаменных открыток никогда, естественно, не посыпали. Письменное поздравление с Днем Ангела выглядело так: *Приветствую и поздравляю Вас с личным праздником.* А.Ч. очень любил рассыпать и получать поздравления. Поскольку я знаю греческий, мне он на Рождество или на Пасху обычно присовокуплял по-гречески строку из тропаря или канона праздника. Из гражданских праздников он всерьез воспринимал только День Победы.

И требы совершались по-никодимски. Регистрации крестин за свечным ящиком боялись как огня. Власти одно время строго предписывали, чтобы при крещении младенца в церкви присутствовали родители и предъявляли паспорта, сведения из которых регистрировались и затем, как все были уверены, поступали «куда следует» (в аппарат уполномоченного). Поэтому, скажем, когда я крестил сына (в 1969 г.), верный священник (ныне покойный о. Владимир из Ильи-Обиденской церкви) пришел на дом (естественно, в светской одежде; это только сейчас на улицах Москвы можно увидеть человека в подряснике). О. Владимир трогательно спрашивал меня, не слишком ли громко поет, читает и произносит возгласы (т.е. не услышат ли соседи).

Приобретение церковных журналов и книг также осуществлялось скрытно. Открыто подписаться на «Журнал Московской Патриархии» и этим засветиться никто не решался, поэтому выписывали журнал на адрес какого-нибудь знакомого старичка-пенсионера. Чтобы купить книгу в Издательском отделе, надо было предварительно выписать квитанцию, и в нее вносились имя покупателя.

²³ Иподиакон, держащий архиерейский жезл.

Опять-таки, предварительно договорившись, посыпали подставное лицо или называли произвольную фамилию. Бывало, что сотрудники Отдела (например, архим. Иннокентий [Просвирнин], которого А.Ч. весьма ценил и уважал) обращались с просьбами помочь при подготовке тех или иных материалов. А.Ч. никогда не отказывал и столь же никогда, вплоть до 90-х гг., не давал своего имени для публикации. Будущему историку еще предстоит работа по выявлению, кто в действительности стоит за тем или иным псевдонимом или даже за реальным именем.

Вспоминаю, что однажды А.Ч. включился в протестную акцию, но — опять-таки скрытно. В середине 60-х гг., кажется, в «Комсомолке» (или в «Московском комсомольце») были напечатаны фотографии крестного хода у староверов Белокриницкой иерархии, на которых был виден молодой стихарный Евгений Бобков, студент-юрист Московского университета, кандидат на красный диплом. Была развязана кампания оголтелой травли (Женю обвиняли в лицемерии и двурушничестве), завершившаяся исключением молодого человека. А.Ч. (по-моему, с участием возмущенного П.П. Недошивина) сочинил статью, в которой стопроцентно доказывалось, что исключение есть явный случай дискриминации верующих, то есть отказ представителю значительной части населения в доступе к образованию. Статья или анонимно, или за подпись одного П.П. была послана в газету. И как ни удивительно, возымела успех (думаю, в газету поступили и другие протесты). Е.А. Бобкову через год позволили восстановиться (правда, на заочном отделении), и он всё-таки университет закончил.

Скрыто мы читали множество религиозной литературы, в том числе и сам и тамиздата. Письма, обращенные к патриархам Алексию I и Пимену²⁴, в которых

²⁴ Например, письмо двух священников (Николай Эшлимана и Глеба Якунина) патр. Алексию и великопостное письмо А. И. Солженицына патр. Пимену. Хотя мы чрезвычайно высоко ставили творчество Александра Исаевича, восторгались им, считали, что он спас честь русского народа, и с воодушевлением проглатывали всё, что можно было достать в самиздате, — тем не менее единственно письмо писателя патриарху вызвало у нас неприятие. П.П. Недошивин носился даже с идеей написать воззретвование, но не успел, потому что вскорости приспело Открытое письмо Солженицыну свящ. Сертия Желудкова, в котором оказалась хорошо выражена наша точка зрения. О. Сергий (ясно показавший, что в тоталитарном государстве не может быть никакого резервата полной свободы) писал: «Что же нам остается в такой ситуации делать? Сказать: либо все, либо ничего? Попробовать уйти в подполье, которое в данной системе немыслимо? Или же как-то вписаться в систему и воспользоваться пока что всеми теми возможностями, которые позволены? Русская иерархия приняла второе решение. Отсюда и происходит сегодня всё зло, но другого выбора не было». Цит. по: Владимир Степанов (Русак). Свидетельство обвинения. Т. 2. М., 1993. С. 251. Действительно, альтернативой послушанию мог быть только уход в подполье (естественно, с утратой многомилионной паствы). В книге В.Степанова свидетельствуется, что неприятие писем было типично для широких кругов тогдашней церковной интеллигентии; их воспринимали как «новый вид духовной гордыни». «Многие церковные люди упрекали их [авторов писем] в том, что они не верят в силу молитв, что, не понимая сути христианской жизни, они вмешивались не в свое дело, что вместо того, чтобы смиренно оставаться на своем месте, «как все», они гордо и дерзко нарушили церковный мир. Эти слова произносились вполне искренно, с чувством глубокого огорчения и даже сострадания к «смутьянам» (с. 252). Об этом см. подробнее: Е.В.Барабанов. Раскол Церкви и мир. В кн.: Из-под глыб. Париж, 1974. С. 180—182. Вспоминаю, что мы применяли к письму Эшлимана и Якунина образ Хама, который

бичевались очевидные и всем известные факты, отзыва у нас не находили: у святейших зажат рот, они связаны по рукам и ногам, и зачем прибавлять им горя? Мы были единодушны в убеждении, что нам повезло на всех трех патриархов (Алексия [Симанского]²⁵, Пимена²⁶, Алексия II). Никогда ни в чем их не осуждали! А.Ч. не осуждал также и патр. Сергия²⁷; напротив, высоко ставил его заслугу в том, что Церковь всё же осталась легальной и тем самым доступной для многомиллионной паствы.

Пастырское, церковное служение в советские годы А.Ч. вообще считал подвигом. В то время и часть духовенства никодимствовала: батюшки совершили службу по уставу, но от общения с верующими под благовидными предлогами уклонялись. Я знал одного священника, жившего в коммунальной квартире; по коридорному телефону его надо было подзывать по имени-отчеству, поскольку

не побоялся взглянуть на наготу опьяневшего отца и насмехаясь над ним. Церковь — Мать, а от матери не отказываются ни при каких обстоятельствах. И наготу Ее любовно прикрывают. Когда Архиерейский собор 1966 г. запретил в служении оо. Николая и Глеба (и они оба приняли это запрещение), это было нами встречено с пониманием. (Арест о. Глеба, впрочем, опять вызвал симпатии к нему.) Ныне гордьня г-на Якунина очевидна для всех и каждого. Очевидны и его двойные стандарты: ведь смог же он перейти под омофор человека, с головы до пят запятнавшего себя коллаборационизмом. По контрасту мы считали правильным и могущим быть примером поведение о. Александра Меня в советское время. Ему не пришло ни выступать с покаянием по телевидению, как о. Димитрию Дудко, ни отправляться в лагерь; он мог по-прежнему служить и привел ко Христу тысячи душ.

²⁵ Вот, например, один из его отзывов о патр. Алексии, записанный на пленку по ходу лекции: «образованнейший, умнейший, красивейший даже внешне — такой особой духовной красотой».

²⁶ Вот взятый из магнитозаписи лекции отзыв о патр. Пимене: «Скорблю о его смерти. Самородок был! Очень преданный, убежденный человек! Монах в полном смысле слова. Не ханжа, монах по всей строгости, чего не скажешь о многих нынешних белоклобучниках. (Это было сказано в момент, когда повсеместно обсуждался «монашеский» облик митр. Киевского Филарета [Денисенко]. — Е.В.) У него был хорошо поставленный голос, он из бывших регентов, но он не был оратором. Ему было трудно в золотой клетке, в Чистом переулке. Он раскрывал себя в службе. Очень любил служить. У него даже среднего духовного образования не было — семинарии он не смог кончить. И вот однажды на выносе Плащаницы, когда положено говорить слово, он сказал две фразы: «Ну что скажешь? Будем молиться и плакать!» Вот и всё слово! Я поразился духовному такту этого не слишком образованного человека! И вот внутреннее чувство подсказало ему: тут излишни всякие слова!» А.Ч. приводила в восхищение такая подробность: на Троицу отпуст необычно длинный и сложный, а патр. Пимен произносил его наизусть! Во время наших застолий (например, в день Ангела) третий тост всегда произносился за первосвятителя.

²⁷ Примечательно свидетельство митр. Антония Храповицкого, одного из кандидатов на патриарший престол на Поместном соборе 1917/18 гг., в дальнейшем главы РПЦЗ, сохраненное в семье акад. Н.И.Толстого (ск. в 1996 г.). «Память семьи сохранила проницательный отзыв владыки Антония о т.н. Декларации митрополита Сергия (Страгородского), местоблюстителя Патриаршего престола; владыка сказал: «Не осуждайте! Митрополит Сергий вершит в России свое дело, а я здесь, за границей, — свое». Митрополиту Антонию приходилось с разных сторон слышать поношения «красной церкви в Содомии», а он в ответ демонстративно говорил: «Я денюю и иноюю молюсь о своем собрате — митрополите Сергии». См.: Его святейней было русское православие. К духовному портрету Никиты Ильича Толстого. В сб.: «Ученые записки» Росс. Православн. Университета ап.Иоанна Богослова. Вып. 2. М., 1996. С. 4.

он скрывал свое служение от соседей. И таких не осуждали: если священник, любя храм, благоговейно священнодействует и живет церковно, то, значит, личным примером спасает вокруг себя многие души. А.Ч. входил даже в положение загнанного в угол священнослужителя, может быть, и завербованного КГБ: какой это ужас совершать бескровную жертву и помнить, что ты должен потом кому-то что-то и на кого-то снаушничать. Сочувствовал этим несчастным, опутанным властями, людям. Зная бытовую слабость кого-либо из духовенства, всё же отзывался снисходительно²⁸. Сочувствовал, когда «советскому» митрополиту или даже самому патриарху приходилось вынужденно лукавить, отвечая на бес tactные и провокационные вопросы зарубежных журналистов²⁹. Душевые муки отвечавшего были обычно слишком хорошо видны...

Одна из основных черт духовного облика А.Ч. — доброта. *Anima magna*, он, понимая свои слабости, понимал и мотивы поступков другого, даже ложных (но не переходящих известной грани), а отсюда — его неосуждение³⁰.

Критерии, по мнению А.Ч., допустимы только конкретно-исторические: может быть, именно не чуждавшиеся служения кесарю духовные лица — велики, потому что обеспечили легальность Церкви в воинственно безбожном обществе. Уйти в катакомбы для Церкви означало бы прекратить окормление многомиллионной паствы и выродиться (что мы видели на примере т.н. Истинно-православной церкви, из недр которой вышло такое исчадие ада, как т.н. «Церковь Божией Матери Преображающейся»). Будучи единственной легальной формой духовной свободы в тоталитарной стране, РПЦ спасла от нравственной катастрофы множество народа. Выждать, заплатить за право бытия дорогой ценой, затаиться, замереть, даже притвориться полумертвым, но не дать себя искоренить! В таком случае стоит измениться внешним обстоятельствам, — а всё течет, всё изменяется, — как Церковь может и на минимальной базе стремительно возродиться!

Избранная А.Ч. (и вообще принятая в нашем кружке) тактика скрытого крестного знамения, скрытого хождения в храм, скрытого бытия на светской

²⁸ Газетно-журнальная кампания начала 90-х гг. по «разоблачению» православных иерархов расценивалась им как гнусная и безусловно греховная. Запрещенного в служении (но не подчинившегося и перешедшего ко лжепатриарху Киевскому Филарету) Глеба Якунина, которому мы, повторяю, сочувствовали в советское время, стал презрительно называть *Глебкой и попом Гапоном*.

²⁹ Слова осуждения помню только в адрес архиеп. Киприана (Зернова), когда тот, во время краткосрочного пребывания в должности управляющим патриархии, принялся вдруг говорить «красные проповеди». (Впрочем, он и священником во второй половине 40-х гг. публиковал в ЖМП верноподданнические материалы.) Из-за хора в храм ходить не перестали, но реакция была такой: как архиерей облокотится на посох и скажет «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа», все гуськом устремляются в боковые двери. Заглядывают потом через окна и на воздухе дожидаются конца проповеди. Став архиепископом «всех Ордынки», Киприан больше не экспериментировал. Я за без малого 40 лет активного пребывания в Церкви не запомню, чтобы кто-нибудь из архиереев или духовенства решился на верноподданническое слово или на прямую агитацию. Когда умирали генсеки и бывала заупокойная служба, то и тогда проговедь, если бывала вообще, произносилась пристойная.

³⁰ Правда, весьма осуждал отмечавшееся в начале 90-х гг. поветрие переходов запивающих или просто конфликтующих священников в юрисдикцию РПЦ Заграницей. Сейчас, как кажется, отрезвление наступило и в самой Зарубежной Церкви.

работе, вообще *скрытой жизни* — оказалась эффективной. В автобиографическом интервью А.Ч. сказал: «Бог меня хранил. Несмотря на мои христианские убеждения, серьезно я за них не страдал. Поэтому даже не буду говорить о прещениях против меня, как верующего, — они меркнут перед мучениями других».

2

— Чего еще мне попросить у Бога? — Ничего!
Е. Винокуров

Означает ли всё изложенное выше, что в условиях коммунистического подавления Русская Православная Церковь не жила полнокровной жизнью и не имела возможности спасать души пасомых? Означает ли это, что мы, рядовые верующие, были настолько угнетены страхом, что не чувствовали себя счастливыми? Вопросы непраздные³¹.

Ответ: нет, не означает³².

Вот что сказал А.Ч. в автобиографическом интервью: «Я против того, чтобы гипнотизироваться мрачными страницами в жизни нашей Церкви, теми невольными рискованными шагами, которые ей пришлось тогда делать. Не дерзай осуждать и ее первоиерархов»³³.

Более того, незадолго до смерти А.Ч. часто возвращался к мысли, которую сам называл *искусительной*, а именно: не была ли Церковь в период гонений чище и сплоченнее, а верующие — искренней? Чуть ли не ежедневное ныне открытие новых храмов, по его мнению, не должно вводить в заблуждение, ибо напор на православие возрастает также каждый день, и патриарху (он чувствовал) противостояние дорогое дается³⁴.

³¹ В зарубежных публикациях 60—80-х гг. писалось, что РПЦ — это сплошные Потемкинские деревни, инсценировки КГБ, и ничего больше. Один зарубежный архиерей, видевший кадры кинохроники о праздновании Сергиева дня в лавре в середине 70-х гг., осторожно выяснял у меня: разве эти многотысячные толпы — не переодетые солдаты КГБ?

³² С этой оценкой, вполне вероятно, не согласятся диссиденты-экстремисты. (Впрочем, не являются ли они жертвами собственного темперамента? Ведь тем же людям вполне свободное бытие РПЦ в нынешних условиях по-старому ненавистно.) Верующие умеренного умонастроения, однако, едва ли станут мазать всё сплошь черной краской. Ср. показательное с этой точки зрения интервью архим. Петра (Полякова), настоятеля храма Казанской иконы Божией Матери в Узком (Москва) (в ж-ле «Новая Европа», 1995, №7. С. 21—41). Что касается церковных диссидентов, то не отрицая безусловной честности и жертвенности большинства из них, все же не станем закрывать глаза и на то, что часть из них целенаправленно инфильтрировалась в Церковь соответствующими органами.

³³ См. сн. 5 (Указ. соч. С. 172).

³⁴ В одной из последних лекций сказал буквально: «Сейчас много улюлюканья со всех сторон. Стремление изнутри как-то если не взорвать Церковь, то дискредитировать. Это недопустимо, это и глупо, это и бессмысленно: всё равно врата адовы не одолеют ее. Чего она только не вынесла! Вынесет и это. Но малодуховные люди могут облазниться и отойти».

Евгений Винокуров, имя которого, как и имя Б. Ахмадулиной, уже ничего не говорит нынешней молодежи, в советские времена печатал глубокие религиозно-философские стихи. Среди них запомнилось четыре строчки (цитирую по памяти), которые мы применяли к себе:

- Чего еще мне попросить у Бога?
 - Ничего! Вот мировой контраст.
- Бог ни в чем не заслужил упрека:
Жизнь Он дал мне, смерть еще мне даст³⁵.

Сеть, расставленная тоталитарным государством на Церковь и на нас, ревностных прихожан, оказалась с широкими ячейками (и со временем они всё расширялись): у духовенства в конечном итоге для душепопечения и богослужения руки связаны не были, а церковный народ исчислялся десятками миллионов и нес в храмы свою веру во Христа, любовь ко Христу и верность Ему. Если держаться определенных «правил игры», то можно было жить полноценной православной жизнью. И мы действительно жили ею.

Ниже несколько штрихов из облика А.Ч. Напомню, что охватывается лишь период от 1960-го года по конец 80-х годов.

Не было ни одной седмицы, ни одного двунадесятого или престольного праздника, чтобы А.Ч. не побывал в храме³⁶. Даже если напала хандра, взнудзывал себя, а меня в 60-е гг. непременно вызывал и убеждал всё оставить и пойти, например, к Пимену Великому. Он рассуждал примерно так: «Ну хорошо, понимаю, что статью надо к понедельнику закончить. Предположим, Вы сэкономите пять часов. И всё равно работа не пойдет! Не сделаете намеченного дела!» Опытным путем знаю, что слова эти стопроцентно справедливы. Даже в случае легкого недомогания он был «беспощаден»: «Нет, пересилите себя, нога за ногу приволокитесь, — в храме и окрепнете физически». Именно так и случалось! Однажды в храме у меня, как по заказу, прекратился многодневный профузный насморк! В другой раз распирал кашель: за службой кашлять неудобно, приходилось сдерживаться, зажимать рот. После всенощной с удивлением обнаружил, что кашель исчез без следа.

Храмы тогда бывали переполнены до последней возможности! На двунадесятый праздник надо было приходить по крайней мере за полчаса до всенощной и не меньше чем за 45 минут до обедни. Плотно спрессованная человеческая масса неохотно пропускала вперед. Наша «четверка мушкетеров» поступала так: высыпался кто-нибудь заранее и занимал место, а позже к «маяку» (расхожее слово-сочетание) пробирались другие. Если вы, работая руками и плечами, шли сквозь толпу к манившему вас знакомому, люди всё-таки сторонились. Как сейчас вижу: миниатюрный А.Ч., прямо-таки танком, устремляется ко мне; где лаской, где таской он прокладывает себе путь, оказывается рядом, расстегивается, снимает

³⁵ Стихотворение было напечатано «во время оно» в «Новом мире». Конечно, написания Бог и Он (в отнесении к Богу) привнесены нами.

³⁶ Вспоминается характерное суждение А.Ч. В декабре 1985 г. патр. Пимен после долгой болезни снова появился в Елохове, и вот что (примерно) сказал А.Ч.: «Да, ради Святейшего. Он ведь любит службу Божию, и не служить для него тяжело. Так же как для меня не быть за службой».

с шеи шарф, поглядывает на хоры и собирает внимание. Конечно, теснота, духота и беспорядочное колыхание массы в начале богослужения отвлекали, но потом вы начинали себя чувствовать частицей большого организма, возносящегося к Богу. Все неудобства забывались начисто!

Скажу кстати, что если вдруг заполошные старухи начинали разборки, то А.Ч. умел на них цыкнуть, и они замолкали. Какое-то время к Богоявлению ходила одна явно душевно нездоровая дама «из благородных»; обуздать ее мог один А.Ч.

После долгой уставной службы выходили просветленные, физически бодрые, — счастливые! Никакой усталости или ломоты в ногах!

На чтение 12 евангелий обычно ходили в храм Николы Чудотворца, что в Хамовниках. Свечу надо было заранее купить и принести с собой, потому что у ящика всегда стояла большущая очередь. Прихожане стояли тесной толпой, и держать зажженную свечу всегда приходилось с опаской — как бы не подпалить стоявшего перед тобой. Над головами людей колыхалось марево от свечного дыма, подымался пар от дыхания напряженной массы людей, а о вентиляции тогда ничего не слышали. П.П. Недошивин привил нам обычай по возвращении со службы страстей Христовых на сон грядущий перечитывать чеховского «Студента». Сам писатель, по воспоминаниям современников, считал этот рассказ любимым своим произведением.

В 50—60-е гг. был очень популярен Покровский храм, что в Медведкове. Там служил архим. Сергий (Савельев), сумевший создать у себя в храме органически цельное богослужение (со своим распевом) и высокомолитвенную атмосферу. Храм небольшой, а съезжались, невзирая на удаленность, многие. Вот теснота была так теснота! Руку для крестного знамени не вытащишь!

Мы с А.Ч. ежегодно неопустительно ездили в «по Северной дороге», к преп. Сергию — и на летнего, и на осеннего. Все склоны монастырского холма бывали усыпаны паломниками; случалось, что в Успенский собор мы так и не могли проникнуть, а на огромной соборной площади милиция с большим трудом продельвала проходы для патриарха и духовенства. Тысячеустое пение тропаря «Иже добродетелей подвижник» на площади — незабываемо! (Сейчас по контрасту в толпе половина любопытствующих, и тропарь не подхватывается.)

Мы любили съездить к Преподобному на воскресный акафист, читавшийся верующими нараспев. А.Ч. знал акафист наизусть, а я держал в руках текст, собственно размноженный на машинке — для себя и для друзей. (Это не нынешнее время, когда в лавре акафист продаётся на каждом углу.) Однажды, покинув храм, мы устремились было к электричке, но тут обратился ко мне вышедший вслед за нами старичок. На акафисте он стоял позади нас. Говорок его звучал «по-западенски»: «Дитяtko, дай мне акафист-то! Всем селом молиться будем!» Экземпляр у меня был последний, намоленный, и аз, многогрешный, на момент заколебался. А.Ч. толчком в бок привел меня в чувство: «Да напечатаете еще!» Тетрадка, естественно, перекочевала в сморщеные руки, сложенные лодочкой.

А.Ч. был большим любителем и знатоком хорошего церковного пения и уставного служения³⁷. В этом отношении Москва, как и сейчас, могла дать очень

³⁷ Его недаром называли «ходячим уставом».

многое. Бывало, стоим за обедней, и как только раздастся первый звук «Херувимской», А.Ч. тут же пригибает меня к себе и шепчет на ухо: «Чесноков, номер такой-то». Он мог пропеть все номера по памяти! Ведь хотя Бог не дал ему хорошего голоса³⁸, у него был отменный музыкальный слух и феноменальная музыкальная память. Очень любил и ценил А.Ч. творчество Павла Григорьевича Чеснокова, а трио «Разбойника благоразумного» относил к вершинным достижениям Мастера³⁹.

Конечно, литургия — самое важное богослужение. Но поскольку всенощная больше связана с событием праздника, А.Ч. в случае необходимого выбора предпочитал пойти в церковь вечером. Ко всенощной он применял выражение Лескова: «Христос за пазушкой». Понять умом таинство пресуществления свв. даров, исходя из нашего здравого смысла или даже из философии, — невозможно, его человек принимает как данность, причем со страхом и трепетом: «Изыди от мене, яко муж грешен есмь, Господи» (Лк 5,8). Повторяя эти знаменитые слова ап.Петра, А.Ч. делал их девизом своей — нашей! — жизни. Согласно магнитозаписи, он говорил буквально следующее: «Я враг того, чтобы приоткрывалась завеса над тайной. И не наше дело проникать в то, что не может быть постигнуто ни при помощи ratio, ни интуиции, а требует, собственно говоря, только одной веры. Все-це-ло зиждется литургия на вере. И очень мало адресуется как к рациональной стороне нашей души, так и к эмоциональной. То, что в литургии, — это как бы уже за пределами нашего обычного восприятия».

Иногда на лекциях А.Ч. спрашивали, почему настолько усложнено православное богослужение, зачем требуются эти напластования Октоиха на Часослов, Минеи на Октоих, Триоди на Минею и т.д.? Ниже следует расшифровка магнитозаписи: «Если встать на точку зрения здравого смысла, на точку зрения Льва Толстого, — то зачем всё это нужно? Неужели без этого молитвы не дойдут до Бога? Да не для Бога всё это делается, а для человека, для нашего духовного просвещения. Даже сейчас в трудное время, когда, казалось бы, не до того, если бы мы хорошо знали богослужение, знали бы все слова, то это было бы великим утешением. Это не было бы ответом на конкретный вопрос, что делать там в чеченском конфликте, или каким образом достать кусок хлеба, но это придавало бы осмысленность, промыслительность всему тому, что происходит, и давало бы нам большие душевые силы. И человек более устойчив в жизни, более работоспособен, более молод душой, если он предельно сознательно относится к богослужению, а не считает его средством поставить свечку, чтобы муж не пил

³⁸ Но по нужде А.Ч. певал на клиросе партию баритона или второго тенора.

³⁹ Вспоминается по ассоциации, что когда на светских концертах разрешили исполнять церковную музыку русских композиторов, мы однажды в консерватории слушали «Разбойника благоразумного», — правда, не Чеснокова, а А.Д.Кастальского. Хор исполнялся ... без слов (как вокализ, на звук «а»). Такова была распространенная в конце 60-х и начале 70-х гг. практика: церковные хоры исполнялись или без слов или с подмененными словами. Мы были и этому рады. Шевеля губами, А.Ч. шепотом проговаривал скрытый текст вслед за музыкой. В программке содержалась краткая справка о композиторе: он был представлен как автор массовых революционных песен и мастер советской хоровой культуры. Ни слова, конечно, о том, что он долгие годы был преподавателем, а потом и регентом Синодального хора.

или чтобы достался хороший кусок мяса. Таков деляческий подход к богослужению. Здесь же сочетание бездонного философизма, богословской глубины с предельной обращенностью к нашей повседневной жизни. Это феномен, который не повторяется ни в одной религии, а если брать вероисповедания, то ни в одном вероисповедании, кроме ортодоксального, православного, вот такого сочетания повседневных нужд душевных и телесных с философской глубиной, доступной, как ни парадоксально, и неподготовленному человеку, — пожалуй, нигде нет. И очень большое утешение для человека, когда он всё это слышит и понимает. Не только слышит одни мелодии, не только видит чисто внешнюю красоту богослужения, но понимает, что за чем следует и почему так, что это не какой-то праздный ум всё выдумал, что это сделано для нас. Богу достаточно одного раскаяния и бескровной жертвы евхаристии, — большего, повидимому, Богу не нужно. Об этом хорошо писал Достоевский, не мне говорить».

Когда стали выпускать церковные пластинки, мы за ними гонялись. Тогда дефицитные пластинки фирмы «Мелодия» было легче купить в советских магазинах за границей, и когда мне приходилось иногда бывать в загранпоездках, я всегда привозил для друзей именно пластинки с отечественными (или болгарскими) записями церковного пения. В конечном итоге (из разных источников) у А.Ч. составилась хорошая коллекция пластинок.

А когда появились переносные магнитофоны на батарейках, то А.Ч. можно было видеть с «Электроникой 302» в сумке через плечо. Нацеливаясь микрофоном, зажатым в кулаке, он — раз! — нажимает клавишу пуска, а потом следит за бегающей стрелкой индикатора и регулирует уровень записи. (Ведь магнитофоны с автоматической регуляцией еще не появились.) Надо было обежать весь город, чтобы купить компакт-кассеты! Они выпускались в Казани и стоили 4 рубля, что уже даже профессора вводило в расход. Кассеты экономили, и записывали их полностью.

А.Ч. сделал множество записей (особенно хора Н.В. Матвеева). Потом он обычно использовал их в своих многочисленных лекциях.⁴⁰

До поры, до времени А.Ч. мечтал стать священником⁴⁰, но на рукоположении во чтеца его иерархическое «продвижение» остановилось. А во чтеца он был поставлен (настоятелем Ильи-Обыденского храма Виталием Лукашевичем) еще в детстве, как только освоил грамоту. В родном храме его привилегией было чтение Шестопсалмия. И уже на склоне лет он бывал нескованно счастлив, когда иногда получал благословение прочитать Трисвятое или те же экса-псалмы.

Шесть псалмов Давида, выражавших вздох «скорбящей и озлобленной» души, были ему особенно по вкусу. Вот он приступает: «Господи, что ся умножиша стужающий ми? Мнози востают на мя, мнози глаголют души моей: Несть спасения ему во Бозе егъ». Отчаяние! Тьма непроглядная! Кругом беспощадные враги, нет помощника, и говорят еще вдобавок: нет тебе спасения от Бога!

⁴⁰ Когда А.Ч. испрашивал совета по этому вопросу, особенно у уважаемых им духовных лиц, то все ему единодушно советовали оставаться в прежнем состоянии светского просветителя.

Прочитав два стиха, А.Ч. выдерживал небольшую, но явственно безнадежную паузу, а потом начинал «из глубины», но совсем другим тоном, в полной уверенности на Бога: «Ты же, Господи, Заступник мой еси, слава моя, и возносяй главу мою. Гласом моим ко Господу возввах, и услыша мя от горы святыя Своей». А.Ч. был большой мастер создавать контраст: от мрачной безысходности до торжествующей уверенности!

Я слышал, что у него был (так и не осуществленный) замысел написать пособие для чтецов «Как читать Шестопсалмие».

А.Ч. вообще как-то интимно, душевно, по-личному боготворил «родимого», «дражайшего» Давида, царя-псалмопевца. Он мог бесконечно слушать псалмы, беззвучно проговаривая слова вслед за чтецом-анагностом⁴¹. Знал множество псалмов наизусть и, конечно, все прокимны, алилуарии, антифоны и т.д. «Господь пасет мя, и ничтоже мя лишит» (пс. 22) я полностью слышал из его уст, и неоднократно⁴². Очень любил антифоны 4-го гласа, поемые на Рождество и на другие праздники. «От юности моей мнози борют мя страсти». Этот антифон особенно трогает за душу, потому что действительно от юности многие страсти нас поборают. И уже как бы от себя взываешь: «Спаси мя, Спасе мой!» Вот что А.Ч. сказал на одной лекции: «Давид — удивительный. Недаром считается, что его псалмы отгоняют злых духов. Если вы не веруете в отдельных духов, то не веровать во злой дух, который иногда поселяется в нас, невозможно, потому что он чувствуется опытом. Дух неверия, отчаяния — он испаряется при чтении псалмов! Не нужно только огорчаться, что молитвенное настроение и сосредоточенность не приходят сразу, как по заказу. Пусть сначала говорят одни лишь уста. Постепенно человек в это втягивается, и почти физически чувствуешь, как всякая житейская дрянь, которая накопилась в тебе, из тебя уходит. Вот это удивительно! Я — не доморощенный мистик, но это действительно удивительное ощущение, в котором даже боишься признаться себе».

Наряду с царем Давидом, А.Ч. очень по-личному (как он говорил, нежно) любил также сангвинического, порывистого ап. Петра: «Это две самые яркие фигуры во всей Библии». Родившегося в 1960 г. сына назвал Петром.

Интересны суждения А.Ч. о ектенях. В них, по его мнению, содержатся прошения двух видов — необходимые и достаточные. Для каждого, в том числе (это говорилось на лекциях со смешанной аудиторией) и для неверующего.

⁴¹ Правда, почему-то не любил полного вычтывания кафизм на утрене. Признавался: «Когда бываю в Даниловом монастыре, то, грешный, не могу выдержать чтения кафизм, выхожу из храма».

⁴² Вот его интерпретации некоторых стихов из Псалтири, записанные во время лекций: «Из кафизм обычно за утреней вычитывается псалом «Доколе, Господи, забудеши мя до конца...». Другой очень выразительный: «Рече безумен в сердце своем: несть Бог. Раstле-ша-ся и омерзившая в начинаниях. Несть творяй благостию, несть до единаго». Ни один безбожник не творит добро в полном смысле слова. «Тамо убоявшиеся страха, идеже не бе страх»: вот удел человека без Бога. Он боится там, где нечего бояться. Именно наказание его — страх. Все это бесконечно глубоко в психологическом, даже чисто жизненном отношении. Недаром псалмы читают над покойником! Для отнания духов злых. А может быть для того, чтобы слушая псалмы, прийти в какое-то более или менее мирное состояние.

Обращенная к Богу, ектења одновременно обращается и к человеку, заостряет его внимание на очень важных духовных и житейских ценностях: так, мы просим Бога помочь «страждущим, плененным» и т.д., но в то же время и самих себя наставляем не забывать о них и действовать ради их спасения; испрашивая у Бога избавить нас от «скорби, гнева и нужды», мы в то же время создаем и у себя психологический настрой — настраиваемся на то, чтобы превозмогать разрушительные душевые состояния. Здесь удивительная связь между горним и дольним мирами, всё это обкатано веками и создано гениальными умами. Здесь недопустимы никакие поновления и исправления. Отвергая литургические «усовершенствования» (как А.Ч. выражался, скудоумных людей), А.Ч. вовсем не был замешлен консерватором; он был против пренебрежения многовековым и эффективным опытом Церкви.

Интересно, что свое резкое неприятие астрологии, внецерковного христианства, восточных культов и т.д. А.Ч. обосновывал прошением ектењи: «Добрых и полезных душам нашим ... у Господа просим!» Разъяснял филологически: *добрые и полезные* — имеются в виду не люди, способные взять под покровительство (ибо «не надейтесь на князи, на сыны человеческия, в них же несть спасения»; пс. 145, 3); это множественное число от субстантивированных прилагательных среднего рода; то есть испрашивается то, что для нас добро и полезно. А.Ч. хотел видеть вокруг себя церковно-просвещенных людей.

В связи с заповедями блаженства А.Ч. рассуждал так: «К мысли о том, что если вы что-то сделали для кого-то из страждущих, то этим послужили Богу, не приходила до христианства ни одна из предшествующих религий. Здесь одна из принципиально новых основ христианства. Это то, что сделало христианство одной из мировых религий. Христианство мировой религией не стало бы, если бы оно не заключало в себе идей, отличающих его от монотеизма иудейства и политеизма античности». Он решительно выступал против расхожего взгляда, что христианство есть плод механического переплетения иудаизма и античности.

В храме мы всегда оставляли доброхотное даяние. Вспоминаю, однажды перед выходом А.Ч. что-то заметался. «Сегодня с блудом не ходили. А за свечами была такая очередь. Как же уйду без своей лепты?» Разыскал настенный ковчежец и покатилась-зазвенела его жертва. «Во времена оны», хотя жертвовали и купорами, но чаще всё-таки мелочью. А.Ч., кажется, поступал так: покупал свечу за рубль и посыпал ее поставить перед Казанской; с тарелками у Богоявления за обедней ходили два раза по три человека: на каждую тарелку, смотря по обстоятельствам, клался гравенничек или двутривенный. Дно у тарелок было выстлано сукном, но всё равно продвижение собирателей сопровождалось постоянноенным негромким звоном.

Как после зрения Преображения на горе Фавор ученики не хотели сходить с горы, потому что «хорошо» им там было, так и нам (и многим другим) обычно по окончании службы не хотелось уходить, ибо даже после трудового дня на всенощной усталость пропадает и открывается как бы второе дыхание. Обычно слушали еще и народное пение: «Под Твою милость», и «Утверждение на Тя надеющихся».

В те далекие времена все московские храмы были, так сказать, внесословными. Это верно, что верующая интеллигенция предпочитала, скажем, Николу в Кузнецах (где настоятельствовал знаменитый пастырь и проповедникprotoиерей Всеволод Шпиллер) или Скорбященский храм на Ордынке (где имелся прекрасный хор, и даже о. диакон — Константин Егоров [в прошлом оперный солист] — мог петь по нотам), но всё же основная паства и этих храмов состояла из «простых людей»⁴³. Низкий поклон «простеям», преимущественно женского пола и продвинутого возраста, этим «Божьим одуванчикам» и «платочкам»⁴⁴, — не никодимствовавшие интеллигенты, а именно они, отчисляя от пенсионных щедрот своих, позволили церковному кораблю проплыть по волнам лихолетий!

В свете сказанного вспоминается символическая картина, смысл которой А.Ч. однажды заострил в разговоре. После отставки совершенно блестящего митр. Николая (Ярушевича) недолгое время митрополитом Крутицким и Коломенским был Питирим (в маститой старости умер в 1963 г.; фамилию его, к сожалению, запамятовал). Второй человек в церковной иерархии, митр. Питирим по внешнему виду был простым, даже простоватым, немудрящим, совсем не представительным. Развеивается растрепанная борода, панагии непременно свихнуты набок, прищуренные крестьянские глазки излучают добрую улыбку, даже с хитрецой, пожалуй, но без бездонной мысли. У Богоявления его можно было видеть сразу же за спиной патриарха Алексия. Алексий же выглядел совсем иначе: безукоризненное облачение, расчесанная борода, плавные движения, а интеллект и образованность так и сияют в пронзительных очах. Внешний контраст — большой, приметный. Однако, как подчеркнул А.Ч., по размышлении заключаешь: так и должно быть в Церкви Христовой, где каждому есть место — премудрому и бесталанному, столбовому дворянину и потомственному крепостному крестьянину, ученному и неучу, красавцу и уродцу, гордецу и смиренному. «И нам с Вами, рабам неключимым».

А.Ч. дорожил истиной, что Церковь — мать для всех-всех; так, в одной из лекций напирал, что все прибывавшие в Москву первым делом шли приложиться к Иверской иконе — «от царя до забулдыги в обносках».

При всей безусловной укорененности в православии, А.Ч., сколько его знаю, всегда был также приверженцем, так сказать, практического экуменизма. Вот *ipsissima verba*: «Я убежденно держусь родного православия, но это не мешает мне нежно любить старообрядцев, ощущать определенную близость к католицизму, особенно если отбросить его экзальтированность, с почтением относиться к протестантским библейстам». Действительно, А.Ч не смущал ни католический

⁴³ На Ордынке «простым» прихожанкам совсем не нравилось концертное исполнение хором «Всенощной» Рахманинова или «Литургии» Чайковского. Прот. Михаил Ардов вспоминает, что старушки неприязненно говорили: «Опять Рахман поет». См.: *Ардов М. Мелочи архи...*, прото... и просто иерейской жизни. М., 1995 С. 245. В данной книге собрано множество наблюдений, отлично характеризующих описываемую эпоху советского криптохристианства.

⁴⁴ О которых митр. Трифон (Туркестанов) порочествовал, что они будут спасать Церковь.

«крыж», ни старообрядческое крестное знамение «двема персты» с твердыми ударами в лоб, пупок и рамена⁴⁵.

Между прочим, после войны, когда острота противостояния спала, А.Ч. бывал у обновленцев, в их последнем оплоте — Пименовской церкви.

А.Ч. понимал причины, приведшие к возникновению Русской Православной Церкви Заграницей. Когда я на длительный срок уезжал в Германию, А.Ч. присоветовал мне отставить все сомнения и не только бывать за литургией у карловчан-джорданвильцев, но и причащаться у них⁴⁶.

Но политиканства РПЦЗ на территории Москвы А.Ч. не принимал: однажды мы с ним из любопытства забрали в тогда еще функционировавшую церковь зарубежников на Б. Ордынке и даже постоали за служением архиеп. Варнавы, надеясь, что он скажет слово, но когда о. Алексий Аверьянов стал возносить многолетие «болярину» Димитрию (Васильеву, предводителю сейчас сошедшего на нет движения «Память»), А.Ч. сделал знак, и мы немедленно вышли на свежий воздух.

Кажется, я всего один раз слышал из уст А.Ч. слово «осуждаю»: оно было направлено в адрес сектантов и отступников (апостатов) от православия, в том числе выродившихся катакомбников.

Кстати заметить, А.Ч. не терпел бытового антисемитизма⁴⁷.

У нас были экуменические журфикссы. Так, в ночь на католическое Рождество (24 декабря в 10 часов) мы шли в костел св. Людовика на М. Лубянку. На праздник Покрова и на жен-мироносиц, когда у старообрядцев, приемлющих Белокриницкую иерархию, бывают крестные ходы, регулярно посещали великолепный казаковский собор на Рогожском кладбище. Конечно, мы не причащались там и не подходили под благословение.

На молебнах после литургии слушали там каноны и всегда восторгались ими. Водосвятие на Покров с преклонением хоругвей и в клубах ладана оставляло глубокое впечатление. Вот расшифровка фрагмента лекции А.Ч.: «Очень хорошо выпеваются каноны у старообрядцев-поповцев. Сойдутся два клироса на катавасию, да взмахнет главный головщик своей палкой, да заблажат женщины истошными, угробными голосами, да сольются три октавы в унисон, — крыша поднимается, стены раздвигаются, а душа слушает, наслушаться не может. Какая это красота! Как они понимают суть канона! У них не акафисты там какие, написанные иногда помещиками или чиновниками, а — ка-но-ны! Вот самое главное! Поздние акафисты — довольно искусственные, пустозвонные, очень нелепые (и в богословском отношении, и в эстетическом). Сейчас мода на акафисты, люди переписывают их друг у друга. Не понимая того, что сочиняли очень малодуховные люди».

⁴⁵ По отношению к староверам в нашей сплоченной группе было некоторое разногласие.

⁴⁶ Что я, кстати сказать, и сделал, и исповедовал меня и причащал в Мюнхене архиеп. Берлинский и Германский Марк, которого я научился уважать и полюбил.

⁴⁷ Было время, когда на фоне ретивой борьбы с сионизмом некоторые регенты в гимне «Свете тихий» в конечном стихе «...и славу людей Твоих Израиля» опускали последнее слово. А.Ч. едко насмешничал по этому поводу.

Завораживал нас и старообрядческий пасхальный канон, поемый на молебне в неделю жен-мироносиц. Дониконовский текст пасхального тропаря⁴⁸ А.Ч. считал по переводу ничем не хуже современного, а по духу более народным, более наглядным, даже и более емким лексически (например, «гробные» короче, чем «сущие во гробех»).

Отношение А.Ч. к расколу не было простым отрицанием действий «раздроников», произвольно раздирающих ризы Церкви Христовой. В расколе он видел бескорыстное, спонтанное, убежденное, напряженное, подвижническое и чисто русское народное движение, стихийно противопоставившее себя послушивой официальной церкви, пригнетенной Петром. Считал старообрядчество хранителем чистой традиции. Побольше традиционализма желал и нашей, «новообрядческой», Церкви.

В частности, придерживаясь точки зрения, что богослужебный язык, наряду с прочими компонентами Свящ. Предания, входит в суть конфессии, А.Ч. всеми силами стремился сохранить церковнославянский и оградить его от участившихся несправедливых насоков.

Убежденность эта шла у него от преклонения перед греческим языком как некогда общим языком всего христианского мира. Когда за патриаршим богослужением в Елохове хор воспевает «Кирие элейсон» (Κύριε ἐλέησον, Господи, помилуй), «Парасху Кирие» (Παράσχου, Κύριε, Подай, Господи) и т.д. или когда служащий клирик (в присутствии заезжей делегации) произносит «Ирини паси!» (Είρηνη πᾶσι, Мир всем), то этим, по мнению А.Ч., лишний раз подчеркивается вселенский характер и русского православия. Очень любил «Полихронион», архиерейское многолетие по-гречески, исполняемое в Елохове мощным унисоном. На службе Похвалы Пресвятой Богородицы он извлекал из кармана Богородичный акафист на греческом языке и следил за чтением по нему. На сон грядущий любил читать Евангелие предстоящего дня по-гречески. Греческий язык А.Ч. (специалист! ему и карты в руки!) почитал за предельно точный богословски и безмерно высокий лингвистико-поэтически.

А церковнославянский ему представлялся во всем континиальным греческому (в отличие, между прочим, от невоцерковленного современного русского языка, да еще семантически извращенного богооборческим режимом). «Церковнославянский язык — это чудо, а его трудность и недоступность преувеличены. В массовой аудитории, подчеркиваю, в массовой, а не в камерных занятиях для узких специалистов, на своих лекциях по ораторскому искусству, по памятникам мировой истории я делал такой опыт: читал медленно на церковнославянском какой-нибудь из псалмов, например мой любимый — “Господи, услыши молитву мою, внуши моление мое во истине Твоей” — и просил сказать, что непонятно. Максимум — два вопроса. Потом на русском языке в синодальном переводе читал какое-нибудь пророчество, например “Плач Иеремии”, пророка Иезекииля, и спрашивал, что понятно. Выяснялось, что на слух — практически ничего. Вывод: трудности кажущиеся, они происходят не от языка как такового, а от авторского

⁴⁸ Христос воскресе из мертвых, смертию на смерть наступи, и гробным живот дарова.

стиля. Это мое глубочайшее убеждение. Если мы посмотрим на церковнославянский язык не как на иностранный, которым нужно овладеть, [...], а как на язык, живущий в наших генах, который нужно только “опознать”, то нам будет намного проще⁴⁹. Думаю, что А.Ч. разделил бы взгляды на богослужебные переводы, недавно суммированные о. Максимом Козловым⁵⁰.

Отмечу и наши разногласия: я считал в целом все-таки полезной деятельность дореволюционных русификаторов церковнославянских текстов, сплотившихся вокруг архиеп. Сергия (Страгородского; в дальнейшем патриарха). Как на удачный современный пример русификации ссылался на специально составленные (по грамматике церковнославянские) прошения молебна, петого при закладке Храма Христа Спасителя 7 января 1995 г. Мы долго обсуждали этот текст (записанный мною на пленку) с уже тяжко больным А.Ч. по телефону, и, если правильно помню, он, кажется, в своем отношении к сакральной неприкословенности нашего священного языка поколебался.

Что, однако, совершенно точно, — он поколебался в своем первоначальном неприятии замысла восстановить сей Храм. Поскольку у А.Ч. имеются печатные возражения против стройки, хочу определенно сказать, что они не представляют собой его окончательного суждения.

Многое и другое вспоминается, но пора и честь знать.

Действительно, 60—80-е гг. были для А.Ч. годами полнокровной и счастливой жизни в недрах российского православия⁵¹.

Никогда и ни в коем случае непредубежденный человеческий Разум не согласится с безбожным тезисом о полной смертности человека. Если бы душа, накопившая за земную жизнь несметное духовное богатство, бесследно исчезала, как бы мы сочетали этот «закон» с верой в Бога крепкого, милостивого, праведного, живого?

«Смерти празднуем умерщвление, [...] иного жития вечного начало...».

Для души А.Ч. «иное вечное житие» уже началось.

До встречи!

5/18 января 1997 г.

⁴⁹ См. сн. 5 (Указ. соч. С. 177—178).

⁵⁰ Свящ. Максим Козлов. По поводу практики использования «русифицированного» богослужебного текста в храме Сретения Владимирской Божией Матери. «Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур. Информационный бюллетень», вып. 28—29. М., 1996. Имеется в виду московский приход, окормляемый о. Георгием Кочетковым. (Ныне о. Георгий запрещен в служении.) Неразлучных о. Георгия и А.М. Копировского мы с А.Ч. помнили совсем юношами, поскольку они длительное время были постоянными прихожанами Богоявленского собора. См. также: прот. Валентин Асмус. «Засекреченная» книга. О книге свящ. Георгия Кочеткова «Православное богослужение: русифицированные тексты вечерни, утрени и литургии». В газете «Радонеж», 1996, №29—32.

⁵¹ При написании статьи в отдельных случаях были с большой благодарностью использованы воспоминания об А.Ч. И.В. Барышевой, Л.В. Бородиной и П.П. Недошивина (как они отразились в его машинописных мемуарах). А.В. Лазареву сердечно благодарю за предоставленные ею магнитозаписи лекций А.Ч.

ДВА ЭССЕ

ИСТИНА ДИАЛОГА

Говорят, что истина рождается в споре. Это и так, и не так. Новый подступ к истине, веточка, брошенная в перенасыщенный раствор и сразу обрастающая кристаллами, часто падает откуда-то в тишине, в одиноком созерцании, и в споре только гранится, рассыпается на множество частных истин, как истины Евангелия в богословском диспуте. Но бывают разговоры, в которых дух истины витает над всеми репликами, и здесь действительно что-то рождается. Это и есть диалог, спор, в котором новое, рожденное сейчас, признается выше всего, рожденного ранее и вынутого из запасов памяти.

Такие диалоги вел Сократ. Этому научился у него Платон. На старости лет он, к сожалению, увлекся логическим развитием идеи и сохранил диалог только как оболочку философской истины. Диалог не выстраивает никакой системы, не дает никаких инструкций. Он дает *чувство* истины, высшей истины, связывающей спорщиков. В этом смысле *перехода к диалогу*, провозглашенного II Ватиканским собором. В этом дух философии диалога, разработанного Бубером, Марселям, Левинасом и Бахтиным.

Наше время — одно из тех, о которых говорил Кришна в «Бхагаваттиге»: «Когда падает добродетель, когда торжествует порок — тогда я воплощаюсь». Но мессия уже приходил. И Будда уже приходил. И я не могу себе представить новых, глубже прежних. А если не лучше и не глубже, то старых нельзя просто отодвинуть, как Христос — греческих богов. Христос останется в святая святых, и Будда останется. И поклонники Будды и Христа по-прежнему будут поклоняться Будде и Христу. Возможно только дойти до глубины, в которой откроется Дух, веющий всюду, и выйдут из забвения слова Христа: «Всякому простится слово на Сына, не простится хула на Святой Дух». Хула, которой часто грешат ревнивые исповедники *своей* веры, не замечая Святого Духа в чужих одеждах.

Наше дело — идти по выбранной дороге, но не хулиг чужие дороги. Они расходятся в долинах, а наверху сходятся и совершенно сливаются там, где время становится вечностью, а пространство — точкой целого. И почувствовав эту точку

Григорий
ПОМЕРАНЦ

— родился в 1918 году в Вильне (ныне Вильнюс). Окончил ИФЛИ. Участник Великой Отечественной войны. Автор книг «Неопубликованное» (Мюнхен, 1972), «Сны земли» (Париж, 1985), «Открытость бездне. Встречи с Достоевским» (М., 1990), «Собирание себя» (М., 1993), «Выход из транса» (М., 1995), «Записки гадкого утенка» (М., 1998), «Страстная односторонность и бесстрастие духа» (М., 1998). Живет в Москве.

в труди, мы чувствуем любовь к другому, идущему другим путем, и не даем ревности и ненависти отвлечь от пути вверх.

Баха-Алла не был самозванием, и теософы не сделали, если можно так сказать, «кадровой» ошибки, избрав в мессии Кришнамурти. Но когда Кришнамурти достиг зрелости, он отказался от своего звания. Он понял, что оно противоречит духу времени. А успехи бахаизма очень невелики. Огромное богатство духовных путей, накопленное «старыми» мировыми религиями, удерживает в их кругу, несмотря на трудности в толковании древних символов веры. Старые мировые религии тысячами нитей связаны с культурой своих регионов, а бахаизм противостоит им как отвлеченная религиозная идея, та же идея монотеизма без старых, но прекрасных икон, старой музыки и т.п.

Творческие меньшинства разных культур может объединить только дух диалога, дух понимающей переклички вероисповеданий, дух любви, внушившей Владимиру Соловьеву его статьи о Талмуде и Магомете. Не каждый способен писать такие статьи, но я считаю религиозным долгом *знакомство* с другим: оно помогает любить. Нет любви к Богу без широкой, охватывающей весь мир любви к другому. Св. Силен писал: «Тот, кто не любит своих врагов, в том числе врагов Церкви, — не христианин».

Через понимание другого приходит и понимание самого себя. Мне, на пути самоучки, это помогло осознать то, что я смутно чувствовал. Другим это помогало осознать скрытые, дремлющие возможности своего вероисповедания. Александр Мень распространял среди своих духовных чад католический катехизис — чтобы знать другую ветвь Вселенской Церкви и не судить о ней свысока; при этом переход одного из духовных детей в католичество его глубоко огорчил — как свидетельство поверхностности, суетности, предпочтения одних букв другим — вместо движения от буквы к духу.

Я говорил о диалоге, но мог бы говорить о духовном хороводе, о духовном кружении, в котором Отец становится Сыном и Сын — Святым Духом, прошедшем сквозь смерть и прильнувшим к Отцу. Так это написано красками в «Троице», и я верю в интуицию Рублева. В иудаизме и исламе я вижу религию Отца, в христианстве — религию Сына и в буддизме — религию бесплотного, веющего всюду Духа, разрушающего всё ставшее, рожденное, сотворенное. Я чувствую все эти религии ветвями одного дерева.

Диалог в политике — это прислушивание к другому и поиски компромисса. Диалог в искусстве — любование другим и превращение чужого в свое. Диалог в религии — поиски пути наверх, на высоту, где буква теряет силу. Бубер, исповедник иудаизма, любивший Христа как последнего пророка Израиля, рассказывает о своем споре с христианином — кто лучше понимает Иисуса из Назарета. После ответа Бубера «христианин встал, я также стоял, — вспоминает Бубер в «Диалоге». — Мы посмотрели в глаза друг другу. «Забыто», — сказал он, и мы братски обнялись в присутствии всех. Выяснение отношений между евреями и христианами превратилось в союз между христианином и евреем, и в этом превращении совершился диалог. Мнения исчезли, произошло во плоти фактическое».

«Мне можно возразить, — продолжает Бубер свой рассказ, — что там, где речь идет о существенных, «мироздательных» взглядах, разговор *нельзя*

обрывать таким образом... Я отвечаю: Ни один из спорящих не должен отказываться от своих убеждений, но... они приходят к чему-то, называемому союзом, вступают в царство, где закон убеждений не имеет силы...

Я не могу осуждать Лютера, отказавшегося в Марбурге поддержать Цвингли, а также Кальвина, виновного в смерти Сервета, ибо Лютер и Кальвин верят, что слово Божье настолько проникло в души людей, что они способны познать его однозначно и толкование его должно быть единственным. Я же в это не верю, для меня слово Божье подобно падающей звезде, о пламени которой будет свидетельствовать метеорит... Я могу говорить только о свете, но не могу показать камень и сказать: вот он. Однако различие в вере не следует считать только субъективным... Изменилась сама ситуация в мире... Изменилось отношение между Богом и человеком»¹.

По Буберу, само предстояние перед Богом реально только как диалог. В мае 1914 года, обдумывая свой разговор с ученым пастором Гехлером, веровавшим буквально в пророчество Даниила, Бубер внезапно осознал: «Если вера в Бога означает способность говорить о Нем в третьем лице, то я не верю в Бога. Если вера в Него означает способность говорить с Ним, то я верю в Бога... Бог, который дал Даниилу... предвиденье..., не мой Бог и вовсе не Бог. Бог, к которому Даниил взывал в своих мучениях, — это мой Бог и Бог каждого» (с. 4). Другими словами, Бог — это реальность, которая раскрывается в молитве и исчезает в «объективном» мышлении, в суждениях богословов, которые исходят из принципов и ненавидят тех, кто не разделяет их принципов. Так одна моя знакомая, женщина по натуре добрая, ненавидела Льва Толстого («Толстой — гад», — говорила она), ненавидела Лютера, расколившего единство католической Церкви. Ненависть добрых людей вдохновляла дела веры Средних веков (в обратном переводе на испанский — ауто да фе).

Это не значит, что не надо иметь никаких принципов, никаких убеждений. Человеку нужны инструкции — как быстро и организованно действовать в критической обстановке. Но в тишине мы сознаем, что целостная истина — по ту сторону принципов. И один из подступов к ней — диалог.

Однажды на даче завязался горячий общий разговор. Я никак не мог вставить свою реплику — и вдруг почувствовал, что она перестала меня занимать. Захватило что-то новое, рождающееся; я привязался к этому новому, еще не рожденному, и стал помогать ему родиться, а свою реплику положил назад в сундук памяти. Чем было рождающееся, я не помню. Главной новостью был дух диалога — не как формы поиска истины, а как формы самой истины.

Недавно мне попалось на глаза эссе, в котором Сергей Воронцов разбирает незаконченную статью Баратынского о разговоре. Приведу оттуда отрывок: «Разговор, оживленный истинным разговорным вдохновением, то есть взаимною доверенностью и совершенною свободой, — не есть светская перемолвка». Он будет тем «полнее», чем полнее участники чувствами, мыслями, сведениями. «Возможно полный разговор требует тех же качеств, как и возможно полная

¹ Все цитаты даются по моему предисловию к книге: Бубер М. Два образа веры. М., 1995. С. 8.

книга. Автор берет лист бумаги и старается наполнить его как можно лучше: разговаривающие желают как можно лучше наполнить известный промежуток времени и тем же самым изделием». Для обоих нужно особенное (одно и то же?) дарование. «Автор углубляется в свою собственную мысль, стараясь удалить от себя всё постороннее, разговаривающий ловит чужую и возносится на ее крыльях (здесь и далее выделено мною. — Г.П.). Что развлекает первого, то второму служит вдохновением. Тот же ум, то же чувство, особенным образом разгоряченные, проявляются в быстром обмене слов, с красотою, физиономией, отличной от красоты их и физиономии на бумаге». Когда возникает «общий вопрос», то поскольку «обозревать его можно различно», к обыкновенным условиям разговора «я прибавляю искреннюю и религиозную любовь к истине, склон возможна ослабляющую упрямую и самолюбивую привязчивость к нашим собственным мнениям потому только, что они наши». Такой разговор — «дитя какого-то душевного брака и требует между разговаривающими сочувствия, взаимного уважения, без которых он не заключится, следовательно, не принесет своего плода — возможно полного разговора»².

О таком диалоге говорил Бахтин, анализируя роман Достоевского. В студенческие годы я понял мысль Бахтина поверхностно: будто роман Достоевского вообще лишен единой точки зрения, будто он похож на парламент, в котором автор играет лишь роль спикера. Только лет через тридцать мне бросилось в глаза, что в центре романа — молчаний Христос, и все герои кружатся вокруг Него, по-своему пытаются превратить в слово Его молчание, и этот общий порыв подводит к мерцающему во мгле свету, к огненным следам, прочерченным метеоритом. Когда я дал Бахтину прочесть «Эвклидовский разум», он похвалил текст. Думаю, что ничего нового я ему не сказал, что он сам угадывал что-то подобное. Достоевский раскрыл тайну своего романа в разговоре Великого инквизитора с Христом, дал нам в руки ключ, и, конечно, Бахтин этот ключ брал в руки. А не сказал всего — потому что время не пришло. Должно было пройти полвека...

Глубинное понимание — это не решение математической задачи. Это кружение вокруг непостижимого, медленно, век за веком приближаясь к центру. Откровение приходит за откровением. Один за другим приходили пророки Ветхого Завета. Одна за другой накатывали волны бхакти. И Евангелие — не последний христианский текст. Величайший уровень глубины был сразу достигнут Христом, достигнут Буддой, но слова их принадлежат языку времени, и новые времена находят новые слова. Слова принадлежат пространству культуры и окрашены особенностями этой культуры — особенностью Индии, особенностью Иудеи. Вечен только дух, тленны все буквы, даже в заповедях, вышедших из уст Бога.

Привязанность к букве, смешение слов с полнотой истины привело Европу к тяжелому религиозному кризису XVI—XVII вв. За яростью религиозных войн пришло похмелье, цельность веры рухнула, уступила место амальгаме из христианства и гуманизма. Доля христианства в этой амальгаме менялась. Для романтиков она возрастила. Для просветителей и позитивистов падала. В конечном счете, современную цивилизацию часто называют постхристианской. Веру в

² Воронцов цитирует книгу Е.А. Баратынского «Стихотворения. Письма. Воспоминания современников». М., 1987. С. 254—255.

традиционном смысле, исповедание известных символов веры размывает с одной стороны наука, а с другой — мельканье разных образов веры, сложившихся в разных культурных мирах. От этих сдвигов никуда нельзя уйти. Можно только попытаться свести мелькающие образы в стройный хоровод и понять *хоровод* как образ целостно-вечного, понять мудрость народов, еще не потерявших своего древнего, доисторического наследства. Они превосходят нас в цельности духа. Не надо ничего изобретать заново. Все элементы нового духовного космоса уже налицо. Остается только соединить их воедино, и всё живое останется в живых.

Умерло то, что можно назвать архаической астрономией, архаической наукой. Нет плоской Земли с твердым верхом и низом. Нет хрустальных сфер, за которыми живет Бог. Есть бесконечное пространство и время, и место Бога по ту сторону пространства и времени. Оттуда, из непостижимой точки вечности, он входит в наш мир. Есть понимание пространства и времени как вечности, вывернутой наизнанку. Есть понимание света, который можно пережить, почувствовать в груди, но нельзя описать точным научным языком; только метафорами поэтов или молчанием мистиков.

Умерло отождествление Бога с писанием, текстом. Это сильнее всего бьет по иудаизму и исламу. Но выход есть и для иудеев — его показал Бубер. В исламе по сходному пути шли суфии. Сегодня среди мусульман задает тон война с современностью, и бомбы «Хесболла» пытаются взорвать, начиная с Израиля, всю современную цивилизацию. Придет время — и эта волна схлынет.

В каждой религии есть духовно открытые меньшинства и есть свои твердолюбые, боящиеся потеряться, повиснуть в пустоте, если расшатано прямое, буквальное значение слова. Оставим мертвых погребать мертвых, будем вести разговор живых с живыми. Язык этого разговора — язык любви. Бог в этом разговоре есть любовь. Для христиан — любовь Христа. Она важнее, чем лик Христа, лик Иисуса из Назарета. Попав на другую планету — в другую культуру, отдаленную от нашей, как Марс от Земли, — можно нести с собой только дух любви. Достоевский очень любил лик Христа. Но он понимал, что на планете Смешного человека Иисуса из Назарета не было и бесполезно говорить о нем. Иисус из Назарета принадлежит нашему миру. В других мирах приходили и будут приходить другие воплощения духа любви.

Дух любви един в вечности и разделен в пространстве и времени. Превосходство принадлежит той религии, которая в это время и в этом месте полнее верна целостно-вечному духу. И пусть это превосходство видят другие, а мы будем думать о своих нерешенных задачах. Нерешенных, несмотря на всё наше великое наследие.

В одном из своих интервью Семен Липкин рассказал о кружке верующей молодежи в Одессе 20-х годов. Там были иудаисты, православные, католики, лютеране. Их объединило то, что они верили в Бога. Догматические различия не мешали дружбе. О них не спорили. Их просто не обсуждали. Кругом были безбожники, а они — верили. Но ведь сегодня мы, чувствующие действительность целостного и вечного, — чувствующие, а не только заставившие себя повторить символы веры, — такой же маленький островок, окруженный морем безбожия,

не сознательного, идеиного безбожия, а структурного, заложенного в характере современной цивилизации.

Ибо склад нашей цивилизации напоминает модель разбегающейся Вселеной. Она непрерывно расширяется, уходит в дроби и теряет цельность. И человек не умеет уравновесить центробежное движение центростремительным усилием, почувствовать реальность Целого. Он остается в мире дробей, где нет Бога, и не умеет связать дробность божественным узлом.

«Никто не придет к Отцу мимо меня» — говорит Христос. Но что значит Я человека, сказавшего о себе: «Я и Отец — одно»? Только дух любви. И христианин, желающий нести другим своего Христа, ничего не добьется, если не понесет, прежде лика Иисуса, дух любви. Только в этом духе Христос может стать своим для всех. Так же как Будда и Кришна «Бхагаваттиты». Диалог верующих передает всем любовь каждого, учит любить то, что любит другой, и соединяться в любви ко всем воплощению высшей святыни. Так же как мы любим всех трех ангелов рублевской Троицы.

Не надо сравнивать, кто выше. «Не сравнивай, живущий несравним!» (Мандельштам). Как имя и форма они неповторимы. Как дух любви они одно. И потому еще раз повторю: «всякому простится слово за Сына. Не простится хула на Святой Дух» (Лк.12).

Не надо противопоставлять религии закона религиям благодати. Нет таких религий. В каждой религии есть «закон», структура, и есть порыв к благодати, смывающей все законы. И в каждой религии есть эпохи великого духа и эпохи законничества, обрядоверия. Сравнивать надо взлет со взлетом и падение с падением. Тогда мы увидим, что у всех одни соблазны и одни победы над соблазнами.

Дух целостной вечности связывает всех верующих «неслияно и нераздельно». Так же как он связывает всех любящих одну родину, любящих отца и мать и единых в этой любви. Всё, что связано друг с другом неслияно и нераздельно, обречено на диалог: мир веры, мир нации, мир семьи. Правило любящих — ставить себя на второе место, уступая первое другому. Только так торжествует дух любви.

МУЧИТЕЛЬНЫЙ И ЗЫБКИЙ ОБРАЗ

Образ твой, мучительный и зыбкий,
Я не мог в тумане осязать.
«Господи!» — сказал я по ошибке,
Сам того не думая сказать...

O. Мандельштам

О Боге мы можем только лепетать.
Св. Василий Великий

Опыт христианской цивилизации после двух мировых войн похож на опыт Достоевского-каторжанина: вдруг раскрылись такие бездны мрака, такая непосредственная реальность зла, что душа, еще не веря, рванулась от них к Богу как к противовесу, без которого мир тут же, на глазах, разваливается на части. У

Достоевского таким противовесом стал Христос. «Мир красота спасет», — скажет впоследствии князь Мышкин. Это не красота Настасьи Филипповны, не красота Грушеньки, а именно та, о которой Достоевский писал Фонвизиной, в 1854 г., едва выйдя на волю; та, с которой Достоевский готов был оставаться даже вне истины. Это его *каторжное христианство*, по ту сторону богословия (православного, католического, армянского, лютеранского, какого угодно). Христианство Марии Магдалины, еще ничего не знающей о единосущности Сына Отцу, о происхождении Святого Духа от Отца (или также от Сына) и т.п. тонкостях. Просто увидела Христа и пошла за ним.

Достоевский шел от Евангелия, а там нет никакой системы. Есть легенды о Рождестве, рассказ о Страстях — и бесконечный диалог Христа (целостной истины) с непониманием людей, застрявших в дробном мире. Ряд притч, из которых целое складывается только интуитивно, помимо логики. Нет системы, а есть союз души с Богом, на грани отчаяния, перед лицом апокалиптической тьмы, грозящей поглотить свет. Суть этого союза не в отдельных словах Христа, за которые цепляется разум, и не в историческом облике Иисуса из Назарета, а в духе Христа, в духе Божьем, который присутствует во всех великих религиях. И потому Достоевский так популярен среди людей нашего века, почувствовавших вызов тьмы, не православных и даже вовсе не христиан (в Израиле, в Японии). Союз с Богом стал необходимостью. Союз через любой образ — освященный преданием или созданный поэтом, верным только самому себе.

Может быть, это точка безумия,
Может быть, это совесть твоя:
Узел жизни, в котором мы узнаны
И развязаны для бытия.

Так соборы кристаллов сверхжизненных
Добросовестный свет-паучок,
Распуская на ребра, их сызнова
Собирает в единый пучок.

Чистых линий пучки благодатные,
Направляемы тонким лучом,
Соберутся, сойдутся когда-нибудь,
Словно гости с открытым чаем.

Только здесь на земле, а не на небе,
Как в наполненный музыкой дом. —
Только их не спутнуть, не изранить бы —
Хорошо, если мы доживем...

O. Мандельштам

Здесь нет образа, имени Христа, но есть сущность того, что апостолы увидели в Христе, — образ света, который во тьме светит, и тьма не объемлет его. Можно найти любой другой образ — лишь бы что-то найти. И основная проблема нашего времени — как сделать это, как выяснить точку в груди, где живет ум сердца. Как судить умом сердца принципы, руководящие действием. Как помнить, что лучше оставаться с Христом вне истины (вне принципов), чем с истиной (с

принципом) без Христа, заглушив сердце, не помогая ему опомниться, давая страстям помрачить его и завалам памяти — похоронить под своими грудами. В том числе — и богословским страстям и грудам богословского мнимознания.

Помрачать сердце может и ярость, и вялость. Ярость, вызванная мировыми войнами, продолжилась в большевизме, нацизме, кипит до сих пор в Азии и Африке. И вялость, охватившая дух Запада, отшатнувшегося от возможности новых взрывов. Для постмодернистской культуры всякая убежденность, способная захватить собеседника, есть зло. Допустима только верность прихотям своего вкуса. Нет никакой сверхценности, никакого «во имя!». Элита замыкается в своей башне Иронии. Это очень чувствуется в современном искусстве.

Моя приятельница предложила простой способ отличать классическое искусство (хотя бы созданного только что, в наше же время). Достаточно вспомнить две строки Пастернака:

...здесь кончается искусство
И дышит почва и судьба.

Классическое искусство сохраняет в себе что-то сверх искусства, что-то от древней нераздельности с религией. Постмодерн хочет быть чистым искусством. Ни почвы, ни судьбы. Только игра формой (словом, краской, звуком).

Есть элитные игры (семиотика — та же игра в бисер). Есть массовые игры (с компьютером, с телевизором). Обе ветви с одного дерева, корни которого очищены от земли, сохнущие ветви. И элита, и масса бежит от почвы и судьбы, сушит ум сердца.

Как прорваться сквозь эту сушь? Какие слова заставят посох цвести? Бог — это любовь, но как *сказать о любви?* «Попробуй хоть раз, не солгав, сказать о любви» — написала Мария Петровых. Это не только о любви мужчины и женщины. И стихи Тютчева относятся не только к светскому слову:

Скрывай всё то, чем ты живешь.
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмущишиключи.
Питайся ими — и молчи.

Слово, став буквой (выговоренное, написанное) умирает. Буква мертвa. Буква передает только дробный смысл. Целое живет в ритме слов, кружящихся вокруг Бога, в непрерывном кружении, в потоке. В кружении, где ни один образ не сам по себе и только целое имеет смысл:

Я кружусь вокруг Бога, вокруг предвечной башни,
Тысячи лет подряд.
И не знаю, кто я: сокол, ветер
Или великая песнь?

Рильке

Мусульмане не зря запретили переводить Коран. Слова, оторванные от ритма арабского стиха, уже не Божьи. Поэтический перевод Писания никогда не может быть вполне совершенным. Достаточно вспомнить нелепости, связанные с буквальным переводом первых слов Евангелия от Иоанна (логос — слово). Но главная беда в том, что и подлинник — только перевод (с Божьего на человечес-

кий). И «то, что написано Святым Духом, может быть прочитано только Святым Духом» (св. Силуан).

Ли Бо — через тысячу лет после Лаоцзы — задал мудрецу вопрос: «Если знающие не говорят и говорящие не знают, зачем же ты написал трактат в пять тысяч знаков?». Но в «Даоцзин» есть ритм, есть сила потока, смыывающего древний, инструктивный смысл отдельных слов. Парадокс (ложь в инструктивном плане, никуда не ведущая нелепость) становится отсылкой к целостно-вечному.

Во всяком священном тексте есть эта отсылка, есть эта магия подобий, парадоксов, внезапного замолчания перед тайной; и на волне магии — инструктивное слово, закон, заповедь. Ветхий и Новый Завет — единое целое. Христос мог парить над Законом, потому что стоял на его почве, опирался на Моисея. И Евангелие — чистый порыв к благодати. Но когда Павел вышел за рамки Закона, ему тут же пришлось создавать новый закон. Ни в одной религии нет закона без благодати или благодати без закона. В каждой есть закон — и порыв к благодати. Пророки в Ветхом Завете, мистики в христианстве, хасиды в позднем иудаизме, суфии в исламе — все они рвались к благодати: и никто не отрицал закон.

Мохаммед дал простой жесткий закон — и одновременно дал толчок мистикам прорываться сквозь закон. Закон утверждал разрыв между Богом и человеком, никакого богосознания, только покорность. А суфии утверждали полное тождество с Богом.

Законники объясняют Иову, что он наказан — значит, согрешил. Законники в православии объясняют женщинам, что на том свете их встретит шеренга выкидышей, достигших облика мужей и жен 33 лет, и будут с укоризной смотреть на свою мать (тоже в возрасте 33 лет). Мистическая поэзия ничего этого не знает. Она просто кружится вокруг Бога.

Истина целостно-вечного *покоится* на инструктивном смысле писания. Истина *живет* в ритме текстов, образов, в паузах молчаливого созерцания. Я говорю о всей совокупности ритма: и звуков, и смыслов. Здесь священное и поэтическое нераздельны. Когда я пишу, я вычеркиваю фразы, имеющие частный смысл, вычеркиваю уточнения, чтобы сохранить ритм целого. Инструктивная мысль — ложь о целом. Чем более инструктивна мысль, тем дальше мы уходим от целостно-вечного. Сохранение ритма требует несовершенства в инструктивном.

Шнитке говорил Ивашкину: «Я нахожу, что очень многое в нашей речи страшно одномерно, плоско. Плоскость, в частности, возникает и оттого, что наша мысль привыкла выстраиваться в каком-то *выглаженном*, пространственно выглаженном измерении. Мысль имеет множество измерений. А мы всё время как бы выпрямляем ее». Я чувствовал не раз что-то подобное, каждая полноценная фраза дает целый пучок ассоциаций, целый пучок возможных продолжений; а мы все эти возможности обрубаем, кроме одного, чтобы мысль имела вид логически необходимой. Шнитке, как музыкант, чувствовал возможность мыслить полифонически, мыслить аккордами, сохраняя целые темы в перекличке многих звуков. Он продолжает: «Но бывают моменты, когда удается выглянуть из этой выстроенной мысли и заглянуть в совершенно другую духовную конструкцию».

Например, нет никакой абсолютной временной точки. Эта времененная точка — лишь логическая абстракция. На самом деле, это, грубо говоря, аккорд точек,

который длится не секунду, а часы и дни (когда прошлое длится в настоящем и в настоящем рождается будущее. — Г.П.). Одно и то же — оно не одновременно. Существует какой-то способ охвата этого в одновременности, но не в физическом мире (не в мире пространства и времени, а как бы ступив ногой в вечность. — Г.П.). И тогда можно представить секунду, в которой есть всё — и прошлое, и будущее. Весь мир вокруг сворачивается в одну точку. А потом опять эти бесчисленные времена и места — расходятся, разбиваются, разворачиваются...

Какова природа этого ощущения? (спрашивает Ивашкин. — Г.П.). Воспринимаешь ли ты его как религиозное? Или оно присутствует повседневно?

Оно и присутствует, и отсутствует (отвечает Шнитке. — Г.П.). Оно может вдруг почему-то открываться, и я сам удивляюсь, что в эту секунду всё понимаю. Но потом я могу всё забыть³.

Наш психологический склад настроен на «трехмерный» опыт, на время и пространство, и выход в вечность, чувство времени и пространства как «вывернутой наизнанку вечности» (З. Миркина) часто бывает болезненным. «Может быть, это точка безумия, / Может быть, это совесть твоя», — писал Мандельштам. У Мышкина прорыв света целостной вечности каждый раз кончался эпилептическим припадком. Эту болезнь имел в виду Достоевский, когда писал, что больной человек ближе к своей душе. Но чувство реальности вечного — только угроза болезни. Судя по записке, которую Паскаль носил зашитой в подкладке камзола, жгучее чувство внутреннего света длилось у него два часа; у меня, ранней весной 1958 г., — всю ночь до рассвета. Казалось, что еще немного — и сердце лопнет. Но избытка не было, сердце выдержало; наутро я, как обычно, пошел в библиотеку. Впрочем, страх смертельного избытка удерживал меня от повторения опыта. Я думаю, что учитель помог бы мне привыкнуть к измененному состоянию, преодолеть свою неприспособленность. Судя по книгам, которые я читал, такие школы существуют. Они как-то справляются с опасностью физических и нравственных срывов.

Нравственный срыв, связанный с чувством вечности, — гордыня. Гордыня личная, переоценка возможности своего опыта, и гордыня вероисповедания. Штейнер назвал личную гордыню люциферизмом. Человек начинает считать молнию, прошедшую сквозь сердце, своей собственностью или знаком какого-то особого избрания, богосыновства. По крайней мере двое наших современников в России считали себя Христом, Богородицей и т.п. Очень хорошо такие претензии разбирает Томас Мертон в страничках «О созерцании» (опубликовано в 70-е годы в «Вестнике РХД»). Читая Мертона, чувствуешь, что он сам переживал внутренний свет неоднократно, и веришь ему. Но литературы, предостерегающей от гордыни вероисповедания, практически нет. Опыт святых рассматривается как доказательство истинности той или другой доктрины. Однако примерно то же пережили мистики всех культур. И я думаю, что все доктрины всех великих религий истинны — как иконы, помогающие сосредоточиться на целостно-вечном, но не как то, что $2 \times 2 = 4$ или что вода кипит при ста градусах.

³ Ивашкин А. Беседы с Альфредом Шнитке. М., 1994. С. 45—46. — Далее цитаты приводятся по этому изданию.

Я не утверждаю, что между опытом Серафима Саровского и опытом ал-Халладжа, Рамакришны или Догэна нет *никакой* разницы, но думаю, что это вещи одного порядка, а не разных порядков и достоинств. Когда я читаю, что православная мистика сердечная, католическая — головная, а индуистская — чревная, мне хочется напомнить снова Христа (в Ев. от Луки): «Всякому простишь слово на Сына, не простишь хула на Святой Дух».

Во всех религиях мистики выходят за рамки веры в слово. «Я не верю, я знаю», — писал св. Силуан. Если бы он не был канонизирован, неофиты дружно признали бы его еретиком. Между тем, *знание* Силуана не противоречило вере святых отцов. Самые великие из них тоже знали. А буквы предания — только кости для хромых. Пока они не научились проверять опытом букву предания и преданием — свой несовершенный личный опыт. Слова Василия Великого («О Боге мы можем только лепетать») перекликаются для меня со стихами Мандельштама: «Он опыт из лепета лепит и лепет из опыта пьет».

Степень доверия букве писания, наставлениям духовника и т.п. обратно пропорциональна глубине опыта. Человек глубокого опыта, смущившись, ищет покоя, углубляется в себя и находит решение (иногда в старых словах, иногда в новых, только что родившихся). Человек неполного опыта ищет совета. И оба они правильно делают. Но есть иерархия правоты. Нелепо судить князя Мышкина за то, что он не ходил в церковь, не исповедовался, не причащался. Такой церкви, которая могла ему помочь, в Петербурге не было.

До сих пор не прочитана Книга Иова. До сих пор не понято, почему Бог гневался на друзей Иова. И непонятно, в чем смысл ответа Бога, смысл взлета над всеми неразрешимыми вопросами, оставшимися на плоскости пространства и времени. Иов сумел взлететь. Но прежде чем раскроются крылья, надо обрушиться в бездну — или самому в нее броситься. Нельзя поплыть, стоя на берегу. И хорошо плывет только тот, кто оттолкнулся от дна, кто потерял почву под ногами. Неофит боится глубины, боится бездны, и по-своему он прав: чувствует свою слабость. Но слабость — не основание для гордыни. Только дух, потерявший почву, проникший сквозь богооставленность, — достигает благодати, становится учителем и обновляет закон. Закон рождается в благодати — и дает рамки безблагодатной вере. Но в новом порыве эти рамки снимаются, и Августин дал охранную грамоту мистиков: полюби Бога и делай, что хочешь.

Закон тверд, если любовь мала. Закон мягче, если любовь больше. Закон тает, как воск перед вспышкой огня, и снова твердеет, когда вспышка гаснет. Потому что большую частью она не длится непрерывно. Исполнить первую заповедь — не так просто. И потому без закона не прожить. Со всеми конфликтами, которые вызывает закон. Со всеми преступлениями, которые вызывает бунт против насильственной, внешней власти закона (об этом писал еще ап. Павел). И со всеми столкновениями законов, опирающихся на разные откровения.

«Я не оспариваю существования абсолютно единого закона, управляющего миром, — говорил Шнитке Ивашкину. — Я лишь сомневаюсь в нашей способности его осознать. Утверждая последнее, я ломлюсь в открытые ворота — кто не знает, что наше знание относительно. В этом вопросе согласны все — и материалисты (надо бы сказать «агностики». — Г.П.) и церковники. Но матери-

алисты более последовательны, ибо под знанием они подразумевают ближайшее, т.е. разумное (по происхождению же — чувственное) знание. Церковники же, понимая, что знание надразумно, внераумно (основано на откровении, а не на доказательствах. — Г.П.), — пытаются антропологически конструировать Бога на основе ложных и ограниченных разумных понятий. Для них существует единый монолитный Бог, наделенный их жалкими совершенствами и измеримый «священными» числами (3, 7, 12 и т.д.), [но это] — отрыжки оккультизма. Проблески иррационального неединосущностного понятия Бога, гармонически объединяющего номоса во всех религиях — и в индуизме, и в христианстве, и в буддизме, — почему-то не осознаны (это не совсем верно; неслиянное и нераздельное единство человеческой, дробной, и божеской, целостной, природы в Христе — начало такого осознания; и в самом понятии единосущности есть и тождество, и различие Бога и человека. — Г.П.).

Как можно сметь формулировать моральные догмы, когда даже физические законы относительны? Недалек тот день, когда вслед за относительностью времени и пространства будет развенчана последняя абстракция, орудие дьявола — число. Кто видел в жизни — единицу? Всякое отдельное миллионом нитей связано с другими отдельными и всеобщим. Может быть, числа объемны? ... Может быть, единый Бог исходит из множеств (не переставая быть единственным) (эта идея содержится в понятии вседесущности. — Г.П.). Наш «разум» не в состоянии вместить истину, лишь наше «сердце» может ее чувствовать. Может быть, Христос и Будда, и Магомет, и Зороастр ... не враги? И не отдельные сверхсущества? И не единое существо? Может быть, в недоступном нам абсолютном мире нет числа, которое тем самым одновременно есть, и этот абсурд есть истина?» (С. 232).

И всё же мы признаем право непостижимого, уходящего в туман Бога диктовать нам заповеди. Ибо лучше несовершенный закон, чем своеоволие незрелых умов. Но для зрелого ума заповеди — только установки, приоритеты в выборе решения. Нечто вроде презумпции невиновности в юриспруденции — пока не доказана виновность. Мы осуждаем бандита за убийство. Но мы не осуждаем полицейского, застрелившего бандита. Хотя сказано категорически, без оговорок: не убий. И тут же, в первых книгах Библии, эпическое описание массовых убийств, даже не на войне, а после войны. Не укради, но допустимы реквизиции и даже элементарное воровство допустимо, если альтернатива — голодная смерть. Это признавал Фома Аквинский. Это может признать суд присяжных.

Всё рациональное несовершенно, даже данное в откровении, на последней волне благодати, когда рациональные различия вступают в силу. «Я пишу, потому что со мною благодать. Но если бы благодать была большей, я бы писать не мог», — свидетельствует св. Силуан. Писание, в том числе — законов, возможно только при меньшей благодати. Большая благодать велит в частном случае преступить через закон. «Я пришел не нарушать, а исполнить», — говорил Христос, нарушивший субботу. И это — поправка к каждому праву.

Чем ближе к большей благодати, тем меньше возможности разума, тем большее роль метафоры. Такая метафора — икона XIV—XV вв. Такая метафора — стихи бахактов, суфиев, стихи Рильке... И не стоит пересказывать их прозой.

Михаил КОПЕЛИОВИЧ

ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ С ОКУДЖАВОЙ

(Ко второй годовщине со дня смерти поэта-барда)

Бывает так, что Судьба бесцеремонно вмешивается в наши планы. Об этом (и об этом!) прекрасно сказал Пушкин: «...Предполагаем жить, и глядь — как раз умрем» (1834). Каждый человек (исключение составляют самоубийцы) до самого смертного часа «предполагает жить». Булат Шалвович Окуджава после операции на открытом сердце, сделанной ему в США, хорошо себя чувствовал и даже, как он сам со смехом рассказал на своем вечере в Иерусалиме (27 апреля 1995), перестал носить очки. Но глядь...

Эта статья была написана (в первой редакции) еще при жизни поэта, в апреле 1997, как отклик на последнее прижизненное издание его стихов — книгу «Чаепитие на Арбате» (М., «ПАН», 1996). Я послал статью своему герою, но не знаю, успел ли он ее прочитать. А 12 июня 1997 года произошло непоправимое. И в это же самое время в руки мне попала первая книжка журнала «Знамя» за 1997 год, которая открывается большой подборкой в основном поздних (90-х годов; 12 текстов из общего числа 17) стихотворений Окуджавы. В них много о жизни и смерти, точнее — о жизни в пр е д д в е р и смерти.

А нынче уже не до истины,
а только презренье к себе.

«Уроки пальбы бесполезны...», 1996

Это не о том, что счастья нет,
а о том, что все-таки мы живы.

«Хороша она или плоха...», 1996

Мне повезло, что жизнь померкла лишь тогда,
когда мое перо усердствовать устало!

«Да, старость. Да, финал...», 1996

Михаил
КОПЕЛИОВИЧ

— родился в 1936 году в Харькове. Окончил Харьковский политехнический институт. Работал по специальности. Как литературный критик стал выступать в 1960-х гг. Печатался в журналах «Новый мир», «Нева», «Дружба народов», «Континент» и др. В настоящее время живет в Иерусалиме.

Последнее из процитированных двустиший меня сразило. Скорбя о смерти близкого мне, как и миллионам читателей и слушателей на в с е х континентах (где теперь нет выходцев из России!), человека, я все-таки — сквозь слезы — и п о р а д о в а л с я за него.

Но моя статья нуждалась в «переплавке». Нельзя об умершем писать, как о живом. И, посоветовавшись с Игорем Ивановичем Виноградовым (мне хотелось опубликовать статью в «Континенте»), я пришел к новой редакции, которую и отдаю ныне на суд читателей.

* * *

И начну, пожалуй, с темы Судьбы. С первого стихотворения «знаменитой» подборки «Уроки пальбы бесполезны...», концовка которого приведена выше. А рядом поставлено два других, более ранних стихотворения: «Песенку о Моцарте» («Моцарт на старенькой скрипке играет...», 1969) и «Заезжий музыкант целуется с трубой...» (1975). Эти три текста рифмуются между собой. Лейтмотив самого старого: «наша судьба — то гульба, то пальба...» (255, 256)¹. В «Заезжем музыканте» есть «портрет судьбы» (310), а концовочная строка и вовсе, так сказать, однозначна: «Судьба, судьбы, судьбе, судьбою, о судьбе...» (311). А в стихах 1996 года воскресают «пальбы» (случайно ли всей подборке предложен общий заголовок «Уроки пальбы»?) и «судьба» — в предложном падеже, с предлогом «по» («...по возрасту и по судьбе»).

Читатель вправе спросить: что из всего этого следует?

Следует вот что. Во-первых, устойчивость лейтмотива. Во-вторых, стабильность словаря. И в-третьих: «Уроки пальбы» никому конкретно не посвящены, но в первой строфе появляется очень характерное для Окуджавы обращение: «мой друг»². «Песенке о Моцарте» и «Заезжему музыканту» предпосланы «формальные» посвящения: соответственно И. Балаевой (не знаю, кто это, но понимаю, что друг) и Ю. Левитанскому (его знают все; он ушел от нас годом раньше Окуджавы).

Вот о друзьях Поэта, о Поэте в кругу друзей и пойдет в основном речь в этих заметках. О судьбе Поэта, о судьбах поэтов в «империи страха», «империи крови» (326), где они родились и прожили всю жизнь (как тот же Левитанский, или Д. Самойлов, или Вл. Соколов, или как сам Окуджава), откуда они были изгнаны (как И. Бродский) или «добровольно» эмигрировали (как А. Галич, Д. Бобышев, Н. Коржавин).

¹ Здесь и далее в скобках после цитаты — номера страниц книги «Чаепитие на Арбате». М., 1996.

² Ср.: «мой друг старинный» (298) и «друг мой давний» (301) в стихотворении «Чаепитие на Арбате», «кабинеты моих друзей» (303), «...всё, мой друг, о нас с тобою» (381) в «Прогулках фрайеров», «Я люблю вас, мои товарищи...» (460) в посвященном Б. Ахмадулиной стихотворении «Чувство собственного достоинства...»

Что нам досталось, Инна,
как поглядеть окрест?
Прекрасная картина
сомнительных торжеств,
поверженные храмы
и вера в светлый день... (588).

Эти стихи написаны в 90-х «в альбом» поэту И. Лиснянской. Вспомним, когда начинали Булат Окуджава и его друзья по лире, по судьбам. И с чего они начинали.

Смерть Сталина и XX съезд бывшей КПСС обозначили в жизни «первого в мире социалистического государства» важнейшие рубежи. То, что в позднем стихотворении названо «прекрасной картиной сомнительных торжеств», вначале (вторая половина 50-х) не содержало и тени сомнения. Еще бы: «Началось возвращение — освобождение пленных. Пленников собственного государства» (как напишет в одном из своих рассказов Руфь Зернова, русский прозаик, в прошлом ленинградка, ныне жительница Иерусалима)³. И еще одно возвращение тогда началось. Изгои собственного государства: его великие писатели, художники, деятели искусства, убитые, выголенутые на обочину общественной жизни, загнанные к черту на кулички, умершие в нищете и безвестности, — тоже стали потихоньку возвращаться. Своими книгами, картинами, воспоминаниями о них близких друзей и соратников, театральными спектаклями, а то и собственной персоной (как, скажем, драматург Н. Эрдман и живописец В. Шухаев). И даже возрождение так называемых революционных идеалов тогда еще не казалось сомнительным, а напротив, вселяло «веру в светлый день».

Евгений Евтушенко в 1956 году написал стихотворение «Лучшим из поколения» с такой концовкой:

Пускай, если даже погибну,
не сделав почти ничего,
строгие ваши губы
коснутся лба моего.

«Ваши» — это лучших из поколения.

И еще он писал тогда же, в песне к первому кинофильму Владимира Скунбина — «На графских развалинах» (Мосфильм, 1957): «В каком году мы с вами ни родились, / родились мы в семнадцатом году».

И Белла Ахмадулина объяснялась в любви не только своим товарищам («А я люблю товарищей моих»), но и Октябрю:

Грянь и ты, месяц первый⁴, Октябрь,
на твоем повороте мгновенном
электричеством бьет по локтям
острый угол меж веком и веком.

³ Руфь Зернова. Длинные тени. Рассказы. Иерусалим, 1995. С. 15.

⁴ Прямо как в еврейской Торе по поводу нисана — месяца освобождения евреев из египетского рабства: «И сказал Господь Моисею и Аарону в земле Египетской, говоря: «Месяц сей да будет у вас началом месяцев; первым да будет он у вас между месяцами года» (Исход 12:1-2).

Узнаю изначальный твой гул,
оглашающий древние своды,
по огромной округлости губ,
называющих имя Свободы.

«Моя родословная»

Новелла Матвеева — и та в одной из своих ранних (1964) инвектив, обращенной к тем, кто плачется о чинах и почестях, с пылом напоминала о «дали великих дней», когда вот эти же теперешние вымогатели бросались в битву за то, «чтобы дочиста / Всё барски-рабское — за дверь».

В «Чаепитии на Арбате» есть посвящения всем троим: по одному — Евтушенко и Матвеевой, а Ахмадулиной — целых шесть⁵. За исключением относительно раннего (1959) стихотворения «Рифмы, милые мои...», посвященного Ахмадулиной, остальные опусы датированы 60—90-ми годами. Однако в 1957 году Окуджава сочинил знаменитый и вот уже сорок лет не устаревающий «Сентиментальный марш» (первоначально посвящен Евтушенко; в книге 1984 года «Стихотворения» посвящение это еще сохраняется, в «Чаепитии...» же оно снято). В нем — несомненные переклички с упомянутыми выше текстами Евтушенко: и трубач (наряду с горнистом, излюбленный персонаж стихотворцев 50-х; не только стихотворцев, кстати: в сценарии А. Володина «Звонят, откройте дверь!» главный герой, чью роль в фильме А. Митты незабываемо исполнил Р. Быков, в юности был горнистом), и вот это волшебное, почти рефлекторно повторяемое уже которым поколением почитателей Окуджавы:

...я всё равно паду на той, на той единственной
гражданской,
и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча
надо мной (13).

Одним словом, «мы — романтики старой закалки...» (613), как скажется в одном из стихотворений 90-х годов. Но что значит в этом контексте *старая* закалка? Старый поэт не отделяется избитыми словами, он отдает ясный отчет себе и адресату этого текста — Н. Матвеевой (и нам, читателям) в реалиях, породивших романтиков 50—60-х. Мы, говорит он, романтики «из минувшей и страшной поры». И продолжает: «Мы явились на свет из-под палки, / чтоб воспеть городские дворы» (613). Тут всё: и происхождение, и общественная атмосфера предшествующей (сталинской) эпохи, и центральный мотив целой когорты молодых (и не очень молодых) стихотворцев, и ключевое для них всех слово «воспеть». Ибо *патетика*, эмоциональная открытость (так называемая «исповедальность») и эмоциональная же приподнятость (сентиментальность) станут на какое-то — достаточно, впрочем, короткое — время

⁵ Точнее, пять с третью, ибо в шутливой песне «Кабинеты моих друзей», помимо Беллы, упоминаются еще Фазиль (Искандер) и Юра (Трифонов?). Знак вопроса обусловлен тем, что среди писателей-друзей Окуджавы было еще по меньшей мере пять Юр, каждому из которых посвящены «персональные» тексты: это — покойные Домбровский, Левитанский, Нагибин и ныне здравствующие Карякин и Давыдов.

главными чертами-нотами и самого Окуджавы, и его ближнего круга. А для б а р-
д о в , т.е. поющих поэтов, сверх того «воспеть» еще означало з а п е т ь⁶.

Так это на самом деле начиналось. И с самого начала воспеванию сопутствовало раз-венчание. «Шестидесятники развенчивать усатого должны...» (418) — эта строка озаглавливает (возглавляет) стихотворение 80-х, посвященное публицисту Лену Карпинскому. Этот персонаж — я имею в виду «усатого», а не Карпинского, — занимает столь большое место в поэзии Окуджавы, что мимо него никак невозможно пройти. В стихотворении «Ну что, генералиссимус прекрасный...», написанном в 80-х и посвященном одному из Юриев — Калякину, главенствует нота горько-злорадная:

Ну что, генералиссимус прекрасный,
потомки, говоришь, к тебе пристрастны?
Их не утомонить, не упросить...
Одни тебя мордуют и поносят,
другие всё малиют, и возносят,
и молятся, и жаждут воскресить (364).

Апологеты Сталина нас не интересуют. А вот развенчатели... Странно, но в стихах конца 50-х начала 60-х, когда мордовать и поносить недавнего кумира было способней, чем возносить, этот образ запечатлен не слишком внушительно (другое дело — проза, особенно мемуарно-документальная). Мне запомнились лишь «Наследники Сталина» всё того же Евтушенко, песня А. Галича «Ночной дозор» («Когда в городе гаснут праздники...»), «Бог» Б. Слуцкого («Мы все ходили под богом...»), да «Клянусь на знамени веселом» (народное название — «Не умер Сталин») Б. Чичибабина. Подчеркиваю: речь лишь о стихах, написанных в 50—60-х, а не позднее. И вот как раз у Окуджавы той поры стихов о Сталине нет. Есть другое: «О чем ты успел передумать, отец растрелянный мой...» (50-е), «Телеграф моей души» («Стихло в улицах вранье...», 1959; посвящено С. Ломинадзе, в книгу «Чаепитие на Арбате» не вошло), «Песенка про дураков» («Вот так и ведется на нашем веку (60-е), «Вселенский опыт говорит...» (60-е, посвящено Б. Слуцкому) и «Старинная студенческая песня» («Поднявший меч на наш союз...», 1967, посвящено Ф. Светову). Подробней скажу о двух последних текстах. Тем более, что они не просто «подарены» двум друзьям поэта, но и, бесспорно, навеяны их лирой и судьбами.

«Слуцкое» стихотворение приведу полностью: оно маленькое, да удаленькое.

Вселенский опыт говорит,
что погибают царства
не от того, что тяжек был
или страшны мытарства.
А погибают от того
(и тем больней, чем дольше),
что люди царства своего
не уважают больше (161).

⁶ А. Галич: «Это стихи. И это — песня. Во всяком случае, это стихи, которые поются» (из предисловия к самиздатской «Книге песен». М., 1964—1966).

По манере эти стихи — п о д р а ж а н и е (или пародия, что, в сущности, тоже) Слуцкому, его чеканным формулировкам типа «Надо думать, а не улыбаться,/ Надо книжки трудные читать...» и т.д., вплоть до концовки: «Мелкие пожизненные хлопоты / По добыче славы и деньжат / К жизненному опыту / Не принадлежат». А по сути — текст, написанный, когда до «гибели царства» было еще далеко, и намекающий на потаенную оппозиционность обоих поэтов существующему режиму, которая в то время не была вполне осознана ими самими.

Что касается «Старинной студенческой песни» (такой же, впрочем, старинной, как сочиненная четырьмя годами ранее «Молитва Франсуса Вийона»), то она существует (и исполняется) в двух вариантах. Один воспроизведен в книге «Стихотворения», без посвящения и со следующей редакцией 5-й и 6-й строк второй октавы: «Пока безумный наш султан / сулит нам дальнюю дорогу...» Другой же («Чаепитие на Арбате») восстанавливает посвящение, невозможное в 1984 году, и дает иную редакцию вышеприведенных строк. Точнее, в них меняется лишь д в а с л о в а : вместо «нам дальнюю дорогу» является «дорогу нам к острогу» (232). Султан и острог? Так сказать, где именье, где наводненье... Впрочем, как сказано по сходному поводу в песне «Римская империя времени упадка...» (1979):

А критики скажут, что «рассол», мол, не римская деталь,
что это ошибка всю песенку смысла лишает...

Может быть, может быть, может, и не римская — не жаль.
Мне это совсем не мешает, а даже меня возвышает (290).

Я еще вернусь к «Старинной студенческой песне», этой визитной карточке Окуджавы в русской поэзии, в связи с ее главным мотивом («Возьмемся за руки, друзья...»). Пока же замечу, что «безумный наш султан» (пусть и в таком, эвфемистическом начертании) появляется здесь у Окуджавы, быть может, впервые.

Зато потом: в 70—90-е — стихов о Сталине предостаточно. «Давайте придумаем деспота...» (70-е), «Стоит задремать немного...» (70-е), «Сталин Пушкина листал...» (70-е), уже упоминавшийся «Генералиссимус прекрасный» (80-е), «Собрался к маме — умерла...» (80-е), «Шестидесятники развенчивать усатого должны...» (80-е), «Письмо к маме» (80-е), «Арбатское вдохновение, или Воспоминание о детстве» (80-е)⁷, «Покуда на экране куражится Сосо...» (90-е).

Стихотворение о долге шестидесятников особенно стоит подробного разбора.

Дело в том, что в этих четырех катарамах содержится не только обобщенный портрет людей того круга, который особенно близок Окуджаве, но и высказана поздняя оценка ими сделанного. Портрет:

⁷ Там есть такая картинка: «В Дорогомилово из тьмы Кремля, / усы прокуренные шевеля, / мой соплеменник пролетает мимо» (443). Во-первых, отмечу еще одну перекличку со Слуцким, в чьем «Боге» живописуется та же ситуация: «Однажды я шел Арбатом, / Бог ехал в пяти машинах». Во-вторых, обращаю внимание читателей на горькое — горчайшее — «мой соплеменник».

Не зря кровавые отметины видны на них на всех.
Они хлебнули этих бед не понастырьке.
Им всё маячило — от высыпки до вышки.

Оценка:

Шестидесятникам не кажется, что жизнь сгорела зря:
они поставили на родину, короче говоря (418).

«Короче говоря», деятельность, в том числе творческая, шестидесятников ретроспективно рассматривается как патриотическая. Что ж, против этого трудно возразить. Но сдается мне, что, вступая на свою стезю тридцатью годами ранее, Окуджава и его товарищи меньше всего думали о патриотизме. Скорей — о чувстве собственного достоинства.

Чувство собственного достоинства — вот загадочный
инструмент:
созидается он столетьями, а утрачивается в момент,
под бомбежку ли, под гармошку ли, под красивую ль
болтовню
иссушается, разрушается, сокрушается на корню.

В этом стихотворении, также датированным 80-ми и посвященном Б. Ахмадулиной, слово «родина» отсутствует. Патриотическое замещено общечеловеческим:

Что б там тьма и зло ни пророчили, кроме этого ничего
не придумало человечество для спасения своего (460).

Поговорим, однако, о патриотизме.

Когда-то Писарев обрушился на Пушкина за две строки из стихотворения «19 октября»:

Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Цитирую статью «Лирика Пушкина» из диптиха «Пушкин и Белинский» (1865):

«Как вам нравится, например, тот возглас, что им целый мир чужбина и что их отчество находится исключительно в Царском Селе? Если это не правда, то какая плоскость! <...> А если Пушкин говорит правду, то какая узость ума и какая дряблость чувств! Человек во всем мире любит только то училище, в котором он воспитывался. ... Хорош мужчина, хороший боец, хороший общественный деятель!»

А доведись Писареву прочитать «Песенку об Арбате» (1950-е), где «какая-то» московская улица воспринимается своим воспевателем и как религия, и как, страшно сказать, отчество, — каких писаревских сарказмов удостоился бы Окуджава?..

Или возьмем посвященную Ахмадулиной «Песенку о ночной Москве» (963), более известную читателям и слушателям как песенка про «надежды маленький оркестрик под управлением любви».

В года разлук, в года сражений,
когда свинцовые дожди
лупили так по нашим спинам,
что снискождения не жди,
и командиры все охрипли...
он брал команду над людьми,
надежды маленький оркестрик
под управлением любви (179).

Опять же — *хорош мужчина и хорош боец*, автор этих строк, не правда ли?
А вот еще строки:

Когда моих товарищей корят,
я понимаю слов закономерность,
но нежности моей закаменелость
мешает слушать мне, как их корят.

Это — стихи Ахмадулиной («Мои товарищи», 1960-е), и посвящены не Окуджаве, а А. Вознесенскому. Но дело ведь в конце концов, не в конкретном адресате. Когда в заключительном кратене автор провозглашает: «Да будем мы к своим друзьям пристрастны!», имеются в виду все друзья, а не кто-то определенный. «Друзей моих прекрасные черты» — из другого ахмадулинского текста того же периода, не снабженного прямым посвящением. А вот и долгожданное — «Б. Окуджаве», ради которого я и перелистываю страницы сборника стихов Б. Ахмадулиной «Уроки музыки» (М., «Советский писатель», 1969). Стихотворение, а скорей небольшая поэма, называется «Зимняя замкнутость». Заголовок лукав, ибо замкнутость («Снега мою дверь охраняли сурово») — пустой звук для странных гостей, посещающих поэта. Один, в промокшем цилиндре (XIX в.), «прошел через стенку насквозь», другой...

А вчера колокольчик в полях дребезжал.
Это старый товарищ ко мне приезжал.
Зря боялась — а вдруг он дороги не сыщет?
Говорила: когда тебя вижу, Булат,
два зрачка от чрезмерности зренья болят,
беспорядок любви в моем разуме сищет.

Хороша женщина, написавшая эти строки? Беспорядок любви!..

Но ведь это и есть настоящий Мировой Порядок, когда в нашем разуме сищет любовь к друзьям — двуногим и четвероногим («Старый пес мой взывает к щеке, как щенок»), к стихиям («О, как нежно марина, моряна, моря / неизбежно манят и минуют меня...»), к перу и тетради!.. Не свинцовые дожди, не охрипшие командиры, но беспорядок любви, или, под другим именем, надежды маленький оркестрик под управлением любви...

Эта хрупкая прелестная женщина, я говорю о Белле Ахатовне, за всю свою жизнь не совершила, кажется, ни единого неверного, тем более нечестного, шага, а сколько помогала гонимым, замалчиваемым, слабейшим ее (нередко это были

мужчины)! Лично я ставлю ей в громадную заслугу поддержку моего друга, поэта Бориса Чичибабина, когда его душили силы застоя и разбоя⁸.

...А еще Ахмадулина и Окуджава посыпали друг другу приветствия через «посредников». Талантливейшему Юрию Васильеву посвятили по стихотворению и тот, и другая: Окуджава — «Живописцев» («Живописцы, окуните ваши кисти...», 1959), Ахмадулина — «Гостить у художника» (примерно тогда же). И, хотя в песенке Окуджавы шестнадцать строк, а в «отчете» Ахмадулиной о гощении «в дому у художника, там, за Таганкой» — целых сто, они про одно:

Пronoсимся! И, посреди тишины,
целуется красное с желтым и
синим,
и все одиночества душ сплочены
в созвездье одно притяжением
сильным.

Б. Ахмадулина

Окуните ваши кисти в голубое,
по традиции забытой, городской,
нарисуйте и прилежно
и с любовью,
как с любовью мы проходим
по Тверской (81).

Б. Окуджава

Последней из этой серии посвящений напомню «Считалочку для Беллы» (1970-е). Как сама Белла в «Зимней замкнутости» накладывает на портрет своего современника и друга иные, из иной эпохи, черты, так и он видит свою героиню в окружении героев совсем не нашего времени: Михаила (конечно, Лермонтова) и Александра (разумеется, Пушкина). Она (с прописной буквы) в этом стихотворении — скорей всего Муза, к тому же петербуржанка (?). Но ведь считалочка-то для Беллы. Так что и к ней можно отнести лишь с виду непрятязательные, а на самом деле очень даже значимые строки:

Знала счет шипам и розам
и безгрешной не слыла.
Всяким там метаморфозам
не подвержена была (265).

Каким метаморфозам? Смешной вопрос. Белла Ахмадулина и в своей реальной жизни, и в поэзии Окуджавы (как его героиня) отстояла созидающее столетиями чувство собственного достоинства.

Таким образом, выясняется, что «арбатский» патриотизм — не такая уж «узость ума и дряблость чувства». Вряд ли вообще можно представить себе «патриотизм по нисходящей»: вверху любовь к Отечеству с заглавной буквы, внизу — к своим

⁸ Окуджава посвятил ему стихотворение «Я вам описываю жизнь свою, и больше никакую...» (1980-е), о котором ниже скажу еще несколько слов.

родным и близким. В жизни, как каждый знает, всё обстоит противоположным образом, начинаясь с любви к собственной матери и только в конце воспаряя к необъятным просторам государства российского (или иного — не в этом дело).

Групповой портрет с Окуджавой непредставим без ближайшего семейного окружения, в центре которого — его мать и отец, разделившие судьбу своего поколения, своего слоя и племени (вот еще откуда неприязненное подчеркивание соплеменности со Сталиным в стихотворении «Арбатское вдохновение...», посвященном, кстати, сыну Антону). Ведь отца Булата Шалвовича «расстреляли на майском рассвете».

И время отца моего молодого развеяло прах,
и нету надгробья, и памяти негде над прахом склониться,
рыдая (453).

А на его мать сперва «следователь юный машет кулаком», а затем конвой на лесоповале, что «чуть за Красноярском», — «он тебя прикладом, он тебя пинком» (426).

Стихи эти (и «Мой отец», и «Письмо к маме») датированы 80-ми. А еще тогда же сочинилось пронзительное стихотворение «К старости косточки стали болеть...», также навеянное светлым образом матери поэта. Судьба мамы — незаживающая рана в душе ее сына, между прочим, фронтовика, участника, как теперь пишут, ВОВ, и она ноет ничуть не слабее, чем раны телесные.

Вот, мой любезный, какое кино
я досмотрел на седьмом-то десятке!

.....
Так и качаюсь на самом краю
и на свечу несгоревшую дую...
Скоро увижу я маму мою,
стройную, гордую и молодую⁹ (515, 516).

...Давиду Самойлову адресовано (не формально, а по существу) сильное, но довольно темное стихотворение «Я маленький, горло в ангине...» Это — парафраз, вариация собственного самойловского мотива, разработанного в двух замечательных текстах этого поэта: «Из детства» (1956) и «Выезд» (1966). У Самойлова детство ассоциируется с гармоническим миром, полным тепла и света. Ткань стиха проста и незатейлива. Слово значит то, что значит. Ритм напевен и завораживающ (оба стихотворения написаны трехстопными трехсложниками: первое — амфибрахием, второе — анапестом). Не то у Окуджавы.

Взял первую строку «Из детства» в качестве... чего: просто зачина? камертона? ключа к шифру, известному лишь им двоим? — Окуджава создает в 70-х стихи, которые не берусь даже приблизительно истолковывать — в них и «надежда гусарская», и «улуйская роза в руках» (288), и «адрес загадочный», который «сболтнуло треплю» (289; какое треплю? кому сболтнуло?). Перепишу концовку:

⁹ Ср. с концовкой стихотворения «Памяти брата моего Гиви» (тоже погибшего в годы репрессий): «Спи, мой брат, беловолосый, / стройный, добрый, молодой» (421).

Мне слышались долгие звуки,
но я не сбежал во дворы...
И кровоточат мои руки
с той самой январской поры (289).

А теперь перечитайте Самойлова и попытайтесь объяснить себе (и мне), какая связь между артистическим перевоплощением зрелого, полного жизненных сил мужчины в больного, окутанного родительской нежностью и волшебными пушкинскими строками ребенка — с тревожными, разорванными, рыдающими интонациями вообще-то, как правило, собранного (и в гневе, и в приязни) Окуджавы.

Разве что такая? Там (у Самойлова) — мир, любовь, поэзия. Здесь (у Окуджавы) не то что мирно поболеть негде — негде «обогреться душой» (288). Потому что Самойлов помнит молодых папу и маму, с которыми «всё едем и едем куда-то» («Выезд»). А что было с отцом и матерью Окуджавы — это нам уже известно.

По возрасту Окуджава куда ближе к Самойлову, чем к Ахмадулиной (и оба воевали!), а вот поди ж ты: с младшой у него больше общего, чем со старшим. Как поэт, как честный, порядочный, духовно высоко стоящий человек, Самойлов Окуджаве близок, очень близок... Но по судьбе — не брат: слишком разнятся их воспоминания детства. Впрочем, когда Самойлов ушел из жизни, Окуджава обратился к другу-стихотворцу с заверениями едва ли не клятвенными: «Дезик, мне дороги наши традиции...» (589).

Вернувшись на минуту к стихотворению «К старости косточки стали болеть...» Приведу из него еще одно двустишие:

Что там за проволокой? Соловей,
смолкший давно, да отчизна больная (515).

Вот какова, выражаясь по-научному, корреляция между понятиями «мама» (или «отец») и «отчизна» (или «отчество»).

А рядом с этим текстом в книге «Чаепитие на Арбате» помещено стихотворение, которое, на первый взгляд, совсем о другом, но слово «отчество» есть и в нем. Однако о нем — в другом месте. Этот же раздел статьи мне хочется закончить выпиской из Владимира Буковского:

«Помню, впервые в конце пятидесятых годов услышал я голос, тихо певший под гитару о московских дворах, о моем любимом Арбате, даже о войне — но так, как никто еще не пел. Не было в этих песнях ни единой фальшивой ноты официального патриотизма, и мы вдруг с удивлением оглянулись вокруг — вдруг почувствовали тоску по родине, которой нет. Ничего политического в этих песнях не было, но было в них столько искренности, столько нашей тоски и боли, что власти не могли потерпеть этого. Нелепые и злобные преследования Окуджавы были чуть ли не первыми преследованиями поэта, совершившимися на наших глазах»¹⁰.

¹⁰ Владимир Буковский. «И возвращается ветер...» Письма русского путешественника. М., «Дем. Россия», 1990. С. 109.

* * *

Есть у Окуджавы стихотворение «Вечера французской песни...» (80-е). Поставлено оно сразу троим: Александру Галичу, Владимиру Высоцкому, Юлию Киму. И трижды в нем повторено: «Пой, француз» — в смысле: тебе, французу, можно.

Чем начальству ты приятен?
Тем, что текст твой непонятен.
Если ж нужен перевод,
переводчик — наш молодчик —
как прикажут — переверт.

Что же касается наших бардов, то их «нет, хоть тресни». То есть физически они, конечно, существуют, но —

Дело в том, что наши барды
проживают в бардаке —
в том, в котором нет пророка,
чуть явись — затопчут след (438).

Понятно (см. выше высказывание В. Буковского), что подспудно эти стихи адресованы Окуджавой и самому себе.

Итак, начинается разговор о вынужденном диссидентстве наших бардов, которые, несмотря на созвучие с «названием» места (системы, режима) проживания, никак не умели найти с этим местом общий язык.

Что тут раньше всего бросается в глаза? Все четверо бардов начали диссидентствовать в довольно зрелом возрасте (не то что Буковский — еще школьником). Самый старший — Галич (1918 г. рождения) — вообще был баловнем судьбы и только земную жизнь *пройдя до половины обнаружил*, что *очутился в сумрачном лесу*. Окуджава, несмотря на семейную катастрофу в годы Большого Террора, практически до самого ХХ съезда плохо разбирался в происходящем:

И льну душой к заветному Кремлю,
и усача кремлевского люблю,
и самого себя люблю за это (444).

Более молодые Ким и Высоцкий тоже не претерпели особого гнета (до поры до времени, конечно): учились, где хотели; Ким беспрепятственно пел свое «На далеком севере / ходит рыба-кит, / а за ним на сейнере / ходят рыбаки...», а Высоцкий с таганской сцены гремел гамлетовские монологи и маяковские инвективы (в спектакле «Послушайте!») и успешно (и много) снимался в кино.

Да и по характерам своим эти люди (за исключением импульсивного и необузданного Высоцкого) скорей тяготели к «тихости» и непубличности: Галичу, чтобы удовлетворить присущее ему стремление нравиться, обаять, хватало артистических московских компаний, а Окуджава и Ким тихонько бренчали на гитарах и выводили свои шутливые или сентиментальные куплеты на московских же кухнях в небольшом дружеском кругу.

Так за что же их тогда не любили наши власти? — спрошу, перефразируя строчку из позднего (90-х годов) текста Окуджавы «Вот приходит Юлик Ким...» Продолжу цитировать оттуда риторические — порой шутейные — вопросы:

За российские ли страсти? За корейские ль глаза?
Может быть, его считали иудеем? Вот так здрасьте!
Может, чудились им в песнях диссидентов голоса? (617).

Ну вот, слово сказано. Но дело всё в том — и Окуджава, разумеется, это прекрасно знает, — что зажим советского «бардизма» начался вне прямой связи (и, возможно, раньше) с правозащитным движением, в котором Ким принял непосредственное, хотя и недолгое по времени, участие, а остальная тройка т о л ь к о пела.

Так за что же? А вот за это самое. За отсутствие в их песнях сервильных восторгов. За несговорчивость. За нежелание поступиться собственным достоинством в обмен на разные подачки. Послушаем Юлия Кима:

Россия, матерь чудная!
Куда? откуда? как?
Томленье непрорубное,
Рывки из мрака в мрак...

«Московские кухни»

(Ср. с «отчизной больной» у Окуджавы.) И далее там же:

О, «черные Маруси»!
О, Потьма и Дальстрой!
О, Господи Иисусе!
О, Александр Второй!
Который век бессонная
Кухонная стряпня!..
И я там был,
Мед-пиво пил,
И корм пошел в коня...

А в триптихе памяти Ф.М. Достоевского, написанном в 1981 году, по случаю столетия со дня смерти великого писателя-прорицателя, размышления о зигзагах российской истории воплощены в своеобразно модернизированных образах. «Всё исполнилось, Федор Михалыч» — вот первая строка триптиха. Что — всё? «Нет конца карамазовской бездне». И: «Где-то в наших потьмах, в наших каторжных Потьмах, / Атеист и баптист отбывают свой срок. / ... / Лейтенант Смердяков их гноит и мурлыжит, / Капитан Верховенский их поедом ест».

В конце 1996 года Юлий Чесанович Ким побывал в Израиле (помните у Окуджавы: «Может быть, его считали иудеем?»). В интервью, данном русскоязычной газете «Вести» (главный редактор — Эдуард Кузнецов, тот самый, который по ленинградскому «самолетному» делу был приговорен к «вышке», замененной впоследствии пятнадцатью годами ИТЛ), он среди прочего сказал:

«Ни как невозможно представить нас несгибаемыми борцами. Были такие герои, действительно герои, но критерию этому соответствовало очень мало людей. Многие, многие соглашались на компромисс. Вот возьмем для примера меня. Однажды я не решился, не пошел на риск...»

И далее он рассказывает один эпизод из собственной жизни, имевший место в 1969 году, когда так называемая профессиональная ответственность взяла в нем верх над долгом перед товарищами-диссидентами.

«Как вы сегодня оцениваете свою вчерашнюю позицию?» — спрашивает интервьюер. Следует недвусмысленный ответ: «Думаю, правильнее было бы мне остаться в рядах тех, кого называют борцами за права человека, за свободу. Правильнее — если говорить о высочайшем спросе. Но на высочайший я не потянул, оказался я не соответствующим высочайшему спросу».

Прекрасный ответ! Замечательный человек! А вы говорите: вот приходит Юлик Ким и смешное напевает... Смех-смехом, а чувство собственного достоинства («Ответственность перед совестью», по формулировке самого Кима) — это такая, знаете ли, таинственная стезя,

на которой разбиться запросто, но с которой свернуть нельзя,
потому что без промедления, вдохновенный, чистый, живой,
растворится, в пыль превратится, человеческий образ твой (460).

Сдается мне, что Юлий Ким без колебаний подписался бы под этими строками Булата Окуджавы.

Окуджава начинал как чистый лирик. Как поэт Любви. К женщине («Эта женщина! Увижу и немею...», «Не бродяги, не пропойцы...»). К комиссарам в пыльных шлемах. К Тверскому бульвару (стихотворением «На Тверском бульваре» открывается книга «Чаепитие на Арбате») и арбатскому двору («На арбатском дворе — и веселье, и смех...»). Вообще к Москве («Московский муравей», «Время идет, хоть шути-не шути...» со строчкой: «Дай надышаться Москвой», 15). И к плывущему по ней полночному троллейбусу. И к каждому новому утру: «Всё оно смывает начисто, / всё разглаживает вновь... / Отступает одиночество, / Возвращается любовь» («Новое утро», 40).

Ну вот, всё начинается любовью, и всё ею кончается. Возможно, этот поток Любви — эта река («Песенка об Арбате»: «Ты течешь, как река...», 82) — постепенно бы иссяк (или, напротив,чересчур «обводнился»), если бы по соседству с Арбатом, но в другом, так сказать, измерении не помещался... бардак, который столь же воздействовал на ум и душу поэта, что и «арбатское отечество». И, хотя Окуджава никогда не был согласен с девизом «основоположников»: «бытие определяет сознание», — но ведь и то: живя в обществе, быть совсем свободным от оного трудненько. Одному — даже с переполняющей сердце любовью ко всему и всем — тут не выстоять.

Самое время вернуться к брошенной на полдороге «Старинной студенческой песне».

Как вожделенно жаждет век
нащупать брешь у нас в цепочке...
Возьмемся за руки, друзья,
чтоб не пропасть поодиночке (232).

Этот призыв стал с конца 60-х (напоминаю: песня написана в 1967-м) чем-то вроде пароля в самых разных людских компаниях, которые объединяла одна ненависть — к насилию и одна любовь — к свободе.

Сам Окуджава следовал своему девизу неукоснительно. Его рука была всегда готова к пожатью дружеской руки. Его уста всегда были наготове произнести дифирамб ближнему, пересекавшему его жизненную тропу, будь то близкий по этической позиции и творческим устремлениям коллега или так называемый «первый встречный», успевший зарекомендовать себя в его глазах добрым и порядочным человеком.

Среди адресатов окуджавских посвящений находим поэтов, прозаиков, драматургов, художников, композиторов, артистов, режиссеров, историков, литератороведов, правозащитников... Одних только известных (более или менее) людей, которым стихи посвящены прямо или косвенно, я насчитал в «Чаепитии на Арбате» свыше восьмидесяти! А сколько таких, чьи имена встретились мне впервые! Короче говоря, наш великий бард не был обделен великим даром небес — дружбой или (по меньшей мере) приязнью тех, для кого он сочинял свои стихи и песни. Но, что хотелось бы акцентировать, он сам активно пробивался к своим потенциальным друзьям и единомышленникам. Некоторых «живых героев»¹¹ лирики Окуджавы я уже упоминал и комментировал посвященные им тексты. Хочу вспомнить еще кое-кого.

Два (!) стихотворения посвятил он в 50-х годах молодому тогда литератору Станиславу Рассадину. Одно — «Джазисты» — получило довольно широкую известность: оно — о тех, кого позднее, в 80-х, Окуджава назвал фрайерами; о тех, кто «уходили в ополченье, / цивильного не скинув облаченья».

Едва затахли первые сраженья,
они рядом лежали. Без движенья.
В костюмах предвоенного шитья,
как будто притворяясь и шутя (78).

Не эти ли строчки (и эти) имел в виду Буковский, говоря о военных (и о них) песнях Окуджавы, в которых не было «ни единой фальшивой ноты официального патриотизма»?

Другое посвященное Рассадину стихотворение — «Мой мальчик, нанося обиды...» — тоже очень окуджавское по теме (хоть оно и не о минувшей войне) и строю. Это как бы поучение более молодому и менее опытному другу. Не слишком опогтайся на врагов: они делают свое дело. Но и не слишком полагайся на друзей: они заботятся лишь о том, «чтоб не нашел ты к ним дороги, / свои тревоги пронося». Так что ж, вопреки всему прежде сказанному об общественных настроениях Окуджавы, на самом деле он держится того взгляда, что все люди дурины? Не о том речь. Просто когда ты останешься (не дай Бог, конечно!) один, без врагов и без друзей, ты

поймешь, что все, как ты, двуноги,
и все изранены, как ты (46).

¹¹ Помните, у М. Светлова есть стихотворение под этим названием, а в нем такие строки: «И если в гробу / Мне придется лежать, — / Я знаю: / Печальной толпою / На кладбище гроб мой / Пойдут провожать / Спасенные мною герои»? Увы, многих друзей Булату Шалковичу пришлось проводить самому.

Чудесные стихи (они и называются «Чудесный вальс») посвящены в 60-х Юрию Левитанскому. Первое, оно же ключевое, слово в них — «музыкант». (Кстати, и второе посвящение Левитанскому, написанное полтора десятилетия спустя, «Заезжий музыкант целуется с трубою...», — тоже о музыканте; «вся» разница — в инструменте: здесь флейта, там труба). Мы знаем другого «Музыканта», посвященного композитору Исааку Шварцу. Соединение музыки с музыкантом по профессии кажется естественным. А с поэтом? Да еще так настойчиво? Когда речь идет о Левитанском, удивляться не приходится. Это был один из самых музыкальных наших поэтов. И тоже многие стихи посвящал Музыке. Тут и «Музыка, свет не ближний...», и «Сон о рояле», и «Воспоминанье о скрипке, и «Воспоминанье о шарманке» в книге «Кинематограф» (1970), и «Вальс на мотив метели», и «Музыка» в книге «Письма Катерине, или Прогулка с Фаустом» (1981). Сравните по нескольку строк «Чудесного вальса» Окуджавы и, скажем, Левитанского «Я люблю эти дни...» (книга «День такой-то», 1976):

А музыкант играет вальс. И он не видит ничего.
Он стоит, к стволу березовому прислоняясь плечами.
И березовые ветки вместо пальцев у него,
и глаза его березовые строги и печальны (115).

...скоро-скоро все свечи в оркестре погаснут одна за другой —
тихо гаснут березы в осеннем лесу, догорают рябины...

Стихи аукаются. Это всё — о музыке. О жизни. О призванье. О любви...

Несколько текстов связано с именем Владимира Высоцкого, которого Окуджава нежно любил. Два из них: «О Володе Высоцком» и «Как наш двор ни обижали...», написанные в 80-х, — памятования молодого, рано умершего друга. Концовка первого:

Белый аист московский на белое небо взлетел,
черный аист московский на черную землю спустился (353)

довольно темна, но она — из тех речей, которым, несмотря на их темноту, без волненья внимать невозможно.

Что касается второго из названных стихотворений, то оно уже не просто — памятник: и «нашему двору» («Как наш двор ни обижали — он в классической поре»), и Володе во дворе, — «его струны в серебре, / его пальцы золотые, / голос его нужен» (404). Я лично не большой поклонник Высоцкого-поэта (другое дело артист), но, когда я читаю эти проникновенные стихи, начинаю любить этого Володю, украшенного обожанием другого поэта, который, живописуя героя, щедро окунал свои кисти в голубое...

Ныне здравствующему поэту Олегу Чухонцеву посвящена песня «Я вновь повстречался с Надеждой...» (1976). Чухонцев спустя восемь лет и сам посвятил старшему собрату (по случаю 60-летия последнего) не худшее стихотворение «Махаробели». Цитировать «Надежду» не стану: она и без того у всех на памяти

и на устах. Отмечу в ней лишь потрясающий оксюморон — «прекрасные муки» (314), так подходящий к высокой и драматичной лирике (и эпике) Олега Чухонцева.

Поэт Владимир Соколов, будучи на четыре года моложе Окуджавы, скончался в том же, 1997 году. Я люблю стихи этого поэта, где, как выразился о них Давид Самойлов, «ненавязчивое слово, / В котором тайная беда».

Окуджава в 80-х посвятил ему сочинение, которое называется «Полдень в деревне» (поэма). Там все шепчут рифмы, начиная с кузнечика и кончая неким «знатным баловнем» (386), который заразился от кузнечика: «закружился, цветы приминая, / пятерней шевелюру трепля, / рифмы пробуя, лиру ломая / и за ближнего небо моля» (387—388). Имеет ли эта «поэма» (в ней всего-навсего 52 строки) какое-нибудь отношение к адресату своего посвящения? Рифмы... вдохновенье... лира... Впрочем, у Окуджавы есть еще одно стихотворение — «Дом на Мойке» (1976), начинающееся и кончивающееся следующей строчкой: «Меж домом графа Аракчеева и домом Дельвига, барона...» (318). Вот тут доподлинно понятно, про кого и про что:

Но род людской в прогулке той не уберегся от урона
меж домом графа Аракчеева и домом Дельвига, барона (319).

А двадцатью годами ранее (1957) Соколов написал триптих «Стихи о Пушкине», третья часть которого точно так же «окольцована» словами: «Меж императорским дворцом / И императорской конюшней...» Не настаиваю на прямом влиянии. Но о духовном родстве говорить, я думаю, можно. Родство: по лире (оба: и Соколов, и Окуджава — прежде всего лирики; хотя первый писал и довольно большие вещи: «Сюжет», «Александровский сад», но, вероятно, не случайно признался как-то: «Герой поэмы, плод воображенья, / Сидит. Поэму пишет. За меня»), по Пушкину. А также по Москве (Соколов: «Какая маленькая ты у нас, Москва!..»), по Арбату (Соколов: «Весна на Арбате» — «Просто выбыли / Те переулки, / Те названия / И номера»).

Следующее дружеское послание, которое полагаю уместным здесь упомянуть, ранее (например, в книге «Стихотворения») печаталось без названия, а в «Чаепитии на Арбате» его получило: «Пожелание друзьям» (1975). И тем самым стихотворение возведено автором в ранг программных. Посвящено Ю. Трифонову. Снова, как в случае «Надежды», обойдусь без цитации — и по той же самой причине («изустности»). Напомню лишь, в связи с этим текстом, отличную рецензию Натальи Крымовой на книгу «Стихотворения» — «Свидание с Окуджавой» («Дружба народов», 1986, № 5). Из нее приведу одну небольшую цитату: «Другой бы написал «помогая» (рецензент имеет в виду предпоследнюю строку обсуждаемого стихотворения. — М.К.), но не Окуджава. Чуть усмехаясь, он пишет свое — «потакая». Ведь не о воспитании детей речь, а о людях, которым не надо объяснять, что такое «долг», «порядочность». И потому: п о т а к а я (разрядка авторская. — М.К.). Тем более, что жизнь... и так далее. Всё верно».

Всё верно. Друзья поймут. Только бы их жизнь не оказалась слишком короткой!.. (Трифонов скончался в 1981 году, в возрасте 55 лет, а Высоцкому, умершему годом ранее, как мы знаем, было и вовсе 42.)

Преждевременная смерть отняла у Окуджавы многих друзей. Но, начиная с некоторого времени, друзья «измыслили» иной способ ухода. Покиная родные пределы. Рассеиваясь по всему белу свету. Как некогда это произошло с древними иудеями. Но их потомки (далеко не все, впрочем) как раз в эти годы стали вновь собираясь на своей древней земле. Соотечественники же россияне, включая некоторых (довольно многочисленных, впрочем) евреев, пустились в путь, движимые силами центробежными, а не центростремительными.

Уже упоминавшийся Борис Чичибабин точно сформулировал в очень известных стихах времени начала массовой эмиграции («Дай вам Бог с корней до крон...», 1971) трагическую диалектику этого социального феномена: «Уходящего — пойму. / Остающегося — знаю». И «Уходящему — поклон. / Остающемуся — братство». Такую позицию занимали оставшиеся в России (ради России) противники тиранического режима, в их числе Булат Окуджава. Кстати, в 80-х оба поэта «обменялись» текстами, посвященными друг другу. Чичибабин написал «Слово о Булате», где есть такие строки:

Когда лилась ливня
брехня со всех экранов,
он Божьей воле внял,
от бренного отпрянув.

.....
Не шут, не самохвал, —
как воду из колодца,
он любящим давал
уроки благородства.

Окуджава посвятил Чичибабину очень лиричное, очень исповедальное стихотворение «Я вам описываю жизнь свою, и больше никакую...», в сущности подтверждающее высокую характеристику, какую дал ему в своих стихах Чичибабин.

Посвящения уехавшим друзьям занимают видное место в поэзии Окуджавы 70—90-х годов. Тут мы встретим и Наума Коржавина, и Виктора Некрасова, и бывшего актера театра «Современник» Валентина Никулина, и поэта Дмитрия Бобышева — из знаменитой четверки «ахматовских мальчиков». (Остальные трое: И. Бродский, — ему посвящено трехстrophe «На странную музыку сумрак горазд...», в свою очередь довольно странное: трудно понять, солидарное или укоренное; Анатолий Найман, также эмигрант, и Евгений Рейн, из оставшихся.)

Конечно, все тексты этого ряда грустны — «поскольку грусть всегда соседствует с любовью» (307). Несколько примеров:

Дима Бобышев славно старается,
без амбиций, светло, не спеша,
и меж нами граница стирается,
и сливаются боль и душа (535).

Париж для того, чтоб, забыв хоть на час
борения крови и классов,
войти мимоходом в кафе «Монпарнас»,
где ждет меня Вика Некрасов (548).

Наша жизнь разбита пополам,
да напрасно счет вести обидам.
Всё сполна воздастся по делам
грустным и счастливым, и забытым (552)¹².

Но сильнее всего этот мотив реализован в двух стихотворениях: «Под крики толпы угрожающей...» (80-е, посвящено О. и Ю. Понаровским) и «Тель-авивские харчевни...» (90-е, без посвящения). Первое приведу полностью, второе — исключив лишь первые две строфы.

Под крики толпы угрожающей,
хрипящей и стонущей вслед,
последний еврей уезжающий
погасит на станции свет.

Потоки проклятий и ругани
худою рукою страхнет,
и медленно профиль испуганный
за темным стеклом проплынет.

Как будто из недр человечества
глядит на минувшее он...
И катится мимо отечества
последний зеленый вагон.

Весь мир, наши судьбы тасующий,
гудит средь лесов и морей...
Еврей, о России тоскующий,
на совести горькой моей (514).

Из «Тель-авивских харчевен»:

Там живет мой друг приезжий,
распрощавшийся с Москвой,
и насмешливый, и нежный,
и снедаемый тоской.

Кипа с темечка слетая,
не приручена пока...
Перед ним — Земля Святая,
а другая далека.

И от той, от отдаленной,
сквозь пустыни льется свет,
и ее, неутоленной,
нет страшней и слаще нет...

...Вы опять спасетесь сами.
Бог не выдаст, черт не съест.
Ну, а боль навеки с вами,
боль от перемены мест (553—554).

¹² Это из «Романса», посвященного В. Никулину.

Оставлю эти тексты без комментариев; здесь уместней «тишина и размышление» (как писал — по совершенно, впрочем, другому поводу — автор «Архипелага ГУЛАГ»).

Прежде последним будет у меня краткое обращение к стихотворению, также предпоследнему в книге «Чаепитие на Арбате» и посвященному известному прозаику и общественному деятелю-гуманисту Анатолию Приставкину. Оно — о сложности человеческой натуры, об ее обреченности — выбирать. И — о трудности выбора. «Насколько мудрее законы, чем мы, брат, с тобою!» (619) — глубокий вздох, печальная ирония, умудренный (отнюдь не законами) взгляд на себя со стороны. И в этом стихотворении появляется слово «портрет», заглавное в этих заметках, и в точности в том же самом смысле: «...насколько прекрасней портрет наш в ореховой раме, / чем мы, брат? с тобою, лежащие в прахе пред ним» (619).

Святая истина! Конечно, и в моем групповом портрете многое спрятано, возвыщено, опущены — по воле жанра — какие-то житейские подробности, иногда, быть может, мелкие и суетные, тот сор, из которого и растут стихи, не ведая стыда. Но! Как столь же справедливо выведено в стихотворении «В альбом», посвященном И. Лиснянской (я уже цитировал его в начале этого очерка): итожа свой долгий путь в жизни и поэзии, мы (о и и!) не можем не видеть

и взмах родимых рук,
и робкие надежды,
что не подбит итог,
что жизнь течет, как прежде,
хоть и слезой со щек (588).

Два слова под занавес.

Есть у Окуджавы песня «Прогулки фрайеров», всеми нами любимая. Так вот. Во-первых: я написал этот портретный очерк о них (поэтах, прозаиках, артистах, борцах за правду и справедливость, людях известных и почитаемых), «но в их лице / о нас: ведь все, мой друг, о нас с тобою» (381). А во-вторых, я мог бы, конечно, написать, себе согнув хребет, и «С Куняевым портрет», и «С Кибировым портрет»...

Но по пути мне выпало — с Окуджавой.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ РОССИИ

Современная проза, литературная критика, историко-культурная, философская и религиозная мысль

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СЛУЖБА «КОНТИНЕНТА» (БСК) — постоянная рубрика нашего журнала (начиная с 78-го номера).

БСК — это помощь читателю, духовные и культурные запросы которого охватывают достаточно широкие области современного культурного процесса, но который физически не в состоянии следить за всей той обширной российской прессой, что формирует этот процесс.

БСК — это предлагаемый читателю в каждом номере журнала подробный аннотационный обзор всего, что появилось за предыдущий квартал на страницах ведущих российских газет и журналов наиболее значительного и показательного в области художественной прозы, литературной критики, историко-культурной, религиозной и философской мысли.

При отборе текстов для такого аннотирования редакция руководствуется, естественно, органичной для «Континента» системой духовных, культурных и эстетических ценностей, что находит свое отражение и в характере самих аннотаций. Однако задача БСК всякий раз прежде всего в том, чтобы дать читателю, по возможности, наиболее емкое, точное и адекватное представление о самом содержании и характере аннотируемого текста.

При всей определенности редакционных критериев, БСК ориентируется также и на предельно возможную широту при отборе материала для аннотирования. БСК не исключает из своих обзоров даже и такие тексты, которые никак не выдерживают содержательных и эстетических критериев «Континента», но, однако же, выражают и представляют в современном интеллектуальном и художественном процессе тенденции и течения, пользующиеся общественным вниманием. А тем самым — препрезентативны для нашего времени.

В разделе литературной критики БСК информирует читателя только о статьях обобщающе-проблемного характера, обращенных либо к концептуальному осмыслению современной литературной ситуации в целом, либо к анализу тех или иных значительных течений, крупных творческих судеб или даже отдельных заметных явлений в текущем литературном процессе и в недавней литературной истории, но оставляет в стороне весь остальной более частный материал отдельных рецензий, полемических выступлений и прочих локальных откликов на эмпирику текущей литературной жизни.

Таков же принцип отбора и в разделе историко-культурной, философской и религиозной мысли. Здесь аннотируются тоже лишь статьи принципиального,

крупнопроблемного характера, ориентированные на обобщающее концептуальное осмысление тех стержневых процессов, которые имеют определяющее значение для сегодняшних и завтрашних судеб России, ее культуры и ее интеллектуальной жизни. При этом учитываются только работы, имеющие к тому же не специфически-профессиональный, а общезначимый культурный интерес — рассчитанные не на специалистов, а на широкого читателя. Этот раздел БСК публикуется в журнале раз в полгода — в нечетных номерах.

Редакция «Континента» хотела бы надеяться, что БСК — полезный и нужный нашему читателю ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ РОССИИ, сочетающий определенность редакционных критерий с профессионально-добротной информационной надежностью и объективностью в отборе, представлении и освещении аннотируемого материала.

1. Художественная проза

Пожалуй, самым крупным событием сезона стал роман Юрия Давыдова «Бестселлер» («Знамя», №11—12). Его значимость оказалась удостоверена недавно и премией имени Аполлона Григорьева. В романе ведется рассказ об известном разоблачителе провокаторов и агентов охранки Бурцеве, о перипетиях его замысловатой судьбы. Это повествование сплетается с характеристиками и эпизодами из жизни других революционеров и охранителей, современников Бурцева. Рядом появляются и воспоминания автора о своей жизни, в которой были и тюрьма, и лагерь, о своих друзьях и спутниках. В целом складывается композиционно свободное повествование эссеистического типа, объединенное авторской позицией и интонацией непредвзятого, трезво-скептического размышления об уроках истории, о моральном итоге человеческого существования, сочувственным вниманием к героям.

В прозе на современную тему определилось несколько векторов писательского интереса. Один из них — *маргинальное городское дно* (бандиты, мафиози, валютные проститутки и проч.).

Анатолий Курчаткин в цикле «Злоключение» («Знамя», №10; из книги «Радость смерти») весьма живописно изображает современные предпринимательские и мафиозные будни, точнее — разнообразные страсти, которые кипят вокруг подобных промыслов. Фактурно это очень жесткие нравоописательные вещи; автор умело, уверенно схватывает и передает приметы маргинального бытия. Есть в цикле и эффектные условно-фантастического свойства сюжеты, которые призваны демонстрировать современное одичание и обезумение. Эти истории не столь, однако, убедительны.

У Антона Уткина в романе «Самоучки» («Новый мир», №12) мафиозный мир описан по касательной. Преуспевающий мафиозный деятель нанимает молодого образованного москвича для того, чтобы тот рассказывал ему сюжеты из русской классической литературы, а попутно консультировал по культурной части. От лица последнего и ведется повествование. Герой простирая вспоминает о том, откуда все началось и через какие небесприрятные перипетии длилось — вплоть до, само собой, заказного убийства выгодного наймодателя. В затянутом романе ощущается

чрезмерная доля авторского произвольного и малозанимательного домысла. Обращение Уткина к современной теме едва ли можно считать удачным.

Духом дешевой парфюмерии несет от *повести* (на самом деле рассказа) Александра Трапезникова «Свет и тени в среде обитания» («Москва», № 1), где взбалмошная девица убегает от своих «телохранителей», которые стерегут ее в ожидании приезда жениха в купленной для нее личной квартире, на крышу и знакомится с интеллигентным бомжем. Бомж в результате оказывается бывшим хозяином квартиры, которую бандит-жених отнял обманом, а брат жениха еще и отрезал в назидание ухо. Между девицей и бомжем вспыхивает любовь, она уходит к нему, чтобы вместе погибнуть все на той же крыше от автоматной очереди несостоявшегося деверя. Скучно.

Появляются и *сельские сюжеты*. В них, правда, не так уж много новизны.

Валентин Распутин продолжает свою традиционную линию в рассказе «Изба» («Наш современник», № 1), где описывает трудную судьбу сибирской крестьянки, в которой можно без труда разглядеть некий обобщенный образ России. Сюжетно рассказ напоминает «Матренин двор» Солженицына. Взгляд Распутина во многом пессимистичен, хотя пессимизм этот не всеобъемлющ — в финале, где изба, уже лишившаяся хозяйки, принимает на себя метафорическую нагрузку и выступает уже как дополнительный образ все к тому же «русскому портрету», она оказывается опустившей, но странно населенной каким-то метафизическим духом, позволяющим предполагать определенные надежды на возрождение дремлющих сил. К сожалению, ничего особенно нового для себя в «Избе» писатель не поведал, и оттого особенного впечатления рассказ произвести не может.

Узнаваемы в новых вещах и Борис Екимов, и Олег Ларин.

У Екимова в рассказе «Возвращение» («Новый мир», № 10) воры укради иконы из дома безотказной праведницы бабы Нади. Старушке занеможилось, и она просит неприканную соседскую девочку, часто забегавшую к ней пожить, нарисовать иконочку. Чудесным образом написанная девчушкой икона выходит дивной и прекрасной. В рассказе «В степи» на фоне сельского разорения некий колхозник свихнулся и пытается в одиночку восстановить по кирпичику развалинный и разграбленный большой животноводческий комплекс. В рассказах, как это обычно для Екимова, сочетаются сентиментальность с социальностью.

Ларин в «сценах из захолустной жизни» «Блудное лето» («Новый мир», № 12) рассказывает очередную байку из своей бесконечной сельской серии. На сей раз его любимый герой, балагур и затейник Егорыч, собрался свести свою корову с быком. Отсюда проистекло множество занимательных и поучительных следствий. Ларин — отличный живописец, яркий очеркист характеров и нравов.

Рассказ Анатолия Безбородова «Раскусил» («Москва», № 12) — о непроходимом взаимонепонимании между людьми. Герой посадил вдоль «ничьей» дороги березки, а сосед обиделся и обещает скосить их комбайном — на «ничьей» земле никто сажать не станет, стало быть, ты либо землю купил, либо «сын помещика» (что обиднее вдвойне).

Владимир Куропатов в рассказе «Обратные журавли» («Наш современник», № 8) изображает бесхитростные взаимоотношения старика и старой полуслепой лошади, которые пережили войну, помогая колхозу из последних сил, но едва

наступила победа, старик скончался, а вскоре за ним последовал и верный конь. В рассказе «Две Анны» (там же) деревенская старуха никак не может взять в толк, как можно выбросить потерявшее актуальность талоны, и считает продавщицу, которая предлагает ей купить без всяких талонов столько товаров, сколько ей заблагорассудится, легкомысленной и не знающей жизни вертихвосткой.

Сергей Ионин в рассказе «Разочарование» («Наш современник», №8) описывает судьбу деревенского плотника, потерявшего опору в жизни из-за того, что его ремесло перестало быть необходимым, а к другому у него нет ни таланта, ни охоты. Поговорив со стариком-кузнецом, который обвиняет поколение плотника в том, что те живут, слишком «оглядываясь на себя», и рассказывает байку-притчу о людях своего поколения, плотник идет домой, но по дороге его сбивает мальчик на велосипеде, он ударяется головой о камень и, видимо, умирает...

Повесть Сергея Михеенкова «День Флора и Лавра» («Наш современник», №9) пронизана обличительным пафосом, для «информационной поддержки» которого автор не только использует гиперболу и гротеск, но готов даже жертвовать приверженностью строгому реализму, вводя в повествования аллегории и символы, а также совершенно фантастические детали. В заброшенной деревне живут (отдельно друг от друга) старик и старуха. Старухина племянница, которой та с раннего детства заменила мать, приезжает к тетке с предложением совместно купить в городе дом, где тетка спокойно доживает последние годы. Племянница описана как женщина непутевая, распутная, однако тетка после недолгой внутренней борьбы соглашается и отдает непутевой все деньги с книжки — восемь тысяч (идет самое начало перестройки). Племянница с деньгами исчезает бесследно, как оказывается впоследствии, облапошив еще и многих других своих знакомых. Старуха вскорости умирает, готовая скорее простить племянницу, чем держать на нее в сердце зло. Тем временем председатель колхоза, инородец — то ли азербайджанец, то ли чечен, — потихоньку сдает в аренду «своим» колхозные земли, беззастенчиво ущемляя права исконных колхозников. Инородцы становятся истинными хозяевами всей русской земли. Они устраивают мерзкие оргии с голыми женщинами, пожирающими огромные куски мяса... Старик, невольный и бессильный свидетель народного разорения и позора, уносится куда-то вдаль на белом коне, который пришел за ним тоже неизвестно откуда, возможно, из счастливого прошлого...

В рассказе «Прогноз погоды» («Наш современник», №11—12) **Роман Сенчин** описывает один день из жизни председателя колхоза, ставшего теперь акционерным обществом. Этот день наполнен отчаянными попытками залатать дыры в хозяйстве, собрать хоть часть урожая при отсутствии машин и горючего, договориться с приехавшей из города ремонтной бригадой делать только то, о чем был уговор, и не выставлять счетов за ненужную работу. Безнадежное положение усугубляется тем, что синоптики предупредили о надвигающейся буре, в которой погибнет все несобранное зерно. Все усилия председателя оказываются тщетными...

Подчас главным героем прозы становится *городской интеллигент*. Заявка подобного рода есть в уже упомянутом романе Уткина. Но там такой персонаж слишком вял, инертен и неинтересен сам по себе, он воспринимается как наблюдатель, посредник.

Владимир Кантор в небезынтересной повести «Соседи» («Октябрь», №10) поведал о рафинированном московском интеллигенте, либерале-преподавателе, который однажды вступил на улице за девицу (на нее насыпал пьяный «афганец») — и за это едва не поплатился жизнью. Параллельно возникает еще ряд тем. У героя развивается роман с его студенткой. Он общается с друзьями, без особой радости размышляет о путях России. Возникает очерк симптоматических духовных явлений эпохи: варваризация простонародья, аморальность культурного слоя, идеологическое антизападничество как интеллектуальная московская мода и т.п. Испытания приводят героя к твердой решимости вступить в брак с влюбленной в него девушкой.

Анатолий Бузулуский в рассказе «Андрюшина баня» («Нева», №11) изобразил «среднего» интеллигента, заводского инженера, который в новые времена устроился подработать ночным сторожем в бане. Описаны и просмакованы банные нравы с примесью хамства и криминала. Герой оказывается неспособным вынести здешнюю суровую борьбу за существование и левые прибыли. Избитым, без передних зубов, в покаянном настроении возвращается он к жене (т.е. и здесь, как и у Кантора, женщина оказывается якорем спасения в бурном житейском море; см. также ниже повесть Ю. Солнцева).

Михаил Тарковский в объемном рассказе «Девятнадцать писем» («Москва», № 11) представляет столичную жизнь глазами человека, сознательно бросившего этот город ради далекой деревушки в Туруханском крае и теперь наезжающего сюда гостем за неким набором экзотических впечатлений и «гостевым» же образом жизни. Кроме того, герой переживает неудачную любовную историю с девушкой, которая издалека представлялась ему не слишком и нужной, а в Москве, из-за того, что она, как ему показалось, пытается от него отдалиться, стала, напротив, необычайно нужной. На основе неудачного опыта герой сочиняет повесть, которая по возвращении кажется ему фальшивой и неудачной. В рассказе явственно звучит мотив несовпадений между внутренним состоянием героя и окружающей его на каждый данный момент среды, внутреннего разлада, ложного прочтения чужих мотивов и обстоятельств.

Александр Хургин в «Знамени» (№12) вновь живописует бытовое неустройство и «частичность» героя, ведущего жизнь автомата. В рассказе «Исчезновение кресла и пр.» некто Сиверцов существует в своей семье совершенно незаметно, отчужденно от близких. В рассказе «Хобби» старик каждый день интересуется, умер ли кто-то из великих людей. Постепенно он привыкает умирать, и ему кажется, что это он уже сам умер (хотя мог бы и пожить еще).

Нередки в прозе сезона и сюжеты, связанные с теми или иными реакциями героев на типовые сложности современного быта или с тем, как они разрешают разного рода острые морально-психологические ситуации, характерные для современности.

Рассказ Анатолия Безбородина «И пою и плачу...» («Москва», № 11) отдает известным привкусом популизма — давка в автобусе, обнищавшие люди, тупая орущая музыка. Автор словно бы апеллирует к пассажирам этого набитого автобуса, стимулируя его еще раз пересчитать деньги в тощем кошельке. Рассказ неудержимо напоминает предвыборную агитку.

Довольно тяжелое впечатление оставляет агрессивный напор в рассказе **Василия Белова «Во саду при долине»** («Наш современник», № 2), где описан один день из жизни пенсионера, недовольного абсолютно всем. По воле автора герои погружены в неудовлетворительные бытовые обстоятельства: в квартире почти не топят, пенсии хватает еле-еле, кто-то посторонний вовсю жирует, а тебе и малой крошки не перепадет. Озлобление старика несколько оттеняется миролюбивым настроением его жены (если бы основная линия рассказа развивалась в этом направлении, художественный эффект мог бы оказаться значительнее), зато метафорически «поддерживается» образом неизвестно откуда явившегося в город отвратительного козла, который одиноко бродит по улицам, а потом преследует старика в снах. Этот образ отчасти отсылает к образу антихриста (очень, впрочем, незначительного и совсем не страшного), но только отчасти — в основном, скорее всего, он несет нагрузку «обличения» современной жизни и тех, кто ею управляет. Рассказчик сосредоточен исключительно на материальных проблемах своих героев, читатель может посочувствовать их нелегкому быту, однако, больше тянет жалеть о неразвитости их душ.

В рассказе **Николая Ничика «Ворье»** («Наш современник», № 8) отрабатывается довольно неожиданная идея — на шахте происходит постоянная кража кабеля, который потом вслыхивает в виде «цветных металлов», а их шахтеры тут же сдают приемщикам и получают свой маленький профит. Когда начальник смены выслеживает, наконец, одного из похитителей, тот обрушивается на него гневную филиппику, суть которой сводится к тому, что зарплату не платят, а начальники (в том числе и тот, что застал его с поличным) сами ворье, поскольку понастроили себе роскошных дач и вообще пьют кровь у народа. Сочувствие автора находится целиком на стороне провинившегося, зато простого рабочего.

Повесть Майи Кучерской «История одного знакомства» («Волга», № 10) поднимает крайне сложную тему взаимоотношений духовника с духовной дочерью, которые неуклонно движутся ко все более и более опасному «человеческому» сближению. Автору удалось очень верно описать внутренние проблемы религиозного неофита, связанные прежде всего со слишком прямолинейным подходом к новообретенной истине. И одновременно хорошо обосновать психологическое попадание в ловушку запретной (осознаваемой как запретной) любви. Кучерской удалось избежать сентиментальности и дидактики; при кажущейся «исповедальности» повести, она написана с хорошо прочитываемой авторской дистанцией. Кучерская смотрит на слабости человека, но не отрицает за ним и силы. В финале героиня, не способная прекратить любить, находит мужество уехать навсегда. До некоторой степени повесть имеет открытый конец — хотя образ дан в развитии, в финале заложен намек, что настоящее переосмысление трагического опыта предстоит героине за пределами текста.

Михаил Лайков в рассказе **«Наедине с тобою, брат»** («Москва», № 11) описывает как бы несостоявшуюся встречу: лирический герой рассказа никак не может смыкаться с братом, к которому приехал в гости, — тот живет в своем особом мире, где ищет какую-то недостижимую правду, из-за чего вступает в непрерывные конфликты с окружающим миром.

Андрей Коровин в рассказе «То, чего не случилось» («Наш современник», № 1) повествует о бригаде рыбаков. Герой по ошибке убивает случайно попавшего в сети детеныша дельфина и выбрасывает его в море, поскольку опасается гнева бригадира. Пожилой бригадир является носителем неписанных рыбакских законов, которые все более и более отходят в область условностей. Героя мучает совесть за невольное убийство и страх упасть в глазах человека, которого он уважает. Когда дельфина все-таки выбрасывает на берег, герой по приказу бригадира идет его закапывать, а потом чувствует, что между ним и бригадиром произошло что-то очень важное, но что именно, он выразить словами не может.

Олег Павлов в рассказе «Белый Иван» («Дружба народов», № 10) снова возвращается к своей главной — армейской — теме. Довольно мрачная история о солдате-убийце и майоре-воре. Безнадежные обстоятельства. Вязкий слог, монотонная интонация непреходящего, привычного кошмара.

Герой малого по форме рассказа **Георгия Давыдова** «Саша» («Москва», № 1), свежеиспеченный офицер, в самый разгар счастливой любви вдруг узнает (дело перед финской войной), что пора на фронт. И гибнет под взрывом бомбы, успев перед смертью понять, что кто-то другой будет жить вместо него *его* жизнью, почувствовать и справедливость и несправедливость судьбы...

В рассказе **Бориса Куркина** «Доходяга» («Наш современник», № 2) главный герой — полковник и одновременно писатель — после телефонного разговора с бывшей женой и дочерью, которую, судя по всему, тоже воспринимает как *бывшую*, получает инсульт. Не от известия, что для спасения дочери немедленно нужна крупная сумма, иначе ее убьют, а так, по стечению обстоятельств, от старых ран и «семейных катастроф». Оказавшись в больнице, он переживает платонический роман с лечащим врачом, женщиной его мечты, которой для укрепления отношений дает читать свои романы (и та читает и проникается). Однако при выписке, когда герой готов сделать предложение, выясняется, что у женщины-мечты есть парализованный муж... Твердой мужской походкой герой покидает сцену. Удивительно, что за весь больничный период этот *благородный* человек (так аттестован в тексте) ни разу не поинтересовался судьбой дочери: жива ли? Придя в себя, только порадовался, что больше его *бывшие* дамочки беспокоить не будут — да и что теперь с него можно взять, кроме анализов? Истинное благородство натуры!

Сергей Юрский в рассказе «СЕЮКИ» («Знамя», № 11) описал приятелей, организовавших кооператив для защиты интеллектуальной собственности. Им заказывают гимн Тувы. История юмористическая.

Как обычно, довольно обильно представлены в прозе сезона *заграничные сюжеты*, довольно разнообразно и с той или иной степенью надрыва и болевого напряжения трактующие темы, *связанные с распадом Союза*.

Афанасий Мамедов в повести «На кругах Хазра» («Дружба народов», № 10) рассказывает о молодом бакинце, эмансионированном горожанине, беззаботном любовнике, который в 1988 году оказался против своей воли в водовороте дикого сумгaitского погрома. Мамедов подробно вникает в детали происходящего, фиксируя ошеломление юноши, ввергнутого в хаос.

Гоар Маркосян-Каспер — сочинительница из Таллинна — в романе «Пенелопа» («Звезда», № 12) изобразила один день из жизни молодой особы, обитающей в

Ереване. На фоне совершенно расстроенного быта (нет тепла, нет горячей воды, нет света и т.д.) у нее и вокруг нее кипит жизнь. Роман заполнен симпатичной болтовней, обрывками романических историй, иронической рефлексией героини.

Андрей Волос в рассказе «Первый из пяти» («Новый мир», №10) предлагает еще одну историю о постсоветском среднеазиатском хаосе (это последняя новелла из «романа-пунктира» «Хуррамабад», печатавшегося в «Новом мире» и «Знамени»). Европейцы в плену у азиатских боевиков. Ничего хорошего их не ждет. Но и азиатам еще нужно перестать быть мирными обывателями и осознать себя боевиками... В прозе Волоса, отмеченной уже премией Антибукера, присутствует все-таки элемент наивной очерковости. Писатель касается драматичных, кровоточащих эпизодов, но слишком часто оставляет в глубоком подтексте душевную жизнь и духовный опыт своих персонажей (либо, что не менее вероятно, персонажи его в соответствии с авторским заданием ординарны, обычны). Нет оснований сомневаться в широком, лишенном национальной ограниченности, гуманистическом подходе Волоса к человеку. Но и больших художественных открытий в его прозе нет.

Немало в прозе сезона и эмигрантских историй.

Марина Вишневецкая в повести «Есть ли кофе после смерти?» («Знамя», №10) изображает жизнь пожилой супружеской четы, в преклонных летах выехавшей из Москвы в Голландию. Между героями стоит вся их непростая судьба, споры и раздоры, и в то же время они связаны друг с другом неразрывной нитью. Вишневецкая — мастер детально изображать бытовой и психологический обиход, богатый нюансами и переходами. В то же время этот тщательно выписанный обиход нередко оказывается у нее самодостаточным. Не совсем понятно и то, зачем автору нужно было отправлять героев в Голландию.

Прозаик из США **Юрий Солнцев** в повести «Куда падают листья» («Звезда», №10; первая публикация автора в России) от первого лица рассказывает о герое-эмигранте, который едет в Петербург, чтобы получить там некое наследство, а параллельно ведет разговоры со своей американской подругой Марой или вспоминает о ней. В Питере какие-то проходимцы наследство у героя отбирают, но любовь к Маре остается с ним до конца. Ему есть куда вернуться с негостеприимной родины. Повествование у Солнцева многословно и рассредоточено, и следить за ним почти невозможно. Да и не очень хочется.

В романе **Бахыта Кенжеева** «Золото гоблинов» («Октябрь», №11—12; заключительная часть трилогии, в которую входят «Иван Безуглов» и «Портрет художника в юности») молодой канадец русского происхождения вспоминает о днях общения с покойным литератором-эзотериком А.Т., фиксируя их «умные» разговоры — как правило, пространные и (увы!) банальные умствования на разные темы. Попутно возникают и прочие перипетии, в частности — на почве новой коммерции в России. Герои участвуют в финансовой афере, и некоторые из них платят за это по полному счету.

Надежда Венедиктова в рассказе «Цезарь и Венедиктова» («Знамя», №12) изобразила художницу, которая обнаруживает, что ее муж ей неверен. Тогда она оставляет Россию и поселяется в Греции, где занимается керамикой. В повествовании присутствует художническая зоркость взгляда, по сюжету она при-

надлежит героине. Рассказ украшен большим введением, в котором автор довольно остроумно рассуждает о том, кто получал от жизни большие наслаждения — «Цезарь или я?». Никакой особенной связи между двумя частями рассказа нет.

Журнал «Нева» (№12) вышел под шапкой «Петербург эмигрантский». В прозе этого номера представлены сочинения выходцев из Ленинграда-Петербурга, осевших за границей. Генрих Габай в рассказе «Мы, американцы...» от первого лица описывает будни переводчика в фирме, которая вознамерилась вести дела с Россией. Давид Шраер-Петров в рассказе «Старый писатель Форман» изобразил эмигранта-литератора, мастера криминального жанра, преуспевшего, было, в Америке, а потом потерявшего славу и деньги. С ним, однако, остается его верная подруга с Ямайки, а в finale выясняется, что и творческие силы у него еще велики. Яков Липкович в «невыдуманных рассказах» представил советского мальчика 30-х годов, упорно выяснявшего у родителей, насколько хороши красные и плохи белые; секретаршу армейского военного трибунала, которая потеряла невинность, пожертвовав ею из сострадания «мальчикам-разведчикам», приговоренным к смерти. Елена Клепикова в рассказе «Невыносимый Набоков» поведала о ленинградском литераторе Карагыгине, который был ранен набоковской прозой, о разных его мечтаниях и фантазиях, всевозможных мелких перипетиях. В рассказе Дмитрия Крылова «Русская жена» некая Зина, вышедшая по объявлению в службе знакомств за американца, скучает в Америке, недовольна своим бандальным мужем и жизнью вообще; но даже отиться постороннему мужчине ей не удается: он оказался глухонемым и не понял ее. Владимир Кристол («Шалом, Израиль!») делится бытовыми впечатлениями от жизни в Израиле; есть там и свежие подробности.

Историческая проза сезона — это, как отмечалось, прежде всего роман Давыдова. Но и кроме него есть любопытные произведения. Охарактеризуем их в хронологической последовательности описанных в прозе событий.

У Сергея Цветкова в рассказе «Аполлон разоблаченный» («Новый мир», №11) базельский профессор Миллер накануне первой мировой войны полемизирует с нищешаунцем-неоязычником Сен-Лораном. Весьма подробно в рассказе освещен генезис образа Аполлона в древнегреческой мифологии. У автора чувствуется владение материалами энциклопедии «Мифы народов мира».

Светлана Василенко в «романе-житии» «Дурочка» («Новый мир», №11) скрещивает две эпохи: начало 30-х годов и момент карибского кризиса. Первая из них раскрыта подробнее. Девочка-сирота, отмеченная Богом, претерпевает здесь разнообразные испытания в голодных (в те годы) астраханских местах. По логике жанра, у Василенко дьявол с Богом борются. Автор жестко противопоставляет праведницу тетку Харыту фанатичной коммунистке-злодейке, директрисе детского дома Тракторине Петровне. Дьявол, кажется, уже берет верх, но в последний момент девочка чудесно спасается (правда, другие вокруг нее гибнут несчетно), а вскоре и сама начинает чудотворить. Проза по крайней мере интересная; это редкий опыт неигрового художественного врашивания житийной поэтики в жизненный материал XX века с явным отталкиванием от двусмысленных экспериментов Г.Петрова, квазиевангельских манипуляций А.Слаповского и пр.

Роман Леонида Бородина «Трики, или Хроника злобы дней» («Москва», № 11, 12) в большей своей части ретроспективен — рассматриваются судьбы трех друзей, прибывших в Москву из провинции: один идет служить в КГБ, другой становится учителем и диссидентом, третий, удачно женившись по любви на дочери крупного советского литератора, служит редактором в техническом изда-тельстве и попутно пишет стихи патриотического направления. Диссидентство учителя тоже не западнического толка (здесь Бородин, вероятно, описывает отчасти и личный опыт) — он активный участник подпольного славянофильского журнала, за что в конце концов и попадает за решетку. В finale романа все трое оказываются у Белого дома в момент октябрьских событий 93-го года (для защиты интересов русского народа), но по счастливой случайности целыми и невреди-мыми возвращаются домой. В идее «Триков» ощущается довольно заметный националистический дух, а многократные обвинения по адресу евреев в устах героев, никак не опровергаемые авторским голосом, заставляют подозревать и скрытую антисемитскую направленность романа.

Евгений Некрасов в повести «Коржик, или Интимная жизнь без начальства» («Дружба народов», № 11) рассказывает об армейских буднях врача из подмос-ковной военчасти около 1980 года. Описание идиотизма армейской службы включает в себя и подробную, смачную хронику армейских беззаконных амуро. А меж тем из Афганистана приходят в часть первые свинцовы гробы. Юморис-тическое повествование в какой-то момент перетекает в историю драматического свойства. По тональности и даже по некоторым мотивам эта вещь больше всего похожа на фильм П. Тодоровского «Анкор, еще анкор!», с прививкой модного цинизма.

Действие небольшой повести **«Эпоха осени»** (скорее, рассказа) **Юрия Петрова** («Наш современник», № 11—12) относится к весне и лету 86-го года, место действия Киев, обстоятельства — чернобыльский взрыв. Но взрыв происходит где-то за рамками текста, где живут и в меру сил веселятся крепкие и здоровые мужички. Во рту, правда, ощущается странный металлический привкус — но с этим уже все равно ничего не поделаешь...

«Театральная повесть» актера, композитора и исполнителя собственных песен **Владимира Качана «Роковая Маруся»** («Октябрь», № 11) — история о любви и о театре. Это еще один творческий выброс даровитого артиста, теперь в литературу. Увлекательная беллетристика без лишних умствований, но с трезвым взглядом на около театральную среду и с сочувствием к героям.

Как обычно, среди исторических повествований есть и **непридуманная проза**. Назовем самые интересные такие произведения.

Надежда Полякова в повести «Скажи мне, кто я?» («Нева», № 9) обращает свой заглавный вопрос к отцу, главному герою повести. На фоне трудных провинциальных будней 20—30-х гг. разворачивается история семейства, причем Полякова постоянно соотносит свой детский взгляд на вещи с нынешним пониманием ее жизни. Автор пристально всматривается в прошлое, пытаясь разобраться в ходе событий. И оказывается, что многое в минувшем уже не воссоздать, по-настоящему не понять и родителей, потому что они таились не только от чужих, но и от ребенка.

Мирра Лилина в воспоминаниях «По эту сторону колючей проволоки» («Звезда», №11) рассказывает о жизни в Питере в конце 30-х годов, о судьбе своего брата Анатолия Горелова и о борьбе за его освобождение, о подруге-сексотке и прочей мрачной экзотике советского образа жизни в пору больших репрессий. Автор довольно скептически оценивает состояние души у своего поколения интеллигентов («молчала наша совесть»).

Николай Воронцов в мемуарах «Забыть не в силах ничего» («Знамя», №11) вспоминает о московском детстве «на Мархлевской» второй половины 30-х гг.; в записках немало интересных подробностей (преследование отца органами, артистическая карьера на Союздетфильме и др.).

Кинорежиссер Леонид Менакер в главах из книги воспоминаний «Волшебный фонарь» («Звезда», №12) рассказал о своей бурной молодости, когда он вовсю хулиганил, сидел в детской трудовой колонии, где в конце концов взялся за ум и решил исправиться. Воспоминания хороши изобилием непричесанных подробностей о послевоенных временах.

Борис Иванов в «главах из книги» «По ту сторону официальности» («Звезда», №11) вспоминает 60-е годы, когда он, либерал-шестидесятник, боролся с мракобесами и страдал от «системы». Интересны перипетии борьбы Иванова за сохранение членства в КПСС, которую он подрывал изнутри; сам автор видит в этой ситуации нечто кафкианское.

«Нева» (№10) публикует повествование покончившего с собой в 1988 году **Михаила Бобовича** «К северу от Вуоксы». Это история о студенте 50-х годов, его мироощущении в связи с его выездами «на картошку» и на стройки. По сути — разновидность лирико-исповедальной мемуарной прозы. Повествование складывается из фрагментов, наблюдений, беглых суждений и окрашено поздним авторским скепсисом. В нем много фиксации и детализации (и детали подчас умны и интересны), но не хватает, пожалуй, для полноты впечатления глубины или хотя бы яркости личного опыта.

Андрей Неклюдов в рассказе «Как я был Рычанчиком» («Нева», №9) описал, как его герой в советские еще времена под чужим именем дворничал на Дворцовой площади и жил в Главном штабе (примерно там, где Каннегисер убил Урицкого). Отсюда и специфика забавных недоразумений.

Продолжается публикация «очерков изгнания» **Александра Солженицына** «Угодило зернышко промеж двух жерновов» («Новый мир», №11; начало в №9). Автор осмысливает свой западный опыт, вникает в хронологически упорядоченные подробности своей жизни вне России.

Николай Климонтович в записках из цикла «Подстрочник», «И пытается щадить» («Октябрь», №12) вспоминает об Анатолии Якобсоне, литераторе-правозащитнике, учеником которого он был. Возникает объемный портрет незаурядного человека со всеми его достоинствами и недостатками.

Еще один традиционный разряд современной прозы — *фантазии, фантасмагории, разнообразные выдумки*, иногда как-то связанные с реальной действительностью, а иногда предельно от нее далекие.

Анатолий Ким в «повести невидимок» «Стена» («Новый мир», №10) создает поток сознания, в котором сплетаются два голоса — Анны и Валентина. Оказы-

вается, это две души-«невидимки», слившиеся после ухода из этого мира названных лиц в андрогинное целое. Они вспоминают о былом, и из этих рваных и дробных припоминаний постепенно возникает сюжет о драматических любовных перипетиях, а также, в частности, и об участии героини в защите Белого дома в августе (в одной рецензии на повесть Кима август преобразился в октябрь, а это, согласитесь, далеко не одно и то же...). Любопытный, хотя и, кажется, слишком затянутый опыт в прозе.

Игорь Кузнецов в рассказе «Осирис — Владыка Прекрасного Запада» («Дружба народов», №9) описывает жизнь одинокого московского старика, приобщившегося к миру египетских богов. Это история о человеческой странности с неопределенными-мистическими деталями.

«Города» **Валерия Стукаса** («Октябрь», №10) — свободные фантазии о Бухаресте—Констанце и Антверпене, где сливаются мифы и культурные темы прошлого с реалиями текущей жизни и разнообразными рефлексиями.

Павел Крусанов дебютирует рассказом «Сим победиши» («Октябрь», №12). Это довольно стильная фантастическая история о провидице и чудеснице Ключке, которая «четвертowała Империю на три неравные половины», восстав на Отца Империи, правившего страной даже после смерти.

Наконец, некоторые авторы традиционно работают в *свободном жанре*, сплавляя исповедь и хронику, фантазии и реальность.

Нина Горланова в «рассказах о чудесах» («Новый мир», №12) изображает жизнь наполовину придуманную — наполовину взятую из газеты. Законы и нравы здесь типичные, а необычны невероятные совпадения, странные герои. В одном из рассказов автор поведала и о себе: как дает она обеты, как трудно их потом исполнять (а надо!), как учится смирению. Неизменное многолетнее простодушие Горлановой подкупает и веселит. В рассказе «Лав стори» («Звезда», №11) она же повествует о том, как деревенский паренек приехал учиться в Пермь и здесь попал однажды в кампанию, где все по очереди забавлялись с одной девицей. А он в эту Наташу влюбился. Горланова живописно изображает перипетии романа, благотворно повлиявшего, кстати, и на нравственность девушки. Попутно автор небрежно играет точками зрения: о Мите рассказано то в третьем лице, то в первом. А в соавторстве с **Вячеславом Букуром** Горланова публикует в «Знамени» (№11) рассказ «Девятирка». Описана живописная дама, свободная от многих условностей и умершая от рака по женской части, оперировать которую она отказалась («Я этим местом еще поживу!»).

Нинель Логинова в очерке «Голубиное слово» («Октябрь», №10) запечатлела эпизоды, беседы и сценки, связанные со своим маленьким внуком Темой. Этот Тёма удивительно пытливый и нежный мальчик. Высказывания и соображения его замечательны.

Герой рассказа **Евгения Носова** «Жаних» («Москва», № 12) — деревенский щенок. Его мир написан яркими, солнечными красками. Идущий фоном мир людей дан как бы в полутонах. Взаимодействие этих разных миров дает особый эффект. Мастерская проза.

«Сумма одиночества» **Юрия Буйды** («Октябрь», №11) — собрание разных историй, иногда отчетливо беллетристических, иногда философического свойст-

ва, иногда — напоминающих культурно-исторические исследования (например, об «образе священного предателя» в европейской культуре или о Магеллане).

Марк Харитонов во фрагментах из книги «Времена жизни» («Дружба народов», №10) делится плодами различных вдохновений. Хорош, например, фрагмент в манере Розанова: «Сидя на стульчаке, вспомнил о Боге и обратился к Нему. И смущился (...) И увидел себя с Его высоты: Дитя человеческое, извергающее кал...».

2. Литературная критика

В критике сезона не так уж много интересных обобщающих работ. Такое впечатление, что за всех, в основном, трудился **Владимир Новиков**. В своих полемических заметках «Невозможность истории?» («Дружба народов», №11) он отмечает, что писатели занимаются мифотворчеством, и оценивает сей факт. Ему хочется устраниться от постмодернистской иронической игры и, с позитивистским занудством различая слова и предметы, фантазии и факты, защищать прописные истины (типа той, что нехорошо поступил Фадеев, оклеветавший Вырикову и Лядскую в «Молодой гвардии»). Критик намечает модели исторического писательства. Иссякает традиция, основанная на тщательном изучении материала, владении языком и культурой *давних эпох* (Давыдов, Ефимов). Названы и бегло охарактеризованы также военная, лагерная проза, проза «показаний» (Алексиевич), новый взгляд на период позднего сталинизма (Азольский, показавший, что «секс в СССР был»), художественное обобщение советского периода (где абстрактная публицистическая мысль доминирует над живой фактурой (Залыгин, Кураев), художественное сравнение века нынешнего и века минувшего, историзация собственной писательской биографии (Гандлевский, Сергеев, основанные на неадекватном представлении авторов о собственном значении), писатель в роли ученого-историка (Радзинский, проваливший важную тему о Сталине), историческая фантазия (это мейн-стрим современного исторического дискурса, внедряющийся в дешевый масскульт). Все эти тенденции, по критику, сходят на нет, что обусловлено уходом поколений с богатым историческим опытом — или исчерпанностью метода мышления и системы приемов. Но вот Антон Уткин в «Хороводе» дерзко отошел от всех канонов, чем Новиков весьма обнадежен.

В другой своей статье — «Бедный эрос. Неподъемная тема современной словесности» («Новый мир», №11) — Новиков анализирует *место эротики* в литературе 90-х годов. Зимний давно уж взят, и в последние годы возникли отчетливые «контрреволюционные» тенденции. Поэты чрезмерно бесстрастны, пишут только о себе. Фон поэзии уныло-целомудрен. На рынок же прозы хлынул поток утилитарно-эротической литературы и литературной порнографии. Критик объясняет, каковы сущностные черты последней (сексуальные сцены самоценны и однозначны и пр.). Далее он рассуждает о последней прозе Кабакова, Аксенова и Маканина, в которой присутствуют сексуальные мотивы, а напоследок дает совет писать о Читателе, Читательнице и о том, что происходит между ними.

Мария Ремизова обозревает результаты Букеровского марафона («Независимая газета», 15 декабря 1998). Характеризуются шесть финалистов конкурса на лучший роман-1997, отобранных взыскательным жюри под председательством А.Зорина. Самое интересное в романе Ирины Полянской «Прохождение тени» — бытописание семейной легенды. Но выход за эти пределы переводит повествование в плоскость велеречивой банальности. «Анкета» Алексея Слаповского — нечто вроде экзерсисов в диалектике, ведущих к абсолютному релятивизму. Утверждая, что «ложь есть основная форма существования материи», Слаповский «самозабвенно и бессовестно лжет». Огромный роман Михаила Пророкова «БГА» внушиает скорее ужас, чем уважение. Трудно представить себе человека, который по добной воле дочитал его хотя бы до конца первой главы. Это классический пример графомании. Очевидно, «филологическое в своей сути жюри» купилось на знакомые реалии и слова: диссертация, заседание кафедры... «Не много ли для одной?» Александры Чистяковой — классический образец наивного, художественно неосмысленного письма; Чистякова рассказывает «всю свою жизнь». Включение этого текста в шестерку свидетельствует о серьезном размывании нормы в области этики и явном дефекте чувства такта у представителей литературной элиты. «Дом дней» Виктора Сосноры — вещь предельно субъективная, в основу образа положен волонтаристский принцип свободных и глубоко личных ассоциаций. Текст герметичен и никому, кроме автора, не адресован. Если признать «Дом дней» романом, нужно признать все характеристики жанра устаревшими и не имеющими смысла. «Чужие письма» Александра Морозова написаны 30 лет назад. Это опыт погружения в сознание, абсолютно чужеродное авторскому с полным отказом от попыток привнесения в текст авторского «я». Герой — мелкий эгоист, погруженный в мир сиюминутных бытовых мелочей. Морозов и получил премию Букера: «Сделать другой выбор при такой шестерке действительно было невозможно. Но надо ли было выбирать такую шестерку?»

Критики «Знамени» (№12) высказываются о массовой литературе, ее читателях и авторах.

Олег Дарк в статье «Принесенные в жертву» похваливает исторические романы Константина Белова, пишущего о царях и революционерах. Выведен там и Ленин — «обыкновенный, страдающий, иногда жалкий, всегда сомневающийся, часто разочарованный»; это новое слово в нашей «лениниане». Читателю, считает критик, импонируют авторская позиция неведения в романе, изображение знаменитых героев обычными и «несчастными, как мы».

Ольга Славникова в статье «Супергерой нашего времени» анализирует современный русский триллер. Критик подробно разбирает технологию творчества в этом жанре, дает много примеров.

Татьяна Сотникова в статье «Функция караоке» рассуждает о русском любовном романе. Автор и сама практиковала в этом жанре, так что теперь она делится опытом как видный профи. Впрочем, Сотникова утверждает при этом, что русская повествовательная традиция противится созданию «любовного суррогата».

О поэзии поколения 90-х размышляет в статье «От полныны Полины к снам Пелагеи Иванны» Людмила Вязмитинова («Знамя», №11). Автора вдохновляет появившаяся надежда на выход из кризиса. Высшие поэтические удачи есть

отражение попадания человека в состояние *бытия*. Тогда как *существование* есть просто жизнь сознания в привычных представлениях, культурных штампах и традициях. Предшествовавшее поколение (концептуалисты) было занято изучением *существования*, авторы поколения 90-х «занимаются по преимуществу выделением структуры личного сознания из общекультурного пространства». В дальнейшем изложении автор предлагает еще ряд столь же замысловато выглядящих определений, называет и поэтов, представляющих искомое «поколение». Это Дмитрий Воденников, Всеволод Зельченко, Данила Давыдов, Андрей Цуканов и др. Критик выделяет «пути взаимодействия поэтического слова и поэтического сознания»: «так называемые болевой, тревожно-критический, бесстрастно-игровой и стихически-сдержаненный». Заметим, что поэты-то, быть может, и хороши, но способ выражения мыслей (так сказать, взаимодействия критического слова и критического сознания) у автора статьи поистине варварский, а потому понять ее трудновато.

Перейдем к критическим работам об отдельных авторах и книгах. Сначала — о прозаиках.

80-летие Александра Солженицына отмечено рядом статей о нем. Сергей Аверинцев («Мы и забыли, что такие люди бывают» — «Общая газета», №49, 1998) указывает на психологический склад писателя — склад воина, «кшатрия». И чисто литературно он сильнее всего, когда изображает действия и события сугубо динамические, непредсказуемый исход которых решается от секунды к секунде. Там же Игорь Виноградов («Парадокс великого затворника») замечает, что при всей как будто открытости в своем пафосе, убеждениях и ценностях Солженицын один из самых закрытых для нас художников. В его прозе мы слишком мало встречаем глубинно-психологическую, интимно-лирическую фактуру его личности. Он принял на себя задачу быть Мечом в руке Божией, заговоренным рубить мировое Зло, и позволяет общаться с собой лишь в пределах, которые считает важными для пользы дела — великого дела борьбы со Злом. Неудивительно, что почти нет людей, которые числили бы Солженицына в своих любимых писателях. Он пожертвовал самым сокровенным и важным для него как для художника, чтобы выкрикнуть свой самый главный крик.

Мария Ремизова в «Независимой газете» из месяца в месяц предлагает рецензионный взгляд на прозу сезона.

В статье «Контракт шифровальщика» (20 октября 1998) она оценивает роман Владимира Шарова «Старая девочка». Шаров, считает критик, норовит загнать художественную реальность в рамки шарады, предлагая читателю развлечься разгадкой символов и аллегорий. При этом используется механизм, подобный акту симпатической магии. Любые сходства выдаются за тождество, и фальсифицированная таким образом действительность обретает черты требующего расшифровки послания посвященным, наполненного якобы глубоким смыслом. Предложив рабочий вариант разгадки шаровского романа (с кем Вера, т.е. главная героиня, с тем истина), Ремизова отказывается ломать себе голову над головоломками.

В статье «Дух эллинизма веет, где хочет» (КО «Ex libris НГ», 22 октября 1998) характеризуется вышедший книжным изданием роман Евгения Федорова «Бунт». Проза Федорова — лагерная, но не документальная, а чисто художественная. Он отталкивается от стереотипа, и здесь отчасти кроется источник раздражающей

словесно-культурной избыточности, виртуозного владения языком и культурными кодами. «Бунт» унаследовал родовые черты мениппеи и сопоставим с «Бобком» Достоевского. Роман пропитан духом эллинизма, духом свободной, раскованной красоты, где этика идет от эстетики, где красоте не надо спасать мир, поскольку он уже заранее ею спасен. Автору нечего противопоставить мерзости бытия, кроме личного взгляда на вещи. Тюрьма становится чем-то вроде университета, точнее, античной Академии, где в бесконечных беседах и спорах мечутся по камерам взыскивающие истины перипатетики поневоле. Их голоса вливаются в мощный хор мыслителей прошлого. Сознание приспособливается к лагерным жестокостям, привыкая воспринимать их как просто обстоятельства жизни. И в одном из планов роман — энциклопедия «Жизнь за колючей проволокой». Но дух свободен от этой «материи». «Бунт» — это попытка эстетического ниспровержения материализма.

О повести Афанасия Мамедова «На круги Хазра» размышляет Ремизова в статье «Город, сошедший с ума» («Независимая газета», 25 ноября 1998). В повествовании о событиях 1988 года в Сумгаите критик ценит способность автора видеть жизнь в ее многообразии, не за и против. Мамедов противопоставляет традиционные национальные ценности и безродное, но «что греха таить — во многом милое разгильдяйство». Второе ему явно дороже как выражение свободы.

Статья Олега Павлова «Господин Азиат» («Москва», № 1) посвящена проблемам «национальных» писателей, работающих в сфере русского языка. Наибольшее внимание автор уделяет Афанасию Мамедову в связи с его романом «На круги Хазра», который, несмотря на то, что находит в нем «потрясающие прозаические фрагменты», в целом оценивает невысоко. Главный упрек Мамедову — он «взялся сотворить экзотический миф о человеке Империи — сотворить «господина Азиата в европейском костюме», — но чутьем своим художника не услышал, что с романтизмом имперским давно-то приходит на поле русской прозы... опостылевший романтический пошляк». Павлов считает, что Мамедов вместо того, чтобы по-настоящему описать армянские погромы и сумгaitскую резню (эта тема проходит в романе), дал портрет инфантильного богемствующего героя.

В статье «Любить по-русски» («Независимая газета», 3 ноября 1998) Ремизова рассуждает об «особенностях национально-патриотической мелодрамы», анализируя повесть Владимира Крупина «Люби меня, как я тебя». Если бы не нарочитый религиозный антураж, повесть Крупина была бы обыкновенной слезливой дамской беделкой. Представитель современного идеально-дидактического крыла, стремясь крепче утвердить постулируемый идеал, строго следит, чтобы амур стрелял не куда попало, а лишь в направлении идеально стойкого контингента. Под русскую национальную мелодраму мимикрирует политico-религиозная проповедь. Чувства нет, есть момент узнавания единоверца. Нет у автора с героями и духовных исканий. Ответы предложены раньше вопросов. Но идея без мучительных и противоречивых метаний мысли превращается в мертвую догму.

Павел Фокин в статье «И с отвращением читая жизнь мою...» («Знамя», № 10) оценивает мемуарно-автобиографическую повесть Виктора Астафьева «Веселый солдат». «Странная это все-таки исповедь. Покаяние переплетается с проклятием,

плач — с иронией, благочестие — со сквернословием, молитва — с публицистикой. Какая-то растерянность чувствуется во всем строе (или развале?) книги. Покаяние — без надежды на прощение. Проклятие — без гнева. Плач — без слез. Ирония — без отрицания. Такое впечатление, что, остро нуждаясь в исповедальном слове, Астафьев не знает, в каком словаре его отыскать».

Ольга Славникова в статье «Старый русский» («Новый мир», №12) пишет о поздней прозе Сергея Залыгина. Эта проза исполнена натуральной, мускульной силы. Но живой авторский голос мечется, отскакивает от стен наподобие эха и порою тонет в собственном гуле или публицистических высказываниях. Критик пытается объяснить сей феномен воцарившимся безвременем. Статья сопровождена прибавлением от отдела критики: «...именно в позднем творчестве Залыгин полней всего сформулировал свое кредо художника».

Андрей Немзер в статье «Когда? Где? Кто?» («Новый мир», №10) предлагает «опыт краткого путеводителя» по роману Владимира Маканина «Андерграунд...». Критик считает это произведение итоговым для писателя. Установка на торжественную окончательность высказывания приходит в противоречие с постоянным смысловым мерцанием, и эта внутренняя поляризованность авторского сознания приводит Маканина к жанровому выбору. Дальше Немзер сообщает много наблюдений над временем и пространством в романе. В примечание, как малозначащий момент, отнесено критиком истолкование того, что герой у Маканина убивает и не каётся. По Немзеру, во-первых, каяться и не перед кем, во-вторых, убийства «бросили» героя в психушку, а в-третьих, герой, рассказавший это все про себя, кажется, согнал, заплатив один за всех. Этот голос вобрал в себя голоса, судьбы, надежды, пороки и преступления всей нашей российской общаги.

Еще раз к роману Владимира Маканина «Андерграунд» возвращается в статье «Подземные жители» Татьяна Морозова («Москва», № 12). Автор находит, что роман «вторичен» не только по отношению к предшествующей литературе, но и по отношению к собственно маканинскому творчеству. Основной упрек герою — «свободы хватает... только на себя, а другие все получают оценку по поведению», а также в том, что «весь пафос речи сводится к банальнейшей подмене религии литературой с приоритетом последней».

В неозаглавленной рецензии на книгу Виктора Пелевина «Желтая стрела» («Волга», № 1) **Александр Курский** основное внимание сосредоточивает на романе «Чапаев и Пустота» (в книге не опубликованном) и дает довольно интересный анализ «вторичного мифостроительства» (выросшего на почве советского фольклора). Культурный герой эпоса и его вечный спутник-трикстер переосмысливаются в плоскости анекдота в трикстера (Василий Иванович) и трикстера-трикстера (Петяка), а у Пелевина выступают уже как совмещение демиурга и трикстера (Чапаев) и трикстера и культурного героя (Петр Пустота). «Пелевин виртуозно обогащает мирообраз хаоса философией многоговорящей пустоты и задает вопрос, а как же все-таки в этой благостной пустоте... жить-становиться? Действительно, как?»

Сергей Митрофанов с давно забытым в современной критике энтузиазмом пишет о приключенческом романе «некоего никому не известного» Юрия Козлова «Колодец пророков» (1998) («Триллер про антихриста»): «КО «Ex libris НГ», 22

октября 1998), определяя его жанр как философско-религиозный триллер и возводя его родословную к булгаковскому «Мастеру и Маргарите». Критик утверждает, что русская литература ныне онемела, не совпав с эпохой, а вот Козлов пытается ответить на настоящие «проклятые» вопросы, которые ставят конец тысячелетия, кризис мировых идеологий и «поражение демократического образа мысли». Козлов «вполне мог бы стать Маркесом или Кастанедой современного русского интеллектуала», если бы интеллектуал имел к подобным темам интерес. По Митрофанову, роман Козлова — «лучшее, что создано на тему второго пришествия. Кстати, неизвестно кого — Христа или Антихриста». Не объясняя, как понимать «второе пришествие Антихриста», критик далее указывает на тщательно сконструированную многослойность смыслов, на интеграцию в романе нескольких наложенных друг на друга текстов (обычный триллер; политический роман, драма, загадка и мистика России, ее распада, театр спецслужб; космическая драма новых пришествий; что-то там есть и из языческих реинкарнаций).

Поводом к размышлению Капитолины Кокшиевой о литературе «мертвых духовных ценностей» в статье «Принуждение к смерти» («Москва», № 12) стал цикл рассказов Владимира Тучкова «Смерть приходит по интернету». Автор видит здесь строительство современного, где «нет образа меняющейся жизни мифа, но есть образ изменчивой и коварной смерти». Автор называет это «культурой Тупика», где события «отгуждены» как от реального переживания, так и от нравственного догмата.

Появилось и несколько интересных статей о поэтах, о новых поэтических книжках.

Татьяна Бек в статье «Все дело в ракурсе» («Дружба народов», №8) анализирует стихи Александра Кушнера, признаваясь, что зачитывалась ими в школьно-студенческие годы. В его первых же стихах завил о себе «сам великий акмеизм»: любовь к крошечным вещицам, предметам, деталям... У него установка на принципиальное счастье как на психологическую доминанту поэзии. Бек подмечает, что в последние годы Кушнер «нет-нет, а дает ангажированного петуха», что по воле самого поэта резко суживается его читательская аудитория.

Марк Липовецкий в статье «Вольный пересказ истопки немоты...» («Дружба народов», №8) пишет о поэте Виталии Кальпиди: «Если Жданов сохраняет в современной словесности позицию символистического авгура — условно говоря, Андрея Белого, Кибиров — в таком случае — занимает место, аналогичное тому, что занимал Саша Черный с его мудрым прозаизмом и трагической сентиментальностью. Кальпиди же, по-видимому, выпала карта, схожая с поэтической миссией Владислава Ходасевича: выверять метафизические интуиции логикой и прозой».

Валентин Курбатов в статье «Вопрошающая осень» («Дружба народов», №9) в испытанной задушевно-лирической манере неспешно и не без велеречия размышляет о творчестве Олега Чухонцева и Игоря Шкляревского в контексте своих излюбленных идей о содержании литературной эпохи. «...Держались вот эти поздние «шестидесятники» (...) вовсе не соблазнами свободы самими по себе. А тем, что эти соблазны падали на еще живую народную почву (...) А дальше все стало темнеть так скоро...» Началась эпоха иронии, пустых слов, разливанного

кухонного красноречия, «обманчивой глубины игры в национальное сознание». Чухонцев ухватился в осыпи слов за Евангельский свет. В Шкляревском же Курбатов дорожит остротой проживания стихотворения.

Илья Панин в статье «На перекрестке параллелей» («Знамя», №12) пишет о книге Льва Лосева «Послесловие». Поэт смотрит в глаза метафизике Бродского — и эта бездна начинает смотреть на него.

Глеб Шульпяков в статье «Греми, Москва! Цыплячий дождик...» (КО «Ex libris НГ», 29 октября 1998) пишет о книге Евгения Рейна «Балкон». Заглавный образ соотносится у поэта с рынком подержанных вещей, а также со Стиксом и морским разливом по пути на Сан Микеле. Отличительная особенность книги — видимая небрежность письма, которая позволяет проговаривать очень важные вещи. Рейн не борется с тотальной энтропией мира, он отворяет шлюзы, наливая строфы Летой под завязку, чтобы открытые вены не бросались в глаза. Рейн — мастер безболезненных кровопусканий.

Илья Кукулин размышляет о поэзии Виктора Сосноры в статье «Маскарад, поединки и одиночество» (КО «Ex libris НГ», 3 декабря 1998). С точки зрения критика, Соснора воспроизводит традицию «проклятого поэта» — «изгоя, странника, отщепенца, человека, готового бросить вызов людям и Богу и в этом богооборчестве и скандале более близкого к Нему, чем иные, кто лишь формально исполняет обряды». Далее Кукулин рассуждает о смене масок у Сосноры и о связи его творчества с традицией Цветаевой.

Другая статья Ильи Кукулина посвящена выходу избранного **Вениамина Блаженного** (КО «Ex libris НГ», 42, октябрь 1998). Поэт создает образ изгоя, нищеброда, собеседника зверей и птиц. Это образ просветленного бродяги в традициях Франциска, любавичского хасидизма, Сковороды и Рильке. Еще одно замечательное качество Блаженного — восторженная и целомудренная эротика. Персонаж стихотворений разговаривает с Богом почти на равных. Спорит с Ним, возмущается царящим круговоротом смертей и несправедливостей. Страдание умирающей в доме кошки — знак неблагополучия во всем мире.

Ирина Машинская в статье «В поисках лещика, или Невесомая добыча» («Звезда», №11) пишет о Наталье Горбаневской и ее книге «Кто о чем поет». В ее стихах нет позы Поэта. Она стоит на гребне горы, балансируя между романтизмом миро- и самоощущения — и подтруниванием, принижением лирического героя. Это шаг в сторону новой гармонии, новой простоты.

Татьяна Бек в статье «Сопротивление духовной материи» («Дружба народов», №11) анализирует стихи Ольги Постниковой. У нее характер — «страстный и твердый, скрытный и опасный, упорный и строптивый». Она любит контрасты, парадоксы, оксюмороны, трагически сплавляющие старину и новизну, красоту некрасоты. Ей важно обобщиться, перевести одинокость в одинаковость, то есть себя овсеобщить, самоотождествиться с придавленной и обделенной маргинальной средою. Бек следом за другими авторами находит у Постниковой соединение языческих и христианских начал (сама же Постникова, как выясняется, от язычества отрещивается).

В «Дружбе народов» состоялась довольно интересная, хотя, кажется, и не весьма продуктивная дискуссия о поэте Дмитрии Быкове. В №10 Алексей Дадуров

в статье «Рыцарь страха и упрека, или Принц на свинцовой горошине» очень высоко оценил поэзию Быкова и в весьма эффектных, даже провокативных выражениях воспел его — которого злонамеренно не замечают в разных тусовках, куда он не вписывается. «Для абсолютного большинства наших письменников сочинительство было и осталось карнавалом. Для Дмитрия Быкова оно — стриптиз. Освобождение естества, натуры от всяческих покровов и пут. Единственno для Быкова возможная ипостась свободы». Главной темой Быкова является — «хана всему и всем», к ней он шел всю жизнь. Провокация удалась. В №11 на эту статью публикуются пестрые отклики. Лев Аннинский, кажется, согласен, что Быков — поэт хороший, но не совсем такой, каким его видят Дидуров. Сергей Федякин полагает, что Дидуров скромного литератора Быкова слишком возвысил. Инна Кабыш считает, что Быков — поэт не социальный, а экзистенциальный. Он рыцарь страха смерти и упрека Богу. Николай Александров в тональности фельетона уличает Дидурова в самоуверенном лицемерии, вдохновленном вранье былой комсомольской закваски и прочих грехах, мало цения и Быкова. Александр Ревич в открытом письме А.Дидурову не видит в стихах Быкова большой оригинальности, этому поэту «присущ приоритет замысла и служебной темы», что не устраивает Ревича, ищущего в поэзии бескорыстия.

3. Культурология, философия

Общие проблемы бытия человека и природы в современных журналах трактуются прежде всего в связи с *перспективой выживания человечества* в третьем тысячелетии — либо выживания по минимуму, в единоборстве с природой, разрушаемой самим человеком, либо выживания по максимуму, в творческом порыве, достойном человека. Даже вопрос о такой сугубо неосязаемой и неуничтожимой материи, как время, Алексей Ансельм, физик и недавно еще директор Института ядерной физики в Гатчине, ставит в «Звезде» (1998, №8, «Что такое время?») как вопрос о взаимосвязи и односторонности времени и энтропии.

Полемика между оптимистами и пессимистами в вопросе о будущем человечества прошла в журнале «Вопросы философии». В.И. Данилов-Данильян (Возможна ли «коэволюция природы и общества»? — «Вопросы философии», 1998, №8) отмечает моду на понятие иоосферы и коэволюции, отмечает близость термина «коэволюция» понятию «sustainable development», которое предлагает переводить как «устойчивое развитие»; сами же понятия коэволюции и иоосферы сводят к избыточным псевдонимам давно известных «природы» и «эволюции», «прогресса». Н.Моисеев (Еще раз о проблеме коэволюции, «Вопросы философии», 1998, №8) полемизирует (мягко) с Даниловым-Данильяном: коэволюция есть реальность, следование людей принципам самоорганизации (эволюции) природы, т.е. гомеостазу с его устойчивым неравновесием (последний термин он и дает как аналог *sustainability*). Постешай медленно! Медленно, но поспешай!! А вот Т.Шанин (Идея прогресса, «Вопросы философии», 1998, №8) критикует идеологию прогрессизма, — современный постиндустриальный мир сложнее, чем казалось раньше, тут основой выживания становится стратегия не общегосударственная, а «неформальная или эксполярная семейная экономика».

Появились интересные статьи о базисных характеристиках человеческой природы.

М. Бутовская (Агрессия и примирение как проявление социальности у приматов и человека, ОНИС, 1998, №6) отмечает, что попытки этнологов найти народ, не ведающий агрессии, провалились. Даже в тех племенах, где гасят детские конфликты и члены племени вырастают миролюбивыми, есть агрессивность по отношению к членам другого племени. Более того, войны были бы невозможны без поддержки и любви внутри каждого отдельного воюющего лагеря. Этологи не заявляют, что войны неизбежны, но они утверждают, что «любовь (привязанность, дружба) несет в себе такой мощный заряд латентной агрессии, замаскированной узами партнерства, что разрыв этих связей приводит к ужасающему взрыву ненависти и агрессии». Агрессия и альтруизм развиваются скоординированно под действием одних факторов. В роли сдерживающего агрессию фактора выступает ритуал: например, из угрожающего оскала появляется смех, который уже не трансформируется обратно в агрессию (но лишь если смеются «свои», если смех — не насмешка). Агрессия у людей требует прежде всего отказа видеть в объекте агрессии подобного себе. Агрессия сдерживается и у человека, как у животных, в основном страхом за себя и собственную власть.

При этом определенные виды агрессивности (далеко не все, того заслуживающие) отмечаются как «девиантное поведение», которому посвящена статья **О. Осиповой «Девиантное поведение: благо или зло?»** (СОЦИС, 1998, №9). Автор ставит вопрос о положительном значении девиантного поведения. Девиации направлены на преодоление фрустрации, препятствий на пути достижения цели. Поэтому девиантное поведение не всегда разрушительно. Нововведения и реформы — созидательные девиации, способствующие развитию общества. Автор, не замечая того, повторяет «статью» Раскольникова на тему вседозволенности, утверждая, что всякое достижение сперва есть отклонение в развитии личности, совмещающее в себе положительное и разрушительное, причем в наше время люди чаще вынуждены рисковать. Девиант отличается от авантюриста опорой на профессионализм, рациональным поведением.

Александр Горбовский (Магия и власть, «Знамя», 1998, №10—11) коллекционерски перечисляет такие особенности культа тирана (что тоже, как ни напрягайся, девиантное поведение), наказание за оскорбление образа, табуирование имени вождя, вера в его непогрешимость и физическую силу (включая сексуальную), иерархизм пространства, где и помещается вождь.

Еще уже, но и еще интереснее для практики, ставит вопрос **И. Орлова в статье «Самоубийство — явление социальное»** (СОЦИС, 1998, №9). Автор отмечает связь самоубийств с культурой (низкий процент в Индии, Африке, Южной Америке, допустимость самоубийства в Японии, США, Англии, Австралии; процент самоубийств среди католиков выше, чем среди протестантов). В России процент самоубийств резко вырос с перестройкой, причем больше среди мужчин (соотношение было 3,9:1, стал 5,3:1) работоспособного возраста и больше в деревне. Число суицидов выросло с 33,9 на 10 000 населения в 1990-м до 53,0 в 1996 г. В основном это аномические суициды (из-за потери идейных ценностей).

Историческую проблематику некоторые авторы подымают капитальнейшим образом. Так, В. Визгин (*История и метаистория*, «Вопросы философии», 1998, №10) ищет ответ на вопрос о том, как возможно историческое исследование, если убеждения историка всегда влияют на это исследование. К числу таких убеждений («метаисторических установок») относятся рационализм или детерминизм. Рационализму противостоит герметизм (мистицизм). Автор симпатизирует герметизму и призывает уделять его особое внимание, чтобы «развить способность к перевоплощению в своих персонажей, представляющих порой самые чуждые ему [историку] по обстоятельствам его жизни традиции и менталитеты». Да здравствуют интуитивизм и мультикультурализм.

Л. Бородкин (*Квантитативная история в системе координат модернизма и постмодернизма*, «Новая и новейшая история», 1998, №5) обсуждает расслоение истории в 20 в. на «квантитативную», более внимательную к цифре, к социальному, а не к духу и личности, и на «постмодернистскую». Он связывает это с переходом от индустриального общества к информационному. Постмодернистская история более ценит фрагмент, а не целое. Автор воздерживается от самостоятельных суждений, больше пересказывает западные книжки и не рассматривает вопрос о том, не имеет ли дело история социологического типа тоже с фрагментами реальности — только более крупными, чем «постмодернизм».

И. Ефимов (*Исторические модели закрепления неравенства*, «Звезда», 1998, №11) описывает историю как противоборство нужд государства и амбиций индивида, осложненную вечным неравенством, иерархизмом людей. Уравнительный и состязательный принципы якобы определяют всю социальную жизнь.

К числу своеобразных исторических курьезов можно отнести **статью Сергея Житомирского** (*Платон и Атлантида*, «Новый мир», 1998, №10), в которой анализируется современное состояние атлантологии — есть и такая наука. Автор полагает, что Платон Атлантиду все-таки выдумал, сделав главным в идеальном государстве — профессионализм.

Отечественные авторы продолжают живо интересоваться *историей западной мысли*.

Т. Нестик (*Тема внутреннего слова у Августина: мышление и время*, «Вопросы философии», 1998, №10) анализирует способ, которым Августин решал проблему временности языка и мышления. Внутреннее слово есть эксплицитное самопознание, предшествующее действию, то настоящее, в котором человек выбирает между добром и злом, которое есть вечность, сразу становящаяся временем.

М. Мнацакянн (*Место протестантской этики в концепции капитализма М. Вебера* (СОЦИС, 1998, №7) излагает взгляды Вебера, практически не анализируя их.

Самой интересной в постановке *вопроса о специфике истории Запада* следует признать публикацию «Иностранный литературы» (1998, №12), которая напечатала одну главу из книги Харольда Блума «Западный канон», сопроводив ее предисловием Алексея Цветкова и послесловием Михаила Ямпольского. Блум (специалист по гностицизму) полемизирует с политкорректностью, мультикультурализмом, впрочем, и со «школой неприязни», постмодерном и деконструктивизмом Дерриди, Барта и пр., а заодно вообще с релятивизмом, с

антииерархизмом в восприятии творчества и культуры. Впрочем, Блум полемизирует и с Толстым, который свергая Шекспира за безнравственность, выступал вполне ханжой, меряя Шекспира столь же функционалистски жестко, как марксисты. Книга вышла в 1994 году и стала бестселлером (что редкость для такого жанра). Центральная глава называется «Шекспир как центр канона». Главная идея Блума сводится к тому, что канон есть не агрессивное отсечение иного как худшего, а прямо наоборот: создание системы, максимально открытой иному, обеспокоенной иным, посвященной иному. «Национальные» культуры, будь то тексты американских индейцев или российских деревенщиков — вот подлинно враждебные мультикультурности явления, желающие знать лишь себя. Сказать резче: только цивилизованный человек защищает каннибалов, а каннибал, дай ему волю, убьет и сожрет цивилизованного человека, и соседа-каннибала. «Канон — это не только итог соревнования, но и само непрекращающееся соревнование» (200). В центр «шекспировского канона» Блум ставит «Гамлета» и «Лира» (оговаривая, что сам предпочитает «Макбета»). Первый подлинно шекспировский герой — Фальстаф (прямой родственник Батской ткачики Чосера, а впрочем и Дон-Кихота), — по своей «детской приверженности игровому порядку вещей». В его жизни неясно, где начинается игра, где она кончается. Игровой порядок присутствует и в «Кентерберийских рассказах». Шекспир сменяет Данте в центре канона: Данте упирал на неизменность человеческой природы, Шекспир на психическую подвижность человека и к тому же «мотивирует [...] саморазвитие личности самонаблюдением» (с подсказки Чосера). Фальстаф размышляет не менее Гамлета. Современный человек и стал беспрестанно говорить с собой (напрашивается добавление: ибо в себе обнаружил иного, иначе о чем говорить). «С появлением Фальстафа литература учит нас разговаривать с собой». При этом сам Шекспир более любого другого автора в тени, ясно только, чего в нем не было — религиозности. Его драмы «не поддаются христианизации». Почему и популярны вне христианского ареала, до Японии включительно. Его свобода от доктринерства и «этики всеупрощенчества» раздражала Толстого. Зато Шекспир достигает того, о чем большинство христиан лишь мечтает: растворяет «свою самость в написанном» (201). (И если Шекспиром был кто-то другой, это утверждение лишь делается более верным). Его образ — образ типичного «среднего человека», из которого состоит ненавистная моралистам «масса»: «Добродушен, не чванлив, в делах, правда, довольно оборотист... В самом центре канона располагается наименее агрессивный, наименее самоуглубленный из всех великих писателей» (201). В силу неаггрессивности (вытекающей из страсти к иному) Шекспир неаггрессив и к себе: «не пожелал себя неволить и превозмогать свои пределы» (201). Поэтому все другие писатели западноевропейского канона ему уступают — настолько, насколько рвутся руководить прогрессом. Это относится и к античным авторам: «Герою греческой трагедии приходится противостоять высшей нравственной силе своей индивидуальностью и нравственным пафосом, который сливаются с противодействующим пафосом, являясь на деле его частью» (210). Рядом с Шекспиром остальные — диссиденты. Шекспир противостоит злу ксенофилии, любовью к иному и в себе. Блум называет Гамлета «величайшим из антимакиавелистов» (211), но Шекспир, конечно, в этом смысле более велик.

В силу неагрессивности Шекспир чужд идеологии — в отличие от Толстого, который бранил Лира за аморализм и ставил «Хижину ляди Тома» выше, в наказание сам окончив жизнь Лиром. Призыв «жить не по лжи» — одно, а жизнь по лжи — совсем другое, и вот она у Шекспира есть. Другое дело, прав ли Блум, называя драмы Шекспира «сознательно-дохристианскими» (202) — не являются ли они бессознательно-постхристианскими? Называть Шекспира природой, не означает ли унижать его до уровня родоначальника романтизма? «Шекспир всякий раз дает понять, что слова больше похожи на людей, чем на вещи» (206) — романтизм этому противоположен. Вместе с Шекспиром в центр канона Блум помещает, кстати, «Хаджи-Мурата». Подробно Блум анализирует «Лира»: Лир властен и страстен как Ягве, причем (что реже замечают) его и любят и почитают, как иудеи — Творца. Для Лира смерть — освобождение, но для оставшихся жить после него (и читателя) — нет. «Мы остаемся без каких бы то ни было ценностных ориентиров — в состоянии полной заброшенности» (209). Но кто вполне заброшен, тот имеет возможность стать вполне собой. Лиру противостоит первый и абсолютный нигилист Эдмонд, причем они не обмениваются ни единным словом — им нечем заинтересовать друг друга. Герои Шекспира стирают границу между порядками природы и игры. «Центральное положение, занимаемое Шекспиром в каноне, по крайней мере отчасти объясняется тем, что такое же место там занимает и Гамлет. Носитель интроспективного сознания, свободно созерцающего само себя, остается самым элитарным героем западного канона, но без него невозможен ни канон, ни ... мы сами» (212). Шекспир создал иронию амбивалентности чувств и мыслей, открыв психоанализ задолго до Фрейда. Данте универсалиен, но «лишь Сервантес и Шекспир — демократические авторы, творившие в величайшую из аристократических эпох, — достигли полной универсальности» (214); максимально к ним приблизился Толстой, одновременно и аристократический, и народный писатель. «Шекспир — одновременно никто и каждый, ничто и всё». Он одновременно чужд и близок. Ямпольский добавляет к этому замечание, что каноны разнятся у социальных групп, а Блум пишет о каноне «аристократии культуры». Высокий канон отличается дистанцированностью от практического, — правда, определения практического Ямпольский не дает, а ведь это, видимо, всего лишь вежливое обозначение все того же каннибализма, потребительства. Шекспир же сам никого не потребляет и не может быть потреблен. Отсюда и вырастает «интеллектуальная открытость западного канона», которую признает Ямпольский, скрепя сердце и не желая признать, что эта открытость не только интеллектуальная — Шекспир ведь все-таки поэт, не логик.

Уровень, на котором подобную проблематику решают старые отечественные «спецы», показывает В. Иноземцев (Современный постмодернизм: конец социального или вырождение социологии? «Вопросы философии», 1998, №9), критикующий постмодернизм за приверженность духу прогресса, при котором авторы считают самым важным свое время (странны, раньше считалось, что для прогрессиста будущее — самое важное время).

Эстетическому отражению процесса трансформации «западного канона» посвящен очерк Алексея Мокроусова о Фрэнсисе Бэконе (1909—1992) (После конца света. «Иностранная литература», 1998, №7). Бэкон — художник-одиночка,

самоучка, как бы поздний английский экспрессионист. Гениальный невротик. За две июльские недели 1953 г. написал восемь полотен с изображением папы Иннокентия X, вариации на тему Веласкеса на небеленом холсте (растекающиеся фигуры, особенно деформированы «глаза, уши, нос — то, что отвечает за связь человека с внешним миром... Лишь человека осязания, обоняния и зрения, Бэкон оставляет его наедине с собственными страхами и видениями, превращая в беззащитное и однокое животное, исходящее ужасом перед вселенной» (с. 239). Деконструкция человека. «Бэкон создал мир, внутри которого невозможно пробыть и минуты — но без него уже не получится жить. Невозможно более существовать без этого знания о комнате за закрытой дверью, где человеческое тело ценою собственного унижения и уничтожения пытается спасти человеческий дух» (с. 243).

В сфере *отечественной истории* вполне может быть признана сенсационной статья известного археолога В. Седова (*Русский каганат IX века*, «*Отечественная история*», 1998, №4), который дерзает реконструировать древнейшую историю русов на основании как археологических данных, так и немногих письменных источников. По его мнению, в 30-е годы IX в. хазары при помощи византийцев создают систему укреплений на северо-западе, где начинают наступать на них носители «волынцевской культуры». Поднепровья — славяне, откочевавшие из Среднего Поволжья под давлением болгар. Эта группа славян долгое время жила в Поволжье в изоляции от остального славянского мира, и именно их Баварский географ IX в. называет русами, а их государство арабы звали Русским каганатом. В ответ на помощь Византии хазарам эти русы ок. 840 г. совершили набег на византийскую Амастриду, а 18.06.860 осадили Константинополь. У хазар эти русы заимствовали термин «каган». Центром их, видимо, стал Киев. Отношения этого каганата с Русским княжеством, установленным Аскольдом и Диром, неясны.

М. Киселева (*Древнерусские книжники и власть*, «*Вопросы философии*», 1998, №7) считает, что в первой половине XIII в. было две идеологемы церковно-государственных отношений: южная, по которой православие вдохновляет жертвенный подвиг против иноверцев, акривию, аскетизм, и северная — нужно служить князю, ища его компромиссам христианское подтверждение, идя на всевозможные компромиссы (Александр Невский).

Е. Анисимов (*Народ у эшафота*, «*Звезда*», 1998, №11) описывает историю публичной казни в России, отмечая резкий перелом в начале XIX в.: если еще просвещенный Болотов счастлив, что поближе подобрался к месту мучительной казни, то в следующем столетии уже трудно найти желающего стать не только палачом, но и свидетелем казни.

По-прежнему лидирует по числу статей *девятнадцатый век*.

А. Сахаров (Александр I и Аракчеев, «*Отечественная история*», 1998, №4) полагает, что Аракчеев не был антиподом либеральных настроений, был просто великолепным военным, слишком независимым и прямолинейным в отношениях с придворными, подчеркивающим свое бедняцкое прошлое. Автору нравится, что Аракчеев не был таким радикалом, как декабристы, поэтому он считает его как минимум не консерватором. Его максимализм в угнетении крестьян военных поселений Сахаров целиком относит на счет «системы в целом».

З. Смирнова (Проблема разума в философской концепции Чадаева, «Вопросы философии», 1998, №11) отмечает, что творчество мыслителя надо рассматривать в контексте тогдашнего европейского «религиозного ренессанса». Она считает, что он ближе к сен-симонистам, чем к Шеллингу и де Местру, своим духом искания, неудовлетворенностью наличным состоянием религии.

Г.Г. Лисицына (Князь Д.И. Лукомский и его дневник, «Звезда», №7, 1998) публикует дневник российского майора за время его службы на Кавказе в 1850—1852 гг. Сентиментальный майор плачет, вспоминая о жене, точнее, проливает «благодетельную росу, освещающую стесненное сердце», «садит» цветы, возмущается сжиганием аулов, скучает. Умер на Кавказе же.

Я. Гордин (Кавказ: земля и кровь, «Звезда», 1998, №10) описывает жестокости русской армии при завоевании Чечни, когда на горцев смотрели как «на неизбежное зло», которому лучше всего просто умереть.

О. Гнатюк (Консервативный либерализм и философско-социологическая методология «основного дуализма» П.Б.Струве, СОЦИС, 1998, №7) анализирует взгляды знаменитого мыслителя, отмечая свойственное тому стремление к научной точности одновременно с метафизической направленностью. Основным дуализмом истории идей, по Струве, является дуализм необходимости и свободы (как жизни — дуализм жизни и смерти, этики — дуализм долга и склонности). Философский дуализм реализма и номинализма Струве преображает в социологический дуализм универсализма-сингуляризма. Социализму коллективистскому (дурному, платонову и марксову) Струве противополагает социализм индивидуалистический.

Е.Тахо-Годи, В.Троицкий в статье «Духовная Русь» — неосуществленная религиозно-национально-философская серия» («Вестник РХД», №176) воссоздают проект А.Лосева по изданию серии брошюр в момент его личного «славянофильства», в марте 1918 г. Второй в серии должна была стать отдельно изданная статья Бердяева «Духи русской революции».

Дм. Мальков («Звезда», №7, 1998) дает биографический очерк Алексея Ремизова. **В. Белоус** (Изгнание скифа, «Вестник РХД», №175) описывает чудесное избавление от ареста в 1941 г. Иванова-Разумника и его эмиграцию.

Послереволюционный период истории России является по-прежнему предметом не столько исторических исследований, сколько горячих публицистических споров и воспоминаний.

Дневник Н.С. Таганцева, знаменитого юриста, сын которого дал имя делу, по которому был расстрелян Гумилев, публикуется в «Звезде», №10, 1998 — с предисловием В.Черняева. Читать страшно: расстрел сына насиливаются на постоянный голод, чувство крушения не только личного, но и мира вообще. Элегантно сделаны примечания: персоналии разбиты на два списка — один большой, нормальных людей, другой маленький — чекистов, к которым Таганцев ходил по делу сына.

О. Никитина (Судьба чекиста, «Звезда», №7, 1998) дает очерк жизни Льва Захарова-Мейера, своего кузена-чекиста. Хотя семья пострадала от чекистов и сын Никитиной скончался в борьбе с органами уже в советское время, она скорбит о революционном фанатизме социалистов-антисталинистов, кото-

рый растворяется ныне в «аполитизме и религиозной мистике их поздних потомков».

Профессор МГУ В. Попов (1941: *Тайна поражения*, «Новый мир», 1998, №8) опровергает концепцию В. Суворова об агрессивных замыслах Сталина и утверждает, что разгром 41-го был результатом мести советских генералов за чистку армии диктатором. Комментарий Ю. Кублановского: «Сам Сталин пусть с запозданием, но сориентировался и успел ввести в коммунистическую идеологию фермент спасительного патриотизма. В нашем народе проснулись духовные ресурсы, оказались уже выкорчеванные большевизмом. И тогда мы начали побеждать».

Погромная рецензия С. Ломинадзе («Вольными мазками», «Новый мир», 1998, №8) на книгу Э. Радзинского о Сталине.

Кавторанг *Октябрь Бар-Бирюков* (так!) в очерке «Расстрелянный Буревестник» («Знамя», 1998, №7) описывает историю восстания и гибели в ночь с 8 на 9 ноября 1975 г. в Риге противолодочного корабля «Сторожевой» — точнее, замполита Валерия Саблина. Корабль вышел из повиновения, хотя накануне участвовал в морском параде. Очерк составлен в основном в результате опросов свидетелей. На корабле не было боеприпасов, капитан просто хотел настоящего, не коррумпированного коммунизма. Пытаясь выяснить имена «сообщников», Саблина в Лефортово пытали (выбили зубы, повредили правую руку). Его расстреляли уже 3.08.1976. Кумиром Саблина был Петр Шмидт, но отзыва Шмидтова его дело не получило. Он по сей день не реабилитирован.

Воспоминания А. Баранович-Поливановой («Несколько штрихов из жизни 50—60-х», «Знамя», 1998, №9) рисуют культурную жизнь Москвы с точки зрения переводчицы: эпидемии библиофилии (собрать все «Литпамятники!»), знакомство с Солженицыным и обыски, дружба с Д. Паниным.

Сергей Потылицын («Ум и безумие», «Знамя», 1998, №8) описывает, как он в 1968 г. отказался идти в армию в знак протеста против вторжения в Чехословакию. Особый колорит воспоминаниям придает то, что действие происходит в Чегеме. Его признали невменяемым. В психбольнице он провел шесть лет. Автор мягко подчеркивает, что психиатрия в России не изменилась, оставшись карательной.

Из воспоминаний А. Солженицына («Угодило зернышко промеж жерновов», «Новый мир», 1998, №9) отметим о «Континенте»: «Я представлял себе Максимова в русских сыновних чувствах определенное, чем он был... И само название подсказал: «Континент» (76); о конфликте из-за первого номера журнала (Синявский и его «Россия-суга»): «В следующие два-три года он («Континент») станет престижным пространством для их (эмиграции) честолюбивого скученья, гула, размаха рук... Впрочем, противобольшевицкую линию Максимов выдерживал вполне» (87). Тайная встреча с митр. Антонием Блумом: «Спрашивает совета об общей линии поведения... Но что я могу ему посоветовать? только жесткое решение: громко и открыто оповещать весь мир, как подавляют Церковь в СССР! Он отшатывается: это же — разрыв с Патриархией, и уже невозможность влиять с нынешней кафедры. А мне, еще в размахе противоборства, непонятно: как же иначе сильней в его положении послужить русскому православию?» (60).

Восьмой номер «Звезды» составлен из воспоминаний о жизни в 1970-е гг. Константин Иванов (Отец Сергей (Желудков) и А.А. Ванеев, «Звезда», №8, 1998) описывает свое знакомство с двумя активными фигурами православной жизни 1970-х гг., отмечая любовь Желудкова к Бердяеву. Вспоминает, как Шпиллер говорил о белибердяевщине, называет книги Бердяева мостом к вере, который, приля, можно и сжечь. Восторженно говорит о своих беседах с Желудковым и Ванеевым, но пересказать содержание бесед не берется.

Л. Гуревич (Неофициальные художники 70-х: время натиска, «Звезда», №8, 1998) описывает подпольную художественную жизнь Петербурга, а Л. Жмудь (там же) — жизнь студентов-историков «между официозом и «либеральной» наукой. Он считает «либерализм» интеллигентии скорее идеологическим пороком, ориентированностью на власть, отмечает принципиальную разницу между профессионализмом Аверинцева и изобилием нелепостей у Фрейденберг и Лосева, тяготеющим «скорее к виенаучности, чем к антинаучности». Он считает печальной неизбежностью, что истина мало кого интересует, люди боятся критиковать кумиров (Лотмана, Пятигорского и пр.), мало интересуются истиной «безотносительно ко злобе дня», а ведь «невозможно служить многим богам одновременно».

О той же эпохе — «Фрагменты воспоминаний» Юлии Эйдельман («Печаль моя светла...», «Звезда», №8, 1998), которые замечательны откровенностью и энергичностью, позволяя почувствовать атмосферу жизни Натана Эйдельмана.

Недавнее прошлое России нередко становится для публицистов органическим мостом к пониманию современной России, фундаментальные проблемы социального, политического и духовного бытия которой — постоянный предмет размышления отечественных политологов, социологов, культурологов, философов и прочих представителей нашей общественной мысли.

Феликс Новиков (Память, поминки и памятники, «Знамя», 1998, №12) с позиций архитектора вспоминает погребальные советские (и не только) традиции, подымаясь до обобщения: советская власть была антисоветской, самоубийственной, кончила убийством СССР. Автору жалко СССР, и он предлагает поставить ему надгробный памятник.

Ю. Ковалев (Битники, «Звезда», №7, 1998) анализирует явление битников к их полувековому юбилею (движение сформировалось в 1948, перестало считаться репрезентативным к 1958, в Англии имело параллель в виде «сердитых юношей»). Битники сделали разобщение не только морально-социальным принципом, но и эстетическим. Разобщенные уходят от конфронтации, они чистые отрицатели, против всякого приоритета классового, корпоративного, национального в ущерб человеческому, личному.

Близок по предмету, очень краток и очень содержателен очерк Александра Шмелева «Молодежные культурные и социальные движения в России» (СОЦИС, 1998, №8): описания даны выразительно, по соизмеримым параметрам. Правда, автор сам руководит движением Первое Свободное Поколение, откуда в очерке ненужный субъективизм.

Семен Файбисович («Сотвори себе кумира», «Знамя», 1998, №7) выясняет причину скульптурного бума в разоряющейся стране. Это обнажение архаической, языческой сакральности. Под предлогом увековечивания героев басен

воздвигаются тотемы. «Идолище Петра напоминает Родосский колoss». Массово изготавливаются памятники с обнаженными фаллосами (Высоцкий). Он предупреждает безнадежно: «Пространство языческого поклонения подозрительно часто становится местом человеческих жертвоприношений».

Олег Полукеев (Таланты и законники, «Знамя», 1998, №10), советник налоговой службы, обсуждает проблему налогов, жалуясь, что налоговикам мало платят, критикуя нехороших сограждан за нежелание платить, а особенно за нежелание «поспорить с государством», пытаясь уменьшить сумму налогов — писатель, к примеру, «имеет право вычесть из лиззаработков» много каких расходов. «То, что налоговики на сей счет помалкивают, вполне естественно», — после такого заявления, выдающего абсолютное непонимание азов этики, дальнейшие рассуждения о необходимости платить налоги, воспринимаются плохо.

Почему граждане не хотят давать государству деньги, видно из статьи **М. Чулаки (Страна рискованного правосудия, «Звезда», №7, 1998)**, который описывает пытки в милиции, беспомощность протестов прессы и формулирует «единственный выход: единым приказом уволить всю милицию России — от министра до последнего постового — и набирать заново новую милицию». «Принимать необходимые законы, чтобы выбирать судей и шерифов уже завтра». И быстро.

Проблемы отношения Запада и Востока, прежде всего — России и США, а впрочем и Европы, ставятся прежде всего социологами, а уж решаются, кажется, всеми желающими — в меру их темперамента.

И. Прусс (Общие человеческие ценности, «Знание — сила», 1998, №7) описывает различия жизненных ценностей у американцев и русских. Обеспеченность у русских на пятом месте, у американцев — на двадцатом, честность — на восьмом и втором соответственно. Ссылается на статью А. Голова в сб. «Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения». На первом у русских безопасность семьи, как и у американцев. Почтение к родителям и старшим у русских на третьем, у американцев на пятом. Духовность у американцев на семнадцатом, у нас на тридцать седьмом, вера в Бога у них на 13-м, у нас на 35-м, терпимость у них на 18-м, у нас на 42-м. У нас ценность порядка в обществе на 6-м, у них на 40-м, долг у нас на 11-м, у них на 15-м, здоровье у нас на 2-м, у них на 19-м. Общий вывод автора: общего больше, чем расхождений (!)

Андрей Зубов (Единство и разделения современного русского общества: вера, экзистенциальные ценности и политические цели, «Знамя», 1998, №11) анализирует результаты социологического исследования, проведенного в апреле 1997 г. Институтом социологического анализа (опрос 1593 человек во всех регионах, автор Т. Кутковец). Исследователи, формируя опросник, исходили из веберовской модели протестантской этики, противопоставляя ей феодализм — православно-аскетический набор ценностей (с оговорками, что речь идет не о догматических системах, а о культурных комплексах). На каждый вопрос формулировался ответ «протестантский», «православный» и «секулярный», вненравственный и циничный. Например, вопрос об отношении к жизни включал ответ «протестантский»: живем только раз, поэтому надо отвечать за свои поступки; «православный»: живем только раз, поэтому не надо тратиться на мирские соблазны; секулярный: живем только раз, поэтому нужно стараться наслаждаться

жизнью. 66% выбрали протестантский ответ, 8% — православный, 25% — секулярный. С возрастом циничная позиция убывает, протестантская и православная усиливаются. По образованию: протестантская позиция свойственна более образованным людям. Вообще же «протестантская жизненная позиция абсолютно доминирует во всех референтных группах российского общества». То же относится в отношении «к радости и горю» — можно радоваться, по мнению 58%; не следует безоглядно радоваться, жизнь суетна — 23%; надо радоваться безоглядно, секулярная позиция, 18%. Аналогичные цифры по другим вопросам, которые представляются лишь иными формулировками все той же концепции. (Работа — нравственная необходимость, тяжелое бремя, источник получения денег; свобода — наше задание, тяжкое бремя, от которого лучше отказаться, право человека). Образ православия задан в вопросах несколько карикатурный, это не православие, а глупое ханжество, которого в реальной жизни действитель но много. За «протестантизм» выдается обычный здравый смысл, он же «общий».

Святослав Григорьев (17-летние россияне 1997 года: сочетание либеральных и антилиберальных ориентаций, СОЦИС, 1998, №8) описывает исследование, которое было проведено совместно с американцами в апреле 1997 г. и охватило более 4000 тысяч молодых людей трех возрастов (17, 24, 31). В вопросе о том, должно ли государство регулировать доходы богачей, мнения разделились почти поровну (чем старше, тем антилиберальней, среди 31-летних за регулирование 50%, среди 17-летних 37%). Та же зависимость от образования: государственники доминируют в ПТУ. За продажу земли без ограничений выступает 25%, за ограничения 53%, против продажи вообще 10%. Радикалов более всего в поселках городского типа. Среди предпочтений на первом месте идут идеи свободы личности и порядка, но при этом в понятие свободы вкладывается несколько фашистское содержание. Автор с горечью признает, что это «отражает... актуальную проблематику политической жизни современной России, где именем свободы личности, законности и порядка достигнуты противоположные результаты». Демократию как власть народа трактуют лишь 10%. Сильна жажда сильного лидера.

С. Переслегин (О геополитическом положении Европы, «Звезда», 1998, №12) анализирует «Европу» как «привычный нам способ существования», индустриальную цивилизацию, выросшую из Римской империи. Восток — неподвижность, Юг — религиозность, Запад — терпимость к противоречиям, адогматизм. Автор считает, что на Западе активно сужают пространство свободы, потому что там преследуют сексуальные приставания к сотрудникам и не дают в Германии «изучать историю второй мировой войны в отрыве от личности Гитлера». Защита авторских прав нарушает свободу распространения информации, визы нарушают свободу передвижения, «контролируется каждый доллар». Ужас. «Что может противопоставить Юг милитаристской машине Запада?» Партизанскую войну. Автор надеется на появление кого-нибудь вроде Аттилы или Тимура.

После этого неудивительно, что В. Тишков (Забыть о нации: Пост-националистическое понимание национализма, «Вопросы философии», 1998, №9) предлагает вообще отказаться от понятия нации либо разрешить любой группе людей называть себя нацией, но лучше все-таки именно забыть «во имя народов, государств и культур».

Наглядной иллюстрацией антizападнических настроений может служить статья Т. Сенюшкиной «Одухотворяющее преобразование жизни». Религиозность и государственность в русском правосознании» («Москва», 1998, №9). Величие духа и слава страны важнее благополучия. Право есть мистическая, а не радио-нальная реальность. Православие не заражено католическим практицизмом. В России внутреннее доминирует над внешним.

Тема Востока и Запада вообще в последнее время как-то приувяла в либеральной печати, зато энергетика патриотов растет: О. Платонов в статье с интригующим названием «Почему погибнет Америка» («Наш современник», 1998, №9) отмечает, что за последние годы объездил всю Америку, говорил с сотнями американцев и убедился: США — эпицентр иудейско-масонской цивилизации, созданный «еврейскими работогорвцами». «Христианство в США с самого начала их зарождения было подавлено иудейским духом стяжательства».

В. Шингарев (Дым отечества, «Дружба народов», 1998, №7) описывает жизнь дачного поселка, безобразия подмосковной жизни и с изумлением — русского из Эстонии, который приехал было сюда строить дом, да и уехал. Объяснения «эстонца», вполне вразумительные (не может жить там, где ложь и убийство считаются нормой) автора почему-то не удовлетворяют.

В. Малахов (Идентичность, диалог, ответственность: о философии нашего общения, «Дружба народов», 1998, №11) призывает к примирению русских с украинцами через признание русскими своей ответственности за несчастья Украины.

Марк Фейгин (Закавказский узел, «Новый мир», 1998, №9), зам. главы самарской администрации, анализирует российские интересы в Закавказье и вообще национальные конфликты в СССР. Особо подробно рассматривается судьба Армении. Упрекает Запад за сдачу Вьетнама, ливанских христиан, Восточного Тимора — чтобы развеять иллюзии неких неназванных русских, считающих политику Запада моральной. Коммунисты христианским народам предпочитали исламских фундаменталистов в силу общности идеиной (нелюбовь к свободе).

Все материалы 9 номера журнала «СОЦИС» посвящены Белоруссии, причем над социологами явно господствуют определенные политические предпочтения (по которым Лукашенко хороший, а его оппоненты ставят личное выше общественного). Любопытна только статья Лидии Новиковой (Основные характеристики динамики религиозности населения) о религиозном возрождении в Белоруссии по исследованию Белорусского госуниверситета в октябре 1997 г. (4983 опрошенных). Исследователи заранее выделили четыре основных типа религиозного сознания: просто верующие в Бога (40%), верующие в сверхъестественные силы, «квазирелигиозное сознание» (6,8%), колеблющиеся (26,6%), атеисты (17,2%). Оплотом религиозности остается село (57,6%), резко возрастает религиозность после 60 лет (со средних 40% до 65%). Больше неверующих среди бедняков и женщин. Регулярно посещают церковь 43% католиков, 15% православных, «христиане вообще» 7,4%, изредка посещают церковь 47% католиков, 66% православных, 67% «христиан вообще». С протестантизмом отождествляют себя лишь 0,4% населения. Авторы считают, что не подтвердилась гипотеза В. Гараджи, выдвинутая в 1992 г., о том, что носители колеблющегося религиозного сознания уже никогда не придут в

большинстве своем к традиционной религии — напротив, долго пребывать в неустойчивом положении оказались способны немногие.

Внутренние социальные и политические проблемы современной России:

З. Голенкова (*Динамика социоструктурной трансформации в России*, СОЦИС, 1998, №10) анализирует изменения в структуре российского общества. С 1991 сократилось число работоспособных жителей России (с 73,8 до 72,8 в 1997 г.), причем появилось 6,8 млн. безработных. Доля занятых сократилась в 1,13 раз, доля занятых в науке сократилась в 1,5 раза. На 1,3 выросла доля управленцев, почти в два раза — занятых в финансовой сфере. Официально доля частной собственности составляет 68%. Углубляется социальное и региональное неравенство (в Москве — 400% по отношению к среднероссийскому). Средняя зарплата в газовой промышленности — 392% к средней вообще, в сельском хозяйстве — 46%, в науке — 82% (автор не учитывает, что ученых нет скрытых источников дохода, как у крестьян): Доходы 10% наиболее обеспеченных в 12,8 раз выше доходов 10% наименее обеспеченных (на Западе разрыв в 4—5 раз). Прожиточный минимум занижен в два раза, это минимум не проживания, а выживания, живут ниже порога бедности более 60% населения. Исчезает зависимость труда и оплаты, важно не кто и как работает, а где. По доходам население делится на богатых (0,7% — средства позволяют вести самостоятельную экономическую деятельность), состоятельных (5,3% — средств достаточно для приумножения капитала), обеспеченных (15,8%), малообеспеченных (57%), неимущих (20%). Правящая элита составляет до 0,5%, верхний слой 6,5%, средний слой, включая офицерство, 20%, базовый слой — 60%, нижний — 7%, социальное дно — 5%. «Социальная структура российского общества выглядит как «придавленный к основанию треугольник» (в отличие от «лимиона» в развитых странах или «Эйфелевой башни» в латиноамериканских странах), в котором особое значение приобретает не срединная часть, а маргинальность» (с. 84).

Уже не социологическими, а чисто художественно-публицистическими средствами Марк Костров (*Житие на Кармяной*, «Новый мир», 1998, №8) описывает жизнь в деревне на Мсте, Новгородчина, в духе Уолдена. Правда, если Торо главной целью ставил доказать, что может прожить собственным трудом, то Костров жил целиком благодаря некоему мастеровитому и добром Калашникову, который поставил ему «вигвам». Обходился тоже, в отличие от Торо, не минимумом — или, во всяком случае, в минимум включил самогонку. «Соберемся ли мы вновь в Центре России ... не растворимся ли в других народах? Нет, дудки, убережемся!» Новгород — центр России? Хороша была самогоночка.

После 17-го августа с ностальгией читается статья З. Голенковой и Е. Игитханяна *«Средние слои в современной России»* (СОЦИС, 1998, №7), предмет которой в одноточье испарился. Основу статьи к тому же составил опрос 1996 по Калмыкии (Элиста), причем в основе выделения средних слоев лежит величина семейного бюджета и удовлетворенность этой величиной. Исследование не выявило при этом каких-либо реальных различий между «средним слоем» и другими.

Людмила Степанова. *Социальная символика России*. (СОЦИС, 1998, №7). После панорамного обзора символологии XX в. автор анализирует опрос о том,

каковы современные символы России (в массовом сознании). Молодежь в качестве трех главных символов называла двуглавого орла, медведя, щит и меч. Из исторических личностей предпочтение (с огромным отрывом) занимает Петр Великий, наиболее осуждается Сталин. Однако Петру отдают предпочтение скорее как абстрактной фигуре, когда же спрашивают, кто есть истинный гражданин России, предпочтение отдается Сахарову (24%), Солженицыну и Петру досталось по 7%.

Журнал «Вопросы философии» (1998, №7) публикует *материалы конференции «Личность и власть»*. В. Кантор критикует власть за то, что она отбирает у человека «право на неучастие в делах режима». Г. Зимон (*«Заметки о политической культуре в России»*): в России элитизму противостоит анархизм диссидентов, консенсусу — раскол. Шансы демократии невелики. В. Сендеров (*«Унижение и достоинство человека»*): в мире борются две традиции, сократовская, со смехом относящаяся к трагедии, и Христова, противоположная — просто не замечающая вопроса власти с высоты метафизики. Автор вспоминает свой и Шарапанского лагерный опыт борьбы за Библию. «Мы — часть христианского мира (т.е. Европы). И мы — особая часть христианского мира: наследники Византии». Д. Фельдман (*«Лидер в ситуации политического конфликта»*) отмечает мифологизацию политического лидера в России, считая ее «необходимой, но к счастью, недостаточной предпосылкой утверждения во власти». А. Игнатьев (*«Идололатрия государства»*) критикует патерналистское отношение к власти, средство коммунистов и фашистов на этой почве.

С. Пыхтин (*«Время новых русских»*, «Москва», 1998, №8), главный редактор журнала «Золотой лев», призывает воссоединить страну (Прибалтику включая). «Надо ли доказывать, что равноправные, респектабельно-уважительные дискуссии с врагами и изменниками совершенно недопустимы? Когда они, к сожалению, происходят, общество оказывается в ложном положении. Ему приходится мириться с тем, что на собственной территории, в своей среде заводятся обычай межгосударственной псевдодипломатии, рассудочности, лицемерия. Предательство не осуждается». «Русским надо не только воссоединить суверенные русские земли, но и заселить их преимущественно русским населением». Требуется не менее 500 млн русских. Православие есть сверхидея, но требуется дополнить его русизмом, патриотизмом, милитаризмом, реваншизмом. Писать эти слова автор не стесняется.

В. Зинченко (*«Психология доверия»*, «Вопросы философии», 1998, №7) критикует современную русскую власть за безнравственность (Гайдар в том числе), констатирует наступление эры всеобщего недоверия.

На этом фоне духом кротости веет от рассуждений Евгения Ихлова (*«Как фишку ляжет»*, «Знамя», 1998, №7) — всего-то о желательности и неизбежности выдвижения Ельцина президентом на третий срок. Если же он избираться не будет, сценарий выборов останется прежним: главный Демократ против главного антиреформатора. У России четыре пути: иракский, южноевропейский (демократический застой), восточно-азиатский (бюрократический капитализм), западноевропейский (самый маловероятный). Он призывает быть «демоптимистом», стараться дорсти до свобод, полученных в 1990—1991 гг.

В. Пантин (Ритмы общественного развития и переход к постмодерну, «Вопросы философии», 1998, №7) анализирует «волны модернизации России» и прогнозирует наступление контреформ, так как не следовало слепо копировать «иностранные образцы».

«Звезда» (№8, 1998) публикует отрывки из книги Бориса Вахтина (1930—1981) «Этот спорный русский опыт» с предисловием Юлия Кима. Самиздатская публицистика 1978 г., еще полусоциалистическая, вольтеровско-антиклерикальная, обличающая Солженицына (очень-очень мягко) за преклонение перед магией слова, за христианский утопизм. Программа Сахарова обсуждается и отмечается как незрелая. Своя программа сформулирована невнятно.

А. Вершик (Наука и тоталитаризм, «Звезда», №8, 1998), бывший математик, ставший диссидентом, оплакивает удушение науки большевиками и измену интеллигентии либерализму после прихода свободы. Даже тех, кто верен идеалам либерализма, вовсе не слышно.

Б. Капустин — «Свобода от государства» и «свобода через государство»: о нелиберальности посткоммунистической России и ответственности либералов. («Вопросы философии», 1998, №7) — с самого начала признается, что не знает, могли ли события после августа 1991 г. развиваться как-то приличнее. Либералы ответственны за происшедший провал, но и провал не абсолютен, все лучше, чем раньше, и ответственность лежит не только на либералах.

Ю. Каграманов («Жестоких опытов сбирая поздний плод»: Кое-что о роли знания в истории, «Новый мир», 1998, №10) считает, что после падения СССР исчезли в стране остатки идеализма, анализирует отличия номенклатуры сталинской от большевиков-ленинцев (менее культурны), говорит об ограниченности научного знания, разочаровании в науке масс, вытекающем отсюда интересе к оккультизму. Цитирует И. Ильина. «Коллективные переживания» обусловливают знания. Призывает к «ответственно существенному мышлению, способному к глубинному, объемному видению мира и человека». Что это такое — не объясняет.

Кажется, впрочем, что под «ответственным мышлением» в России, как правило, понимают полицмейстерское мышление. С поразительной синхронностью различные представители различных отраслей знания и действия взывают в запретительству.

Р. Апресян (Филантропия: милостыня или социальная инженерия? — ОНИС, 1998, №5) заявляет, что общество должно ограничивать филантропические организации, чтобы не попасть от них в зависимость (чтобы те не стимулировали антисоциальную деятельность). Он предлагает семь критериев «хорошей» благотворительности (например, п. 2 предусматривает обязанность фонда не дублировать работу других фондов или координироваться с ними, п. 3 — «компетенция сотрудников и экспертов фонда должна соответствовать уровню лучших институтов...»). Думается, любой из этих пунктов может угробить любой фонд, хотя автор желает лишь «поставить заслон на пути дилетантской, самодеятельной и мелочной филантропии». Особый комизм статье придает то, что она написана на деньги фонда Сороса, хотя этот фонд, не будучи мелочным, вряд ли бы смог доказать российским чиновникам еще и то, что он не самодеятельный и не дилетантский.

В. Лапаева (Обнародование результатов исследований общественного мнения как объект правового регулирования, СОЦИС, 1998, №8) требует, в сущности, жесткой предварительной цензуры на социологические исследования, оговаривая, что ситуация столь плоха, что «для исправления полученных деформаций необходимо зачастую руководиться принципом: «не перегнешь — не выпрямишь». Намерения у автора благие (в качестве примера провокационного и порочного по методике опроса она приводит вопрос по телевидению: «Верите ли вы в то, что евреи совершают ритуальные убийства» — звонили в основном, конечно, истово верующие в это антисемиты). Но в то, что запрет поможет делу, а не навредит, верится с трудом.

4. Религиозная мысль

История религии и особенно русского православия остается предметом рассмотрения не только церковных авторов (к сожалению, перестал выходить журнал «Альфа и Омега», журнал «Истина и жизнь» перестал публиковать сколько-нибудь серьезные материалы, так что пространство дискурса тут резко сократилось).

О. Орлик («Русская духовная миссия в Пекине в первые десятилетия XIX в.», «Новая и новейшая история», 1998, №6) описывает историю миссии под руководством Н. Бичурина и П. Каменского.

В. Шохин (Святитель Филарет, митрополит Московский и «Школа верующего разума» в русской философии, «Вестник РХД», №175) анализирует деятельность Дроздова по реформе русской духовной школы, отмечая его стремление приучить студентов к самостоятельному мышлению.

Еще не подошел юбилей Пушкина, а уже пропел А. Корольков (Религиозность Пушкина как явление русской культуры, «Вестник РХД», №175): «Пушкин полнее и подлиннее, чем кто бы то ни было другой, выразил глубины русского духа». Цитаты из Ивана Ильина и Вл. Соловьева.

Н. Бонецкая (Борьба за Логос в России в XX веке, «Вопросы философии», 1998, №7) описывает споры имяславцев, их влияние на Флоренского.

В. Гайдук в статье «Диалог России с Ватиканом на рубеже XIX—XX вв. по новым архивным материалам» («Новая и новейшая история», 1998, №6) отмечает путаницу в простом вопросе о времени установления дипломатических отношений России и Ватикана. Реально первый русский представитель при Ватикане появился в 1801 г., отношения были прерваны с 1865 по 1894 гг., тогда были только «официозные представители». В 1894 г. в Ватикан прибыл А.П.Извольский, причем его визит совпал с публикацией энциклики папы об объединении церквей, которая единственная была напечатана в России в виде удобной и недорогой книжки (Энциклика папы Льва XIII об объединении церквей. СПб., 1895). Четыре года спустя, в феврале 1898 г., Лев XIII принял для беседы писателя П.Боборыкина (стенограмма беседы сохранилась) и убеждал его в своей готовности признать за восточными христианами даже их догматические особенности. Папа действовал в пользу русско-французского союза. Неизбрание Рамполы крайне разочаровало русских. Пий X высказался против догматических уступок. Николай II стал единственным монархом, который никогда не поздравлял Папу

даже с новым годом и не выразил соболезнований о его кончине. Католики ответили суждениями о России как «царстве диавола», «gubernium diabolicum». Папа запретил издание журнала «Рим и Восток», первый номер которого выпустило экуменически настроенное Гrottafferatское аббатство в 1910 г. Тут была яркая статья принца Макса Саксонского с критикой папской восточной политики как слишком агрессивной и надменной. При папе Бенедикте XIV представитель министра иностранных дел Сазонова Сватковский имел беседу с генералом иезуитов Владимиром-Дионисием Ледоховским в октябре 1916 г. Беседа прошла благожелательно, но реальных последствий не имела. Сазонова услали послом в Лондон, брусиловский прорыв охладил прорусские симпатии Ватикана, которому Австрия все-таки была роднее.

Мария Мирчинк «Дело смоленских церковников» («Вестник РХД», №175). Воспоминания, написанные палеонтологом в конце 1950-х, о ее брате, который был расстрелян в Смоленске за сопротивление (якобы) изъятию церковных ценностей.

О духе можно много сказать цифрами. **И.В. Журавлева, З.И. Пейкова (Религиозность российских и финских подростков, СОЦИС, 1998, №10)** описывают исследование 1997 г. (опрос в Хельсинки 1396 чел, в России — в Москве, Оренбурге, Абакане — 1004 чел.). В 1870 г. в Финляндии было 98% протестантов, православных 1,96%, католиков 0,04%. Сейчас протестантов 85,8%, остальные пропорции изменились соответственно. Авторы не ставят под вопрос валидность статистики государственной религии. В России сейчас религиозность молодежи 16-17 лет составляет 64%, превышенная в полтора раза средний уровень по стране. В рамках опроса, в целом посвященного здоровью подростков, задавался вопрос о роли религии в жизни, по которому очень важную роль религия играет в жизни 10% подростков Москвы, 9,3% в среднем по России, и 6,2% в Финляндии; «достаточно важную» — 37,1% в России, 20,8% в Финляндии, не очень важная — 41,1% в России, 27,9% в Финляндии; не играет роли — 12% в России, 24,4% в Финляндии. Преобладает аморфный тип, в России больше верующих сознательно. Наименее религиозны финские юноши, наиболее религиозны российские девушки (44,2%). Меньшая религиозность финской молодежи связана, видимо, с тем, что там в школах не так преобладают девушки, как в русских. Русские подростки в 2 раза чаще финнов подвергаются психологическому давлению родителей, особенно родителей-атеистов. Но чаще отвечают положительно на вопрос о желании уйти из дома дети религиозные (12% против 9% в целом по России). Русские верующие считают себя менее общительными, чем в среднем русские подростки, финны — наоборот. Авторы объясняют это больше интровертностью православной этики, протестантизм якобы направлен «на внешнюю активность». «Чем религиознее русский, тем он конформнее, и чем религиознее финн, тем он нонконформнее». В целом среди подростков обеих стран нонконформизм преобладает, но в Финляндии больше (80% против 62%). У русских преобладает умеренный нонконформизм, у финнов — крайний. В России более низко оценивают себя верующие, в Финляндии — наименее религиозные. У русских подростков «с падением религиозности растет интерес к деньгам в ущерб духовным ценностям. Самый низкий уровень у атеистов. В Финляндии даже

глубоко верующие отдают предпочтение деньгам. Религиозный нигилизм финнов достигает 67%, у русских только 21%. Русские, даже атеисты, чаще считают необходимым сохранять религиозные ценности.

Вяч. Репин публикует беседу с еп. **Василием Родзянко «Вера и неверие Льва Толстого»** («Новый мир», 1998, №7). Родзянко ссылается на свои беседы с Антонием Храповицким, инициатором отлучения, подчеркивает, что это было именно отлучение, а не признание «отпадения». Родзянко довольно смело критикует Первый Вселенский собор, заявляя, что понятие единосущия было принято епископами по невежеству, но зато выразило сущность любви Отца и сына. Родзянко считает, что Толстой не был горд, «это была внутренняя застенчивость. Толстой как бы чрезмерно ощупывал себя» и потому стал себе врагом. Тут же (впервые) **воспоминания американки Изабеллы Хэшгуд** о ее прогулке с Толстым по Москве в декабре 1888 г.

Сергей Филатов, Людмила Воронцова (**Судьба католицизма в России**, «Иностранный литература», 1998, №11) дают очень сжатый очерк русского католичества, считая, что если в 19 в. оно привлекало в основном секуляризованные аристократию и интеллигенцию, то в 20 — православных (в качестве примера упоминается община Вл. Никифорова как созданная «последователями и учениками православного священника Александра Меня». Возродился польский национализм и недовольство им у русских католиков, налицо тенденция к русификации западной Церкви, что авторы объясняют любопытно: «Долго получать удовольствие от ощущения себя иностранцем в своей собственной церкви человек не может». Новые русские католики не склонны по-чаадаевски противопоставлять Россию и Запад, их психология ближе к психологии «христиан вообще».

Еще одна статья **Филатова и Воронцовой** (**Татарстанское евразийство: еврисклам плюс европравославие**, «Дружба народов», 1998, №8) описывает религиозную ситуацию в Татарии, либеральную политику местного православного епископа Анастасия, разрешающего богослужение на чувашском.

Василий Судаков (**Неотправленные письма из Устюжны**, «Звезда», 1998, №11) продолжает начатое в июньском номере журнала публицистическое обличение показной набожности нынешних вождей-посткоммунистов.

Марина Новикова (**Время и вечность**, «Новый мир», 1998, №12) критикует книгу А. Нежного «Допрос Патриарха» за истеричность интонаций, якобы гарантирующую рыночный успех. Истинная христианская Россия не интересуется «церковным закулисием», она стоит «на огородике, на козе Машке, на тетке Дарье (той — безотказной, твардовской) да на Господе Боге. А Он обитает в церкви неподалеку, и местный «батюшка» знает к Нему путь. И ежели поколеблется еще и вера в этого, именно в этого «батюшку», так тетка Дарья повесится, коза без нее издохнет, и кончится Россия». Слишком Нежный критикует духовенство — Россия от этого кончится. А надо «на шок истории» отвечать «доверием к бытию» (видимо, включая и доверие к иудам-стукачам), нужно «доверие к историко-национальному, историко-церковному, а хотя бы и к историко-державному аспектам того же бытия». Про козу, надо сказать, было жалостливее, хотя тоже не убедительно.

На грани литературоведения и религиоведения балансирует Станислав Яржембовский (О «язычестве» Бродского, «Звезда», 1998, №11). Он отмечает, что Бродский, не имея профессиональной лингвистической подготовки, обожествил язык. Бродский неверно толкует интуиции Одена и Рильке о языке и язычестве. Сомнительно, что Бродский прав, утверждая что все ценное в мире становится литературой. «Говоря о внелитературной основе мира, необязательно даже иметь в виду трансцендентного библейского Бога. Можно ведь иметь в виду и... музыку». «Почему же у него не было веры? Может быть, как раз потому, что он уже был поэтом». Автор говорит об Орфее, имея в виду Бродского.

И. Крекшин («Вестник РХД», №176) защищает «либералов» от нападок в книге «Современное обновленчество — протестантизм «восточного обряда» (М., 1996).

А. Г. Кочетков (Книга о Николая Афанасьеве «Служение мирян в Церкви» и современность, «Вестник РХД», №176) призывает «преодолеть в «афанасьевской» экклезиологии остатки влияния тесно между собой связанных юридизма, магизма, онтологизма, идеализма и организмизма». В частности, он призывает отойти от механистичности в понимании действенности таинств, различать среди верующих неофитов и «утвержденных», отмечая, что второе состояние вовсе не обязательно само собой следует из первого с течением времени. Автор предлагает резко расширить учительное служение мирян в Церкви, отмечая его особым постановлением на служение.

(Подробный обзор журнала «Православная община» за последний год редакция предполагает дать в следующем номере.)

Архивные публикации

«Не верю в пространство, не верю во время, разделяющее нас». Л.Ю. Бердяева. Письма к Е.К. Герцык. «Новый мир», 1998, №7. С. 173—183. Публ. Т.Н. Жуковской.

«Вестник РХД», №175 публикует письма митр. Евлогия кн. Г. Шаховскому, а главное — отдельно письмо С. Протопопова митр. Владимиру о последних днях Евлогия. Здесь Протопопов упоминает, что 5.07.1946 навестил болеющего, и он на вопрос о здоровье ответил: «Нравственно я очень страдаю — с Москвой неладится. Обманули меня, тяжело мне».

Переписка Максима Горького и Сталина: «Новый мир», 1998, №9.

Борис Григорьев. «Все тот же, русский и ничей...». Письма Евг. Замятину. «Знамя», 1998, №8.

Письма Надежды Мандельштам к Лидии Гинзбург с 1959 г. («Звезда», 1998, №10)

Юрий Олеша. Литературные дневники. — «Знамя», 1998, №7.

П.П. Перецов. Воспоминания о Розанове («Новый мир», 1998, №10).

Дорогие читатели «Континента»!

Нам снова, как и в предыдущем номере, приходится просить извинения за то, что и этот номер «Континента» вы получите с опозданием — и достаточно на этот раз большим, в июне вместо марта.

Опоздание и на этот раз объясняется, увы, теми же причинами, что опоздание 98-го номера, где мы уже рассказали о том, в какой ситуации оказался «Континент» после августовского катаклизма, который обрушил нашего давнего и верного спонсора — «Инкомбанк».

К сожалению, последствия этого обвала для нас до сих пор до конца еще не преодолены, хотя и этот номер, вслед за предыдущим, вы пусть и с опозданием, но все-таки держите в руках. И, как видите, — даже в несколько измененном формате, на котором мы — планируя будущее и по предложению нашей типографии — перешли, поскольку он позволяет при том же расходе бумаги, цене на которую выросла почти катастрофически, размещать в журнале больший объем печатных текстов.

Редакция выражает твердую надежду на то, что следующий, 100-й номер «Континента» вы получите в июле, то есть с совсем небольшой уже задержкой против графика, а 101-й и 102-й — соответственно в сентябре и декабре, то есть по графику.

Эту уверенность дает нам не только то, что нам уже обещана финансовая поддержка (помимо той, которая уже имеется и за которую мы благодарим на второй титульной странице) со стороны Кёльнского университета (Германия) и итальянской фирмы ENI, а с рядом других западных и российских предпринимательских и благотворительных структур ведутся обнадеживающие переговоры, но также и то, что редакция считает делом своей чести и твердо намерена в любом случае — даже если ей

и впредь, как это уже происходит после августовского «дефолта», придется до конца года работать, что называется, на одном энтузиазме — выполнить все свои обязательства перед подписчиками, так что они непременно получат все номера журнала, на которые подписались.

Тем не менее мы снова готовы повторить то, о чем уже писали в предыдущем номере: мы были бы сердечно признательны всем тем, кто в прошлом был «льготным» читателем «Континента», но кто теперь найдет для себя возможным, несмотря на все наши опоздания, поддержать журнал и оформить собственную на него подписку на второе полугодие 1999 г. Тем более, что эту подписку можно оформить и в течение всего июня и июля (поскольку журнал по графику должен выходить в конце каждого квартала), а каталожная цена (в каталоге «Роспечати») осталась пока прежней — самой низкой за номер по сравнению со всеми другими «толстыми» журналами.

Такая поддержка журнала нашими читателями была бы нам сегодня особенно важна — и материально, и, что еще важнее, морально.

Редакция «Континента»

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

«КОНТИНЕНТ»

принимается во всех отделениях связи России.
Наши подписные индексы в каталоге «Роспечати»

73218

и

71682

(годовая подписка)

Поскольку очередные номера журнала выходят в конце каждого квартала, подписка на «Континент» на второе полугодие 1999 года может быть осуществлена в течение июня и июля 1999 года.

Каталожная цена подписки на «Континент», самый «толстый» журнал России, намного ниже, чем на любой другой «толстый» журнал.

В помещении редакции «Континента» ежедневно (кроме субботы и воскресенья) с 12.00 до 15.00 можно оформить льготную подписку на журнал с любого номера и на любой срок на условиях самостоятельного получения выходящих номеров в редакции.

* * *

«КОНТИНЕНТ»

высылается по индивидуальным заказам агентством
«Книга-сервис» — тел.: (095) 129-29-09

Жители Москвы и Московской области
могут покупать выходящие номера журнала в редакции

* * *

«КОНТИНЕНТ»

приглашает на льготных условиях распространителей
и рекламных агентов

**В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ ЖУРНАЛА «КОНТИНЕНТ»
РЕДАКЦИЯ ПРЕДПОЛАГАЕТ ОПУБЛИКОВАТЬ:**

Новые стихи

Елены Аксельрод
Татьяны Бек
Ефима Бершина
Валентины Ботевой
Эльмиры Котляр

Владимира Лапина
Инны Лиснянской
Игоря Меламеда
Игоря Петрова
Олега Чухонцева

Роман Сергея Алиханова «Гон».
Повесть Анатолия Азольского «Патрикеев».
Повесть Сергея Бабаяна «Катехизис отца Михаила».
Христианскую драматическую эпопею Иона Друцэ
«Апостол Павел»
Повесть Евгения Федорова «Проклятье».

Новые повести и рассказы

Василия Аксенова
Ирины Васюченко
Юлия Кима
Рээт Куду

Владимира Маканина
Евгения Попова
Ольги Постниковой
Вячеслава Пьецуха

В разделах
РОССИЯ, РЕЛИГИЯ и ГНОЗИС

- Материалы Чтений памяти В.Е. Максимова «Прошлое, настоящее, будущее России» (Москва, июнь 1997, Вашингтон, июнь 1998).
- Материалы из архива «Континента» (парижский период)
- Статьи и очерки Сергея Аверинцева, Игоря Виноградова, Андрея Зубова, Михаила Кураева, Якова Кротова, Ирины Петровской, Ларисы Пияшевой, Лидии Польской, Григория Померанца.

В разделах
ПРОЧТЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ, ИСКУССТВО

- Статьи и очерки Павла Басинского, Игоря Виноградова, Евгения Ермолина.
- Беседы о современном искусстве с Сергеем Арцыбашевым, Анатолием Васильевым, Аллой Демидовой, Валерием Евдокимовым, Сергеем Женовачем, Евгением Колобовым, Эриком Неизвестным, Кареном Шахназаровым, Сергеем Юрским.

В юбилейном 100-м номере «Континента»
будет опубликован библиографический указатель
содержания журнала
за 25 лет его существования.

Художник *В. Лаврентьев*
Компьютерный набор и верстка *М. Егоровой*

ЛР №066469

Подписано в печать 31.05.99. Формат 84x108/32. Бумага типографская.
Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 17,6. Тираж 3500 экз. Заказ № 472.

Почтовый адрес редакции:
119136, Москва, а/я 69

Контактные телефоны редакции:
(095) 201-57-41, 240-84-86

Отпечатано в Московской типографии № 13 Комитета РФ по печати.
107005, Москва, Денисовский пер., 30

сийской мафиозно-номенклатурной псевдodemократии, способной привести страну к тотальной катастрофе, — **это Ваш журнал**;

— Если Вы сознаете, что возрождение России невозможно вне общих для современной цивилизации измерений демократии и либеральной экономики, способной стимулировать развитие национального производства, науки и культуры, обеспечить надежную социальную защиту и гражданский порядок, но при этом отдаете себе отчет и в том, как гибельны поиски таких путей не в русле органического для России опыта ее истории, ее духовных традиций и ее самосознания, а по чужим образцам и вехам, — **это Ваш журнал**;

— Если Вам дороги наши национальные традиции, духовная и культурная уникальность России, но Ваше национальное достоинство оскорбляет всякий крен в сторону шовинизма, ксенофобии, националистических мессианских или имперских амбиций, — **это Ваш журнал**;

— Если Вы, будучи верующим или неверующим, понимаете, как много может сделать Русская Православная Церковь для возрождения России, но видите всю опасность намечающегося опять сращения ее с государством и трансформации в своего рода духовно-идеологическое ведомство при нем; если Вы приветствуете только подлинную свободу ее деятельности в обществе, несовместимую ни с какими правовыми конфессиональными привилегиями ни для нее, ни для других конфессий и ни с каким подчинением ее собственной жизни тотальной фундаменталистской политизации, диктатуре и казарменности, — **это Ваш журнал**;

— Если Вы открыты в искусстве любым формальным поискам вплоть до чисто игровых эстетических конструкций, но отстаиваете при этом приоритет его духовно-эстетической содержательности; если Вы стоите на том, что духовное безразличие и тем более ценностно-нравственный релятивизм разрушительны для него, а потому Вам и сегодня дорога классическая русская культурная традиция, всегда исходившая из признания высокой духовной значимости искусства как формы творческого искания и утверждения Истины, Добра и Красоты, — **это Ваш журнал**;

— И даже если, наконец, Вы по каким-то из этих позиций и не совпадаете с нами, но готовы их обсуждать и Вам важно знать, какие точки зрения на этот счет существуют, — **это всё равно Ваш журнал**. Потому что, как уже сказано, именно готовность к серьезному обсуждению любых проблем — наш непременный и важнейший принцип. «Континент» всегда хотел бы оставаться и в этой области континентом порядочности, честности и добросовестности, журналом подлинной культуры дискуссий, терпимости и уважения к любому добросовестному мнению, какое бы мировоззрение, религию или культуру оно ни выражало. Это всё тоже входит в наш журнальный кодекс чести, и всё это мы тоже имеем всегда в виду, когда говорим о «Континенте» как о журнале, который хотел бы и всегда стремится быть журналом **христианской культуры**.

"КОНТИНЕНТ" №99, 336 стр., подписной индекс 71628